

EDWIN HUNT | STEPHEN KING

PROSELYTIC

Мобильник...

Он есть у каждого — у мужчин и женщин, у стариков и детей.

Но — что, если однажды чья-то злая воля превратит мобильники в источники смерти и ужаса?!

Если десятки тысяч ни в чем не повинных людей в одночасье падут жертвой «новой чумы», передающейся через сотовые телефоны?!

Немногие уцелевшие вступают в битву с кошмаром.

Но чтобы победить зло, с ним надо встретиться лицом к лицу!

- [Стивен Кинг](#)

-

- [Импульс](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)

- [Молден](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)

- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)

- [Академия Гейтена](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [21](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)

- [Розы увядают, этот сад погиб](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)

- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)

○ [Кент-Понд](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)

○ [Мобилобинго](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)

○ [Червь](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)

○ [Кашвак](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [8](#)
- [9](#)

- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)

- [Резервное копирование](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)

- [Благодарности](#)

- [notes](#)

- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)

- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)

- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)

- [126](#)
 - [127](#)
 - [128](#)
 - [129](#)
 - [130](#)
 - [131](#)
 - [132](#)
 - [133](#)
 - [134](#)
 - [135](#)
 - [136](#)
 - [137](#)
 - [138](#)
 - [139](#)
 - [140](#)
 - [141](#)
 - [142](#)
 - [143](#)
 - [144](#)
 - [145](#)
 - [146](#)
 - [147](#)
 - [148](#)
 - [149](#)
 - [150](#)
 - [151](#)
 - [152](#)
 - [153](#)
 - [154](#)
 - [155](#)
 - [156](#)
-

Посвящается Ричарду Матесону^[2] и Джорджу Ромеро^[3]

Ид^[4] не терпит неудовлетворения. Ид всегда ощущает напряжение нереализованного желания.

Зигмунд Фрейд

Человеческая агрессия инстинктивна. Люди не развили в себе ритуальную агрессию — запретные механизмы, обеспечивающие сохранение вида. По этой причине человек рассматривается как крайне опасное животное.

Конрад Лоренц^[5]

Теперь вы меня слышите?

«Верисон»^[6].

Цивилизация скатилась во вторую эпоху темных веков по кровавой дорожке, что в общем-то неудивительно, но со скоростью, какую не мог представить себе даже самый пессимистичный футуролог. Слово только и ждала этого момента. 1 октября Бог пребывал на небесах, индекс Доу-Джонса равнялся 10 140 пунктам, большинство самолетов летело по расписанию (за исключением тех, что приземлялись и взлетали в Чикаго, но ничего другого от этого аэропорта и не ждали). Двумя неделями позже небо вновь принадлежало только птицам, а фондовая биржа стала воспоминанием. К Хэллоуину все крупные города, от Нью-Йорка до Москвы, смердели под пустынными небесами, и воспоминанием стал уже весь мир, каким был прежде.

Событие, которое стало известно как «Импульс», произошло первого октября в три часа три минуты пополудни, если брать восточное поясное время ^[7]. Термин, разумеется, неправильный, но через десять часов после события большинство ученых, которые могли бы на это указать, или погибли, или сошли с ума. В любом случае название едва ли имело хоть какое-то значение. В отличие от последствий.

В три часа того же дня в Бостоне, на восток по Бойлстон-стрит, шагал почти вприпрыжку молодой человек, еще не оставивший заметного следа в истории человечества. Звали его Клайтон Ридделл. Чувство глубокой удовлетворенности, которое читалось на его лице, в полной мере гармонировало с пружинистостью походки. В левой руке он держал ручки плоского портфеля с защелками, как у саквояжа, в каких художники носят свои рисунки. Пальцы правой обматывала тесемка, стягивающая горловину коричневого пластикового пакета для покупок с рекламным текстом «*маленькие сокровища*», который мог прочитать любой, у кого возникало такое желание.

В пакете, который болтался взад-вперед, находился маленький круглый предмет. Подарок, подумали бы вы и не ошиблись. Вы могли бы также предположить, что этот Клайтон Ридделл — молодой человек, который с помощью «маленького сокровища» намерен одержать маленькую (может, даже совсем и не маленькую) победу, и вновь попали бы в десятку. В пакете лежало довольно-таки дорогое стеклянное пресс-папье с белым пушистым одуванчиком по центру. Клайтон купил эту вещицу по пути из дорогого отеля «Копли-сквер» в более скромный «Атлантик-авеню инн», где остановился. Его напугала цена, девяносто долларов, указанная на ярлычке, приклеенном к основанию пресс-папье, а еще больше осознание, что он может позволить себе такую покупку.

Ему пришлось призвать на помощь все свое мужество, чтобы протянуть продавщице кредитную карточку. Он сомневался, что решился бы на такое, если бы покупал пресс-папье себе; пробормотал бы что-нибудь насчет того, что передумал, и выскочил бы из магазина. Но пресс-папье предназначалось Шарон. Ей нравились такие безделушки, и она по-прежнему любила Клайтона. «Я буду болеть за тебя, беби», — сказала она ему за день до отъезда в Бостон. Учитывая всю грязь, которую они вылили друг на друга за последний год, эти слова тронули его сердце. И теперь он хотел тронуть ее, если оставалась такая возможность. Пресс-папье, конечно, вещица маленькая («маленькое сокровище»), но он не сомневался, что ей понравится нежный пух одуванчика в центре стеклянного шара, эдакий крошечный клочок тумана.

Звяканье колокольчиков привлекло внимание Клая к небольшому фургону, передвижному магазинчику, торгующему мороженым. Он припарковался напротив отеля «Времена гола» (еще более роскошного, чем «Копли-сквер»), рядом с Бостон Коммон [8], городским парком, который занимал два или три квартала по этой стороне Бойлстон-стрит. Борт украшало написанное всеми цветами радуги над двумя пляшущими рожками с мороженым название компании: «МИСТЕР СОФТИ». Трое мальчишек сгрудились у окошка в ожидании сладкого, ранцы с учебниками лежали возле ног. За школьниками стояли женщина в брючном костюме с пуделем на поводке и две девочки-полростка в джинсах с «низкой» талией, с «Ай-подами» [9] и наушниками, которые в тот момент висели на шее, потому что девочки шептались между собой явно о чем-то серьезном, без хихиканья.

Клай встал за ними, превратив маленькую группу в короткую очередь. Он купил подарок жене, с которой еще не развелся, но уже жил врозь, по пути домой намеревался заглянуть в «Комикс суприм» и приобрести сыну новый номер «Человека-паука». А значит, мог побаловать и себя. Его распирало от желания поделиться новостями с Шарон, но он не мог связаться с ней до ее возвращения домой, в три сорок пять или чуть позже. Он полагал, что ему придется болтаться в гостинице как минимум до телефонного разговора с Шарон, в основном кружа по номеру да поглядывая на защелкнутый портфель. Так что мороженое от «Мистера Софти» обещало более приятное времяпрепровождение.

Продавец обслужил трех мальчишек: два шоколадных батончика «Дилли» и чудовищно большой рожок с шоколадно-ванильным мороженым для богатенького спонсора, который стоял по центру и, очевидно, платил за всех. Пока тот копался в мятых долларовых бумажках, которые достал из кармана модных мешковатых джинсов, рука женщины во «властном костюме» [10], прогуливающей пуделя, нырнула в сумочку на плече, чтобы вновь появиться уже с сотовым телефоном (женщины во «властных костюмах» больше не выходят из дома без сотового телефона, соседствующего с кредитной карточкой «Америкэн экспресс»). Мгновением позже женщина уже откинула крышку мобильного. За их спинами, в парке, гавкнула собака и закричал человек. В крике Клай радости не уловил, но, обернувшись, увидел нескольких людей, прогуливающих по дорожкам, собаку, которая бежала, зажав в пасти фрисби («Разве их не положено брать на поводок?» — подумал он), акры залитых солнцем зеленых лужаек и манящую тень под деревьями. Парк представлялся идеальным местом, где человек, только что продавший свой первый графический роман [11] и его продолжение (и то и другое за огромную сумму), мог посидеть и съесть рожок с шоколадным мороженым.

Когда Клай повернул голову, трое мальчишек в мешковатых джинсах уже ушли, а женщина во «властном костюме» заказывала сандей [12]. У одной из девочек, что стояли за ней, мобильник цвета перечной мяты висел на бедре, женщина поднесла свой к уху. Клай подумал, как думал всегда, на том или ином уровне сознания, если сталкивался с подобным поведением, что нынче это действие стало нормой, тогда как раньше считалось чуть ли не нестерпимым оскорблением (да, даже если при этом ты проводил маленькую сделку с совершенно незнакомым тебе человеком).

Вставь этот эпизод в «Темного скитальца», милый, сказала ему Шарон. Та ее ипостась, которую он держал в голове, говорила часто и требовала, чтобы ей не мешали высказываться. То же самое отличало и реальную Шарон, и не имело значения, жили они вместе или по отдельности. Но по сотовому телефону она ему ничего сказать не могла. Потому что его у Клая не было.

Мобильник цвета перечной мяты заиграл первые аккорды мелодии «Крейзи фрог», которая так нравилась Джонни. Она называлась «Аксель Эф»^[13]? Клай не мог вспомнить, возможно, потому, что отсекал такую информацию. Девочка, которой принадлежал телефон, сдернула его с бедра. «Бет? — Послушала, улыбнулась, посмотрела на подругу. — Это Бет». Вторая девочка наклонилась вперед, теперь слушали обе, с одинаковыми прическами под фею (для Клая они выглядели как персонажи мультфильмов, которые показывают утром в субботу, скажем, из «Энергичных девчонок»), которые синхронно покачивались в такт дуновениям послеполуденного ветерка.

— Мэдди? — практически одновременно сказала в трубку женщина во «властном костюме». Пудель самодовольно сидел на конце поводка (красного, посыпанного блестками), глядя на проносящиеся по Бойлстон-стрит автомобили. На другой стороне улицы, у отеля «Времена года», швейцар в коричневой униформе (они всегда одевались в коричневое или синее) махал рукой, вероятно, останавливая такси. «Утка»^[14], набитая туристами, проехала мимо, высоченная, такая неуклюжая на суше, водитель рассказывал в микрофон о чем-то историческом. Две девочки, которые слушали мобильник цвета перечной мяты, переглянулись, дружно заулыбавшись чему-то из услышанного, но не захихикали.

— Мэдди? Ты меня слышишь? Ты...

Женщина во «властном костюме» подняла руку, в которой держала поводок, и всунула палец с длинным ногтем в свободное ухо. Клай поморщился, опасаясь за барабанную перепонку женщины. Представил себе, как рисует ее: собака на поводке, «властный костюм», модная короткая стрижка... и маленькая струйка крови, вытекающая из-под пальца в ухе. «Утка», проезжающая мимо, и швейцар на заднем плане. Такие детали всегда прибавляли картинке достоверности. Конечно же, их видел каждый.

— Мэдди, ты куда-то пропадаешь! Я только хотела тебе сказать, что постриглась в этой новой... постриглась... ПОСТ...

Продавец в «Мистере Софти» наклонился вперед и протянул женщине стакан с сандеем. Из стакана поднимался белый Монблан, залитый по бокам шоколадным и клубничным сиропом. Бородатое лицо продавца оставалось бесстрастным. Оно говорило о том, что он все это уже видел. Клай не сомневался, что видел, и скорее всего не раз. В парке кто-то закричал. Клай опять обернулся, говоря себе, что это должен быть крик радости. В три часа пополудни, в солнечный день, в лучшем бостонском парке могли кричать только от радости. Ведь так?

Женщина сказала Мэдди что-то неразборчивое, отработанным движением кисти закрыла мобильник. Бросила в сумочку и застыла, просто стояла, словно забыла, что она здесь делает, а может, и где находится.

— С вас четыре доллара пятьдесят центов. — Продавец терпеливо держал в вытянутой руке стакан с сандеем. Клай еще успел подумать, до чего же все дорого в этом гребаном городе. Возможно, и женщине во «властном костюме» пришла в голову та же мысль (такое предположение, во всяком случае, возникло у Клай прежде всего), потому что еще мгновение она стояла не шевелясь, просто смотрела на стакан с возвышающейся над ним горой мороженого с залитыми сиропом склонами, как будто никогда не видела ничего подобного.

Новый крик донесся из Коммон, на этот раз уже не человеческий, нечто среднее между изумленным взвизгом и скулежом боли. Обернувшись на этот раз, Клай увидел ту самую собаку, которая несла в пасти фрисби. Собака была большая, с коричневой шерстью, возможно, лабрадор; в породах Клай не разбирался, если ему требовалось нарисовать собаку, он брал иллюстрированный справочник и находил картинку, которая требовалась. Мужчина в деловом костюме стоял рядом с собакой па коленях, крепко держал за шею и (*Конечно же, я не вижу того, что, как мне кажется, вижу*, сказал себе Клай)... грыз собачье ухо. Собака опять

взвизгнула от боли и попыталась вырваться. Мужчина держал ее крепко и, да, собачье ухо было у него во рту, а потом, на глазах Клая, мужчина ухо оторвал. Тут уж собака взвыла совсем как человек, и несколько уток, которые плавали в соседнем прудике, крякая, поднялись в воздух.

— *Ар-р!* — крикнул кто-то за спиной Клая. Вроде бы прозвучало как «Пар!». А может, *барк* или даже *барк*, но увиденное позже привело к мысли, что прокричали именно «ар-р». Не слово, а что-то нечленораздельное, агрессивное.

Он успел повернуться к магазинчику на колесах, чтобы увидеть, как женщина во «властном костюме» всунулась в раздаточное окошко, чтобы добраться до продавца. И ей таки удалось схватиться за складки его свободного покроя белой блузы. Но одного шага назад, продавец сделал его от неожиданности,хватило, чтобы оторвать женщину от блузы. Ее высокие каблуки на считанные мгновения поднялись над тротуаром, Клай услышал шуршание материи, щелчки пуговиц о прилавок перед раздаточным окошком, когда пиджак на груди женщины сперва проехался вверх по прилавку, а потом вниз.

Сандей исчез из виду. Клай увидел пятна мороженого и сиропа на левом запястье и локте женщины, когда ее каблуки вновь цокнули об асфальт. Она покачнулась, колени ее подогнулись. И если раньше Клай видел перед собой отстраненную, хорошо воспитанную, ставящую себя выше других женщину (как он понимал, уличную маску), то теперь прежнее выражение лица уступило место конвульсивной злобе, которая превратила глаза в щелочки и выставила напоказ как верхние, так и нижние зубы. Верхняя губа вздернулась к носу, открыв внутреннюю бархатистую розовую поверхность, такое же интимное местечко, как и влагалище. Пудель выбежал на мостовую, таща за собой красный поводок с петлей для руки на конце. Проезжавший мимо черный лимузин раздавил пуделя, прежде чем тот успел пересечь вторую полосу движения. В одно мгновение пушистый комок превратился в кровавое месиво на асфальте.

Бедняга, возможно, уже лаял в собачьем раю еще до того, как понял, что умер, подумал Клай. Он понимал, что в каком-то смысле состояние у него шоковое, но все это ни в коей мере не отражалось на степени его изумления. Портфель оттягивал одну руку, коричневый пластиковый пакет — вторую, а нижнюю челюсть потянуло к земле собственным весом.

Где-то, если судить по звуку — за углом, на Ньюбери-стрит, что-то взорвалось.

Если прически у девочек с «Ай-подами» были одинаковыми, то цвет волос — нет. Хозяйка мобильного цвета перечной мяты была блондинкой, ее подруга — брюнеткой, феи Светлая и Темная. И вот теперь фея Светлая бросила свой телефон на тротуар — от удара он разбился, и схватила женщину во «властном костюме» за талию. Клай предположил (если он еще мог что-то предполагать), что она хочет остановить женщину, не позволить ей ни вновь попытаться схватить продавца мороженого, ни броситься на мостовую за собакой. В этот момент какая-то часть его сознания даже заплодировала хладнокровию девочки. Ее подруга, фея Темная, попятилась от них, широко раскрыв глаза и сцепив маленькие побледневшие ручки между грудок.

Клай выронил предметы, которые держал в руках, портфель — по одну сторону от себя, пластиковый пакет — по другую, и шагнул вперед, чтобы помочь фее Светлой. На другой стороне улицы (он увидел это краем глаза) автомобиль развернуло и вынесло на тротуар перед отелем «Времена года». Швейцару пришлось отскакивать в сторону, чтобы не угодить под колеса. Из переднего дворика отеля донеслись крики. Но прежде чем Клай подоспел, чтобы помочь фее Светлой удерживать женщину во «властном костюме», девочка с невероятной скоростью, сравнимой с броском змеи, вскинула голову, потянулась вверх, ощерила, несомненно, крепкие юные зубки и вонзила их в шею женщины. Кровь хлынула струей. Девочка-фея подставила под нее лицо, не только умылась кровью, но, возможно, даже хлебнула

ее (Клай практически не сомневался, что хлебнула) и начала трясти, женщину во «властном костюме», как куклу. Женщина была выше девочки и тяжелее фунтов на сорок, но девочка трясла ее так сильно, что голова женщины моталась взад-вперед, отчего кровь хлестала все сильнее. И тут же фея Светлая вскинула залитое кровью лицо к ярко-синему октябрьскому небу, и из ее груди исторгся дикий, торжествующий вопль.

Она рехнулась, подумал Клай. Совершенно рехнулась.

— Ты что? — выкрикнула фея Темная. — Что происходит?

Услышав голос подруги, фея Светлая повернула залитую кровью голову на звук. Кровь капала с короткой челки надо лбом. Глаза превратились в белые круги на кровавом фоне глазниц.

Не так ли? Девочка покачнулась, побежала по тротуару, прямиком на фонарный столб. Не попыталась увернуться, даже не выставила перед собой руки. Ударилась лицом, ее отбросило назад, она покачнулась, потом вновь врезалась в фонарный столб.

— Прекрати! — проревел Клай. Вскочил, побежал к ней, поскользнулся на крови женщины во «властном костюме», чуть не упал, удержался на ногах, споткнулся о фею Светлую, снова чуть не упал.

Фея Темная повернулась к нему лицом. Нос сломан, кровь струится по нижней части лица. Шишка на лбу, увеличивающаяся, как грозовое облако в летний день. Один глаз «сошел с орбиты», закатился под веко. Она открыла рот (плоды дорогостоящих трудов ортодонта пошли прахом) и рассмеялась ему в лицо. Смех этот остался в его памяти навсегда.

А потом, крича, побежала по тротуару.

За спиной Клая заурчал мотор, и колокольчики начали вызванивать мелодию «Улицы Сезам». Он повернулся и увидел, что «Мистер Софти» торопливо отъезжает от тротуара. В этот самый момент на верхнем этаже отеля, который высился на противоположной стороне улицы, вдребезги разлетелось окно. Человеческое тело вылетело в октябрьский день. Упало на тротуар, где какие-то его части разлетелись в разные стороны, какие-то остались на месте. Из переднего дворика донеслись новые крики. Ужаса. Боли.

— *Нет!* — Клай по тротуару побежал за магазинчиком на колесах. — *Нет, вернитесь и помогите мне. Мне нужна помощь, сукин ты сын!*

Продавец, ставший водителем, ничего не ответил, может, не услышал Клая за звяканьем колокольчиков. Клай мог вспомнить слова этой мелодии, из того времени, когда у него не было оснований думать, что его семейная жизнь может дать трещину. В те дни Джонни смотрел «Улицу Сезам» каждый день, сидя в своем маленьком стульчике, сжимая в руках поильник. Что-то насчет солнечного дня, когда облаков нет и в помине.

Мужчина в деловом костюме выбежал из парка, во весь голос вопя что-то нечленораздельное, Полы пиджака развевались за спиной, как крылья. Клай узнал его по «бородке» из собачьей шерсти. Пересек улицу, не обращая внимания на транспорт. Автомобили объезжали его, несколько раз он просто чудом не оказался под колесами. Но добрался до противоположного тротуара, продолжая вопить и размахивать руками. Исчез в тенях под навесом над передним двориком отеля «Времена года». Клай его больше не видел, но, должно быть, мужчина вновь на кого-то набросился, потому что криков в переднем дворике прибавилось.

Клай сдался, отказавшись от дальнейшего преследования «Мистера Софти», остановился, одной ногой на тротуаре, второй — в сливной канаве, наблюдая, как магазин на колесах, все еще звякая колокольчиками, выезжает на среднюю полосу движения Бойлстон-стрит. И уже собиравшись повернуться к лежащей без сознания девочке и умирающей женщине, когда на улице появилась еще одна «утка». Эта не «плыла», а мчалась на полной скорости, в реве двигателя, ее

так и качало с борта на борт. Некоторые пассажиры их безжалостно мотало из стороны в сторону, жалобно скулили, умоляя водителя остановиться. Другие просто держались за металлические стойки по открытым бортам этого неуклюжего уродца, который продвигался по Бойлстон-стрит.

Мужчина в футболке схватил водителя сзади, и Клай вновь услышал тот самый нечленораздельный, агрессивный крик, только теперь усиленный примитивной системой громкой связи «утки», прозвучавший, когда водитель движением плеч отбросил от себя мужчину. На этот раз не совсем «Ар-р» — что-то более гортанное вроде «Гр-р!». А мгновением позже водитель «утки» увидел «Мистера Софти» (Клай мог в этом поклясться) и изменил курс, заходя на цель.

— Господи, пожалуйста, нет! — закричала женщина, которая сидела в передней части «утки», выбиравшей последние ярды, отделявшие амфибию от магазинчика на колесах, торгующего мороженым и в шесть раз уступающего «утке» в размерах. Клай отлично помнил праздничный парад, который смотрел по телевизору в год победы «Ред сокс» в чемпионате страны по бейсболу^[15]. Команда сидела в процессии медленно движущихся «уток» и махала руками восторженной толпе, не обращающей ни малейшего внимания на холодный морозящий осенний дождь.

— Господи, пожалуйста, нет! — вновь взвизгнула женщина, а рядом с Клаем раздался мужской голос, кроткий и тихий: «Господи Иисусе».

«Утка» ударила фургон и отбросила, как детскую игрушку. Фургон приземлился на борт, его громкоговорители продолжали вызванивать мелодию «Улицы Сезам», и заскользил обратно к Коммон, высекая фонтаны искр — результат трения металла об асфальт. Две женщины, которые наблюдали за происходящим с тротуара, бросились прочь, держась за руки, и с трудом успели увернуться. Фургон «Мистер Софти» ударился о бордюрный камень, на какие-то мгновения поднялся в воздух, потом врезался в железный забор, отделяющий парк от тротуара, и замер. Музыка дважды икнула и смолкла.

Тем временем псих, сидящий за рулем «утки», потерял последние остатки контроля над вверенным ему транспортным средством. «Утку» понесло поперек Бойлстон-стрит под дикие крики перепуганных туристов, цепляющихся за стойки по открытым бортам. Амфибия выехала на противоположный тротуар в пятидесяти ярдах от того места, где «Мистер Софти» последний раз звякнул колокольчиками, и врезалась в низкую кирпичную стену под панорамной витриной магазина фешенебельной мебели «Огни города». С громким немзыкальным треском витрина разлетелась вдребезги. Широкий зад «утки» (с надписью «ХОЗЯЙКА БУХТЫ» розовыми буквами) поднялся на пять футов. Инерция стояла за то, чтобы перевернуть амфибию. Масса этого не допустила. Задние колеса вновь коснулись тротуара, «утка» застыла, зарывшись носом в дорожные диваны и стулья для гостиной, но уже после того, как порядка двенадцати человек продолжили поступательное движение, исчезнув как с борта «утки», так и из виду. В недрах «Огней города» завывала охранная сигнализация.

— Господи Иисусе, — повторил кроткий голос у правого локтя Клая. Он повернулся и увидел невысокого мужчину, с редящими темными волосами, крошечными черными усиками и в очках с золотой оправой. — Что происходит?

— Не знаю, — ответил Клай. Разговор давался ему с трудом. С большим трудом. Он обнаружил, что слова приходится выталкивать из себя. Предположил, что причина — шок. По другой стороне улицы бежали люди, одни из отеля «Времена года», другие из разбитой «утки». У него на глазах мужчина, покинувший борт «утки» на своих двоих, лоб в лоб столкнулся с женщиной, выбежавшим из отеля. От удара оба рухнули на тротуар. Клаю не оставалось ничего другого, как задаться вопросом: а может, он сошел с ума и видит галлюцинации, запертый в

палате какого-нибудь дурдома? Скажем, Джунипер-Хилл ^[16] в Огасте, между уколами торазина. — Парень из этого вот магазинчика мороженого сказал, может, террористы.

— Я не вижу людей с оружием, — указал невысокий мужчина с усами. — Или парней в бомбах в рюкзаках.

Не мог углядеть их и Клай, зато видел свой пакет для покупок с надписью «маленькие сокровища» и портфель с рисунками, стоящие на тротуаре. И кровь, которая, вытекая из прогрызенной шеи женщины во «властном костюме» (*Боже, подумал он, как много крови*), почти добралась до портфеля. В нем осталась всего лишь дюжина рисунков к «Темному скитальцу», на, конечно, рисунки эти тут же заняли все его мысли. Быстрым шагом он направился к портфелю. Невысокий мужчина не отставал. Когда включилась вторая охранная (может, и какая другая) сигнализация, добавив хрипловатой резкости к трескотне первой, коротышка подпрыгнул.

— Это в отеле, — уточнил Клай.

— Я знаю, просто... Боже. — Он увидел женщину во «властном костюме», теперь лежащую в озере волшебного вещества, которое вращало все ее шестеренки... когда? четыре минуты назад? или две?

— Она мертва. — Клай вздохнул. — Во всяком случае, я практически уверен, что она мертва. Эта девочка... — Он указал на фею Светлую. — Она это сделала. Зубами.

— Вы шутите.

— Хотелось бы.

Дальше по Бойлстон-стрит что-то громыхнуло. Мужчины вздрогнули. Клай понял, что до него доносится запах дыма. Он поднял с асфальта пакет «маленькие сокровища» и портфель, переставил подальше от лужи крови, все увеличивающейся в размерах.

— Это мое. — Еще произнося слова, удивился, что счел необходимым объяснять свои действия.

Коротышка в твидовом костюме (*Одет-то он с иголочки*, подумал Клай) все еще с ужасом смотрел на лежащее на тротуаре тело женщины, которая остановилась, чтобы купить мороженое, и потеряла сначала собаку, а потом и жизнь. Трое молодых парней пробежали мимо них по тротуару. Смеялись, издавали восторженные крики. Двое в бейсболках «Ред сокс», повернутых козырьком назад. Один нес картонную коробку с напечатанной синим надписью «Panasonic» на боковой поверхности. Он-то и наступил правой кроссовкой в разливающуюся по асфальту кровь женщины во «властном костюме» и какое-то время оставлял за собой сходящий на нет одноногий след. Вся троица продолжила путь к восточному краю Коммон и лежащему за парком Чайнатауну.

Клай опустил на одно колено и свободной рукой, той, что не сжимала ручки портфеля (увидев парня, бегущего с коробкой «Panasonic», он все больше тревожился из-за того, что может потерять портфель), взял фею Светлую за запястье. Пульс нащупал сразу. Медленный, но сильный и регулярный. Почувствовал огромное облегчение. Чего бы ни сделала девочка, она была всего лишь ребенком. Не хотелось думать, что он убил *ее* ударом стеклянного пресс-папье, купленного в подарок жене.

— Посмотрите, посмотрите, — чуть ли не пропел усатый коротышка. Смотреть у Клая времени не было. К счастью, в этот раз быстрота реакции значения не имела. Автомобиль, один из тех большущих внедорожников, что льют воду на мельницу ОПЕК, свернул с Бойлстон-стрит как минимум в двадцати ярдах от того места, где он опустил на колено, снес секцию железного забора и нашел покой, въехав передним бампером в пруд для уток.

Дверца распахнулась, из салона вышел молодой парень, что-то выкрикнув в небо, упал на колени в воду, зачерпнул часть сложенными лодочкой руками и отправил в рот (в голове Клай мелькнула мысль, что утки многие годы радостно срали в этот пруд), потом поднялся и побрел к дальнему берегу. Исчез среди деревьев, размахивая руками и выкрикивая что-то нечленораздельное,

— Нам нужно помочь этой девочке. — Клай повернулся к невысокому мужчине. — Она без сознания, но жива.

— Нам нужно убраться с этой улицы, прежде чем нас задавят насмерть, — ответил мужчина, и словно в доказательство его слов такси врезалось в длинный лимузин неподалеку от заехавшей в мебельный магазин «утки». Лимузин тоже пострадал, но досталось в основном такси. Клай увидел, как водитель вылетел через проем на месте лобового стекла (само стекло вылетело раньше) и приземлился на тротуаре, прижимая к груди окровавленную руку и крича.

Конечно же, правота была на стороне усатого мужчины. Здравомыслие — те его крупницы, которым удавалось прорваться сквозь туман шока, застилавшего разум Клая — однозначно говорило о том, что на данный момент оптимальный вариант действий — покинуть Бойлстон-стрит и где-нибудь укрыться. Если происходящее вокруг — дело рук террористов, то ничего подобного он никогда не видел и о таком не читал. Поэтому ему (*им*) следует лечь на дно и не высываться, пока ситуация не прояснится. Неплохо бы добраться и до телевизора, чтобы узнать, что происходит в других местах. Но ему не хотелось оставлять потерявшую сознание девочку на улице, которая вдруг превратилась в сумасшедший дом. Его душа (и, само собой, цивилизованность) противилась этому всеми фибрами.

— Вы идите. — Слова эти он произнес с неохотой. Да, он впервые видел этого коротышку, но тот по крайней мере не нес белиберду и не размахивал руками. И не бросался на Клая, оскалив зубы. — Укройте где-нибудь. А я... — Он не знал, как закончить фразу.

— Вы что? — спросил усатый, потом поник плечами, и его передернуло, потому что раздался еще один взрыв. На этот раз из-за отеля. Оттуда повалил черный дым, начал подниматься, пятная синее небо, наконец, забрался на такую высоту, что его подхватил ветер и понес прочь.

— Я позвоню копам, — внезапно осенило Клая, — У нее есть сотовый. — Он ткнул пальцем в женщину во «властном костюме», которая уже мертвой лежала в луже собственной крови. — Она звонила по нему перед тем... вы понимаете, аккурат перед тем, как началось все...

Он замолчал, восстанавливая в памяти последовательность событий, предшествующих

всему этому безобразию. Взгляд его переместился от мертвой женщины к потерявшей сознание девочке, потом к цвета перечной мяты обломкам мобильного потерявшей сознание девочки.

Вдали в двух тональностях завывали сирены. Клай решил, что одна разновидность сирен установлена на патрульных машинах, а вторая — на пожарных. Он полагал, что жители Бостона различали эти тональности без труда, но он-то жил в Кент-Понде, штат Мэн, и всем своим сердцем хотел оказаться там прямо сейчас.

А случилось, перед тем как началось все это безобразие, следующее: женщина во «властном костюме» позвонила своей подруге Мэдди, чтобы сообщить, что она постриглась, а фея Светлой позвонила одна из подружек. И фея Темная слушала последний разговор. После этого все три сошли с ума.

Ты же не думаешь...

У них за спинами, на востоке, грохнуло, как никогда раньше: словно кто-то выстрелил из гигантского ружья. Клай вскочил. Он и коротышка в твидовом костюме сначала переглянулись, потом посмотрели в сторону Чайна-тауна и бостонского Норт-Энда. Что там взорвалось, они увидеть не могли, но теперь в той стороне над зданиями поднималось большущее облако черного дыма.

Пока они смотрели на дым, к отелю «Времена года» на противоположной стороне улицы подъехали радиофицированная патрульная машина бостонского полицейского управления и пожарная с раздвижной лестницей. Клай, подняв голову, увидел, как еще один человек выпрыгнул из окна последнего этажа отеля, потом двое полетели уже с крыши. Клаю показалось, что последние норовили ударить друг друга и по пути вниз.

— *Иисус, Мария, Иосиф... НЕТ!* — заголосила какая-то женщина. — *НЕТ! ХВАТИТ! ХВАТИТ!*

Первый из самоубийц упал на заднюю часть патрульной машины, запачкал багажник волосами и ошметками мозгов, выбил заднее стекло. Двое других рухнули на капот и лестницу пожарной машины. Пожарные в ярко-желтых плащах разбежались в разные стороны, словно огромные птицы.

— Нет! — кричала женщина. — *ХВАТИТ! ХВАТИТ! Дорогой ГОСПОДЬ, ХВАТИТ!*

Но вниз, кувыркаясь, как акробат, уже летела женщина с пятого или шестого этажа. Приземлилась на полицейского, который стоял задрав голову. Убила его и погибла сама.

Очередной мощный взрыв раздался на севере, словно дьявол в аду продолжал палить из ружья. Вновь Клай посмотрел на коротышку и наткнулся на его озабоченный взгляд. Все больше дыма поднималось над городом и, несмотря на ветер, небесная синева чуть ли не везде окрасилась в черное.

— Они опять используют самолеты, — сказал коротышка. — Эти паршивые мерзавцы опять используют самолеты.

Словно подтверждая его слова, третий чудовищный взрыв прогремел на северо-востоке.

— Но... там же Логан^[17]. — Клаю снова стало трудно говорить и еще труднее думать. В голове вертелась только одна глупая шутка: *Ты слышал анекдот про (сюда вставляют любимую этническую группу) террористов, которые решили поставить Америку на колени, взорвав аэропорт?*

— И что? — резко спросил коротышка.

— Тогда почему не Хэнкок-Билдинг^[18]? Почему не Пру^[19]?

Коротышка сник.

— Не знаю. Мне понятно только одно: я хочу убраться с улицы.

Похоже, не он один придерживался такого мнения. Еще полдюжины молодых людей пробежали мимо них. Бостон — город молодежи, напомнил себе Клай, здесь так много

колледжей... Эти шестеро, трое юношей и три девушки, хотя бы не тащили награбленное и определенно не смеялись. На бегу один из юношей вытащил из кармана мобильник и поднес к уху.

Клай посмотрел на другую сторону улицы и увидел вторую черно-белую патрульную машину, которая подъехала и остановилась рядом с первой. Необходимость воспользоваться сотовым телефоном женщины во «властном костюме» отпала (и его это только порадовало, поскольку он уже пришел к выводу, что иметь дело с мобильником ему совершенно не хочется). Теперь же он мог просто перейти Бойлстон-стрит и поговорить с копами, да только сомневался, что при сложившихся обстоятельствах решится перейти на другую сторону улицы. А если бы и перешел, пошли бы они сюда, чтобы взглянуть на лежащую без сознания девочку, если по городу количество раненых и травмированных наверняка превзошло все разумные пределы? У него на глазах пожарные начали переводить оборудование в походное состояние. Похоже, собирались ехать в другое место. Скорее всего в аэропорт Логан или...

— Господи Иисусе, остерегайтесь этого типа, — прервал его размышления голос усатого коротышки. Клай посмотрел на запад, на центр города, откуда шел, когда думал, что сейчас главное для него — связаться с Шарон по телефону. Он даже решил, как начать разговор: *Хорошие новости, милая... уж не знаю, как у нас все сложится, но деньги на башмаки для мальчонки будут всегда.* В его голове эта фраза звучала такой легкой и забавной... как в давние времена.

Нынче же ничего забавного не было. К ним приближался (не бежал, но шел большими, решительными шагами) мужчина лет пятидесяти. В брюках от костюма и остатках рубашки и галстука. Брюки были серыми. Определить цвет галстука и рубашки не представлялось возможным, потому что оставшиеся от них лохмотья покрывала кровь. В правой руке мужчина держал, как показалось Клаю, разделочный нож с лезвием длиной восемнадцать дюймов. Клай вдруг понял, что видел этот нож в витрине магазина «Душа кухни», когда возвращался из отеля «Копли-сквер», Ножи разных размеров (перед ними стояла металлическая табличка с выгравированными на ней словами: «ШВЕДСКАЯ СТАЛЬ!») красиво поблескивали благодаря искусной подсветке, но это лезвие поработало на совесть (или без совести) после освобождения из замкнутого пространства витрины и теперь потускнело от крови.

Мужчина в изорванной рубашке, размахивая ножом, приближался к ним все теми же решительными шагами, лезвие, словно маятник, выписывало в воздухе короткие дуги. Лишь однажды он прервал упорядоченную последовательность движений, чтобы полоснуть ножом себя. И новый ручеек крови побежал через еще одну дыру в рубашке. Когда дистанция между ними сократилась до минимума, он обратился к ним, как вышедший из пустыни проповедник, говорящий на языке, ведомом только ему и божественной силе, от которой он слышал это откровение.

— Глазлаб! — крикнул он. — И-и-и-лах-и-и-и-лах-а-баб-балах наз! А-баббалах почему? А-банналу кой? Каззалах! Каззалах-Кан! Фай! Шай-фай! — Рука с ножом пошла вниз, к правому бедру, потом за него, и Клай (с его чрезмерно развитым визуальным воображением) сразу понял, что за этим последует размашистый удар. В живот, на ходу, который не прервет этот безумный марш в никуда через вторую половину октябрьского дня, не заставит сбиться с широкого, решительного шага.

— Берегись! — крикнул усатый коротышка, но сам-то он не берегся, этот усатый коротышка, первый *нормальный* человек, с которым заговорил Клай Ридделл, после того как началось все это безумие (который, если уж на то пошло, заговорил с ним, а для этого требовалось мужество, учитывая обстоятельства), застыл на месте, его глаза за линзами в золотой оправе стали еще больше. И этот безумец направлялся к нему, решив, что из двоих

мужчин уса́тый был меньше ростом, а потому являл собой более легкую добычу? Если так, то, возможно, этот мистер Говорим-на-разных-языках не был таким уж и безумцем. И внезапно к испугу, который испытывал Клай, присоединилась злость, та самая злость, которая могла бы его охватить, если бы, стоя у школьного забора, он увидел, как один из местных хулиганов собирается учить жизни мальчишку, который меньше и младше его.

— БЕРЕГИСЬ! — буквально завопил уса́тый коротышка, по-прежнему не двигаясь с места, а его смерть уже спешила к нему, смерть, освобожденная из витрины магазина «Душа кухни», в котором, несомненно, принимали кредитные карточки «Дайнерс клуб» и «Виза», а также личные чеки, если к ним прилагалась банковская карточка.

Клай не раздумывал. Просто подхватил портфель за обе ручки и сунул его между поднимающимся по дуге ножом и своим новым знакомым в твидовом костюме. Нож пробил портфель, но его острие остановилось в четырех дюймах от живота коротышки. А тот наконец-то вышел из транса и попятился к Коммон, во весь голос пронзительно зовя на помощь.

Мужчина в лохмотьях рубашки и галстука (кожа на щеках и шее начала отвисать, словно пару лет назад его личное уравнение между калорийной пищей и интенсивными физическими упражнениями превратилось в неравенство) резко оборвал свой понятный только ему монолог. На лице отразилось тупое недоумение, не перешедшее, правда, ни в удивление, ни тем более в изумление.

А Клая захлестнула ярость. Лезвие проткнуло картины «Темного скитальца» (для него это были картины, не рисунки, не иллюстрации), и ему казалось, что, протыкая портфель с рисунками, лезвие это вонзилось в особый уголок его сердца. Реакция, конечно же, была неадекватной, учитывая, что у него были копии всех картин, включая и четырехцветные, но он все равно разъярился. Нож безумца проткнул волшебника Джона (названного, естественно, в честь сына), колдуна Флэка, Френка, братьев Поссе, Сонную Джин, Порченую Салли, Лили Астолет, Синюю колдунью и, конечно же, самого Рея Деймона — Темного скитальца. Созданных Клаем фантастических персонажей, живущих в пещере его воображения и призванных освободить своего творца от выматывающей работы учителя рисования в дюжине школ маленьких городков штата Мэн, необходимости ежемесячно наматывать тысячи миль и практически жить в автомобиле.

Он мог поклясться, что услышал их стон, когда нож безумца пронзил портфель, где они спали безмятежным сном.

Вне себя от ярости, не обращая внимания на нож (во всяком случае, в тот момент), он оттолкнул безумца, попер на него, держа портфель обеими руками, используя как щит, и ярость его только продолжала нарастать, когда он увидел, что насаженный на нож портфель еще и выгибается широкой буквой «V».

— Блет! — проревел псих и попытался выдернуть нож из портфеля. Но лезвие сидело крепко. — Блет ку-ям доу-рам каззалах а-баббалах!

— Я сейчас баббалахну твой каззалах, хрен моржовый! — крикнул Клай и поставил левую ногу позади пятящихся назад ног лунатика. Позже ему придет в голову мысль о том, что тело знает, как бороться, когда возникает такая необходимость. Это секрет, который храпит тело, точно так же, как и другие секреты: оно может и быстро бежать, и перепрыгнуть через достаточно широкий ручей, и бросить палку, если альтернативный вариант — умереть. Так что в экстремальной ситуации тело просто берет инициативу на себя и делает то, что нужно, тогда как мозг стоит в стороне и ничего не может, кроме как посвистывать, притоптывать ногой да смотреть на небо. Или, если уж на то пошло, размышлять о том, какой звук издает нож, пронзая портфель, который жена подарила тебе на твой двадцать восьмой день рождения,

Безумец споткнулся о выставленную ногу Клая, как и рассчитывало тело, и упал на спину.

Клай наклонился над ним, тяжело дыша, по-прежнему держа обеими руками портфель, который теперь действительно напоминал помятый в сражении щит. Разделочный нож все так же пронзал портфель, рукоятка находилась с одной стороны, лезвие торчало с другой.

Безумец попытался встать. Но тут к ним подскочил новый друг Клая и пнул безумца в шею, очень даже неслабо. Коротышка громко всхлипывал, слезы катились по его щекам и туманили линзы очков. Безумец вновь повалился на тротуар, изо рта вывалился язык. Между языком и губами просачивались какие-то хрипы. Клаю казалось, что они не так уж и отличаются от слов, которые чуть раньше непрерывным потоком слетали с губ этого психа.

— Он пытался нас убить! — Коротышка продолжал плакать. — Он пытался нас *убить!*

— Да, да, — кивнул Клай. И внезапно вспомнил, что однажды тем же тоном сказал «Да, да» Джонни, давно, они еще звали его Джонни-мальш, когда он пришел к ним с поцарапанными коленками или локтями, плача: «У меня КРОВЬ!»

Лежащий на тротуаре мужчина (у которого крови хватало) уже приподнялся на локтях, вновь попытался встать. На этот раз инициативу проявил Клай, пинком вышиб один локоть под безумца, вернув его на тротуар. Но все эти пипки представлялись временной мерой, и не самой удачной. Клай схватился за рукоятку ножа, поморщился, ощутив на ней еще не свернувшуюся, полужидкую кровь (все равно что провести ладонью по пятну застывшего свиного жира), и дернул. Нож чуть пошел вместе с рукой Клая, потом или остановился, или соскользнула рука. Ему показалось, что он услышал, как в темноте портфеля о чем-то печально шепчутся персонажи, и сам вскрикнул, словно от боли. Ничего не мог с собой поделать. И еще не мог не задаться вопросом: а что он будет делать с ножом, когда вытащит его из портфеля? Зарежет безумца? Клай подумал, что мог бы это сделать в тот момент, когда этот гад проткнул портфель, в состоянии аффекта, но не теперь.

— Что-то не так? — по-прежнему всхлипывая, спросил коротышка. Клая, погруженного в собственные беды, не могла не тронуть звучащая в голосе озабоченность. — Он вас достал? Вы закрыли мне поле зрения, и я несколько секунд его не видел. Он вас достал? Вы ранены?

— Нет, — ответил Клай, — со мной все в по...

Очередной гигантский взрыв донесся с севера, практически наверняка из аэропорта Логана на другой стороне Бостонского порта. Они оба вжали головы в плечи, вздрогнули.

Безумец воспользовался этим моментом, чтобы сесть, и уже поднимался на ноги, когда коротышка в твидовом костюме неуклюже, но эффективно ударил его ногой, угодил по центру разорванного галстука и уложил на асфальт. Безумец взревел и схватил коротышку за ногу. Повалил бы на себя и раздавил в объятиях, если бы Клай не успел схватить своего нового знакомого за плечо и оттащить от безумца.

— У него остался мой ботинок! — завопил коротышка. Позади них столкнулись еще два автомобиля. Криков все прибавлялось, как и воя сигнализаций. Автомобильных, пожарных, охранных. Издалека доносились и полицейские. — Мерзавец стащил с меня бо...

Внезапно рядом возник полицейский. Один из тех, кто приехал к отелю на противоположной стороне улицы, предположил Клай, когда полицейский опустился на колени рядом с что-то лопочущим психом. Клай сразу возлюбил полицейского. Тот нашел время и возможность подойти сюда! Заметил, что у них творится!

— Вы бы с ним осторожнее, — нервно сказал коротышка. — Он...

— Я знаю, кто он, — ответил коп, и Клай увидел, что тот держит в руке табельный автоматический пистолет. Он понятия не имел, достал ли коп пистолет из кобуры после того, как опустился на колени, или все время держал в руке. Переполнившее его чувство благодарности негативно отразилось на наблюдательности.

Коп смотрел на безумца. Низко наклонился к безумцу. Словно предлагал безумцу

наброситься на него.

— Эй, дружище, как дела? — прошептал коп. — Я хочу сказать, что с тобой такое?

Безумец рванулся к копу, его руки сжались на горле слуги закона. И в то же мгновение коп приставил пистолет к виску безумца и нажал на спусковой крючок. Длинная струя крови выплеснулась с другой стороны сидящей головы безумца, и он упал на тротуар, театральным жестом широко разбросив обе руки: «Посмотри, мамик, я умер».

Клай посмотрел на усатого коротышку, и усатый коротышка посмотрел на Клая. Потом оба повернулись к копу, который уже убрал пистолет в кобуру и доставал из нагрудного кармана форменной рубашки кожаные «корочки». Клай порадовался, заметив, что рука, которая доставала «корочки», чуть дрожит. Он уже боялся копа, но этот страх только бы усилился, если бы рука не дрожала. И только что произошедшее на их глазах не было единичным случаем. Выстрел оказал некое воздействие на слух Клая, может, прочистил уши, может, что-то еще. И теперь он уже слышал другие отдельные пистолетные выстрелы, щелчки, пронзающие нарастающую какофонию этого дня.

Коп вытащил из «корочек» белый прямоугольник (Клай подумал, что это визитная карточка) и убрал «корочки» в нагрудный карман. Зажал прямоугольник большим и указательным пальцами левой руки, а правой вновь взялся за рукоятку пистолета. Около его до блеска начищенных ботинок разливалась лужа крови, продолжающей вытекать из простреленной головы безумца. Неподалеку женщина во «властном костюме» лежала еще в одной луже крови, которая уже начала загустевать и темнеть.

— Ваше имя, сэр? — спросил коп Клая.

— Клайтон Ридделл.

— Вы можете сказать, кто сейчас президент?

Клай сказал.

— Сэр, вы можете сказать, какой сегодня день?

— Первое октября. Вы знаете, что...

Коп уже смотрел на усатого коротышку.

— Ваше имя?

— Я — Томас Маккорт, живу в Молдене, Салем-стрит, дом сто сорок. Я...

— Вы можете назвать фамилию человека, который на последних выборах боролся за пост президента и проиграл?

Том Маккорт назвал.

— На ком женат Брэд Питт?

Маккорт вскинул руки.

— Откуда мне знать? Думаю, на какой-нибудь кинозвезде.

— Хорошо. — Коп протянул Клаю белый прямоугольник, который держал в левой руке, действительно визитную карточку. — Я — патрульный Ульрик Эшленд. Это моя визитка. Вас могут вызвать в суд, чтобы вы рассказали о том, что здесь произошло. А произошло здесь следующее: вам потребовалась помощь, я пришел, на меня напали, я отреагировал.

— Вы хотели его убить, — указал Клай.

— Да, сэр, мы, как можем быстро, избавляем этих людей от их страданий. И если вы повторите суду или любой другой ведущей расследование комиссии мои слова и сошлетесь на меня, я буду все отрицать. Но без этого не обойтись. Они появляются везде. Некоторые всего лишь совершают самоубийство. Многие нападают на других. — Он помялся, потом добавил: — Насколько мы можем судить, они все нападают на других, — и словно в подтверждение его слов, с другой стороны улицы донесся пистолетный выстрел, а после паузы еще три, в быстрой последовательности, из крытого переднего дворика отеля «Времена года», который завалило

осколками стекла, изуродованными телами, разбитыми автомобилями и залило кровью. — Это прямо-таки гребаная «Ночь живых мертвецов»! — Патрульный Ульрик Эшленд направился к проезжей части Бойлстон-стрит, не снимая руки с рукоятки пистолета. — Да только эти люди не мертвые. За исключением тех, кому мы «помогли» вот так.

— Рик! — крикнул коп с другой стороны улицы. — Рик, нам нужно ехать в Логан! Всем патрульным машинам! Иди сюда!

Патрульный Эшленд оглядел улицу, но движущихся автомобилей не было. В этот момент на Бойлстон-стрит находились только разбитые машины. Но вот с соседних улиц доносился шум взрывов и столкновений автомобилей. И запах дыма становился сильнее. Коп дошел до середины мостовой, остановился, повернулся к Клаю и Тому:

— Спрячьтесь где-нибудь. В помещении. Один раз вам повезло. В следующий может не повезти.

— Патрульный Эшленд, вы не пользуетесь сотовыми телефонами, так? — спросил копа Клай.

Эшленд смотрел на него с середины проезжей части Бойлстон-стрит, по разумению Клая, не самого безопасного места. Он думал о том, что вытворяла на этой самой улице «утка».

— Нет, сэр. Наши автомобили радиофицированы. У нас есть портативные рации. — Он похлопал по чехлу с рацией, который висел на пояском ремне. Клай, который пристрастился к комиксам, как только научился читать, подумал об удивительном поясе Бэтмена, в котором находилось столько полезного.

— Не пользуйтесь ими, — предупредил Клай. — Скажите другим. *Не пользуйтесь мобильниками!*

— Почему вы так считаете?

— *Потому что они воспользовались.* — Он указал на мертвую женщину и лежащую без сознания девочку. — Аккурат перед тем как рехнулись. И я готов поспорить на что угодно, что этот парень с ножом...

— Рик! — вновь крикнул коп на другой стороне улицы. — Поторопись, твою мать!

— Спрячьтесь где-нибудь, — повторил патрульный Эшленд и поспешил на ту сторону улицы, где высился отель «Времена года». Клай сожалел, что еще раз не сказал копу о вреде сотовых телефонов, но его радовало, что патрульный Эшленд покинул мостовую, ставшую опасной зоной. Правда, он уже понимал, что в этот день опасной зоной стал весь Бостон.

— Что вы делаете? — спросил Клай Тома Маккорта. — Не трогайте его. Возможно, он... ну не знаю, заразный.

— Я и не собираюсь его трогать, но мне нужен мой ботинок.

Ботинок лежал под растопыренными пальцами левой руки безумца, достаточно далеко от лужи его крови. Том осторожно ухватился за каблук и потянул ботинок на себя. Потом сел на бордюрный камень Бойлстон-стрит (в том самом месте, где стоял, по разумению Клая, в другой жизни, магазин на колесах «Мистер Софти») и сунул ногу в ботинок.

— Шнурки порваны, — обнаружил он. — Этот чертов псих порвал шнурки, — и заплакал.

— Попробуйте как-нибудь выкрутиться. — Клай принялся вытаскивать нож из портфеля. Удар наносился с огромной силой, и Клай понял, что нож нужно дергать взад-вперед, чуть-чуть вытаскивать, вгонять назад, а потом опять тащить на себя. Метод срабатывал, но нож выходил неохотно, в чередке возвратно-поступательных раскачиваний, с жутким скрипом, от которого Клая передергивало. И он не мог не гадать, а кому из тех, кто находился внутри, досталось больше всего. Глупые мысли, вызванные исключительно шоком, но он никак не мог от них отделаться. — Сможете завязать ботинок хотя бы на две петли?

— Да, думаю, что...

Клай услышал механический «комариный» писк, который, нарастая, перешел в мерное гудение. Том, сидя на бордюрном камне, вытянул шею, оглядываясь. Клай повернулся к парку. Маленький караван патрульных машин ПУБ^[20], отъехавший было от отеля «Времена года», остановился на уровне магазина «Огни города» и уткнувшейся в витрину «утки». Копы высунулись из окон, когда частный самолет средних размеров, может, «сессна», может, «твин бонанза» — в самолетах Клай не разбирался, — появился над домами между Бостонским портом и Коммон, летя на малой скорости и быстро теряя высоту. Еще через несколько мгновений самолет оказался над парком, его крыло практически чиркнуло по вершине одного из сияющих осенней листвой деревьев, а потом он нырнул в каньон Чарльз-стрит, словно пилот решил, что это посадочная полоса. Потом, менее чем в двадцати футах над землей, самолет взял влево, и крыло ударило по фасаду серого каменного здания, возможно, банка, на углу Чарльз— и Бикон-стрит. Ощущение, что самолет летит медленно, можно сказать, парит, в тот самый момент и исчезло. С огромной скоростью, словно камень, раскрученный в петле пращи, самолет развернуло вокруг крыла, вошедшего в контакт с фасадом, и бросило на соседнее кирпичное здание. И тут же самолет исчез в ярких лепестках красно-оранжевого пламени. Ударная волна пронеслась по парку. Утки улетели раньше.

Клай опустил глаза и увидел, что держит в руке разделочный нож. Он вытащил его, пока вместе с Томом Маккортом наблюдал за крушением самолета. Вытер о рубашку сначала с одной стороны, потом с другой, осторожно, чтобы не порезаться (руки-то тряслись), засунул за пояс, с еще большей осторожностью, по самую рукоятку. Когда он это проделал, на ум пришла одна из его первых попыток по созданию комиксов... мальчишество, право слово.

— Пират Джоксер перед вами, к вашим услугам, моя прелесть, — пробормотал он.

— Что? — переспросил Том. Он уже стоял рядом с Клаем, глядя на горящий самолет в дальнем конце Коммон. Из гигантского костра торчал только хвост. На нем Клай смог разобрать бортовой номер самолета: LN6409B. Надпись над номером вроде бы походила на логотип какой-то спортивной команды.

Потом пропал и хвост.

Клай почувствовал, как первые волны тепла достигли его лица.

— Ничего, — ответил он коротышке в твидовом костюме. — Займемся делом.

— Что?

— Пошли отсюда.

— А-а. Хорошо.

Клай двинулся вдоль южной стороны Коммон, в том самом направлении, в каком и шел в три часа дня восемнадцать минут и вечность тому назад. Тому Маккорту приходилось быстро перебирать ногами, чтобы не отстать. Он действительно был очень маленького роста.

— Скажите, вы часто несете всякую чушь? — поллюбопытствовал он.

— Будьте уверены. Можете спросить у моей жены.

— Куда мы идем? — спросил Том. — Я направлялся к станции «Т»^[21], — и указал на зеленый киоск, от которого их отделял примерно квартал. Там собралась небольшая толпа. — Но теперь не уверен, что это хорошая идея, спустаться под землю.

— Я тоже, — кивнул Клай. — Я снял номер в отеле «Атлантик-авеню инн», в пяти кварталах отсюда.

Том просиял.

— Думаю, я знаю этот отель. На Лоден-стрит, рядом с Атлантик.

— Совершенно верно. Пошли туда. Узнаем, что говорят по телевизору. И я хочу позвонить жене.

— Из номера?

— Естественно, из номера. Сотового телефона у меня просто нет.

— У меня есть, но я оставил его дома. Сломался. Раф... мой кот... сбросил его с кухонного столика. Как раз сегодня я собирался купить новый, но... Послушайте, мистер Ридделл...

— Клай.

— Ладно, Клай. А ты уверен, что звонить из номера по обычному телефону безопасно?

Клай остановился. Такая мысль даже не приходила ему в голову. Но если проводная связь опасна, что тогда могло быть безопасным? Он уже собрался сказать об этом Тому, когда на станции «Т», к которой они направлялись, внезапно началась драка. Оттуда доносились панические крики, вопли и ничего не значащие слова. После встречи с мужчиной, который бросился на них с ножом, Клай уже знал, что эта галиматья — признак безумия. Люди, которые толпились около П-образного парапета из серого камня и уходящих вниз ступеней, бросились врассыпную. Некоторые выбежали на проезжую часть, двое — обнявшись, оглядываясь. Большинство бросилось в парк, все в разные стороны, разочаровав Клая. Куда больше ему нравились те двое, что не расставались и на бегу.

Однако у станции «Т» и все еще на ногах оставались двое мужчин и две женщины.

Клай не сомневался, что именно они поднялись со станции по лестнице и разогнали остальных. Когда Клай и Том остановились в полуквартале, наблюдая за ними, оставшиеся четверо принялись драться друг с другом. Драку эту отличала та самая неистовая, убийственная жестокость, с которой Клай уже сталкивался, а вот разделение на избивающих и избиваемых отсутствовало. Дрались не двое против двоих, не трое против одного и, уж конечно, не «мальчики» против «девочек». Более того, одной из «девочек» была женщина лет шестидесяти пяти, коренастая, со строгой прической, напомнившая Клаю нескольких знакомых ему учительниц, которые приближались к выходу на пенсию.

Они дрались ногами и кулаками, ногтями и зубами, рыча и крича, кружа между полудюжиной лежащих на асфальте людей, то ли потерявших сознание стараниями этой четверки, то ли убитых ими. Один из мужчин споткнулся о чью-то вытянутую ногу и упал на колени. Более молодая женщина тут же набросилась на него. Стоявший на коленях мужчина что-то поднял с асфальта, рядом с верхней ступенькой (Клай несколько не удивился, увидев, что это мобильник), и ударил женщину по лицу. Мобильник разбился, вспоров женщине щеку, кровь полилась на плечо светлого пиджака, но в ее крике ярость преобладала над болью. Она схватилась за уши стоящего на коленях мужчины, как за ручки кувшина, прыгнула на него, целя коленями в нижнюю часть живота, и толкнула назад, в сумрак лестницы, ведущей на станцию «Т». Они исчезли из виду, сцепленные вместе и извиваясь, словно трахающиеся кошки.

— Пошли, — прошептал Том, со странной деликатностью ухватив Клая за рубашку. —

Пошли. На другую сторону улицы. Пошли.

Клай позволил перевести себя через Бойлстон-стрит. То ли Том Маккорт смотрел, куда они идут, предположил Клай, то ли был везунчиком, но до противоположной стороны улицы они добрались целыми и невредимыми. Вновь остановились перед витриной магазина «Колониальные книги» («Лучшие из старинных, лучшие из новых»), наблюдая, как неожиданная победительница битвы при станции «Т» широкими шагами направилась в парк, в сторону горящего самолета. Кровь капала на воротник с кончиков жидких седых волос. Впрочем, Клай не удивился, что из всех четверых на ногах осталась только женщина, выглядевшая библиотекарем или учительницей латинского языка, которой оставался год или два до получения золотых часов^[22]. Он провел с подобными дамами достаточно много времени, чтобы знать: взять верх над теми, кто продолжал учить и в таком возрасте, не представлялось возможным.

Он открыл рот, чтобы поделиться этой мыслью с Томом, как ему представлялось, мыслью остроумной, но из горла вырвался то ли всхлип, то ли хрип. А зрение у него подозрительно затуманилось. Вероятно, Том Маккорт, коротышка в твидовом костюме, был не единственным, у кого возникли проблемы со слезными железами. Клай провел рукой по глазам, вновь попытался что-то сказать, но произнести что-либо, кроме хрипов и всхлипов, не удавалось.

— Все нормально, — заверил его Том. — Поплачь.

Что Клай и сделал, стоя перед витриной магазина, набитого старинными книгами, окружающими пишущую машинку «Ройял», реликтом тех времен, когда эра сотовой связи была еще далеким будущим. Он оплакивал женщину во «властном костюме», оплакивал фею Светлую и фею Темную, оплакивал себя, потому что Бостон не был ему родным, а дом еще никогда не казался таким далеким.

За Коммон Бойлстон-стрит сузилась, а автомобили, разбитые и брошенные, забили ее до такой степени, что они уже могли не бояться лимузинов-камикадзе или нарушающих правила дорожного движения «уток». Хотя это радовало. Со всех сторон гроыхало, трещало, ревело, словно они угодили на празднование Нового года в ад. Звуки эти доносились как издалека, так и раздавались в непосредственной близости: выли автомобильные и охранные сигнализации, но сама улица в этот момент была на удивление пустынна. «Спрячьтесь где-нибудь, — посоветовал им патрульный Ульрик Эшленд. — Один раз вам повезло. В следующий может не повезти».

Но в двух кварталах к востоку и все еще в квартале от отеля (не совсем клоповника) Клая им таки снова повезло. Еще один безумец, на этот раз молодой человек лет двадцати пяти, с накачанными стероидами мышцами, выскочил из проулка прямо перед ними и помчался на другую сторону улицы, перепрыгивая через бамперы столкнувшихся автомобилей, а из его рта непрерывным потоком изливались никому не ведомые слова. В каждой руке он держал по автомобильной антенне и протыкал ими воздух, словно кинжалами, готовый вонзить их в любого, кто встретился бы ему на пути. Бежал он абсолютно голым, за исключением новеньких кроссовок «Найк» с ярко-красными фирменными нашивками. Член мотался из стороны в сторону, как маятник в дедушкиных напольных часах. Бегун добрался до противоположного тротуара и взял курс на запад, к Коммон, его ягодицы сжимались и разжимались в фантастическом ритме.

Том Маккорт уцепился за руку Клая и сжимал ее, пока безумец не убежал, а потом медленно ослабил хватку.

— Если бы он увидел нас... — начал он.

— Да, — согласился Клай, — но не увидел. — Его вдруг охватила какая-то нелепая радость. Он знал, что это чувство пройдет, но пока предпочитал наслаждаться им. Он чувствовал себя как человек, который только что сорвал банк.

— Мне жаль тех, кого он увидит, — вздохнул Том.

— Мне жаль тех, кому он попадет на глаза, — ответил Клай. — Пошли.

Отель «Атлантик-авеню инн» встретил их запертыми дверями.

Клай так удивился, что какое-то мгновение мог только стоять, вновь и вновь сясь повернуть ручку и чувствуя, как она скользит в его руке, пытаясь осознать, что произошло: дверь заперта. Дверь его отеля заперта и не желает открываться.

Том встал рядом, прижался лбом к стеклу, чтобы не мешали блики, прищурился, стараясь разглядеть вестибюль. С севера, определенно из Логана, донесся еще один чудовищный взрыв, но на этот раз Клай только поморщился. А Том Маккорт не отреагировал вовсе. Тома куда больше интересовало то, что он смог разглядеть внутри.

— Мертвый мужчина на полу, — наконец объявил он. — В униформе, но староват для коридорного.

— Мне не нужен человек, чтобы нести мой гребаный багаж, — фыркнул Клай. — Я просто хочу подняться в свой номер.

Том издал какой-то странный звук. Клай подумал, что коротышка вновь плачет, но потом понял, что тот давится от смеха.

В вестибюль вели двойные двери с большими стеклянными панелями. На одной панели красовалась правдивая надпись: «АТЛАНТИК-АВЕНЮ ИНН», на другой — откровенно лживая: «ЛУЧШИЙ ОТЕЛЬ БОСТОНА». Том принялся стучать ладонью по левой стеклянной панели, между надписью «ЛУЧШИЙ ОТЕЛЬ БОСТОНА» и рядом изображений карточек кредитных систем, которые принимали в отеле.

Теперь и Клай приник лбом к стеклу. Вестибюль размерами не поражал. Слева находилась регистрационная стойка, справа — два лифта. Пол устилал красный ковер. Старик в униформе лежал на нем, лицом вниз, одной ногой на диване, а зад ему прикрывала взятая в рамку репродукция, отпечатанная компанией «Каррье-и-Ивс»: плывущий по синему морю парусник.

Хорошее настроение Клая улетучилось как дым, а когда Том со шлепков ладонью перешел на стук кулаком, перехватил его руку.

— Не усердствуй. Они не собираются нас пускать, даже если живы и в здравом уме. — Он обдумал собственные слова, кивнул: — *Особенно если в здравом уме.*

Том в изумлении уставился на него.

— Ты так ничего и не понял, да?

— Что? Чего не понял?

— Времена переменялись. Они не могут нас не пустить. — Он вырвал руку из пальцев Клая, но стучать больше не стал, вновь прижался лбом к стеклу и закричал (Клай подумал, что для такого коротышки голос у него очень даже крикливый): — Эй! Эй, кто-нибудь!

Ему не ответили. В вестибюле ничего не изменилось. Старик коридорный по-прежнему лежал мертвым с картиной на заду.

— *Эй, если вы здесь, вам лучше открыть дверь! Мужчина, который со мной, оплатил номер в этом отеле, а я — его гость. Откройте, а не то я возьму бордюрный камень и разобью стекло! Слышите меня?*

— *Бордюрный камень?* — Клая разобрал смех. — Ты сказал, бордюрный камень? Это круто. — Он смеялся все громче. Ничего не мог с собой поделаться. А потом краем глаза уловил движение слева. Повернул голову и увидел девушку-подростка, которая стояла чуть дальше по улице. Смотрела синими глазами загнанного зверька. На ней было белое платье с большим пятном крови на груди. Кровь также запеклась у нее под носом, на губах, подбородке. Других ран, помимо разбитого носа, вроде бы не было, и выглядела она не безумной, только

потрясенной. Потрясенной чуть ли не до смерти.

— С тобой все в порядке? — спросил Клай. Шагнул к ней, и она синхронно отступила на шаг. С учетом сложившихся обстоятельств винить в этом он ее не мог. Он остановился, но поднял руку, совсем как регулировщик: — Стоп!

Том огляделся, вновь застучал кулаком по стеклу, да так сильно, что оно задребезжало в деревянной раме, а отражение Тома затряслось.

— *Последнее предупреждение, потом мы войдем сами!*

Клай повернулся к нему, чтобы сказать, что словами здесь никого не проймешь, особенно в такой день, и тут над регистрационной стойкой начала медленно подниматься лысая голова. Клай узнал голову еще до того, как появилось лицо. Она принадлежала портье, который вчера зарегистрировал его в отеле и поставил печать на пропуске на автомобильную стоянку, расположенную в квартале от «Атлантик-авеню инн». Он же утром объяснил ему, как пройти к отелю «Копли-сквер».

Портье никак не хотелось выходить из-за стойки, но Клай приложил к стеклу ключ от номера вместе с зеленой пластиковой биркой отеля. Другой рукой поднял портфель, в надежде, что портье сможет его узнать.

Может, он и узнал. А скорее решил, что выбора у него нет. В любом случае он вышел из-за стойки и быстрым шагом направился к двери, обходя тело по широкой дуге. И Клай Ридделл признал, что впервые в жизни видит стремительное действие, совершаемое с крайней неохотой. Когда портье добрался до двери, он перевел взгляд с Клая на Тома, потом вновь посмотрел на Клая. И пусть, судя по выражению лица, увиденное его не успокоило, достал из кармана связку ключей, быстро перебрал, нашел нужный и вставил в замочную скважину. Когда Том потянулся к ручке, лысый портье поднял руку, точно так же, как поднимал ее Клай, обращаясь к окровавленной девушке, которая стояла неподалеку. Портье нашел второй ключ, открыл им другой замок, а потом и дверь.

— Заходите, — сказал он. — Быстро, — и тут увидел девушку, которая держалась в отдалении, но внимательно наблюдала за происходящим. — Без нее.

— С ней, — возразил Клай. — Заходи, лапочка.

Но девушка не зашла. А когда Клай шагнул к ней, развернулась и убежала, с развевающимся за спиной подолом платья.

— Ее там могут убить, — озаботился Клай.

— Не моя проблема. — Портье пожал плечами. — Так вы заходите, мистер Риддл или нет? — говорил он с бостонским выговором, а не с рабочим с примесью юга, более привычным Клаю по штату Мэн, где каждый третий встреченный вами человек был выходцем из Массачусетса, но суетливо заявлял, что хотел бы быть выходцем из Британии.

— Я — Ридделл. — Он собирался войти, все так, и этот лысый не смог бы оставить его на улице, раз уж открыл дверь, но на какое-то время Клай задержался на тротуаре, глядя вслед девушке.

— Пошли, — раздался рядом спокойный голос Тома. — Ничего не поделаешь.

И он был прав. Ничего они поделать не могли. В этом-то и был ужас. Следом за Томом он прошел в вестибюль, а портье тут же запер двойные двери отеля «Атлантик-авеню инн» на два замка, словно замки эти могли уберечь их от хаоса на улицах.

— Это Франклин. — Портье вел их в обход мужчины в униформе, который лежал на полу лицом вниз.

— Староват для коридорного, — сказал Том, всматриваясь в вестибюль сквозь тонированное стекло, и Клай подумал, что так оно и есть. Убитый был невысокого роста, с роскошными седыми волосами. К несчастью для Франклина, голову, на которой волосы, вероятно, еще росли (волосы и ногти не сразу понимали, что человек уже умер, что-то такое он где-то читал), развернуло под очень уж большим углом к телу, как голову повешенного.

— Он проработал в отеле тридцать пять лет и, я уверен, говорил об этом каждому нашему гостю, которого провожал в номер. Большинству из них дважды.

Бостонский выговор действовал Клаю на нервы. Он подумал, будь это пердеж, так напоминал бы звуки, которые выдувает на горне ребенок, страдающий астмой.

— Какой-то мужчина вышел из лифта, — продолжил портье, заходя за стойку. Возвращаясь туда, где чувствовал себя как дома. Свет висевшей над стойкой лампы осветил его лицо, и Клай увидел, что портье бледен как мел. — Один из психов. Франклину не повезло. Стоял перед этими дверями.

— Полагаю, вам не пришла в голову мысль, что нужно хотя бы убрать картину с его зада. — Клай наклонился, поднял репродукцию «Каррье-и-Ивса», положил на диван. Одновременно легким движением скинул ногу Франклина с дивана, где она нашла свой покой. Нога упала со звуком, который Клай знал очень хорошо. Звук этот в огромном большинстве комиксов обозначался словом «БАХ!».

— Мужчина, который вышел из лифта, врезал ему только раз. Бедного Франклина швырнуло в стену. Думаю, тогда он и сломал шею. Во всяком случае, о стену Франклин ударился с такой силой, что картина слетела с крючков.

Портье полагал, что это самый верный критерий силы удара.

— А мужчина, который ударил его? — спросил Том. — Псих? Куда он пошел?

— На улицу, — ответил портье. — Вот когда я почувствовал, что запереть дверь будет самым мудрым решением. После того как он вышел на улицу. — В его взгляде читались страх и зудящее, жадное любопытство, которое Клай нашел особенно мерзким. — Что там происходит? Насколько все плохо?

— Думаю, вы достаточно ясно все себе представляете, — ответил Клай. — Не потому ли вы заперли дверь?

— Да, но...

— А что говорят по телевизору? — спросил Том.

— Ничего. Кабельное вырубилось... — Портье посмотрел на часы. — Примерно полчаса назад.

— А радио?

Портье пренебрежительно глянул на него, как бы говоря: «Вы, должно быть, шутите!» Клай подумал, что этому парню пора брать за книгу «КАК ВЕСТИ СЕБЯ, ЧТОБЫ СРАЗУ НЕ ПОНРАВИТЬСЯ ЛЮДЯМ».

— Радио, здесь? В любом отеле в центре города? Вы, должно быть, шутите.

С улицы донесся пронзительный вопль страха. Девушка-подросток в испачканном кровью белом платье появилась у двери и принялась стучать по стеклу ладонью, одновременно оглядываясь. Клай поспешил к ней.

— Нет, он опять запер дверь, помнишь? — крикнул ему Том.

Клай не помнил. Повернулся к портье.

— Отоприте.

— Нет. — Портье скрестил руки на тощей груди, чтобы показать, что он решительно против предложенного варианта. Снаружи девочка в белом платье оглянулась вновь и застучала еще сильнее. На вымазанном кровью лице отражался ужас.

Клай вытащил из-за пояса разделочный нож. Он практически забыл о нем и даже удивился, сколь быстро, без малейшего напряжения, вспомнил.

— Открывай дверь, сукин сын, — сказал он портье, — а не то я перережу тебе горло.

— Нет времени! — закричал Том и схватил один из стульев с высокой спинкой, новодела, имитирующего стиль мебели эпохи королевы Анны^[23], которые стояли по обе стороны дивана. Побежал с ним к двери, выставив вперед ножки.

Девушка увидела его и отпрянула, подняв обе руки, чтобы прикрыть лицо. В это самое мгновение мужчина, который преследовал ее, появился перед дверью. Судя по внешнему виду, здоровенный рабочий-строитель с выпирающим, обтянутым желтой футболкой брюхом и сальными, тронутыми сединой волосами, забранными на затылке в конский хвост.

Ножки стула вошли в контакт со стеклянными панелями двери. Две левые разнесли панель с надписью «АТЛАНТИК-АВЕНЮ ИНН», две правые не оставили буквы на букве от «ЛУЧШЕГО ОТЕЛЯ БОСТОНА». Правые ножки врезались в мускулистое, обтянутое желтым плечо строителя, когда тот схватил девушку за шею. Дном стул уперся в деревянную перемычку между панелями, и Маккорта отбросило назад.

Строитель вопил, нес уже привычную Клаю и Тому галиматью на никому не ведомом языке, кровь потекла по левому бицепсу. Девушке удалось вырваться, но она зацепилась ногой за ногу и упала, частично на тротуар, частично — в сливную канаву, крича от боли и страха.

Клай оказался около одной из разбитых панелей. Как пересек вестибюль, не помнил вовсе, и у него осталось лишь самое смутное воспоминание о том, как отбрасывал стул.

— Эй, недоносок, — крикнул он и безмерно обрадовался тому, что строитель на мгновение закрыл рот и застыл. — Да, ты! — кричал Клай. — Я обращаюсь к тебе, — а потом добавил, потому что не мог придумать ничего другого: — Я трахал твою мамашу, а она лежала как бревно.

Здоровенный маньяк в желтой футболке прокричал что-то непонятное, но похожее на крик: «Ар-р!» — вырвавшийся из груди женщины во «властном костюме» перед тем, как она встретила свою смерть, и развернулся к зданию, которое неожиданно отрастило зубы, обрело голос и напало на него. Трудно сказать, что он увидел, но уж точно не мрачного, с мокрым от пота лицом мужчину с ножом в руке, который выглядывал из прямоугольного проема, недавно закрытого тонированным стеклом, потому что Клаю не пришлось что-либо делать. Строитель в желтой футболке просто прыгнул на торчащее лезвие разделочного ножа. Шведская сталь легко и плавно вошла в чуть обвисшую загорелую кожу под подбородком и освободила путь красному водопаду. Он окатил руку Клая, на удивление горячий, казалось, той же температуры, что и свежесваренный кофе, и Клаю пришлось подавлять желание отпрянуть. Вместо этого он подался вперед и почувствовал, как нож наконец-то встретил сопротивление. Его движение замедлилось, но непреодолимых препятствий на пути не возникло. Лезвие прошло сквозь хрящ, и острие вновь проткнуло кожу, уже изнутри, под самой линией волос. Строителя потащило вперед (Клай не мог удержать его одной рукой, здоровяк весил фунтов двести шестьдесят, может, и все двести девяносто), он привалился к двери, как пьяный к фонарному столбу, с вытаращенными карими глазами, высовывающимся из уголка рта языком в пятнах никотина и разрезанной шеей. Потом колени его подогнулись, и он упал. Клай крепко держал рукоятку ножа и удивился, с какой легкостью лезвие вышло из тела. В прошлый раз, когда пришлось вытаскивать нож из кожи и жесткой подкладки портфеля, сил ушло не в пример больше.

После того как безумец упал, Клай смог вновь увидеть девушку. Она стояла на коленях, одно на тротуаре, второе в сливной канаве, и кричала сквозь полог волос, упавших на лицо.

— Детка, — позвал он. — Детка, не надо.

Но она продолжала кричать.

Ее звали Алиса Максвелл. Это она смогла им сказать. И еще, что приехала с матерью в Бостон на поезде (из Боксфорда, уточнила она) за покупками, как они часто делали по средам, в ее «короткий день» в средней школе, где она училась. Они вышли из поезда на станции Южная и сели в такси. Водитель был в синем тюрбане. И как следовало из слов девушки, синий тюрбан — последнее, что осталось в ее памяти до того момента, как лысый портье открыл наконец-то двойные, лишившиеся стеклянных панелей двери отеля «Атлантик-авеню инн» и позволил ей войти.

Клай полагал, что она помнит больше. Предположение это основывалось на дрожи, которую вызвал у Алисы вопрос Тома Маккорта, был ли у нее или у ее матери сотовый телефон. Она заявила, что не помнит, но Клай не сомневался, что телефон был или у кого-то из них, или у каждой. В эти дни, похоже, все ходили с мобильниками. Он являл собой то исключение, которое доказывало правило. Что же касается Тома, то ему, судя по всему, спас жизнь кот, сбросив сотовый телефон со стола.

Они говорили с Алисой (разговор состоял в основном из вопросов Клая, тогда как девушка сидела молча, глядя на исцарапанные колени и время от времени качая головой) в вестибюле отеля. Клай и Том перетащили тело Франклина за регистрационную стойку, оставив без внимания громкий и странный протест лысого портье: «Он будет мешаться у меня под ногами». После этого портье, который представился как мистер Рикарди, ретировался в свой кабинет, дверь в который находилась за стойкой. Клай последовал за ним, пробыл в кабинете несколько минут, чтобы убедиться, что мистер Рикарди сказал правду насчет телевидения, а потом вернулся в вестибюль. Шарон Ридделл сказала бы, что мистер Рикарди остался предаваться грустным размышлениям в своем шатре.

Но лысый портье не позволил Клаю уйти, не укорив его напоследок.

— Теперь мы открыты миру, — с горечью сказал он. — Надеюсь, вы думаете, что чего-то достигли.

— Мистер Рикарди, — Клай попытался сохранять выдержку, — я видел, как менее часа назад самолет потерпел катастрофу на другой стороне Бостон Коммон. Судя по доносившимся взрывам, с другими самолетами, большими пассажирскими лайнерами, в Логане происходило то же самое.

Может, они даже врезались в терминалы. Прибавьте взрывы в центре города. Я бы сказал, что в этот день весь Бостон открылся миру.

И словно подтверждая его слова, что-то тяжелое рухнуло у них над головами. Мистер Рикарди не посмотрел в потолок. Только махнул рукой, *иди, мол*, в сторону Клай. Поскольку телевизор не работал, мистер Рикарди сидел за столом и сверлил взглядом стену.

Клай и Том передвинули два стула, новодел, имитация мебели эпохи королевы Анны, к входной двери, и высокие спинки в немалой степени заменили разбитые стеклянные панели. Клай полагал, что запертая входная дверь создает лишь ложное чувство безопасности, но при этом отгородиться от чужих глаз очень даже неплохо. Том с ним согласился. Поэтому, поставив стулья у входной двери, они опустили жалюзи большого окна вестибюля. В помещении стало темнее, а на красный ковер легли продольные тени, как от прутьев тюремной решетки.

Покончив с этим и выслушав более чем сокращенный рассказ Алисы, Клай наконец-то подошел к телефонному аппарату, который стоял за стойкой. Посмотрел на часы. 4.22 пополудни, логичное вроде бы время, да только в этот день говорить о нормальном ходе времени не имело смысла. По ощущениям, прошли часы с того момента, как он увидел в парке человека, кусающего собаку. И при этом казалось, что времени больше нет. Но оно, конечно, было, такое, каким мерили его люди, и в Кент-Понд Шарон наверняка уже вернулась в тот дом, который он до сих пор считал и своим. Ему требовалось с ней поговорить. Чтобы убедиться, что она в порядке, и сказать ей, что он тоже жив и здоров, но не это было важным. Вопрос о том, все ли хорошо у Джонни, был важным само собой, но был и другой, еще более важный. Если уж на то пошло, жизненно важный.

У него не было мобильного, у Шарон — тоже, он мог в этом не сомневаться. Конечно, она могла купить его после апреля, когда они разъехались, но они жили в одном маленьком городе, он видел ее почти каждый день, и по его разумению, если бы она обзавелась мобильником, он бы об этом знал. Во-первых, она сообщила бы ему номер, так? Так. Но...

Но у Джонни мобильник был. Маленький Джонни-мальш, который уже не был маленьким, двенадцать лет — не так уж и мало, и именно такой подарок он пожелал получить на свой последний день рождения. Красный сотовый телефон, который при звонке играл мелодию из его любимой телевизионной передачи. Разумеется, ему запрещали включать мобильник и даже доставать его из ранца в школе, но занятия давно закончились. При этом и Клай, и Шарон, можно сказать, настаивали на том, чтобы он носил с собой мобильник, отчасти потому, что теперь жили врозь. Мобильник мог очень даже пригодиться как при чрезвычайной ситуации, так и при бытовых неудобствах, скажем, опоздании на автобус. И Клаю оставалось только цепляться за слова Шарон о том, что в последнее время, заходя в комнату Джонни, она частенько видела мобильник, забытый на письменном столе или на подоконнике около кровати, обычно с разряженным аккумулятором, а потому такой же бесполезный, как собачье дерьмо.

И, однако, мысль о красном сотовом телефоне Джона тикала в его голове, как часовой механизм бомбы.

Клай коснулся телефонного аппарата для обычной, проводной связи, который стоял на столе за регистрационной стойкой, потом отдернул руку. Снаружи что-то взорвалось, на этот раз где-то далеко. Так слышен взрыв артиллерийского снаряда, если ты находишься не на передовой, а в тылу.

Не делай таких предположений, подумал он. Даже не предполагай, что есть передовая.

Он оглядел вестибюль. Том пристроился на корточках рядом с Алисой, которую они сразу усадили на диван. Что-то ей тихонько нашептывал, прикасался к одной из ее туфелек, заглядывал в лицо. Это хорошо. И Том хороший. Клай все больше радовался тому, что наткнулся на Тома Маккорта... или что Том Маккорт наткнулся на него.

Проводная связь, вероятно, не таила в себе опасности. Оставалось только понять, достаточно ли велика была эта вероятность. Он в некотором смысле продолжал нести

ответственность за жену, а если уж дело касалось Джонни, так тут насчет ответственности двух мнений быть не могло. Даже мысли о Джонни несли в себе опасность. Всякий раз, когда на ум приходил мальчик, Клай чувствовал в себе крысу-панику, готовую вырваться из хлипкой клетки, в которой сидела, и начать рвать все, до чего сможет добраться своими маленькими острыми зубками. Если бы он знал наверняка, что с Джонни и Шарон все в порядке, тогда сумел бы удержать крысу в клетке и подумать о том, что делать дальше. Однако любая глупость с его стороны могла привести к тому, что он не смог бы никому помочь. Собственно, мог навредить и тем людям, которые сейчас находились рядом. Подумав об этом, Клай позвал портье.

Когда из кабинета не ответили, позвал вновь. С тем же результатом. Тогда сказал: «Я знаю, что вы слышите меня, мистер Рикарди. Если вы заставите меня зайти к вам и привести вас сюда, я могу рассердиться. Могу рассердиться так сильно, что у меня возникнет желание вышвырнуть вас на улицу».

— Вы не можете этого сделать, — строгим, мрачным голосом ответил мистер Рикарди. — Вы — гость нашего отеля.

Клай подумал о том, что сейчас самое время повторить слова Тома, произнесенные на улице, у дверей отеля: «Времена переменялись». Но что-то заставило его просто промолчать.

— Чего вам? — наконец откликнулся мистер Рикарди. Голос стал еще более мрачным. Над головой что-то грохнуло, словно кто-то свалил что-то из мебели. Скажем, буфет. На этот раз даже девушка подняла голову. Клай подумал, что услышал сдавленный крик, может, вопль боли, но ни крик, ни вопль больше не повторились. А что у них на втором этаже? Не ресторан, он помнил, что ему сказали (сам мистер Рикарди и сказал, когда Клай регистрировался в отеле), что ресторана в отеле нет, но кафе «Метрополь» в соседнем доме. *Конференц-залы*, подумал он. *Точно, конференц-залы с индейскими названиями.*

— Чего вам? — повторил вопрос мистер Рикарди. Мрачности в голосе все прибавлялось.

— Вы пытались кому-нибудь позвонить после того, как все это началось?

— Ну разумеется! — ответил мистер Рикарди. Подошел к двери между кабинетом и пятачком за регистрационной стойкой с ячейками, мониторами камер наблюдения и компьютерами. С негодованием посмотрел на Клая. — Завыли сирены пожарной сигнализации... я их отключил. Дорис сказала, что горела корзинка для мусора на третьем этаже... и я позвонил пожарным, чтобы сказать, что сюда никого присылать не нужно. Так линия была занята. *Занята*, можете вы такое себе представить!

— Вы, должно быть, очень расстроились, — ввернул Том.

Лицо мистера Рикарди впервые смягчилось.

— Я позвонил в полицию, когда снаружи... вы знаете... все покатило под гору.

— Да, — кивнул Клай. «Покатиться под гору», что ж, так тоже можно охарактеризовать случившееся. — Вы дозвонились?

— Мужчина велел мне освободить линию и положил трубку, — ответил мистер Рикарди. В голос вновь прокралось негодование. — Когда я позвонил снова... после того, как этот безумец выскочил из лифта и убил Франклина... мне ответила женщина. Она сказала... — голос мистера Рикарди задрожал, и Клай увидел первые слезы, побежавшие по глубоким бороздам, идущим от крыльев носа портье, — ...сказала...

— Что? — спросил Том, в голосе слышалось сочувствие. — Что она сказала, мистер Рикарди?

— Она сказала, если Франклин мертв, а мужчина, который его убил, убежал, тогда у меня нет проблем. Именно она посоветовала мне запереть входную дверь. Также сказала, чтобы я вызвал кабины на первый этаж, а потом отключил лифты. Я так и сделал.

Клай и Том переглянулись, обменявшись безмолвной мыслью: *Хорошая идея*. Клай вдруг

очень живо представил себе мух, попавших в ловушку между закрытым окном и сетчатым экраном, яростно жужжащих, но лишенных возможности вырваться наружу. Эта «картинка» определенно имела отношение к грохоту, который время от времени раздавался над головами. Он задался вопросом, сколько пройдет времени, прежде чем громобой или громобои, находящиеся наверху, найдут лестницу.

— А потом она положила трубку. После этого я позвонил моей жене в Милтон.

— Вы до нее дозвонились? — Клаю требовалась полная ясность.

— Она была очень испугана. Просила меня приехать домой. Я сказал, что мне посоветовали не выходить на улицу и запереть двери. Посоветовали в полиции. И я велел ей сделать то же самое. Запереть двери и не высовываться. Она молила меня приехать домой. Сказала, что с улицы доносятся выстрелы, а где-то рядом что-то взорвалось. Сказала, что видела голого мужчину, бегущего через двор Бензикиков. Бензики — наши соседи.

— Да, да. — Том говорил все тем же мягким, успокаивающим голосом. Клай промолчал. Он стыдился той злости, которую вызывал у него мистер Рикарди, но и Том тоже злился на портье.

— Она сказала, что голый мужчина, кажется... *кажется*, она сказала, *кажется*... нес тело... м-м-м... голого ребенка. Но, возможно, это была кукла. Она вновь принялась умолять меня покинуть отель и приехать домой.

Клай узнал все, что требовалось. Проводная связь опасности в себе не таила. Мистер Рикарди был в шоке, но определенно не рехнулся. Клай положил руку на трубку. Мистер Рикарди положил руку на руку Клая, прежде чем он эту трубку снял. Пальцы у мистера Рикарди были длинные, бледные, холодные. Мистер Рикарди еще не закончил. Мистер Рикарди требовал, чтобы его дослушали.

— Она назвала меня сукиным сыном и бросила трубку. Я знал, что она злится на меня, и понимал за что. Но полиция велела мне запереть двери и никуда не уходить. Полиция велела мне не появляться на улице. Полиция. *Власти*.

Клай кивнул.

— *Власти*, само собой.

— Вы приехали на подземке? — спросил мистер Рикарди. — Я всегда пользуюсь подземкой. Станция в двух кварталах от отеля. Очень удобно.

— Только не сегодня, — ответил Том. — После того, что мы недавно видели, меня не заставит спуститься под землю под страхом смерти.

Мистер Рикарди с жадным интересом, какой иной раз проявляют на похоронах, посмотрел на Клая.

— Вы видели?

Клай вновь кивнул.

— Вам лучше оставаться здесь. — Он произносил эти слова, зная, что сам хочет добраться до дома и увидеть мальчика. Шарон, разумеется, тоже, но прежде всего мальчика. Зная, что никому и ничему не позволит остановить его, за исключением смерти. Необходимость вернуться давила на него, набрасывала тень на все его мысли. — Гораздо лучше. — Он снял трубку и нажал на кнопку «9», чтобы выйти в город. Не ожидал, что услышит непрерывный гудок, но услышал. Набрал «1», потом «207», код штата Мэн, затем «692», код зоны, охватывающей Кент-Понд и соседние городки. Набрал три из четырех последних цифр, уже практически добрался до дома, о котором по-прежнему думал как о своем, когда набор прервали три далеких коротких гудка. А потом в трубке послышался записанный на пленку женский голос: «Мы очень сожалеем, но все линии заняты. Пожалуйста, позвоните позже».

Голос сменили частые короткие гудки: какое-то автоматическое устройство в Мэне

оборвало связь... если голос робота доносился оттуда. Клай уронил трубку на плечо, словно она вдруг налилась свинцом. Потом положил на рычаг.

Том сказал ему, что он — безумец, если хочет уйти.

Во-первых, указал он, в «Атлантик-авеню инн» они в относительной безопасности, учитывая, что лифты отключены, кабины на первом этаже, а дверь на лестницу заблокирована. Находилась дверь в коротком коридорчике за лифтовыми шахтами, а заблокировали они ее, завалив коридорчик коробками и чемоданами из комнаты хранения багажа. Если бы какой-то экстраординарный силач попытался открыть дверь с противоположной стороны, ему удалось бы только сдвинуть эту кучу к противоположной стене, создав зазор примерно в шесть дюймов. Слишком маленький, чтобы пролезть.

Во-вторых, хаос в городе, за пределами их маленького убежища, только нарастал. Снаружи постоянно доносились вой сирен различных сигнализаций, крики, вопли, рев автомобильных двигателей, иногда в вестибюле пахло дымом, но ветерок дым этот по большей части уносил. Пока уносил, подумал Клай, но вслух ничего говорить не стал, не хотел еще больше пугать девушку. Продолжали греметь и взрывы, не по одному, а, можно сказать, залпами. Один раздался совсем близко, и они все пригнулись в уверенности, что большое окно разлетится вдребезги. Не разлетелось, но после этого взрыва они перебрались в кабинет мистера Рикарди.

Третья причина, названная Томом в подтверждение того что Клай — безумец, если хочет покинуть относительную безопасность «Атлантик-авеню инн», состояла в следующем — часы показывали четверть шестого. День катился к вечеру Том утверждал, что попытка покинуть Бостон в темноте — бредовая идея.

— Взгляни туда. — Он указал на маленькое окно кабинета мистера Рикарди, выходящее на Эссекс-стрит. Проезжую часть перекрыли брошенные автомобили. Тело, правда, они видели только одно. Молодой женщины в джинсах и свитере «Ред сокс». Женщина лежала на тротуаре лицом вниз, раскинув руки, словно умерла, пытаясь уплыть. «ВЕЙРИТЕК»^[24], — прочитал он на свитере. — Ты считаешь, что сможешь уехать на автомобиле? Если так, советую тебе подумать еще раз.

— Он прав, — подал голос мистер Рикарди. В сумраке кабинета, он сидел за столом, сложив руки на узкой груди. — Вы же поставили автомобиль в гараж на Тэмуорт-стрит. Я сомневаюсь, что вам удастся даже добыть ключи.

Клай, который уже смирился с тем, что автомобиль потерян безвозвратно, открыл рот, чтобы сказать, что не собирается уезжать на автомобиле (во всяком случае, от отеля), когда над головой грохнуло, на этот раз с такой силой, что задрожал потолок. Грохот сопровождался едва слышным звоном бьющейся посуды. Алиса Максвелл, которая сидела на стуле по другую сторону стола мистера Рикарди, нервно вскинула глаза к потолку и, похоже, еще глубже ушла в себя.

— Что у вас наверху? — спросил Том.

— Зал ирокезов, — ответил мистер Рикарди. — Самый большой из наших трех конференц-залов, мы используем его как склад. Держим там столы, стулья, аудио— и видеооборудование. — Он помолчал. — Хотя ресторана у нас нет, иногда мы устраиваем «шведский стол» на коктейль-пати, если клиентам требуется такая услуга. Когда наверху грохнуло в последний раз...

Он не договорил, но, по мнению Клая, нужды в этом не было. Когда над головой грохнуло в последний раз, в Зале ирокезов перевернули тележку, доверху заставленную посудой, тогда как раньше безумец, который метался по залу, переворачивал пустые тележки, столы и стулья. Жужжал на втором этаже, как муха, попавшая в ловушку между закрытым окном и сетчатым

экраном. Чтобы найти выход, мозгов не хватало, он мог только бегать и громить, бегать и громить.

Внезапно заговорила Алиса, впервые за последние чуть ли не полчаса. И впервые с момента их встречи заговорила сама, не в ответ на обращение к ней:

— Вы что-то сказали насчет какой-то Дорис.

— Дорис Гутиэррес, — закивал мистер Рикарди. — Старшая горничная. Прекрасная работница. Возможно, лучшая из всех. Когда я в последний раз говорил с ней, она была на третьем этаже.

— У нее был?.. — Последнего слова Алиса не произнесла. Заменяла его жестом, который стал таким же знакомым, как указательный палец, подносимый к губам: просьбы помолчать. Алиса подняла правую руку к лицу, так, что большой палец коснулся мочки уха, а мизинец оказался повыше уголка рта.

— Нет, — строго ответил мистер Рикарди. — Сотрудники должны оставлять их в своих шкафчиках в раздевалке, когда приходят на работу. При первом нарушении их предупреждают. Второе может привести к увольнению. Я говорю им об этом при приеме на работу. — Одно тощее плечо приподнялось и опустилось, пожатие плеч получилось половинчатым. — Это политика администрации, не моя.

— Она бы пошла на второй этаж, чтобы разобраться с причиной шума? — спросила Алиса.

— Вероятно, — ответил мистер Рикарди. — Не могу этого знать. Мне известно лишь одно: последний раз я говорил с ней, когда она позвонила с третьего этажа, чтобы сказать, что потушила огонь в корзинке для мусора. По пейджеру она не отвечает. Я дважды посылал ей сообщения.

Клай не хотел говорить вслух: «Видите, здесь тоже небезопасно», — поэтому посмотрел мимо Алисы на Тома, пытаясь взглядом донести до него эту мысль.

— Сколько, по-вашему, людей на верхних этажах? — спросил Том.

— Не могу знать.

— А если прикинуть?

— Немного. Если говорить о горничных, то скорее всего одна Дорис. Дневная смена уходит в три часа, вечерняя приходит в шесть. — Мистер Рикарди поджал губы. — Пародия на экономию. Экономической мерой это назвать нельзя, потому что результата нет. Что же касается гостей... Он задумался. — После полудня у нас затишье, просто штиль. Гости, которые приехали вчера вечером, уже, разумеется, выписались, расчетный час в «Атлантик-авеню инн» — двенадцать ноль-ноль... Те, кто заезжает сегодня, начали бы регистрироваться в четыре часа, в обычный день. А нынче у нас день очень даже необычный. Гости, которые остаются на несколько дней, обычно приезжают в Бостон по делам. Как, полагаю, приехали вы, мистер Риддл.

Клай кивнул, не стал поправлять мистера Рикарди, который никак не мог правильно произнести его фамилию.

— К середине дня люди, приехавшие в Бостон по делам, обычно уходят, чтобы ими и заняться. Поэтому, как вы понимаете, днем в отеле практически никого нет.

Словно опровергая его слова, над головами опять что-то грохнуло, послышался звон разбиваемой посуды и едва различимое звериное рычание. Они посмотрели вверх.

— Клай, послушай, — Том повернулся к нему, — если этот парень найдет лестницу... Не знаю, способны ли эти люди думать, но...

— Судя по тому, что мы видели на улице, — ответил Клай, — неправильно даже называть их людьми. Я вот представляю этого парня наверху мухой, попавшей в ловушку между окном и сетчатым экраном. Муха, попавшая в такую ловушку, может выбраться, если найдет дырку... и

этот парень может найти лестницу, но, если и найдет, думаю, лишь благодаря случаю.

— А когда спустится вниз и обнаружит, что дверь в вестибюль заблокирована, воспользуется дверью запасного выхода, которая ведет в проулок, — с удивительной для него живостью внес свою лепту мистер Рикарди. — Мы услышим сигнал тревоги, он раздастся, если кто-то отодвинет засов, и узнаем, что этот тип ушел. Одним психом у нас станет меньше.

Где-то на юге от отеля взорвалось что-то большое, и они вздрогнули. Клай решил, что теперь знает, какой была жизнь в Бейруте 1980-х годах.

— Я пытаюсь донести до вас один важный момент, — сказал он.

— Я так не думаю, — покачал головой Том. — Ты все равно уйдешь, потому что тревожишься о жене и сыне. И пытаешься убедить нас, потому что тебе нужна компания.

От раздражения Клай шумно выдохнул.

— Конечно, мне нужна компания, но уговорить вас пойти со мной я стараюсь не по этой причине. Запах дыма все сильнее, а когда в последний раз вы слышали пожарную сирену?

Никто не ответил.

— Я тоже не слышал. И не думаю, что ситуация в Бостоне будет улучшаться, во всяком случае, в ближайшее время. Все будет только хуже. Если причиной стали сотовые телефоны...

— Она хотела оставить отцу сообщение на автоответчике, — прервала его Алиса. Говорила быстро, словно торопилась все выложить до того, как откажет память. — Хотела напомнить ему, что нужно зайти в химчистку. Ей требовалось желтое шерстяное платье для завтрашнего заседания комитета, а мне — второй комплект формы для субботней игры на выезде. Это было в такси. А потом мы врезались! *Она душила этого человека и кусала его, тюрбан слетел, по лицу текла кровь, и мы врезались!*

Алиса оглядела три уставившихся на нее лица, потом закрыла свое руками и разрыдалась. Том уже хотел утешить ее, но мистер Рикарди удивил Клая. Он опередил Тома, обойдя стол и обняв девушку сухонькой рукой.

— Не надо так волноваться, юная леди. Я уверен, это было какое-то недоразумение, ничего больше.

Она посмотрела на него широко раскрытыми, дикими глазами.

— Недоразумение? — указала на пятно высохшей крови на платье. — Для вас это выглядит как недоразумение?

Я воспользовалась приемами карате, которым меня обучили в школе на уроках самообороны: Я отбивалась приемами карате от родной матери. Думаю, сломала ей нос... я в этом уверена... — Алиса затрясла головой, волосы летали из стороны в сторону. — И все равно если бы не смогла нащупать ручку за спиной и открыть дверцу...

— Она бы тебя убила, — ровным, бесстрастным голосом закончил Клай.

— Она бы меня убила, — шепотом согласилась Алиса. — Она не знала, кто я. Моя родная мать, — перевела взгляд с Клай на Тома. — Это сотовые телефоны, — продолжила тем же шепотом. — Сотовые телефоны, все так.

— Так сколько этих чертовых штуковин в Бостоне? — спросил Клай. — Какая часть населения имеет мобильники?

— Учитывая большое количество студентов, я бы сказал, огромная. — Мистер Рикарди вернулся за стол и чуть ожил. Может, так подействовала на него предпринятая попытка утешить девушку, может, сказался связанный с бизнесом вопрос. — Хотя телефоны есть, конечно же, не только у молодежи. Только месяц или два назад я прочитал статью в «Инк.», где утверждалось, что в материковом Китае сотовых телефонов чуть ли не больше, чем людей в Соединенных Штатах. Можете вы себе такое представить?

Представлять такое Клаю не хотелось.

— Ладно, — Том с неохотой кивнул, — я понял, к чему ты клонишь. Кто-то... какая-то террористическая организация научилась манипулировать с сигналами мобильных. Если ты кому-то звонишь, или звонят тебе, или ты посылаешь сообщение, к тебе приходит что-то вроде... что может прийти? Какая-то команда на подсознательном уровне, наверное... которая сводит тебя с ума. Звучит как научная фантастика, но, полагаю, пятнадцать или двадцать лет назад нынешние сотовые телефоны для большинства людей тоже казались фантастикой.

— Я практически уверен, что именно так все и происходит, — согласился Клай. — И от команды этой мало не покажется даже тому, кто только подслушивает разговор. — Он думал о фее Темной. — Но самое ужасное в другом. Когда люди видят, что вокруг творится что-то странное...

— Их первое желание — выгащить мобильник и попытаться выяснить, что происходит, — закончил Том.

— Да, — вздохнул Клай. — Я видел, как люди это делали.

Том уныло смотрел на него.

— Я тоже.

— Но я не понимаю, какое отношение имеет все это к тому, что вы хотите уйти из такого безопасного места, как наш отель, тем более на ночь глядя, — признался мистер Рикарди.

Словно в ответ прогремел взрыв. За ним последовали полдюжины других, донеслись с юго-востока, как шаги уходящего великана. Что-то гроыхнуло и наверху, кто-то там вскрикнул от ярости.

— Я не думаю, что у безумцев хватит мозгов покинуть город. Не может же этот парень наверху найти лестницу, — пояснил Клай.

На мгновение ему показалось, что выражение лица Тома изменилось от шока. Потом понял, что причина — удивление. Может, даже изумление. И просыпающаяся надежда.

— Господи. — Он даже шлепнул себя по щеке. — Они никуда не могут уйти. Я как-то об этом не подумал.

— Это еще не все, — заговорила Алиса. Она кусала нижнюю губу и смотрела на свои руки, пальцы которых то сплетались, то расплетались. Наконец заставила себя взглянуть на Клая. — С наступлением темноты идти будет безопаснее.

— Почему, Алиса?

— Если они не могут тебя видеть... если ты можешь за что-то зайти, если ты можешь спрятаться... они тут же забывают о тебе.

— С чего ты это взяла, сладенькая? — спросил Том.

— Потому что я спряталась от мужчины, который преследовал меня, — тихим голосом ответила она. — Того парня в желтой футболке. Это случилось перед тем, как я увидела вас. Я

спряталась в проулке. За одним из мусорных контейнеров. Страшно перепугалась, подумала, что деваться мне некуда, выскочить я не сумею, если он пойдет за мной, но я не могла придумать ничего другого, кроме как спрятаться за контейнер. Я видела, как он остановился у входа в проулок, начал оглядываться, заходил взад-вперед, кругами, нарезал круги волнения, как сказал бы мой дедушка. Поначалу я думала, что он играет со мной. Потому что он не мог не видеть, что я забежала в проулок. Я опережала его на несколько футов... на несколько футов... еще чуть-чуть, и он мог бы схватить меня... — Алису начало трясти. — Но оказавшись за контейнером, я словно стала... ну, не знаю...

— С глаз долой, из мозга вон, — перефразировал известную поговорку Том. — Но если он был так близко, почему ты не побежала дальше?

— Потому что не могла, — ответила Алиса. — Просто не могла. Ноги стали резиновыми, а я вся ужасно дрожала, чувствовала, что меня вот-вот разорвет изнутри. Но, как выяснилось, бежать дальше необходимости не было. Он описал еще несколько кругов волнения, бормоча все ту же галиматью, а потом ушел. Я не могла в это поверить. Думала, что он затаился, пытается выманить меня из проулка, а потом напасть, но при этом знала, что он слишком безумен для таких планов. — Она коротко глянула на Клая, потом вновь уставилась на свои руки. — Мне не повезло в том, что я вновь наткнулась на него. Следовало сразу пойти с вами. Но я иногда веду себя так глупо.

— Ты же плохо соображала от пережитого ст... — начал Клай, и тут, откуда-то с востока, до них долетел самый мощный, оглушающий взрыв, заставивший их броситься на пол и заткнуть уши. И тут же они услышали, как вдребезги разлетелось окно в вестибюле.

— Господи... — прошептал мистер Рикарди. Широко раскрытыми глазами и лысой головой он напомнил Клаю Папашу Уорбакса, наставника сиротки Энни^[25]. — Должно быть, суперзаправочная станция «Шелл», которую построили на Ниленд-стрит. Ею пользуются все такси и «утки». Она именно в той стороне, где рвануло.

Клай понятия не имел, прав Рикарди или нет, запаха горящего бензина он не чувствовал (по крайней мере пока), но мысленным взором — с визуализацией у него, художника, проблем быть не могло — легко представил себе треугольник городского бетона, горящий, как пропановый факел, в спускающихся сумерках.

— Может гореть современный большой город? — спросил он Тома. — Построенный главным образом из бетона, металла и стекла? Может гореть, как горел Чикаго после того, как корова миссис О'Лири ногой перевернула керосиновую лампу^[26]?

— История с коровой не более чем городская легенда, — встряла Алиса. Она терла шею и затылок, словно у нее разболелась голова. — Так говорит миссис Мейерс, наша учительница американской истории.

— Конечно, может, — ответил Том. — Посмотри, что случилось с Всемирным торговым центром после того, как в башни врезались самолеты.

— Самолеты с полными баками, — указал мистер Рикарди.

И стоило лысому портье упомянуть про керосин в самолетных баках, как в маленькой комнатке запахло горящим бензином, запах этот проникал в вестибюль через разбитые дверные панели и окно, просачивался под дверь кабинета, как злой дух.

— Как я понимаю, насчет заправочной станции «Шелл» вы попали в десятку, — заметил Том.

Мистер Рикарди подошел к двери между кабинетом и вестибюлем. Отпер и открыл. Через дверной проем Клай увидел вестибюль, покинутый, темный, никому не нужный. Мистер Рикарди шумно втянул носом воздух, закрыл дверь, запер ее.

— Запах слабеет.

— Вы принимаете желаемое за действительное. — В голосе Клая слышалось сомнение. — Или так, или ваш нос к нему привыкает.

— Думаю, он прав, — поддержал портье Том. — Дует достаточно сильный западный ветер, то есть воздух несет к океану, а если мы только что слышали, как взорвалась новая заправочная станция, которую построили на углу Ниленд-и Вашингтон-стрит, около Медицинского центра Новой Англии...

— Именно она, все так, — перебил его мистер Рикарди. На его лице отражалось глубокое удовлетворение. — Строительство вызвало такие протесты! Но все решили взятки, можете мне...

— ...тогда больница сейчас горит, — Том не дал ему договорить, — вместе со всеми, кто в ней находится.

— Нет. — Алиса поднесла руку ко рту.

— Думаю, да. И на очереди Центр Ванга ^[27]. К ночи ветер может утихнуть, а вот если не утихнет, тогда к десяти вечера сгорит все, что расположено восточнее Массачусетской автострады.

— Мы находимся западнее, — указал мистер Рикарди.

— Тогда мы в безопасности, — сказал Клай. — Во всяком случае, от этого пожара. — Он подошел к маленькому окну кабинета мистера Рикарди, встал на цыпочки, всмотрелся в Эсекс-стрит.

— Что ты видишь? — спросила Алиса. — Люди есть?

— Нет... да. Один человек. На другой стороне улицы.

— Он — из безумцев? — задала она новый вопрос.

— Не могу сказать. — Но он мог. По дерганому бегу, по тому, как человек постоянно оглядывался. В какой-то момент, до того, как скрыться за углом на перекрестке с Линкольн-стрит, мужчина чуть не врезался в стеллаж с овощами и фруктами, выставленный перед продовольственным магазином. И хотя Клай не слышал его, он видел, как непрерывно шевелятся губы мужчины. — Все, ушел.

— Больше никого нет? — спросил Том.

— Сейчас нет, только дым. — Клай помолчал. — А еще сажа и пепел. Как много, сказать не могу. Кружит ветром.

— Ладно, ты меня убедил, — принял решение Том. — Уроки я усваиваю медленно, но не из тех, кого ничему нельзя научить. Городу суждено сгореть, и в нем не останется никого, кроме безумцев.

— Думаю, ты прав, — ответил Клай. Только он не думал, что выведенная Томом формула относится исключительно к Бостону. Просто на данный момент он не хотел заглядывать за границы этого города. Со временем он мог расширить свой кругозор, но лишь убедившись, что Джонни в безопасности. А может, общая картина всегда находилась бы за пределами его понимания. В конце концов на жизнь он зарабатывал маленькими картинками. Но, как бы то ни было, эгоистичная личность, которая жила в глубинах его подсознания, не преминула послать ясную и четкую мысль. Она пришла, расцвеченная синевой и темным, сверкающим золотом. *Почему из всех дней такое случилось именно сегодня? Аккурат после того, как мне наконец-то удалось пройти в дамки?*

— Если вы уйдете, могу я пойти с вами? — спросила Алиса.

— Конечно. — Клай посмотрел на портье. — Вы тоже можете пойти, мистер Рикарди.

— Я останусь на своем посту, — надменно произнес тот, но Клаю показалось, что в глазах, когда он отводил взгляд, стояла тоска.

— Не думаю, что вы впадете в немилость у начальства, если в сложившейся ситуации

закроете кабинет на ключ и уйдете. — Как обычно, Том говорил мягко, и эта его манера очень нравилась Клаю.

— Я останусь на своем посту, — повторил портье. — Мистер Доннелли, дневной менеджер, пошел в банк, чтобы сдать деньги, и оставил отель на меня. Если он вернется, тогда, возможно...

— Пожалуйста, мистер Рикарди, — обратилась к нему Алиса. — Оставаться здесь нельзя. Но мистер Рикарди, который вновь скрестил руки на груди, только покачал головой.

Они отодвинули стулья, сработанные в стиле мебели королевы Анны, и мистер Рикарди, повернув ключи, открыл замки. Клай выглянул на улицу. Вроде бы не увидел людей ни с одной, ни с другой стороны, но мог и ошибиться из-за большого количества пепла и сажи. Черные «снежинки» танцевали на ветру.

— Пошли. — Для начала они планировали добраться только до кафе «Метрополь» в соседнем доме.

— Я собираюсь запереть дверь и поставить стулья на место, — предупредил мистер Рикарди, — но я буду слушать. Если вы нарветесь на неприятности... если эти... люди... будут прятаться в кафе «Метрополь» и вам придется отступить, запомните, пожалуйста, что вам нужно крикнуть: «Мистер Рикарди, мистер Рикарди, вы нам нужны!» И я буду знать, что могу без опаски открывать дверь. Это понятно?

— Да, — ответил Клай. Сжал худое плечо мистера Рикарди. Портье поморщился, но не сдвинулся с места (хотя и не выказал удовольствия от такого проявления дружеских чувств). — Вы — свой парень. Поначалу я так не думал, но потом понял, что ошибался.

— Надеюсь, я делаю все, что в моих силах, — сухо ответил лысый портье. — Главное, помните...

— Мы запомним, — ответил Том. — И вернемся, может, через десять минут. Если у вас возникнут проблемы, кричите.

— Хорошо. — Но Клай сомневался, что мистер Рикарди закричит. Он не мог сказать, с чего так решил, трудно представить себе человека, который не закричит, если крик этот может уберечь его от беды, но Клай точно знал, крика портье им не дождаться.

— Пожалуйста, передумайте, мистер Рикарди, — вновь попыталась уговорить его Алиса. — В Бостоне небезопасно, теперь вы должны это знать.

Мистер Рикарди только отвернулся. И Клай подумал не без удивления: *Вот как выглядит человек, когда делает вывод, что лучше смерть, чем перемены.*

— Пошли. — Клай двинулся первым. — Давайте приготовим сэндвичи, пока еще есть электричество и можно зажечь свет.

— И бутилированная вода нам не повредит, — добавил Том.

Электричество отключилось, когда они заворачивали последний сандвич в маленькой, чистенькой, выложенной белым кафелем кухне кафе «Метрополь». К тому времени Клай еще трижды пытался прозвониться в штат Мэн: один раз домой, второй — в начальную школу Кент-Понда, где преподавала Шарон, третий — в промежуточную школу ^[28] Джошуа Чемберлена, где учился Джонни. Дальше кода штата Мэн, «207», ему пробиться не удалось.

Когда свет в «Метрополе» погас, Алиса закричала, как показалось Клаю, в крошечной тьме. Потом включилось аварийное освещение, но Алису это не успокоило. Одной рукой она вцепилась в Тома. И размахивала другой, с зажатым в ней большим хлебным ножом, которым резала сандвичи. Ее глаза широко раскрылись и остекленели.

— Алиса, положи нож. — Голос Клая прозвучал резче, чем ему хотелось. — Иначе ты порежешь кого-нибудь из нас.

— Или себя, — добавил Том обычным, мягко-успокаивающим голосом. Его очки поблескивали в свете аварийных ламп.

Девушка положила нож, но тут же схватила его.

— Мне он нужен. Я возьму его с собой. У тебя есть нож, Клай. Я тоже хочу.

— Хорошо, — кивнул он, — но у тебя нет пояса. Мы сделаем его из скатерти. А пока будь осторожнее.

Половину сандвичей они сделали с сыром и ростбифом, половину — с сыром и окороком. Алиса завернула их в бумагу. Под кассовым аппаратом Клай нашел стопку пакетов с ручками с надписью «ПАКЕТ ДЛЯ СОБАК» на одной стороне и « ПАКЕТ ДЛЯ ЛЮДЕЙ» — на другой. Они с Томом уложили сандвичи в два пакета, а в третий сунули три бутылки воды.

Столы накрыли к обеду, который, увы, состояться уже не мог. Два или три стола перевернули, но на остальных все стояло как положено, стаканы и столовые приборы поблескивали в жестком свете настенных ламп аварийного освещения. От их упорядоченности у Клая защемило сердце. Белизна аккуратно сложенных салфеток, маленькие электрические лампы на каждом столике. Они не горели, и Клай подозревал, что пройдет много времени, прежде чем они зажгутся вновь.

Он видел, как Алиса и Том оглядывают зал, на лицах читалась та самая грусть, что наполнила его сердце, и у него вдруг возникло желание, чуть ли не маниакальное, хоть как-то подбодрить их. Он вспомнил фокус, который когда-то показывал сыну. Вновь подумал о сотовом телефоне Джонни, и паника-крыса еще раз проверила прочность клетки. Но Клай всем сердцем надеялся, что этот чертов мобильник лежит забытый под кроватью Джонни-мальша среди катышков пыли, с совсем-совсем-совсем разряженным аккумулятором.

— Посмотрите сюда, — он отставил в сторону пакет с сандвичами, — и, пожалуйста, обратите внимание, на ловкость моих рук. — Он ухватился за свисающий край скатерти.

— Сейчас не время для салонных фокусов, — заметил Том.

— Я хочу посмотреть, — возразила Алиса, и впервые после встречи с ней они увидели на ее лице улыбку. Маленькую, но улыбку.

— Нам нужна скатерть, — пояснил Клай. — На это уйдет секунда, а кроме того, дама хочет посмотреть. — Он повернулся к Алисе. — Но ты должна сказать волшебное слово. Возможно, подойдет «Шейзэм!».

— Шейзэм! — воскликнула Алиса, и Клай резко дернул скатерть обеими руками.

Фокус этот он не показывал уже два, может, три года и едва не провалился. Но при этом его ошибка, вероятно, отсутствие должной резкости рывка, добавила фокусу очарования. Тарелки,

столовые приборы, стаканы, настольная лампа, вместо того чтобы остаться на месте после магического исчезновения из-под них скатерти, сдвинулись примерно на четыре дюйма вправо. Ближайший к Клаю стакан остановился на самом краю, чуть меньшая часть его круглого основания зависла над полом.

Алиса зааплодировала, потом засмеялась. Клай поклонился, раскинув руки.

— Теперь мы можем идти, о великий Вермишель? — спросил Том, но он тоже улыбался. Клай видел, как в свете ламп аварийного освещения поблескивают его маленькие зубы.

— Как только я снабжу ее поясом, — ответил Клай. — Тогда она сможет нести нож с одного бока, а сэндвичи — с другого. А ты возьмешь воду. — Он сложил квадратную скатерть по диагонали, превратив в треугольник, потом быстро свернул трубочкой, просунул ее под ручки пакета с сэндвичами, потом обернул вокруг узкой талии девушки — хватило на полтора оборота, — концы завязал узлом у нее на спине. Закончил тем, что с правой стороны засунул за самодельный пояс хлебный нож с пилообразным лезвием.

— А ты у нас умелец, — восхитился Том.

— Ловкость рук, и все тип-топ, — ответил Клай, и тут же снаружи что-то взорвалось, так близко, что задрожали стены кафе. Стакан, который стоял на самом краю, нависая над ним чуть ли не половиной основания, потерял равновесие, упал на пол, разбился. Все трое посмотрели на осколки. Клай уже хотел сказать им, что не верит в приметы, но решил, что лучше от этого не будет. А кроме того, в приметы он верил.

У Клая были причины для возвращения в отель «Атлантик-авеню инн». Во-первых, он хотел забрать свой портфель, который остался в вестибюле. Во-вторых, сделать из чего-нибудь чехол для ножа Алисы. Полагал, что подойдет мешочек для бритвенных принадлежностей, если он окажется достаточно длинным. В-третьих, дать мистеру Рикарди еще один шанс уйти с ними. Он удивился, осознав, что попытка уговорить лысого портье уйти с ними для него важнее забытого портфеля с рисунками. Пусть с неохотой, но он проникся симпатией к этому человеку.

Когда признался в этом Тому, тот, к его удивлению, кивнул.

— У меня такое же отношение к пицце с анчоусами. Я говорю себе, есть что-то отвратительное в сочетании сыра, томатного соуса и дохлой рыбы... но иногда меня охватывает постыдное желание, и я не могу перед ним устоять.

На улице и между зданиями мела черная пурга из сажи и пепла. Завывали, звенели, ревели сигнализации, автомобильные, противопожарные, охранные. Тепла в воздухе не чувствовалось, но Клай слышал характерное потрескивание пожара к югу и востоку от них. Усилились свойственные пожару запахи. Слышали они и громкие крики, которые доносились со стороны Коммон, оттуда, где Бойлстон-стрит расширялась.

Когда они подошли к отелю «Атлантик-авеню инн», Том помог Клаю отбросить один из стульев от прямоугольного проема в двери, который раньше закрывала стеклянная панель. Вестибюль уже окутал сумрак, в котором более темными тенями выделялись регистрационная стойка мистера Рикарди и диван. Если бы Клай уже не побывал внутри, он бы не догадался, что представляют собой эти тени. Единственная лампочка аварийного освещения горела над лифтами. Закрепленный под лампой аккумулятор гудел, как шмель.

— Мистер Рикарди? — позвал Том. — Мистер Рикарди, мы вернулись, чтобы узнать, не передумали ли вы.

Ответа не последовало. Секунду спустя Алиса начала осторожно вынимать осколки стекла, еще торчащие из рамы.

— *Мистер Рикарди!* — вновь позвал Том, не получив ответа, повернулся к Клаю. — Ты туда полезешь?

— Да. Чтобы взять портфель. Там мои рисунки.

— Разве у тебя нет копий?

— Это оригиналы, — ответил Клай, как будто эти два слова все объясняли. Для него — да. И потом, не следовало забывать про мистера Рикарди. Он же сказал: «Я буду слушать»

— А если Громобой со второго этажа достал его? — спросил Том.

— Если бы это случилось, мы бы услышали, как он гремит здесь, — ответил Клай. — Если уж на то пошло, он бы выбежал на наши голоса, балаболя, как тот парень, который хотел нас зарезать около Коммон.

Ты этого не знаешь. — Алиса жевала нижнюю губу. — Тебе слишком рано думать, что ты знаешь все правила.

Разумеется, правда была на ее стороне, но они не могли стоять у дверей, обсуждая этот, безусловно, важный вопрос. Пользы такая дискуссия принести не могла.

— Буду осторожен, — пообещал он и поставил ногу на основание узкого проема. Но его ширины хватило, чтобы Клай смог протиснуться. — Я только загляну в его кабинет. Если не найду, не стану рыскать по вестибюлю, как какая-нибудь девица в фильме ужасов. Только возьму портфель, и мы сматываемся.

— Кричи, — попросила его Алиса. — Что-нибудь вроде: «Я в порядке. Проблем нет». Все

время.

— Ладно, но если я замолчу, уходите. Не лезьте за мной.

— Не волнуйся, — заверила она его без тени улыбки. — Я тоже видела все эти фильмы. У нас есть «Синемакс»^[29].

— Я в порядке, — крикнул Клай, подхватив свой портфель и ставя его на регистрационную стойку. *Можно возвращаться*, подумал он. Правда, оставалось еще одно дельце.

Он оглянулся, обходя регистрационную стойку, и увидел, что один проем из-под разбитой стеклянной панели чуть светится, плавая в окружающей темноте, и частично закрыт двумя силуэтами, выделяющимися на фоне уходящего дня.

— Я в порядке, по-прежнему в порядке, только загляну в его кабинет, все еще в порядке, все еще...

— Клай. — Голос Тома переполняла тревога, но в этот момент Клай не смог ответить и успокоить Тома. По центру кабинета, под высоким потолком висела люстра. А на люстре, похоже, на шнуре, каким подвязывают портьеры, висел мистер Рикарди. С белым пластиковым мешком на голове. Клай подумал, что это один из тех мешков, какие выдают гостям, чтобы положить в них вещи, которые нужно постирать или почистить. — Клай, ты в порядке?

— *Клай?* — пронзительно выкрикнула Алиса на грани истерики.

— В порядке, — услышал он себя. Рот действовал сам по себе, обходясь без команды мозга. — Я все еще здесь. — Он думал о том, как выглядел мистер Рикарди, когда говорил: «Я останусь на своем посту». Слова прозвучали высокопарно, но глазами, испугом и покорностью судьбе, которые читались в них, он напоминал маленького енота, загнанного в угол гаража большим злобным псом. — Уже иду.

Он попятился, словно мистер Рикарди мог выскользнуть из самодельной, из шнура для портьер, петли и прыгнуть на него в ту самую секунду, когда он повернется к двери в кабинет спиной. Теперь он не просто боялся за Шарон и Джонни. Его накрыла с головой волна тоски по дому, по ним, и чувство это было таким сильным, что он вдруг вспомнил свой первый день в школе, когда мать оставила его у ворот школьной площадки. Другие родители входили в ворота вместе со своими детьми, но мать сказала ему: «Иди, Клайтон, это твоя первая классная комната, все у тебя будет хорошо, мальчики должны самостоятельно переступить этот порог». Но прежде чем последовать ее словам, он постоял у ворот, наблюдая, как она уходит по Кедровой улице. В синем пальто. И вот теперь, стоя в темноте, он еще раз прочувствовал на себе, что тоска по дому может быть сильной до тошноты.

Том и Алиса — хорошая компания, но как же ему хотелось оказаться рядом с теми, кого он любил.

Обойдя регистрационную стойку, он повернулся лицом к улице и пересек вестибюль. Подошел достаточно близко к двери, чтобы различить испуганные лица своих новых друзей, когда вспомнил, что вновь забыл этот гребаный портфель и теперь нужно возвращаться. Берясь за ручки, он нисколько не сомневался, что вот сейчас из темноты за стойкой вытянется рука мистера Рикарди и сомкнется на его руке. Этого не произошло, но над головой снова грохнуло. Что-то там оставалось, что-то продолжало рушить все вокруг себя и в темноте. И это что-то до трех часов дня было человеком.

Он уже оставил за спиной половину расстояния, отделявшего регистрационную стойку от двери, когда единственная, питающаяся от аккумулятора лампа аварийного освещения вестибюля мигнула и погасла. *Это нарушение правил противопожарной безопасности*, подумал Клай. *Я должен написать жалобу.*

Он протянул портфель. Том его взял.

— Где он? — спросила Алиса. — Его там не было?

— Мертв. — Мысль о том, что надо бы солгать, мелькнула в голове, но он не думал, что

сможет. Слишком велико было потрясение от увиденного. Как человек мог наложить на себя руки, повеситься? Он не понимал, как такое вообще возможно. — Самоубийство.

Алиса заплакала, не зная того, что сама умерла бы у входной двери отеля, если бы Клай с Томом послушали мистера Рикарди. А вот Клай об этом помнил. И тоже с трудом сдерживал слезы, потому что мистер Рикарди проявил себя человеком. Такое свойственно большинству людей, если им предоставляется шанс.

С запада, по темной улице, со стороны Коммон до них долетел крик, слишком громкий, чтобы исторгнуться из человеческих легких. Клай решил, что так, должно быть, трубит слон. В крике не было боли, не было радости. Одно безумие. Алиса прижалась к нему, он обнял ее. И словно прикоснулся к электрическому кабелю, по которому проходил ток высокого напряжения.

— Если мы собираемся сматываться отсюда, не будем с этим тянуть, — сказал Том. — Если не нарвемся на неприятности, то сможем, идя на север, добраться до Молдена и провести ночь в моем доме.

— Чертовски хорошая идея, — оживился Клай.

Том осторожно улыбнулся.

— Ты действительно так думаешь?

— Действительно. Кто знает, может, нас там уже поджидает патрульный Эшленд.

— Кто такой патрульный Эшленд? — спросила Алиса.

— Полицейский, с которым мы встретились около Коммон, — ответил Том. — Он... скажем так, он нам помог. — Втроем они шагали на восток, к Атлантик-авеню, сквозь падающий с неба пепел и вой сирен. — Конечно, мы его не увидим. Клай пытается шутить.

— Хорошо, что хоть кто-то пытается, — отозвалась Алиса. — На тротуаре, рядом с урной, лежал синий мобильник с треснутым корпусом. Алиса, не сбившись с шага, ударом ноги отправила его в сливную канаву.

— Отличный удар, — похвалил ее Клай.

Алиса пожала плечами.

— Пять лет играю в соккер^[30], — и в этот момент зажглись уличные фонари, словно намекая, что еще не все потеряно.

Тысячи людей стояли на мосту через реку Мистик^[31] и наблюдали, как между Коммонуэлс-авеню^[32] и Бостонским портом все горит или еще только загорается. Ветер с запада не стихал и оставался теплым даже после захода солнца, а пламя ревело, как в топке, гася звезды. Из-за горизонта поднялась полная и крайне отвратительная луна. Иногда дым закрывал ее, но куда чаще этот выпученный драконий глаз сиял в чистом небе и смотрел вниз, отбрасывая затуманенный оранжевый свет. Клай подумал, что это луна из комикса-ужастика, но ничего не сказал.

Вообще мало кто говорил. Люди на мосту смотрели на город, который так недавно покинули, наблюдали, как языки пламени добрались до дорогих кондоминиумов на набережной и начали их пожирать. Над поверхностью воды неслись, перемешиваясь друг с другом, трезвон и завывания различных видов сигнализации, в основном пожарных и автомобильных, на которые накладывался вой сирен. Какое-то время один, усиленный динамиками, механический голос твердил горожанам: «ПОКИНЬТЕ УЛИЦЫ», потом второй начал советовать: «УХОДИТЕ ИЗ ГОРОДА ПЕШКОМ ПО ГЛАВНЫМ УЛИЦАМ, ВЕДУЩИМ НА ЗАПАД И СЕВЕР». Эти две противоречащие друг другу рекомендации несколько минут конкурировали между собой, прежде чем первый голос («ПОКИНЬТЕ УЛИЦЫ») смолк. А через пять минут угомонился и второй («УХОДИТЕ ИЗ ГОРОДА ПЕШКОМ ПО ГЛАВНЫМ УЛИЦАМ, ВЕДУЩИМ НА ЗАПАД И СЕВЕР») и остались только голодный рев раздуваемого ветром огня да ровный, низкий хрумкающий звук (Клай подумал, что с таким звуком, должно быть, рвутся от жара оконные стекла).

Он задался вопросом, как много людей оказалось в ловушке. Зажатые между огнем и водой.

— Помнишь, ты спрашивал, может ли современный город гореть? — повернулся к нему Том Маккорт. В свете пожара его маленькое интеллигентное лицо выглядело усталым и больным. На одной щеке темнело пятно сажи. — Помнишь?

— Замолчите, пошли, — вмешалась Алиса. Потрясенная тем, что происходило у нее перед глазами, она, как и Том, говорила шепотом. *Словно мы в библиотеке*, подумал Клай. Но тут же эту мысль перебила другая. *Нет... на похоронах.* — Можем мы идти? Потому что от всего этого меня мутит.

— Конечно, — кивнул Клай. — Можем, будь уверена. Далеко до твоего дома, Том?

— Отсюда меньше двух миль, — ответил Том. — Но горит, к сожалению, не только позади. — Дорога вела их на север, а он указал направо. Занимающееся там зарево пожара давало примерно тот же свет, что оранжевые натриевые уличные фонари в облачную ночь, только эта ночь выдалась ясной, а фонари не горели. Но по крайней мере из фонарных столбов не поднимались клубы дыма.

Алиса застонала, потом прикрыла рот, словно боялась, что кто-нибудь из тех, кто молчаливо наблюдал за горящим Бостоном, упрекнет ее в нарушении тишины.

— Не волнуйся. — В голосе Тома звучало мрачное спокойствие. — Мы идем в Молден, а горит, похоже, Ривер. И ветер дует так, что Молдену ничего не грозит.

На том и замолчи, мысленно воззвал к нему Клай, но Том его не услышал.

— Пока, — добавил он.

Несколько десятков брошенных автомобилей стояли на нижнем уровне моста, компанию им составляла пожарная машина с надписью «ВОСТОЧНЫЙ БОСТОН» на темно-зеленом борту, в которую врезалась бетономешалка (кабины тоже пустовали), но в основном этот уровень принадлежал пешеходам. *Только теперь их, наверное, следует называть беженцами*, подумал Клай, потом до него дошло, что местоимение «их» он употребил неправильно. *Нас. Нас нужно называть беженцами.*

Практически никто не разговаривал. В большинстве своем люди стояли и молча смотрели на горящий город. А кто не стоял, шли очень медленно, часто оглядываясь. Потом, когда они приблизились к краю моста (он мог видеть Старый броненосец^[33], по крайней мере думал, что это Старый броненосец, стоящий на якоре в порту, пока на безопасном расстоянии от огня), он обратил внимание на одну странность. Многие также смотрели и на Алису. Поначалу у него возникла паранойяльная идея: люди думают, что они с Томом похитили девушку и уведут ее из города с какими-то, известными только Богу, аморальными намерениями. Так что ему пришлось напомнить себе, что эти призраки на мосту через реку Мистик находятся в состоянии шока, их жизнь перевернулась даже круче, чем у тех, кто стал беженцем по милости урагана Катрина^[34] (тогда люди получили хоть какое-то предупреждение), и едва ли им в головы могли приходиться такие мысли. Большинство настолько ушли в себя, что им было не до моральных проблем. Потом луна поднялась чуть выше и стала светить чуть ярче, и вот тут он все понял: Алиса была единственным подростком. Даже Клай мог считать себя молодым в сравнении с большинством его товарищей по несчастью, беженцев. Большинству тех, кто сейчас стоял, глаза на огромный факел, пылающий на месте Бостона, или медленно шел к Молдену и Дэнверсу, было за сорок, а многие, судя по внешнему виду, имели право на скидки в кафе быстрого обслуживания «У Денни», предоставляемые по достижении «Золотого возраста»^[35]. Он видел несколько пар с маленькими детьми, двух-трех младенцев в колясках, но этим присутствие молодых исчерпывалось.

А чуть дальше ему в глаза бросилось кое-что еще: лежащие на дороге сотовые телефоны. Они попадались буквально через каждые несколько футов и целых среди них не было. Каждый то ли раздавили, то ли растоптали, превратив в обломки пластика и переплетение проволочек, уничтожили, как опасных ядовитых змей, прежде чем они смогли укусить вновь.

— Как тебя зовут, дорогая? — спросила полная женщина, которая подошла к ним уже на шоссе, через пять минут после того, как они миновали мост. Том сказал, что через пятнадцать минут они подойдут к съезду на Салем-стрит, а его дом находится всего в четырех кварталах от съезда. Добавил, что кот будет страшно рад их видеть, вызвав вымученную улыбку на лице Алисы. Клай еще подумал, что лучше вымученная, чем никакая.

Теперь Алиса с инстинктивным недоверием посмотрела на полную женщину, которая отделилась от в основном молчаливых людских групп и коротких цепочек мужчин и женщин (все они едва отличались от теней, некоторые несли чемоданы, кто-то — пластиковые мешки из супермаркетов или рюкзаки на плечах), которые пересекли реку Мистик и теперь шагали на север по шоссе 1, уходили от огромного пожара на юге, полностью отдавая себе отчет, что еще один разгорается в Ривере, на северо-востоке.

Полная женщина рассматривала Алису с живым интересом. Ее седеющие волосы уложили в парикмахерской аккуратными кудряшками. Она была в очках «кошачий глаз» и в коротком пальто, которое мать Клая назвала бы полупальто. В одной руке несла пластиковый пакет, в другой — книгу. Вроде бы безвредная, ничем не напоминающая мобилопсихов [\[36\]](#) (они не встретили ни одного после того, как покинули «Атлантик-авеню инн», нагруженные тремя пакетами с едой и питьем), но Клай все равно насторожился. Полная женщина вела себя так, словно они на одном из чаепитий, куда люди приходят, чтобы познакомиться друг с другом, а не убегала из горящего города, и такое поведение не тянуло на нормальное. Но с учетом сложившихся обстоятельств, какое тянуло? Он, возможно, перебирал с подозрительностью, но если так, то перебирал с ней и Том. Потому что не отрывал глаз от этой полной, похожей на заботливую мамашу, женщины, и в его взгляде читалось: «А не пойти ли тебе своей дорогой?»

— Алиса, — наконец ответила Алиса, когда Клай уже решил, что девушка отвечать не собирается. Голос звучал как у ученицы, пытающейся ответить на, по ее разумению, хитрый вопрос, по предмету, который для нее очень сложен. — Меня зовут Алиса Максвелл.

— Алиса, — повторила полная женщина, и губы ее сложились в материнскую улыбку, такую же искреннюю, как и интерес к девушке. Эта улыбка ни в коей мере не могла еще сильнее насторожить Клая, но насторожила. — Прекрасное имя. Оно означает «благословленная Богом».

— В действительности, мэм, Алиса означает «королевской крови» или «благородного происхождения», — вставил Том. — А теперь попрошу нас извинить. Девушка сегодня потеряла мать, и...

— Мы все сегодня кого-то потеряли, не так ли, Алиса? — На Тома полная женщина даже не посмотрела. Она пристроилась к Алисе, уложенные в парикмахерской кудряшки подпрыгивали в такт каждому шагу. Алиса смотрела на нее с недоверием и зачарованностью. Вокруг шли другие люди, в основном медленно, иногда — быстро, обычно с опущенной головой, в этой непривычной темноте они действительно мало чем отличались от призраков, и Клай по-прежнему не видел молодежи, за исключением нескольких младенцев в колясках, нескольких малышей постарше и Алисы. Никаких подростков, потому что у подростков обычно были мобильники, как у феи Светлой, которую он встретил у магазина на колесах «Мистер Софта». Или как у его собственного сына, у которого был красный «Некстел» с рингтоном из «Семейки монстров» и работающая мать-учительница. Она сейчас могла быть с ним, а могла быть где...

Прекрати. Не выпускай эту крысу. Эта крыса может только бегать, кусаться и грызть

собственный хвост.

Полная женщина тем временем продолжала кивать. А кудряшки прыгали вместе с ее кивками.

— Да, мы все кого-то потеряли, потому что пришло время великой Беды. Это все здесь есть, в откровении Иоанна Богослова. — Она подняла книгу, которую несла, и, разумеется, это была Библия. Вот теперь Клай подумал, что лучше различает блеск глаз толстой женщины за очками «кошачий глаз». И блеск этот говорил не об интересе, а о безумии.

— Так, хватит, игры закончились. — В голосе Тома слышались недовольство (прежде всего собой за то, что позволил толстухе втереться в их компанию и завязать разговор) и тревога.

Толстая женщина не обращала на него ровно никакого внимания. Она гипнотизировала Алису взглядом, и кто мог отогнать ее прочь? У полиции хватало других дел, если она еще существовала. Их окружали только потрясенные, волочащие ноги беженцы, и им не было никакого дела до пожилой безумной женщиной с Библией и в кудряшках.

— Сосуд безумия излился в разум нечестивых, и Город Греха подожжен очищающим факелом *Ие-го-вы!* — воскликнула толстая женщина. Губы она красила красной помадой. Зубы были очень уж ровными, то есть речь шла не о металлокерамике, а о старомодных коронках. — А теперь вы видите, как нераскаившиеся убегают, да, истинно так, как черви уползают из лопнувшего брюха...

Алиса зажала уши руками. «Заставьте ее замолчать!» — вскрикнула она, и тем не менее тени-призраки, недавние жители большого города Бостона, продолжали идти мимо, лишь некоторые бросили на них мутный, лишенный любопытства взгляд, прежде чем вновь уставиться на лежащую перед ними темноту, в которой где-то впереди находился штат Нью-Хэмпшир.

Лицо толстухи заблестело от пота, она вскинула Библию над головой, глаза засверкали, парикмахерские кудряшки прыгали и покачивались.

— Опустит руки, девочка, и услышь слово Господа, прежде чем ты позволишь этим людям увести тебя и прелюбодействовать с тобой на пороге открытой двери самого ада! Ибо я видала звезду, сверкающую в небе, и называлась она Польша, и те, кто следовал за ней, следовали за Люцифером, а те, кто следовал за Люцифером, прямиком направлялись в геенну ог...

Клай ударил ее. В последний момент чуть сдержал удар, но все равно к челюсти приложился от души, почувствовал, как отдача дошла до плеча. Очки толстухи поднялись над крупным носом, но потом вернулись на прежнее место. Глаза за ними лишились блеска и закатились под веки. Колени подогнулись, она начала падать, Библия выскользнула из сжимавших ее пальцев. Алиса, все еще потрясенная и испуганная, тем не менее достаточно быстро оторвала руки от ушей и успела поймать Библию. А Том подхватил женщину под руки. Прodelали они все это так ловко, что казалось, заранее согласовали и отрепетировали свои действия.

Клая этот инцидент потряс куда сильнее, чем все, что успело случиться после того, как мир пошел вразнос. Почему толстуха произвела на него большее впечатление, чем перегрызающая шею девочка или размахивающий ножом бизнесмен, большее, чем мистер Рикарди, который надел на голову пластиковый мешок и повесился на люстре своего кабинета, он не знал, но произвела. Он же дал пинка размахивающему ножом бизнесмену, как и Том, но безумство размахивающего ножом бизнесмена вызвал сотовый телефон. А эта пожилая женщина с кудряшками из парикмахерской была всего лишь...

— Господи, — выдохнул он. — Она же просто чокнутая, а я вышиб из нее дух, — и его затрясло.

— Она терроризировала юную девушку, которая в этот день потеряла мать, — сказал Том,

и Клай понял, что в голосе коротышки слышится не спокойствие, а экстраординарная холодность. — Ты поступил правильно. А кроме того, старую железную лошадь вроде этой надолго из строя не выведешь. Она уже приходит себя. Помоги мне оттащить ее на обочину.

Они уже достигли той части шоссе 1, которую иногда называли Милей чудес, а иногда — Грязным проулком. Если раньше съезды с шоссе встречались редко, то тут шли косяком и вели к винным супермаркетам, дисконтным магазинам одежды, центрам спортивных товаров и дешевым ресторанам с такими названиями, как «Фаддрукерс». Здесь шесть полос движения были если не полностью, то в значительной степени забиты автомобилями, как столкнувшимися, так и просто брошенными, когда водители, запаниковав, хватались за мобильники и сходили с ума. Беженцам приходилось прокладывать сложный путь между застывшими автомобилями, и Клаю Ридделлу они более всего напоминали муравьев, эвакуирующих муравейник, разрушенный ударом сапога какого-то безмозглого человека, проходившего мимо.

Большой зеленый светоотражательный щит с надписью «МОЛДЕН, СЪЕЗД НА САЛЕМ-СТРИТ 1 /4 МИЛИ!» стоял у угла низкого розового здания, в который успели забраться грабители. Земля у здания поблескивала осколками стекла, а работающая от аккумулятора охранная сигнализация пыталась издавать какие-то звуки, потребляя остатки запасенной электроэнергии. Клаю хватило одного взгляда на темную вывеску, чтобы понять, что привлекло грабителей сразу после катастрофы: «ВИННЫЙ МАГАЗИН ГИГАНТСКИХ СКИДОК МИСТЕРА БИГА».

Он вел толстуху за одну пухлую руку, Том — за другую, а Алиса поддержала голову что-то бормочущей женщины, когда они усаживали ее спиной к одной из двух стоек щита-указателя. Едва усадили, как толстуха открыла глаза и посмотрела на них затуманенным взглядом.

Том щелкнул пальцами у нее перед глазами, дважды, громко. Она моргнула, потом посмотрела на Клай.

— Вы... меня ударили. — Она подняла руку, коснулась пальцами быстро опухающей челюсти.

— Да, сожа... — начал Клай.

— Он, возможно, сожалеет, а я — нет. — Голос Тома звучал с прежней холодностью. — Вы терроризировали нашу подопечную.

Толстуха засмеялась, но в глазах стояли слезы.

— Подопечную! Как только это не называли, но вот такое слышу впервые. Как будто я не знаю, что такие мужики, как вы, хотите от такой нежной девушки, как она, особенно в такие времена. «И не раскаялись они в прелюбодеяниях своих, содомии своей, в...»

— Заткнись, — оборвал ее Том, — а не то тебе врежу я. И не буду сдерживать удар в отличие от моего друга, которому, я думаю, повезло, и он не вырос среди таких вот набожных Ханн и не знает вашей сущности. Я предупредил — только еще вякни. — Его кулак закачался у нее перед глазами, и хотя Клай уже пришел к выводу, что Том — образованный человек и в обычной жизни не привык махать кулаками, он не мог не почувствовать тревоги при виде этого маленького, но крепко сжатого кулака, который выглядел для него символом надвигающегося века.

Толстуха смотрела на кулак и молчала. По нарумяненной щеке скатилась одна большая слеза.

— Хватит, Том, — подала голос Алиса. — Я в порядке.

Том бросил пластиковый пакет с пожитками толстухи ей на колени. Клай даже не заметил, что Том успел подхватить пакет, когда толстуха выпустила его из руки. Потом взял Библию у Алисы, поднял пухлую, в кольцах, руку женщины, вложил в ладонь книгу, корешком вперед.

Отвернулся потом вновь посмотрел на женщину.

— Том, достаточно, пора идти, — поддержал Алису Клай.

Том его проигнорировал. Наклонился к женщине, которая сидела, прислонившись спиной к стойке указателя. Руками он упирался в колени, и Клаю эта парочка (женщина-толстуха в очках, смотрящая вверх, и очкастый мужчина-коротышка, наклонившийся над ней, упираясь руками в колени) казалась какой-то идиотской пародией на ранние иллюстрации к романам Чарльза Диккенса.

— Мой тебе совет, сестра, — заговорил Том. — Полиция больше не будет охранять вас, как охраняла, когда ты и твои уверенные в своей правоте, ведомые Богом друзья проводили демонстрации у центров планирования семьи и клиники Эмили Кэткорт в Уолтэме...

— Эта фабрика абортотомов! — Она сплюнула и подняла Библию, словно хотела отразить удар.

Том ее не ударил, но мрачно усмехнулся.

— Я ничего не знаю насчет Сосуда безумия, но, безусловно, безумие бродит по миру в эту ночь. Хочешь, чтобы я выразился яснее? Львы выпущены из клеток, и ты, возможно, скоро выяснишь, что первыми они пожрут болтливых христиан. Сегодня, в три часа пополудни, кто-то отменил ваше право на свободу слова. Считай, что это совет мудреца. — Он посмотрел на Алису, на Клая, и Клай увидел, что верхняя губа под усиками чуть дрожит. — Можем идти?

— Да, — кивнул Клай.

— Вау, — воскликнула Алиса, когда они вновь зашагали к съезду на Салем-стрит, оставляя позади «ВИННЫЙ МАГАЗИН ГИГАНТСКИХ СКИДОК МИСТЕРА БИГА». — Ты вырос среди таких, как она?

— Моя мать и обе ее сестры ничем от нее не отличались, — ответил Том. — «Первая церковь Христа-искупителя Новой Англии». Они видели Иисуса своим личным спасителем, а церковь видела в них своих лохов.

— И где сейчас твоя мать? — спросил Клай.

Том коротко глянул на него.

— На небесах. Если только они не провели ее и с этим. Я вот уверен, что так оно и есть.

В нижней части съезда, у знака «СТОП» двое мужчин дрались из-за бочонка пива. Если бы Клаю задали соответствующий вопрос, он бы ответил, что бочонок этот скорее всего позаимствован из «ВИННОГО МАГАЗИНА ГИГАНТСКИХ СКИДОК МИСТЕРА БИТА». Теперь он лежал позабытый, помятый, сочащийся пеной у оградительного рельса, тогда как двое мужчин, оба мускулистые и оба в крови, лупили друг друга кулаками. Алиса тут же прижалась к Клаю, а Клай обнял ее, но что-то в этих драчунах скорее радовало, чем пугало. Оба были злыми, чего там, в ярости, но не безумными. Не то что люди в городе.

Одному из мужчин, лысому, в куртке «Кельтов»^[37], удался отменный удар, разбивший противнику губы и уложивший на землю. Когда мужчина в куртке «Кельтов» двинулся на лежащего, тот отполз от него подальше, потом поднялся, продолжая пятиться. Сплюнул кровью. «Бери его, сучий потрох, — выговор у него был бостонский. — Надеюсь, ты им подавишься!»

Лысый в куртке «Кельтов» сделал вид, что сейчас бросится на него, и второй мужчина, развернувшись, побежал по съезду к шоссе 1. Куртка «Кельтов» уже начал нагибаться за своей добычей, когда увидел Клая, Тома и Алису, и тут же выпрямился. Их было трое на него одного, ему подбили глаз, кровь текла по щеке из надорванного уха, но Клай в слабом отсвете пожара в Ривере не видел страха на лице лысого. Его дедушка, подумал Клай, сказал бы, что чувствует ирландский дух, и, конечно же, вывод этот хорошо согласовывался с зеленым трилистником^[38] на спине куртки.

— Чего уставились, вашу мать? — спросил он.

— Ничего... просто проходим мимо, если вы не возражаете, — миролюбиво ответил Том. — Я живу на Салем-стрит.

— Вы можете идти что на Салем-стрит, что в ад, мне без разницы, — пробурчал лысый мужчина в куртке «Кельтов». — Все еще свободная страна, не так ли?

— Сегодня? — переспросил Клай. — Слишком свободная.

Лысый обдумал его ответ и коротко хохотнул, но без особого веселья.

— Что, вашу мать, случилось? Кто-нибудь знает?

— Это мобильники, — ответила Алиса. — Они свели людей с ума.

Лысый поднял бочонок. Управлялся он с ним легко, развернул так, чтобы из пробитой дыры больше ничего не текло.

— Гребаные штуковины. Никогда с ними не связывался. Переходящие минуты^[39]. Что за хрень?

Клай не знал. Том, возможно, знал, у него-то мобильник был, но Том промолчал. Наверное, не хотел продолжать разговор с лысым, не самая, между прочим, плохая идея. Клай подумал, что лысый многим напоминает неразорвавшуюся гранату.

— Город горит? — спросил лысый. — Так?

— Да, — кивнул Клай. — Не думаю, что в этом году «Кельты» сыграют на «Флит».^[40]

— Да и хрен с ними, — отмахнулся лысый. — Док Риверс^[41] даже инвалидов не смог бы тренировать. — Он стоял, наблюдая за ними, с бочонком на плече, по щеке текла кровь. Но теперь воинственности в нем поубавилось, на лице читалась чуть ли не безмятежность. — Идите, куда шли. Но я бы не оставался надолго так близко от города. Станет хуже, пока дело не пойдет на лад. Во-первых, пожаров будет гораздо больше. Вы думаете, все, кто ломанулся на север, не забыли выключить газовую плиту? Я в этом сильно сомневаюсь.

Они двинулись дальше, но тут же Алиса остановилась. Указала на бочонок.

— Он ваш?

Лысый рассудительно посмотрел на нее.

— В такие времена кто знает, чье есть чье, булочка моя. Прошлое тью-тью. Остается только настоящее и, возможно, будущее. Сегодня он мой, а если в нем что-нибудь останется, он, возможно, будет моим и завтра. Теперь идите. Поговорили и будя.

— Счастливо. — Клай вскинул руку.

— Не хотел бы я быть тобой, — ответил лысый без тени улыбки, но тоже вскинул свободную руку. Они миновали знак «СТОП» и перешли на противоположную сторону, как предположил Клай, Салем-стрит, когда лысый крикнул вслед: — Эй, красавчик!

Оба, Клай и Том, обернулись, потом посмотрели другу на друга, их губы разошлись в непроизвольной улыбке.

Лысый с бочонком превратился в темный силуэт на поднимающемся к шоссе пандусе. Он мог бы быть и пещерным человеком с дубинкой на плече.

— Где теперь эти психи? — спросил лысый. — Вы же не скажете, что они все передохли, так? Потому что я в это ни хрена не поверю.

— Это очень хороший вопрос, — ответил Клай.

— Ты прав, твою мать, очень хороший. Береги эту маленькую булочку, — и, не дожидаясь ответа, мужчина, который победил в битве за бочонок пива, повернулся и растворился в темноте.

— Вот он, — сказал Том десятью минутами позже, и луна вдруг выскользнула из-за дыма и облаков, которые скрывали ее последний час или около того, словно этот коротышка в очках и с усиками дал команду небесному осветителю. Ее лучи, теперь серебристые, а не болезненно-оранжевые и ужасные, осветили дом, темно-синий, зеленый, а может, и серый. Без уличных фонарей определить цвет не представлялось возможным. Одно Клай мог сказать наверняка: дом ухоженный и симпатичный, хотя, возможно, и не такой большой, каким виделся с первого взгляда. Такому оптическому обману, конечно же, способствовал лунный свет, но еще больше — ступени, которые поднимались от аккуратно подстриженной лужайки к единственному на улице крыльцу с колоннами. Слева над крышей высилась сложенная из плитняка труба. Поверх крыльца на улицу смотрело слуховое окно.

— Том, он прекрасен. — Голос Алисы звучал слишком уж надрывно. Клай решил, что причина — крайняя усталость и близость к истерике. Сам-то он не считал дом прекрасным, но, безусловно, выглядел он как дом человека, у которого есть как сотовый телефон, так и все прочие прибабасы двадцать первого века. Точно так же выглядели и остальные дома этой части Салем-стрит, и Клай сомневался, что многие из их обитателей разделили фантастическую удачу Тома. Он нервно огляделся. Все дома стояли темными — электричество отключилось... и, возможно, пустовали, да только он чувствовал следящие за ними глаза.

Глаза безумцев? Мобилопсихов? Он подумал о женщине во «властном костюме» и фее Светлой; о психе в серых брюках и рубашке с галстуком, превратившимся в лохмотья; о мужчине в деловом костюме, который откусил собаке ухо. Подумал о голом бегуне, протыкающем воздух автомобильными антеннами. Нет, слезка в арсенал мобилопсихов не входила. Они просто бросались на тебя. Но если в этих домах прятались нормальные люди... хотя бы в некоторых... куда тогда подевались мобилопсихи?

Этого Клай не знал.

— Не знаю, считаю ли я его прекрасным, — ответил Том, — но он стоит, где стоял, и мне этого достаточно. Я уже смирился с тем, что, придя сюда, мы найдем дымящееся пожарище. — Он сунул руку в карман и достал брелок с несколькими ключами. — Добро пожаловать, будьте как дома и все такое.

Оки двинулись по дорожке, но не прошли и десяти шагов, как Алиса крикнула: «Подождите!»

Клай развертелся, ощущая как тревогу, так и крайнее утомление. Похоже, начал понимать, что чувствуют солдаты, которым приходится сражаться, не зная отдыха. Даже его адреналин, и тот начал уставать. Но позади никого не было, ни мобилопсихов, ни лысого мужчины с кровью па щеке, текущей из надорванного уха, ни даже пожилой толстухи, вещающей об Апокалипсисе. Только Алиса, опустившаяся на одно колено в том месте, где дорожка, ведущая к дому Тома, отходила от тротуара.

— Что там, сладенькая? — спросил Том.

Она выпрямилась, и Клай увидел, что она держит в руке очень маленькую кроссовку.

— Это «беби найк»^[42], — ответила она. — У тебя...

Том покачал головой.

— Я живу один. Если не считать Рафа. Он думает, что он — король, но на самом деле всего лишь кот.

— Тогда кто оставил се? — Взгляд полных удивления, усталых глаз переместился е Тома на Клая.

Клай пожал плечами.

— Кто знает, Алиса. Можешь смело ее выбрасывать.

Но Клай знал, что кроссовку она не выбросит. И это ощущение *deja vu*^[43] более всего дезориентировало его. Она по-прежнему держала кроссовку в руке, прижимая к груди, когда поднялась на крыльцо и встала позади Тома, который в темноте медленно перебирал ключи в поисках нужного.

Сейчас мы услышим кота, подумал Клай. *Рафа*. И точно, кот, который спас Тома Маккорта, приветственно замыкал по другую сторону двери.

Том наклонился, и Раф, или Рафер, сокращения от Рафаэля, прыгнул ему на руки, громко мурлыкая и вытягивая шею, чтобы обнюхать тщательно подстриженные усы Тома.

— Да, мне тоже доставало тебя, — сказал Том. — Ты прощен, можешь мне поверить. — С Рафером на руках он вошел в дом, поглаживая его по голове. Алиса — за ним. Клай переступил порог последним, закрыл дверь, запер, заблокировал замок и лишь после этого догнал остальных.

— Следуйте за мной на кухню, — сказал Том, убедившись, что все в сборе. В доме стоял приятный запах ноли-роли для мебели и, как подумал Клай, кожи — запах, ассоциирующийся с мужчинами, которые живут размеренной жизнью, и совсем не обязательно, чтобы среди составляющих этой жизни были женщины. — Вторая дверь направо. Держитесь ближе ко мне. Коридор широкий, на полу ничего нет, но с обеих сторон столики, а здесь темно, как у негра в шляпе. Сами видите.

— Образно говоря, — вставил Клай.

— Ха-ха.

— Электрические фонарики у тебя есть? — спросил Клай.

— И фонарики, и лампа Коулмана ^[44], которая еще лучше, но сначала давайте доберемся до кухни.

Они двинулись по коридору, Алиса шагала между двух мужчин. Клай слышал ее учащенное дыхание. Она старалась сохранить хладнокровие в незнакомом месте, но давалось ей это с трудом. Черт, и ему было нелегко. Темнота не позволяла сориентироваться. Даже толика света очень бы помогла, но...

Коленом он ткнулся в один из столов, упомянутых Томом, и что-то на нем задребезжало, готовое разбиться. Клай зажал нервы в кулак, готовясь к грохоту и крику Алисы. В том, что она закричит, сомнений у него не было. Потом задребезжавшая штукovina, ваза или какая-то безделушка, решила, что ей еще рано превращаться в грудку осколков, и осталась на месте. Однако они шли очень долго, прежде чем Том подал голос: «Все здесь? Берем вправо».

В кухне было практически так же темно, как и в коридоре, и Клай успел подумать о том, чего ему здесь доставало, а Тому, должно быть, доставало еще больше: зеленого свечения электронных часов на микроволновой печи, мягкого гудения холодильника, возможно, света в соседском доме, попадающего на кухню через окно над раковиной и оставляющего блики на кране.

— Вот стол, — раздался в темноте голос Тома. — Алиса, сейчас я возьму тебя за руку. Это стул, чувствуешь? Уж извините, если я говорю так, будто мы играем в страну слепых.

— Все нор... — начала она и тут же вскрикнула, заставив Клая подпрыгнуть. Рука легла на рукоятку его ножа (теперь он считал нож своим), прежде чем он успел осознать, что взялся за нож.

— Что такое? — резко спросил Том. — *Что?*

— Ничего, — ответила она. — Просто... ничего. Кот. Его хвост... по моей ноге.

— Ох. Извини.

— Все нормально. Так глупо, — добавила она с таким презрением к себе, что Клай поморщился.

— Перестань, Алиса. Не ругай себя. Просто в офисе выдался тяжелый денек.

— *В офисе выдался тяжелый денек!* — повторила Алиса и рассмеялась. Смех ее Клаю не понравился. Напомнил интонации голоса, когда она называла дом Тома прекрасным. *Она сейчас*

сорвется, и что мне тогда делать? — подумал он. В фильмах вставшая в истерику девушка получает хорошую оплеуху, которая сразу приводит ее в чувство, но в фильмах видно, где находится девушка.

Ему не пришлось бить ее по лицу, трясти или обнимать (с последнего он бы, наверное, начал). Возможно, она услышала звучащую в своем голосе панику, ухватилась за нее, загнала в себя, в ее горле что-то булькнуло, она вдохнула, затихла.

— Садись, — сказал Том. — Ты наверняка устала. И ты, Клай. А я разберусь со светом.

Клай нащупал стул, сел к столу, которого практически не видел, хотя его глаза должны были полностью приспособиться к темноте. Что-то легонько коснулось его брючины. Из-под стола донеслось тихое мяуканье. Раф.

— Ты представляешь? — Он повернулся к едва угадываемому в темноте силуэту девушки. Шаги Тома уже затихали. — Старина Рафер только что испугал и меня, — хотя и не испугал, ну совершенно не испугал.

— Мы должны его простить, — ответила Алиса. — Без этого кота Том свихнулся бы, словив Импульс, как и другие. И это было бы ужасно.

— Безусловно.

— Я так боюсь, — призналась Алиса. — Как думаешь, завтра будет лучше, при свете дня? Я насчет страха?

— Не знаю.

— Ты, должно быть, очень волнуешься из-за жены и своего маленького мальчика?

Клай вздохнул, потер лицо.

— Труднее всего примириться с беспомощностью. Мы сейчас живем врозь, знаешь ли... — Он замолчал и покачал головой. Не продолжил бы, если бы она не нашла его руку. Пальцы ее были твердыми и холодными. — Мы с весны живем врозь, но в одном маленьком городе. Моя мать назвала бы наши отношения «соломенной женитьбой». Моя жена — учительница в начальной школе.

Он наклонился вперед, стараясь разглядеть в темноте ее лицо.

— И знаешь, что самое ужасное? Случись все это годом раньше, Джонни был бы с ней. Но в этом сентябре он пошел в промежуточную школу, которая находится в пяти милях от города. Я все пытаюсь понять, успел ли он добраться домой до того, как мир свихнулся. Он и его друзья ездят в школу на автобусе. Я думаю, к трем часам он должен был вернуться домой. И я думаю, что он сразу пошел к ней.

Или достал свой мобильник из ранца и позвонил ей, радостно предположила крыса-паника... а потом укусила. Клай почувствовал, как напряглись его пальцы в руке Алисы, и заставил себя об этом не думать. Но пот все равно обильно выступал на лице и руках.

— Но ты этого не знаешь.

— Нет.

— У моего отца багетная мастерская и художественный салон в Ньютоне. Я уверена, с ним все в порядке, он из тех, кто полагается только на себя, но будет волноваться обо мне. Обо мне и моей... Моей... ты знаешь...

Клай знал.

— Я все думаю, что же он поел на ужин. Я знаю, это бзик, но он совершенно не умеет готовить.

Клай хотел спросить, а был ли у ее отца мобильник, но что-то подсказало ему обойтись без этого вопроса. И он задал другой:

— Ты немного успокоилась?

— Да, — ответила она, пожав плечами. — Если что с ним случилось, то уже случилось, и я

ничего не могу изменить.

Лучше бы ты не произносила эти слова вслух, подумал Клай.

— У моего сына есть мобильник, я тебе это говорил? — Собственный голос ему самому напоминал воронье карканье.

— Да, говорил. Перед тем как мы пересекли мост.

— Понятно. — Он кусал нижнюю губу, но заставил себя отпустить ее. — Но он не всегда заряжает аккумулятор. Наверное, я говорил и об этом.

— Да.

— У меня просто нет возможности узнать, как они сейчас там. — Крыса-паника вырвалась из клетки. Принялась бегать и кусаться.

Теперь обе ее руки накрыли его ладонь. Он не хотел сдаваться утешению, которое она предлагала (ему было сложно ослабить хватку, в которой он держал себя, и сдаться на милость ее утешения), но он сдался, думая, что *дать* для нее важнее, чем для него — *взять*. Они так и сидели, переплетя руки рядом с подставкой для солонки и перечницы, за маленьким кухонным столом Тома Маккорта, когда Том вернулся из подвала с четырьмя ручными фонариками и коробкой с лампой Коулмана.

Лампа Коулмана давала достаточно света, чтобы они могли обойтись без фонариков. Свет был резким и белым, но Клаю нравилась его яркость, которая изгнала из кухни все тени, за исключением их собственных и кота. Все прочие прыгнули вверх по стене, словно украшения на Хэллоуин, вырезанные из черной гофрированной бумаги, и спрятались.

— Думаю, нам нужно зашторить окна, — сказала Алиса.

Том открывал один из пластиковых мешков из кафе

«Метрополь» с надписью «ДЛЯ СОБАК» на одной стороне и «ДЛЯ ЛЮДЕЙ» — на другой.

Он оторвался от своего занятия, с любопытством посмотрел на нее.

— Почему?

Она пожала плечами и улыбнулась. Клай подумал, что это самая странная улыбка, которую он когда-либо видел на лице девушки-подростка. Алиса смыла кровь с носа и подбородка, но под глазами темнели мешки усталости, а лампа Коулмана обесцвечивала остальную часть ее лица до мертвенной бледности, и улыбка, показавшая узенькую полоску поблескивающих зубов между дрожащих губ, на которых уже не осталось помады, дезориентировала взрослой искусственностью. Он подумал, что Алиса похожа на киноактрису из далеких 1940-х годов, играющую светскую даму на грани нервного срыва. Крошечная кроссовка лежала перед ней на столе. Алиса крутила ее одним пальцем. Шнурки ударялись и постукивали. Клай начал надеяться, что она скоро сломается. Чем дольше ей удалось бы продержаться, тем мощнее была бы разрядка. Она, конечно, чуть-чуть стравила давление, но самую малость. Пока из всех троих в ней накопилось самое большое напряжение.

— Не думаю, что люди должны знать о нашем присутствии здесь, вот и все, — ответила она. Вертанула кроссовку, которую назвала «беби найк». Она вращалась. Шнурки ударялись и постукивали о полированную поверхность кухонного стола Тома. — Мне кажется, это может быть... плохо.

Том посмотрел на Клая.

— Она, пожалуй, права, — согласился с Алисой Клай. — Мне не нравится, что во всем квартале свет горит только у нас, пусть даже окна выходят во двор.

Том поднялся и молча задвинул занавески окна над раковиной.

В кухне было еще два окна, и он задвинул занавески и на них. Направился обратно к столу, потом сменил курс, закрыл дверь в коридор. Алиса вращала перед собой «беби найк». В резком, безжалостном свете лампы Коулмана Клай видел, что кроссовка розово-пурпурная, такие цвета могли понравиться только ребенку. Кроссовка вращалась. Шнурки ударялись и постукивали. Том, хмурясь, смотрел на нее, когда садился, и Клай подумал: *Скажи ей, пусть уберет кроссовку со стола. Скажи ей, что не знаешь, где она могла побывать, и не хочешь, чтобы она лежала на твоём столе. Этого будет достаточно, чтобы нервы у нее сдали, а уж потом мы сможем начать бороться с ее истерикой. Скажи ей. Я думаю, она этого хочет. Я думаю, именно поэтому она это делает.*

Но Том только достал сэндвичи из пакета, с ростбифом и сыром, с ветчиной и сыром, и раздал их. Из холодильника он принес кувшин с ледяным чаем («Еще холодный», — сказал он) и положил коту остатки сырого гамбургера.

— Он этого заслуживает. — В голосе слышались извиняющиеся нотки. — А кроме того, с отключенным электричеством мясо быстро протухнет.

На стене висел телефонный аппарат. Клай снял трубку, исключительно для проформы, на этот раз не услышал даже непрерывного гудка. Телефонная линия была мертва, как... ну, как

женщина во «властном костюме», рядом с парком Бостон Коммон. Он сел и принялся за сандвич. Проголодался, но желания есть не было.

Алиса положила свой на стол, откусив три раза.

— Не могу. Сейчас не могу. Наверное, слишком устала. Хочу пойти спать. И хочу избавиться от этого платья. Полагаю, помыться мне не удастся, во всяком случае, как следует, но я готова на все, лишь бы выбросить это гребаное платье. Оно воняет потом и кровью. — Она вертанула кроссовку, которая закружилась рядом с мятой бумагой, на которой лежал ее едва начатый сандвич. — И оно пахнет моей матерью. Ее духами.

Какое-то мгновение все молчали. Клай просто потерял дар речи. Представил себе Алису, скинувшую с себя платье, в белых трусиках и бюстгальтере, с широко раскрытыми, вылезавшими из орбит глазами, придающими ей сходство с бумажной куклой. Воображение художника, всегда точное в деталях и всегда готовое услужить, добавило бирки — полоски бумаги^[45] на плечах и нижней части ног. «Картинка» получилась шокирующей не из-за сексуальности, а в силу ее отсутствия. Вдалеке, шум едва донесся до них, что-то взорвалось.

Том нарушил молчание, за что Клай мог его только поблагодарить:

— Готов спорить, одна пара моих джинсов отлично тебе подойдет, если ты подвернешь штанины на манер манжет. — Он встал. — Знаешь, я думаю, ты будешь даже очень изящно в них смотреться, как Гек Финн в спектакле «Большая река», поставленном в женской школе. Пойдем наверх. Я приготовлю тебе одежду на утро, а потом отправлю тебя в спальню для гостей. Пижам у меня достаточно, просто море пижам. Тебе нужен «Коулман»?

— Я... думаю, фонарика хватит. Так я могу идти спать?

— Да. — Он взял один фонарик себе, второй передал Алисе. Похоже, хотел что-то сказать насчет маленькой кроссовки, когда она забрала ее со стола, но передумал. Сказал другое: — Ты сможешь и помыться. Воды много не будет, но сколько-то из кранов вытечет даже с отключенным электричеством. Я уверен, мы можем позволить себе набрать раковину воды. — Поверх ее головы он посмотрел на Клая. — В подвале у меня всегда ящик с питьевой водой, так что от жажды мы не умрем.

Клай кивнул.

— Спокойной ночи, Алиса.

— И тебе того же, — рассеянно ответила она, потом добавила, еще более рассеянно: — Приятно было с тобой познакомиться.

Том открыл перед ней дверь. Лучи фонарей заплясали в коридоре. Потом дверь закрылась. Клай услышал их шаги на лестнице, потом над головой. Услышал, как бежит вода. Ждал урчания воздуха в трубах, но вода перестала течь раньше. Раковину, сказал Том, столько воды она и получила.

Клай тоже был в пыли и крови, которые ему хотелось смыть (как и Тому, полагал он), но он предположил, что на первом этаже тоже есть ванная, и если Том аккуратен во всем, а в этом, похоже, сомневаться не приходилось, то вода в унитазе наверняка будет чистой. И, разумеется, вода была и в сливном бачке.

Рафер прыгнул Тому на колени и начал вылизывать лапы в белом свете лампы Коулмана. Несмотря на низкое шипение лампы, Клай слышал, как мурлычет кот. Для Рафа жизнь по-прежнему была медом.

Он подумал об Алисе, вращающей крошечную кроссовку, и задался вопросом, может ли пятнадцатилетняя девочка испытать нервный срыв.

— Не глупи, — сказал он коту. — Конечно же, может. Такое случается постоянно. На эту тему каждую-неделю снимают фильм.

Рафер смотрел на него, зелеными, мудрыми глазами и продолжал вылизывать лапу.

«Скажи мне больше, — вроде бы говорили эти глаза. — Тебя, били, когда ты был р-р-ребенком? У тебя возникали сексуальные мысли о твоей матер-р-ри?»

Оно пахнет моей матерью. Ее духами.

Алиса — бумажная кукла с бирками па плечах и ногах.

«Не говор-р-ри ер-р-рунду, — казалось, читал он в зеленых глазах Рафера. — Бир-р-рки на одежде, не на куклах. Что ты за художник?»

— Безработный художник, — ответил он. — А теперь заткнись, хорошо? — Он закрыл глаза, но от этого стало только хуже. Теперь зеленые глаза Рафера, лишившись тела, плавали в темноте, как глаза Чеширского кота Льюиса Кэрролла: «Мы тут все сумасшедшие, дорогая Алиса». И на ровное шипение лампы Коулмана по-прежнему накладывалось мурлыканье Рафера.

Том отсутствовал пятнадцать минут. Когда вернулся, бесцеремонно сбросил Рафа со своего стула и отхватил большущий кусок сэндвича.

— Она спит, — сообщил Том. — Переделась в мою пижаму, пока я ждал в коридоре, а потом мы вместе выбросили платье в мусорное ведро. Думаю, она заснула через сорок секунд после того, как ее голова коснулась подушки. Выбросив платье, она подвела под дном черту, я в этом уверен. — Пауза. — Оно действительно ужасно пахло.

— Пока тебя не было, я выдвинул Рафа в президенты Соединенных Штатов. Его избрали без голосования, на основании всеобщего одобрения.

— Хорошо, — кивнул Том. — Мудрый выбор. И чьим одобрением он заручился?

— Миллионов. Всех, кто еще остался в здравом уме. Они послали мыслебюллетени. — Клай широко раскрыл глаза и постучал себя по виску. — Я могу читать *мы-ы-ы-ы-с-с-сли!*

Том перестал жевать, начал снова... но медленно.

— Знаешь, с учетом ситуации, это совсем не забавно.

Клай вздохнул, отпил ледяного чая, заставил себя откусить кусок сэндвича. Сказал себе, что должен думать о сэндвиче как о топливе для тела, если только так и можно доставить его в желудок.

— Да. Пожалуй, не забавно. Извини.

Том чокнулся с ним стаканом, прежде чем выпить чая.

— Все нормально. Я ценю стремление поднять наш боевой дух. Слушай, а где твой портфель?

— Оставил на крыльце. Хотел, чтобы обе руки были свободными, когда мы проходили коридором смерти Тома Маккорта.

— Тогда с ним все в порядке. Слушай, Клай, я сожалею, что все так вышло с твоей семьей.

— Пока не сожалею. — Голос Клая немного осип. — Пока еще не о чем сожалеть.

— Но я рад, что наткнулся на тебя. Вот что я хотел сказать.

— И я могу сказать тебе то же самое. Я понимаю, как важно найти спокойное место, где можно провести ночь. И я уверен, Алиса это тоже понимает.

— Оно спокойное, пока в Молдене ничего не взрывается и не горит.

Клай кивнул, улыбнулся одними губами.

— Пока. Ты взял у нее эту кроссовку?

— Нет. Она улеглась с ней в кровать, как... ну, не знаю, с плюшевым медвежонком. Завтра ей полегчает, если она проспит всю ночь.

— Думаешь, проспит?

— Нет, — ответил Том. — Но если она проснется в испуге, я проведу ночь с ней. Если нужно, в одной кровати. Ты знаешь, я ей не опасен, так?

— Да. — Клай знал, что и он ей не опасен, но понял, о чем толковал Том. — Завтра утром я собираюсь уйти на север, как только рассветет. Возможно, будет неплохо, если ты и Алиса пойдете со мной.

Том задумался, потом спросил:

— А как же ее отец?

— Она же говорит, что он, цитата, «из тех, кто полагается только на себя». И тревожилась она только по одному поводу: что он съест на обед, раз не умеет готовить? Из этого я понял, что его судьба не так уж ее и волнует. Разумеется, мы должны спросить, что она думает по этому поводу, но я бы предпочел оставить ее с нами и не хочу идти на запад, в эти промышленные

городки.

— Ты вообще не хочешь идти па запад.

— Не хочу, — признал Клай.

Он подумал, что Том начнет с ним спорить, и ошибся.

— Как насчет этой ночи? — спросил Том. — Ты думаешь, нам нужно организовать дежурство?

До этого момента такие мысли не приходили Клаю в голову.

— Не думаю, что от этого будет какая-то польза. Если обезумевшая толпа ворвется на Салем-стрит, размахивая оружием и факелами, что мы сможем с этим поделать?

— Спуститься в подвал?

Клай задумался. Отступление в подвал казалось ему последним шагом, вариант «Бункер», но его не следовало исключать: гипотетическая обезумевшая толпа могла решить, что в доме никого нет, и проследовать дальше. Все лучше, чем смерть на кухне, предположил он. Возможно, после того, как у нас на глазах пустят по кругу Алису.

До этого не может дойти, сказал он себе, но без должной уверенности. *Ты теряешься в гипотетических версиях, вот и все. Сам себя пугаешь. До этого не может дойти.*

Да только Бостон сгорал дотла у них за спинами. Винные магазины грабили, а мужчины избивали друг друга в кровь из-за алюминиевого бочонка с пивом. До этого уже дошло.

Том тем временем наблюдал за ним, не мешая делать выводы... и сие означало, что сам Том к этим выводам уже пришел. Раф прыгнул к нему на колени. Том положил сандвич на стол и погладил кота по спине.

— Вот что я тебе скажу. — Клай посмотрел на Тома. — Если у тебя есть пара одеял, в которые я смогу завернуться, почему бы мне не провести ночь на твоём крыльце? Оно закрытое, там темнее, чем на улице. Из этого следует, что я увижу тех, кто приблизится к нему, задолго до того, как они заметят меня. Особенно если придут мобилопсихи. Мне не показалось, что в маскировке они спецы.

— Нет, эти точно подкрасться не сумеют. А если люди зайдут через кухню? Линн-авеню проходит всего в квартале.

Клай пожал плечами, стараясь показать, что они не смогут организовать круговую оборону, да и оборону вообще, не говоря об этом вслух.

— Ладно. — Том откусил от сандвича еще кусок, дал Рафу ветчины. — Но в три часа мы можем поменяться местами. Если Алиса к тому времени не проснется, возможно, она будет спать до утра.

— Давай не будем загадывать, посмотрим, как все пойдет. Слушай, думаю, я и сам знаю ответ, но... оружия у тебя нет, так?

— Нет, — подтвердил Том. — Нет даже баллончика с «Мейсом» ^[46]. — Он посмотрел на недоеденный сандвич, положил на стол. Когда поднял глаза на Клая, их переполняла печаль. Заговорил тихим голосом, словно собрался поделиться большим секретом: — Ты помнишь, что сказал коп перед тем, как застрелить того безумца?

Клай кивнул. «Эй, дружище, как дела? Я хочу сказать, что с тобой такое?» Этого он не забыл бы до конца своих дней.

— Я знал, что в жизни будет не так, как в кино, — прошептал Том, — но не подозревал, что у пули такая пробивная сила... плюс внезапность... и этот звук, когда содержимое... содержимое его головы...

Внезапно он наклонился вперед, прижимая маленькую руку ко рту. Это движение напугало Рафера, и кот спрыгнул на пол. Из Тома исторглись три глухих горловых звука, и Клай напрягся, приготовившись к тому, что за звуками последует струя блевотины. Ему оставалось только

надеялся, что он не начнет блевать сам, но думал, что такое очень даже возможно. Он знал, как близко к этому подошел — от черты, за которой началась бы неудержимая рвота, его отделяло совсем ничего. Потому что он знал, о чем говорил Том. Выстрел, а потом выплеснувшаяся на асфальт мокрая вязкая субстанция.

Но рвоты не последовало. Том взял желудок под контроль, уставился в потолок повлажневшими глазами.

— Извини. Не стоило говорить об этом.

— Не за что тебе извиняться.

— Я думаю, если мы хотим через все это пройти, то должны найти способ отрастить толстую кожу. Я думаю, те, кто не сможет этого сделать... — Он замолчал, потом продолжил: — Я думаю, те, кто не сможет этого сделать... — вновь замолчал и лишь на третий раз сумел закончить фразу: — Я думаю те, кто этого не сделает, могут умереть.

И они посмотрели друг на друга в ярком белом свете лампы Коулмана.

— После того как мы покинули город, я не увидел ни одного человека с оружием, — поделился своими наблюдениями Клай. — Поначалу я не смотрел, но потом начал высматривать вооруженных людей.

— Ты знаешь почему, не так ли? Во всей стране, за исключением, возможно, Калифорнии, в Массачусетсе самые строгие законы, оговаривающие владение и ношение оружия.

Несколько лет назад Клай видел на границе штата рекламные щиты, утверждающие то же самое. Потом их заменили другими, сообщающими, что водителю, у которого зафиксировано алкогольное или наркотическое опьянение, первую после ареста ночь предстоит провести в тюрьме.

— Если копы находят в твоём автомобиле спрятанный пистолет или револьвер, скажем, в бардачке, вместе с регистрационным талоном и страховой карточкой, ты можешь угодить за решетку, думаю, лет на семь, — продолжил Том. — Если тебя останавливают, а в кабине твоего пикапа заряженный карабин или ружье, даже в охотничий сезон, ты можешь получить штраф в десять тысяч долларов и два года общественных работ. — Он взял со стола недоеденный сэндвич, осмотрел его, положил на место. — Ты можешь иметь пистолет или револьвер и хранить его дома, если ты не преступник, но лицензия на ношение оружия? Возможно, если за тебя поручится отец О'Молли^[47] из «Мальчишеского клуба», но не обязательно.

— Отсутствие оружия помогло спасти несколько жизней среди тех, кто ушел из города.

— Полностью с тобой согласен. Эти два парня, которые подрались из-за бочонка пива. Слава Богу, ни у одного не было револьвера тридцать восьмого калибра.

Клай кивнул.

Том откинулся на спинку стула, скрестил руки на узкой груди, огляделся. Его очки поблескивали. Круг света, отбрасываемого лампой Коулмана, был ярким, но маленьким.

— Я вот сейчас я бы не отказался от пистолета, — добавил Том. — Даже после того, как увидел, что он может сделать с человеком. И я считаю себя пацифистом.

— Давно ты здесь живешь, Том?

— Примерно двенадцать лет. Достаточно долго, чтобы увидеть, как Молден прошел долгий путь, превращаясь в Говновилл. До конечной точки еще не добрался, но она уже близка.

— Ладно, давай об этом подумаем. У кого из твоих соседей может быть оружие в доме?

Том ответил мгновенно

— У Арни Никерсона. Он живет на противоположной стороне улицы, в трех домах левее от меня. На бампере «камри» наклейка «НСА»^[48] вместе с двумя переводными картинками «желтая ленточка»^[49] и старой наклейкой «Буш-Чейни».

— Дальше можно ничего не...

— И две наклейки «НСА» на пикапе, к которому он цепляет домик-прицеп в ноябре и отправляется на охоту в твою часть света.

— А мы счастливы получить деньги, которые он платит за лицензию на право охоты в нашем штате, — сказал Клай. — Давай завтра вломимся к нему в дом и заберем оружие.

Том Маккорт посмотрел на него, как на сумасшедшего.

— Этот человек — не параноик, как некоторые типы из народной армии в Юте, я хочу сказать, он живет в Налогочусетсе, но у него в доме стоит охранная сигнализация с табличками на лужайке «ХОЧЕШЬ ИСПЫТАТЬ СВОЮ УДАЧУ, ГОВНЮК?». И я уверен, что ты знаком с заявленной политикой «НСА» насчет попытки изъять у них оружие.

— Как я понимаю, от него придется отрывать их холодные, мертвые пальцы...

— Именно так.

Клай наклонился вперед и окончательно сформулировал очевидное для него с того самого момента, как они спустились по пандусу с шоссе 1: Молден — всего лишь один из многих предоставленных самим себе городков на территории Объединенных Сот Америки, и эта страна на текущий момент вышла из строя, извините, связи нет, пожалуйста, позвоните позже. Казалось, что на Салем-стрит не осталось ни одной живой души, он это чувствовал, когда они приближались к дому... не так ли?

Нет. Чушь собачья. Он чувствовал, что за ними наблюдают.

Так ли? А если бы и чувствовал, ужели он мог положиться на эту интуитивную догадку, действовать, исходя из нее, только-только пережив столь знаменательный день? Нелепая идея.

— Том, послушай. Завтра, при свете дня, один из нас должен подойти к дому этого Наклесона, и...

— Он — Никерсон, и я не думаю, что это здравая идея, поскольку сваи^[50] Маккорт видит, как Никерсон стоит на коленях у окна гостиной и держит в руках полностью заряженный автоматический карабин, который приберег для конца света. А конец этот аккурат и наступил.

— Я туда схожу, — не согласился с ним Клай. — Но не пойду, если мы услышим выстрелы из дома Никерсона этой ночью или завтра утром. Определенно не хочу видеть тела на лужайке этого парня с огнестрельными ранениями или без них. Я все это уже видел в некоторых сериях «Сумеречной зоны», тех, где показывается, что цивилизация — всего лишь тоненькая лаковая пленка.

— Так и есть, — мрачно заметил Том. — Пол Пот, Иди Амин, обвинение закончило представление доказательств.

— Я пойду с поднятыми руками. Позвоню в звонок. Если кто-нибудь ответит, скажу, что хочу поговорить. Что ужасного может там произойти? В крайнем случае он предложит мне проваливать.

— Нет, ужасное может произойти, он может застрелить тебя на своем гребаном коврикe у входной двери и оставить меня с девушкой-подростком, только что потерявшей мать, — резко ответил Том. — Если хочешь, держи в голове эпизоды из «Сумеречной зоны», но и не забывай тех людей, которых ты видел сегодня, дерущихся около станции «Т» в Бостоне.

— Это... я не знаю, как это назвать, но те люди обезумели. Ты же не можешь в этом сомневаться, Том.

— А как насчет потрясающей Библией Берты? И двоих мужчин, подравшихся из-за бочонка пива? Они тоже сошли с ума?

Нет, разумеется, не сошли, но если в доме на другой стороне улицы был пистолет, он хотел его заполучить. А если оружия было больше, с радостью вооружил бы и Тома, и Алису.

— Нам нужно пройти на север более сотни миль, — указал Клай. — Возможно, мы сумеем завести какой-нибудь автомобиль и часть пути проедем, но скорее всего идти придется пешком. Ты хочешь идти только с ножами? Я спрашиваю тебя, как один ответственный человек — другого, потому что некоторые из тех, кого мы можем встретить, будут с оружием. Полагаю, ты это знаешь.

— Да, — кивнул Том, прошелся рукой по аккуратно уложенным волосам, испортив прическу. — И я знаю, что Арни и Бет скорее всего дома ты не застанешь. Они помешаны не только на оружии, но и на современных штучках. Он всегда говорил по сотовому, когда проезжал мимо на своем детройтском фаллосе, этом большущем пикапе «додж рэм».

— Вот видишь? Значит, ты — за.

Том вздохнул.

— Хорошо. В зависимости от того, что преподнесет нам утро. Договорились?

— Договорились. — Клай вновь взялся за сэндвич. Теперь желания поесть у него прибавилось.

— Куда они пошли? — спросил Том. — Те, кого ты называешь мобилопсихами. Куда они пошли?

— Понятия не имею.

— Я тебе скажу. Думаю, они набились в дома и административные здания и умерли.

Во взгляде Клая читалось сомнение.

— Взгляни на все это с позиции здравого смысла, и ты поймешь, что я прав. Скорее всего это был какой-то террористический акт, ты согласен?

— Это наиболее вероятное объяснение, хотя, будь я проклят, если знаю, как какой-то сигнал, каким бы он ни был разрушительным, мог так воздействовать на психику.

— Ты — ученый?

— Нет. Ты знаешь, я художник.

— И когда правительство говорит тебе, что они могут направить компьютеризированные «умные» бомбы в двери бункера, который находится посреди пустыни, с авианосца, плавающего в двух тысячах милях, тебе остается только смотреть на фотоснимки и верить, что такие технические средства существуют.

— Стал бы Том Кленси^[51] лгать мне? — спросил Клай без тени улыбки.

— А если та технология существует, почему не принять на веру эту, пусть в качестве предположения?

— Хорошо, договаривай. Только, пожалуйста, простыми словами.

— Первого октября в три часа пополудни террористическая организация, может, даже какое-то государство-изгой генерировали некий Импульс или сигнал, который транслировался каждым мобильником на планете. Мы будем надеяться, что это не тот случай, но, думаю, на данный момент должны исходить из самого худшего.

— Сигнал более не генерируется?

— Не знаю, — пожал плечами Том. — Хочешь найти мобильник и выяснить?

— Туше, — ответил Клай. — Так мой маленький мальчик произносит слово *touchy*^[52].

«И пожалуйста, Господи, сделай так, чтобы произносил и дальше».

— Если эта группа может передать сигнал, который вызывает безумие у всех, кто его слышит, вполне возможно, что этот сигнал также содержит директиву для тех, кто его получил: покончить с собой пятью часами позже. Или просто лечь спать и перестать дышать.

— Я бы сказал, что такое невозможно.

— Я бы сказал, что было невозможно представить себе безумца, который набрасывается на тебя с ножом напротив отеля «Времена года», — ответил Том. — Или Бостон, сгорающий дотла, тогда как все его население, та счастливая часть, что не обзавелась мобильниками, уходит по мосту Закима^[53] и через реку Мистик.

Том наклонился вперед. Пристально посмотрел на Клая. *Он хочет в это верить*, подумал Клай. *Не стоит тратить время на то, чтобы разубеждать его, потому что он очень, очень хочет в это верить.*

— В определенном смысле все это не так уж и отличается от биотерроризма, которого правительство так боится после девять-одиннадцать^[54], — продолжил Том. — Используя сотовые телефоны, которые стали самым распространенным средством связи в нашей повседневной жизни, ты одновременно превращаешь население в рекрутов собственной армии, армии, которая ничего не боится, потому что безумна, и разрушаешь инфраструктуру. Где сейчас Национальная гвардия^[55]?

— В Ираке? — предположил Клай. — В Луизиане^[56]?

Шутка получилась не очень, Том и не улыбнулся.

— Нигде. Как можно использовать добровольческие войска, для мобилизации которых используется исключительно сотовая связь? Что же касается самолетов, то последним, который я видел в полете, был тот маленький, что потерпел катастрофу на углу Чарльз— и Бикон-стрит. — Он помолчал, заговорил вновь, глядя Клаю в глаза: — Все это они сделали... кем бы ни были. Они смотрят на нас оттуда, где живут и поклоняются своим богам, и что они видят?

Клай покачал головой, замороженный глазами Тома, поблескивающими за очками. Почти что глазами провидца.

— Они видят, что мы снова построили Вавилонскую башню... в этот раз на электронной паутине. В считанные секунды они смахнули эту паутину, и наша Башня упала. Вот что они сделали, а мы трое — жучки, которым волей случая немислимо повезло. Мы не попали под стопу гиганта, опустившуюся на землю, и нас не раздавило. Все это они сделали, и ты думаешь, что они не могли закодировать в сигнале приказ лечь спать и перестать дышать пятью часами позже? Сложная ли это задача в сравнении с той, которую они решили? По моему разумению, нет.

— А по моему разумению, нам пора спать, — заметил Клай.

Какое-то мгновение Том не менял позы, нависал над столом, глядя на Клая, словно не понимая, что тот сказал. Потом рассмеялся.

— Да, — вырвалось у него. — Да, ты прав. Очень уж я завелся. Извини.

— Совсем нет, — возразил Клай. — Я надеюсь, все будет, как ты и сказал, и ночью все эти психи сдохнут. — Он помолчал, потом добавил: — Я хочу сказать... если только мой мальчик... Джонни-мальш... — закончить не смог. Отчасти или в основном по одной причине: если Джонни во второй половине этого дня попытался воспользоваться мобильником и получил тот же сигнал, что фея Светлая и женщина во «властном костюме», Клай не знал, хотел бы он, чтобы его сын оставался в живых.

Том через стол потянулся к Клаю и тот взял его тонкую руку с длинными пальцами в обе свои. Он видел все это словно со стороны, выйдя из своего тела, и когда заговорил, ему казалось, что говорит совсем не он, хотя чувствовал и двигающиеся губы, и слезы, которые потекли из глаз.

— Я так за него боюсь, — говорил рот Клая. — Я боюсь за них обоих, но больше — за моего сына.

— Все будет хорошо, — сказал Том, и пусть Клай знал, что Том желает ему добра, сердце от этих слов все равно пронзило ужасом, потому что фразу эту обычно произносят, когда ничего другого не остается. Как «Ты это переживешь» или «Он теперь в лучшем месте».

Крики Алисы вырвали Клая из сумбурного, но довольно-таки приятного сна. Он находился в павильоне «Бинго» на ярмарке штата Огайо в городе Акрон. Ему было шесть лет (возможно, меньше, но никак не больше), и он залез под длинный стол, за которым сидела мать, смотрел на лес женских ног, вдыхал сладкий запах опилок, тогда как ведущий объявлял: «В-12, игроки, В-12! Это витамин солнечного света!»

На какое-то мгновение его подсознание попыталось вплести крики девушки в сон, настаивая, что он слышит свисток, возвещающий о наступлении субботнего полудня, по только на мгновение. Клай позволил себе заснуть на крыльце Тома после того, как час следил за улицей и пришел к выводу, что здесь ничего не может случиться, во всяком случае, этой ночью. Но при этом он нисколько не сомневался, что Алиса не сможет дотянуть до утра, поэтому практически сразу определил, кто кричит (и почему), и ему не пришлось долго разбираться в том, где он находится и что происходит. Только что он был маленьким мальчиком в штате Огайо, устроившимся под длинным столом, на котором играли в «Бинго», а тут уже скатился с удобной длинной кушетки на застекленном переднем крыльце Тома Маккорта, со ступнями и голеньями, завернутыми в одеяло. А где-то в доме кричала Алиса Максвелл, громко и пронзительно, немного не доставая до тех частот, которые разрушают хрусталь, облегая в звуки весь ужас только что ушедшего дня, настаивая накладывающимися друг на друга криками, что случиться такого просто не могло, и все, что произошло, надобно отринуть.

Клай попытался выпутаться из одеяла, но поначалу оно не хотело его отпускать. Он запрыгал к внутренней двери, одновременно сдирая одеяло с ног и поглядывая на Салем-стрит в уверенности, что в соседних домах сейчас начнут зажигаться огни, пусть и помнил, что электричество отключено; в уверенности, что кто-то — возможно, владелец оружия и большой любитель современной техники, мистер Никерсон, живущий через три дома на противоположной стороне улицы — выйдет на свою лужайку и закричит сам, требуя, чтобы кто-нибудь угомонил эту девчонку. «Не заставляйте меня приходить к вам! — проорал бы мистер Никерсон. — Не заставляйте меня приходить к вам и пристрелить ее!»

Или ее крики могли привлечь мобилопсихов, которые слетелись бы на них, как мотыльки — на свет лампы. Пусть Том и считал, что все они мертвы, но Клай верил в это не больше, чем в дом Санта-Клауса на Северном полюсе.

Но Салем-стрит, во всяком случае, их квартал, к западу от центра города и рядом с той его частью, которую Том называл Гранада-Ханлендс, оставалась темной и молчаливой, без всякого движения. Даже зарево пожара в Ривере и то поблекло.

Клай наконец-то избавился от одеяла, прошел в дом, остановился у лестницы, вглядываясь в темноту. Теперь он слышал голос Тома, не слова, а тон, ровный, успокаивающий. Леденящие кровь крики девушки начали прерываться хриплыми вздохами, потом рыданиями, нечленораздельными звуками, которые постепенно перешли в слова. Клай уловил одно из них: *кошмар*. Голос Тома не утихал, монотонно гудел, лгал ради спокойствия: все уже хорошо, утром, вот увидишь, будет только лучше. Клай отчетливо представлял их себе, сидящих бок о бок на кровати в спальне для гостей, в пижамах с монограммой «ТМ» на нагрудном кармане. Мог даже нарисовать. Эта мысль вызвала улыбку.

Убедившись, что больше криков не будет, Клай вернулся на крыльцо. Там было прохладно, но с холодом он быстро справился, завернувшись в одеяло. Сел на кушетку, оглядывая ту часть улицы, которую мог видеть. Слева, к востоку от дома Тома, находился деловой район. Ему показалось, что он видит светофор на въезде на городскую площадь. С другой стороны, откуда

они пришли, выстроились такие же, как у Тома, дома. Все они растворялись в ночи.

— Где вы? — прошептал он. — Некоторые ушли на север и запад, те, кто остался в здравом уме. Но остальные, куда вы подевались?

С улицы ему не ответили. Черт, может, Том был прав, и мобильники отдали им команду рехнуться в три часа дня и умереть в восемь. Но такой расклад слишком хорош, чтобы быть правдой. С другой стороны, он помнил, что точно так же высказывался и о перезаписываемых компакт-дисках.

Молчание окутывало улицу перед ним. Молчание окутывало дом за его спиной. Спустя какое-то время Клай вытянулся на кушетке, позволил глазам закрыться. Подумал, что лишь подремлет, сомневался, что сможет заснуть. Однако смог, и на этот раз ему ничего не снилось. Однажды, перед самым рассветом, дворняга подошла к крыльцу по дорожке на лужайке, посмотрела на него, похрапывающего, завернувшегося в одеяло, и проследовала дальше. Псина никуда не торопилась. В это утро пищи в Молдене хватало, да и в последующие дни она могла не беспокоиться о еде.

— Клай. Просыпайся.

Его трясла рука. Клай открыл глаза и увидел Тома, в синих джинсах и серой рубашке. Крыльцо заливал блеклый свет. Клай посмотрел на часы, перекидывая ноги через край кушетки. Двадцать минут седьмого.

— Ты должен это увидеть. — На бледном лице Тома отражалась тревога, с обеих сторон усов появилась щетина. Подол рубашки с одной стороны торчал из джинсов, волосы на затылке стояли дыбом.

Клай посмотрел на Салем-стрит, увидел собаку, которая, держа что-то во рту, трусила мимо двух брошенных автомобилей в полуквартале к западу от дома Тома. Больше никакого шевеления на улице не замечалось. В воздухе стоял слабый запах дыма, долетавший то ли из Бостона, то ли из Ривера. Может, с обоих пожарищ, но ветер по крайней мере стих. Клай повернулся к Тому.

— Не здесь. — Том по-прежнему говорил шепотом. — Во дворе. Я увидел, когда пошел на кухню, чтобы сварить кофе, прежде чем вспомнил, что кофе больше не будет, по крайней мере на какое-то время. Может, это и ерунда, но... то, что я увидел, мне не понравилось.

— Алиса спит? — Клай полез под одеяло за носками.

— Да, и это хорошо. Оставь и носки, и ботинки, это не обед в «Ритце». Пошли.

Он последовал за Томом, который шел в удобных домашних туфлях, по коридору на кухню. На столе стоял недопитый стакан с ледяным чаем.

— Не могу начинать день без кофеина, знаешь ли, — объяснил Том. — Налил себе стакан чая, если хочешь, налей и себе, он еще холодный, и отодвинул занавеску окна над раковиной, чтобы посмотреть на свой огород. Без всякой на то причины, просто хотел соприкоснуться с окружающим миром. И увидел... впрочем, посмотри сам.

Клай выглянул в окно над раковиной. Увидел аккуратный, маленький, выложенный кирпичом внутренний дворик, на котором стоял газовый гриль. За ним начинался собственно двор — наполовину зеленая лужайка, наполовину огород. Огораживал двор высокий забор с калиткой. Засов, который ее запирает, вышибли, и теперь он висел под углом, словно сломанная кисть. Клай подумал, что Том мог бы сварить кофе на газовом гриле, если бы не мужчина, который сидел в его огороде рядом с вроде бы декоративной тачкой, ел мякоть расколотой тыквы и выплевывал косточки. На нем был комбинезон механика и засаленная кепка с выцветшей буквой «Б». На левом нагрудном кармане комбинезона красные, тоже выцветшие буквы складывались в слово «ДЖОРДЖ». Клай слышал чавкающие звуки, раздающиеся всякий раз, когда лицо мужчины ныряло в тыкву.

— Твою мать, — прошептал Клай. — Это один из них.

— Да. А где один, там и много.

— Он вышиб засов, чтобы войти?

— Разумеется, вышиб. Я не видел, как он это сделал, но вчера, когда я уходил, калитка была заперта, можешь мне поверить. У меня не самые хорошие отношения со Скоттони, который живет по другую сторону забора. Он терпеть не может «таких, как я», о чем не раз мне говорил. — Том помолчал, а потом продолжил еще более тихим голосом. Он и раньше-то говорил шепотом, так что теперь Клаю пришлось наклониться к нему, чтобы разобрать слова: — И знаешь, что самое жуткое? Я знаком с этим парнем. Он работает на автозаправочной станции «Тексако», которую держит Сонни. В центре города. Единственная автозаправочная станция в Молдене, где все еще ремонтируют автомобили. Или ремонтировали. Однажды он менял мне

шланг радиатора. Рассказывал, как он и его брат в прошлом году ездили на стадион «Янки» в Нью-Йорк, видели, как Курт Шиллинг^[57] бьет «Большую команду»^[58]. Казался отличным парнем. Л теперь посмотри на него! Сидит на моем огороде и жрет сырую тыкву!

— Что тут происходит, мальчики? — спросила появившаяся на кухне Алиса.

Том повернулся, на его лице отражалась тревога.

— Тебе не захочется на это смотреть.

— Как раз наоборот, — возразил Клай. — Она должна это увидеть.

Он улыбался, глядя на Алису, и улыбка эта особых усилий не потребовала. На пижаме, которой снабдил ее Том, монограмма отсутствовала, но она была синей, как он себе и представлял, и девушка выглядела в ней очень милой, с босыми ногами, штанинами, закатанными до голени, и растрепанными после сна волосами. Несмотря на кошмары, отдохнула она, если судить по внешнему виду, лучше Тома. Клай мог поспорить, что она выглядела более отдохнувшей, чем и он.

— Это не автомобильная авария или что-то в этом роде, — добавил он. — Всего лишь мужчина, жрущий тыкву на огороде Тома.

Она встала между ними, положила руки на край раковины, приподнялась на цыпочки, чтобы выглянуть из окна. Ее рука коснулась руки Клая, и он почувствовал, что ее кожа все еще излучала тепло сна. Смотрела Алиса долго, потом повернулась к Тому.

— Ты говорил, что они покончили с собой. — И Клай не мог понять, то ли она обвиняет Тома в обмане, то ли отчитывает. *Наверное, она и сама этого не знает*, — подумал он.

— Я же не мог знать этого наверняка, — попытался оправдаться Том.

— Если судить по тому, как ты вчера это говорил, создавалось впечатление, что знал. — Она вновь посмотрела в окно. *По крайней мере*, подумал Клай, *она не запаниковала*. Более того, по его разумению, она выглядела на удивление собранной, разве что в слишком большой пижаме чем-то напоминала Чаплина.

— Э-э... мальчики?

— Что? — хором откликнулись они.

— Посмотрите на тачку, рядом с которой он сидит. Посмотрите на колесо.

Клай уже заметил то, о чем она говорила: кусочки кожуры тыквы, ошметки мякоти тыквы, семечки тыквы.

Клай мог только покачать головой.

Старик попытался укунить тыкву, но лишь ткнулся в нее носом. Это могло показаться смешным, если бы не было столь печальным. Очки чуть не слетели, но он успел вернуть их на место. Таким нормальным, естественным движением, что на короткий момент Клай почувствовал: если из них двоих кто-то псих, так это он сам.

— Гум! — выкрикнула женщина в порванной блузке и отбросила наполовину съеденный огурец. Она заметила несколько помидоров и на коленях поползла к ним. Волосы падали на лицо. От грязи зад брюк существенно изменил цвет.

Старик увидел декоративную тачку. Понес тыкву к ней, потом заметил сидящего рядом Джорджа. Посмотрел на него, склонив голову. Джордж залитой оранжевым соком рукой указал на тачку, жестом, который Клай видел тысячи раз.

— Будь моим гостем, — пробормотал Том. — Чтоб я сдох!

Старик опустил па колени в огороде, движение это, очевидно, причинило ему сильную боль. Морщинистое лицо перекошило, он вскинул глаза к небу, буркнул что-то нечленораздельное. Потом поднял тыкву над колесом. Несколько секунд прикидывал траекторию движения, старые бицепсы дрожали от напряжения, потом опустил тыкву на колесо. От удара она разбилась на две мясистые половинки. Последующее произошло быстро.

Джордж выронил почти доеденный кусок тыквы на колени, наклонился вперед, зажал голову старика двумя большими, в оранжевом соке руками и повернул. Даже сквозь стекло они услышали хруст ломающейся шеи старика. Его седые волосы вспорхнули. Маленькие очки исчезли, как предположил Клай, в свекловичной ботве. Тело дернулось и тут же расслабилось. Джордж отпустил голову. Алиса начала кричать, но Том успел зажать ей рот рукой. Ее глаза, выпученные от ужаса, не отрывались от окна. А на огороде Джордж взялся за еще не начатый кусок тыквы и начал спокойно выгрызать мякоть.

Женщина в порванной блузке на мгновение оглянулась, мимоходом, потом сорвала другой помидор и впилась в него зубами. Красный сок стекал с подбородка на грязную шею. Она и Джордж сидели на огороде Тома Маккорта, ели овощи, и по какой-то причине на ум Клая пришло название одной из его любимых картин, «Мирное царство»^[59].

Он понял, что произнес эти слова вслух, лишь когда Том бросил на него мрачный взгляд и сказал:

— Уже нет.

Они стояли у окна и пять минут спустя, когда где-то неподалеку завывала охранная сигнализация. Устало и хрипло, словно очень скоро могла отключиться.

— Представляешь, что это может быть? — спросил Клай. На огороде Джордж покончил с тыквами и вырыл большую картофелину. Перебравшись на картофельную грядку, он приблизился к женщине, но не выказывал к ней никакого интереса. Во всяком случае, пока.

— Могу предположить, что генератор в супермаркете «Сэйфуэй», который расположен в центре, вышел из строя, — ответил Том. — Наверное, на этот случай у них есть сигнализация, работающая от аккумулятора, потому что там полным-полно скоропортящихся продуктов. Но это всего лишь догадка. Насколько мне известно, Первый банк Молдена и...

— Смотрите! — воскликнула Алиса.

Женщина не стала срывать очередной помидор, поднялась и направилась к восточной стене дома Тома. Джордж тоже встал, когда она проходила мимо, и Клай несколько не сомневался, что он собирается ее убить, как убил старика. Его передернуло от предчувствия ужасного, и он заметил, как Том потянулся к Алисе, чтобы развернуть ее. Но Джордж просто последовал за женщиной, исчез за углом позади нее.

Алиса повернулась и поспешила к двери из кухни.

— Смотри только, чтобы они тебя не увидели, — прошептал Том и пошел следом.

— Не волнуйся, — ответила она.

Клай двинулся в том же направлении, тревожась за всех.

Перейдя в столовую, они успели увидеть, как женщина в грязном брючном костюме и Джордж в еще более грязном комбинезоне проходят мимо окна, разделенные на сегменты жалюзи, опущенными, но не повернутыми параллельно стеклу. Ни один из них и не посмотрел в окно, а Джордж теперь находился так близко от женщины, что вполне мог впиться зубами в ее шею. Алиса, а следом за ней и Том с Клаем, переместились по коридору к маленькому кабинету Тома. Здесь жалюзи были закрыты, поэтому они увидели лишь две быстро прошедшие мимо окна тени. Алиса направилась дальше, к распахнутой двери на застекленное крыльцо. Одеядо, как его и оставил Клай, лежало частью на кушетке, частью — на полу. Крыльцо заливал яркий свет утреннего солнца. Казалось, горел на половицах.

— Алиса, будь осторожна! — предупредил Клай. — Будь...

Но она уже остановилась. Только смотрела. Потом Том встал рядом, точно такого же роста. Сзади они напоминали брата и сестру. Никого не заботило, что их могли увидеть с улицы.

— Гребаная срань господня, — вырвалось у Тома. Из него словно выпустили весь воздух. Стоящая рядом с ним Алиса заплакала. Так, должно быть, мог плакать запыхавшийся, уставший ребенок, который привыкает к частым наказаниям.

Клай присоединился к Алисе и Тому. Женщина в брючном костюме пересекала лужайку перед домом Тома. Джордж по-прежнему следовал за ней, шаг в шаг. Двигались они совершенно синхронно. Перестроились только у бордюрного камня, где Джордж сместился влево, из второй спины превратился в ведомого.

Салем-стрит запрудили безумцы.

По первой прикидке Клай решил, что их с тысячу или больше. Затем объективный наблюдатель в нем взял верх (хладнокровный, незамутненный глаз художника), и он понял, что это огромное преувеличение, преувеличение, вызванное неожиданностью (еще бы, такое многолюдье на улице, которую он ожидал увидеть пустынной) и шоком от осознания того, что видит перед собой только их. За то, что он не ошибается, говорили пустые лица, глаза,

устремленные в никуда, грязная, окровавленная, порванная одежда (на некоторых одежде не было вовсе), редкие нечленораздельные крики и резкие телодвижения. Мужчина в туго обтягивающих, когда-то белых трусах и рубашке-поло постоянно отдавал честь. У полной женщины нижнюю губу разорвало надвое, и она висела двумя мясистыми лепестками, обнажая все нижние зубы. Высокий юноша-подросток в синих джинсовых шортах шагал по разделительной линии на мостовой Салем-стрит, держа в руке, как показалось Клаю, монтировку с запекшейся на ней кровью. Индийский или пакистанский джентльмен прошел мимо дома, двигая челюстью из стороны в сторону и одновременно стуча зубами. Мальчик (*Господи!*), ровесник Джонни, шел, не выказывал признаков боли, хотя одна его рука болталась, вывернутая из плечевого сустава. Красивая молодая женщина в короткой юбке и топике, похоже, что-то выедала из красного живота вороны. Некоторые стонали, другие издавали какие-то звуки, которые могли быть словами, но все шло на восток. Клай понятия не имел, то ли их привлекает дребезжание сигнализации, то ли запах еды, но все они шли к центру Молдена.

— Господи Иисусе, да это же рай зомби, — прошептал Том.

Клай не потрудился ответить. Эти люди не были настоящими зомби, но Том тем не менее не погрешил против истины. *Если кто-то из них посмотрит сюда, увидит и решит броситься на нас, мы погибли. Надежды на спасение не будет. Даже если мы забаррикадируемся в подвале. А насчет того, чтобы добыть оружие в доме на другой стороне улицы? Об этом лучше забыть.*

Мысль о том, что его жене и сыну (а такое очень даже возможна) придется иметь дело с такими же существами, повергла Клая в ужас. Но это была не книга комиксов, и он не был героем: по жизни ничего не мог предпринять. Находясь в доме, все трое могли чувствовать себя в относительной безопасности, если говорить о ближайшем будущем, но он уже не думал, что ему, Тому и Алисе удастся покинуть этот дом.

— Они — как птицы. — Ладонями Алиса вытерла со щек слезы. — Стая птиц.

Клай сразу понял, о чем она, и импульсивно обнял девушку. Она выразила словами ощущения, которые возникли у него, когда он наблюдал, как Джордж-механик идет следом за женщиной, вместо того чтобы убить ее, хотя только что убил старика. У обоих в головах было пусто, и тем не менее по какой-то невысказанной договоренности они обогнули дом Тома и вышли на улицу.

— Я этого не понимаю, — пробормотал Том.

— Должно быть, ты не видел «Марша пингвинов»^[60], — заметила Алиса.

— Если на то пошло, не видел. Когда мне хочется посмотреть, как кто-нибудь ковыляет во фраке, я иду во французский ресторан.

— Но разве ты никогда не замечал, как ведут себя птицы, особенно весной и осенью? — спросил Клай. — Наверняка замечал. Они все сидят на каком-нибудь одном дереве или на одном телефонном проводе.

— Иногда их так много, что провод провисает, — подхватила Алиса. — А потом они разом взлетают. Мой отец говорит, что у них есть групповой лидер, но мистер Салливан, он преподавал в промежуточной школе естественные науки, объяснял нам, что это стадное чувство. Оно же причина того, что муравьи выползают из муравейника или пчелы вылетают из улья.

— Стая летит направо или налево, птицы одновременно совершают тот или иной маневр и никогда не сталкиваются, — добавил Клай. — Иногда небо черно от них, и шум сводит с ума. — Он помолчал. — По крайней мере в той местности, где я живу. — Вновь пауза. — Том, ты... ты узнаешь кого-нибудь из этих людей?

— Нескольких. Это мистер Потовами, из пекарни. — Он указал на индуса, который двигал челюстью и стучал зубами. — Эта красивая молодая женщина... Я уверен, она работает в банке. И ты помнишь, я упомянул Скоттони, который живет по ту сторону забора.

Клай кивнул.

Том, побледнев еще больше, указал на беременную женщину в запачканном едой халатике, который скрывал только верхнюю часть бедер. Пряди светлых волос падали на прыщавые щеки, на крыле носа блестела то ли стекляшка, то ли драгоценный камень.

— Это его невестка. Джуди. С ней мы всегда ладили. — Он добавил сухим, будничным тоном: — У меня разрывается сердце.

Со стороны центра города донесся громкий выстрел. Алиса вскрикнула, но на этот раз Тому не пришлось закрывать ей рот рукой: она сделала это сама. Но в любом случае никто из идущих по улице не посмотрел в ее сторону. Не отреагировали они и на выстрел (Клай подумал, что стреляли из ружья). Продолжали идти, как и раньше, не быстрее и не медленнее. Клай ждал второго выстрела. Вместо этого раздался крик, очень короткий, который тут же смолк, словно оборванный.

Все трое, стоящие в тених крыльца, продолжали наблюдать, не разговаривая. Все эти люди шли на восток, и хотя о каком-либо строе речи быть не могло, некий порядок определенно поддерживался. Для Клая этот порядок олицетворяли не сами мобилопсихи, которые часто хромали, а иногда шатались, что-то бормотали и как-то странно размахивали руками, но молчаливое, строгое движение их теней по мостовой. Тени напоминали ему документальную хронику Второй мировой войны, которую ему доводилось видеть, когда волна за волной бомбардировщики плыли по небу. Он насчитал двести пятьдесят мобилопсихов, прежде чем

сдался. Мужчин, женщин, подростков. Хватало и детей возраста Джонни. Численностью дети вообще превосходили стариков, а несколькими не было и десяти лет. Ему не хотелось думать о том, что случилось с маленькими мальчиками и девочками, о которых никто не мог позаботиться в тот момент, когда прошел Импульс.

Или о маленьких мальчиках и девочках, которые находились под присмотром взрослых с мобильниками.

Глядя на пустые глаза детей, Клай задавался вопросом: сколь многие из тех, кто сейчас проходил мимо него по улице, в прошедший год уговаривали родителей купить им мобильник с особым рингтоном, как их уговаривал Джонни.

— Общий разум, — нарушил молчание Том. — Вы действительно в это верите?

— Скорее да, чем нет, — ответила Алиса. — Потому что — похоже... что разумного осталось в каждом из них?

— Она права, — поддержал Алису Клай.

Миграция (только так он мог охарактеризовать процесс, придумать что-либо другое не получалось) уменьшилась, но не прекратилась даже через полчаса. Трое мужчин прошли в ряд, грудь в грудь, один в рубашке для боулинга, второй в превратившемся в лохмотья костюме, третий с превращенной в кровавую пульпу нижней частью лица. За ними последовали двое мужчин и женщина, которая шагала виляя бедрами, потом женщина средних лет, она выглядела как библиотекарь (если не принимать во внимание болтающуюся на ветру одну голую грудь), в паре с неуклюжей молоденькой девушкой, которая могла сойти за помощника библиотекаря. На какое-то время улица опустела, а потом появились человек двенадцать, образовавшие чуть ли не полый квадрат, в таких формациях сражались во времена наполеоновских войн. Издалека донеслись звуки сражения: отдельные выстрелы из винтовок и пистолетов, а однажды (уже ближе, может, в соседнем Медфорде, а может, и в самом Молдене) раздалась длинная, грохочущая очередь из крупнокалиберного автоматического оружия. Слышались и крики. В большинстве своем далекие, но Клай точно знал, что где-то кричали.

В здешних местах еще оставались люди, сохранившие рассудок, много таких людей, и некоторым из них удалось добраться до оружия. Именно они, судя по всему, и расстреливали мобилопсихов. Другим, однако, не повезло в том, что после восхода солнца и выхода из укрытий безумцев они оказались под открытым небом. Он подумал о Джордже-механике, сжавшем, а потом повернувшем голову старика залитыми оранжевым тыквенным соком руками, о миниатюрных очках для чтения, полетевших в свекольную ботву, где им и предстояло остаться. Остаться навсегда. Навсегда.

— Я, пожалуй, посижу в гостиной, — сказала Алиса. — Не хочу больше на них смотреть. И слушать. Меня от этого тошнит.

— Конечно, — кивнул Клай. — Том, почему бы тебе...

— Нет, — прервал сто Том. — Ты иди. Я останусь здесь, понаблюдаю за ними. Думаю, один из нас должен нести вахту, ты согласен?

Клай снова кивнул. Он придерживался того же мнения.

— Тогда через час или около того ты можешь меня сменить. Так и будем меняться.

— Хорошо. Договорились.

Когда они двинулись по коридору, Клай обнимал Алису за плечи, их остановил голос Тома:

— Один момент.

Они обернулись.

— Я думаю, сегодня мы должны как можно лучше отдохнуть и набраться сил. Если мы все еще собираемся идти на север.

Клай всмотрелся в Тома, чтобы убедиться, что тот еще в здравом уме. Вроде бы да, но...

— Разве ты не видишь, что творится? — спросил он. — Не слышишь стрельбу? Эти прон...
— ему не хотелось говорить «пронзительные крики и вопли» в присутствии Алисы, хотя, видит Бог, дело зашло слишком далеко, чтобы щадить чьи-то чувства, — ...вскрики?

— Разумеется, слышу. Но в прошлую ночь психи с улиц ушли, не так ли?

На мгновение Клай и Алиса окаменели. Потом Алиса начала беззвучно хлопать в ладоши. А Клай заулыбался.

Улыбка показалась лицу в диковинку и вышла напряженной, надежда, которая пришла вместе с улыбкой, причинила боль.

— Том, ты просто гений.

Том не улыбнулся в ответ.

— Не рассчитывай на это, в отборочном тесте я никогда не набирал больше тысячи [\[61\]](#).

Определенно в лучшем настроении (и Клай решил, что это хороший признак) Алиса пошла наверх, чтобы порыться в гардеробе Тома и подобрать что-нибудь для себя. Клай сидел на диване, думая о Шарон и Джонни, пытаясь решить, что они сделали и куда пошли, всегда предполагая, что им повезло и они вместе. Он задремал и увидел их обоих в начальной школе Шарон. Они забаррикадировались в спортивном зале с двумя или тремя десятками других людей, ели сэндвичи из кафетерия, запивали их молоком из маленьких пакетов.

Алиса разбудила его, позвав сверху. Он посмотрел на часы и увидел, что проспал, сидя на диване, двадцать минут. Даже пустил слюни.

— Алиса? — Он подошел к лестнице. — Все в порядке? — Он увидел, что Том смотрит в его сторону.

— Да, но ты можешь подняться на секунду?

— Конечно. — Он взглянул па Тома, пожал плечами, поднялся па второй этаж.

Алису нашел в спальне для гостей, в которой, похоже, гости бывали редко. Две подушки доказывали, что Том провел большую часть ночи с Алисой, а сбитые простыни говорили о том, что крепкого сна не получилось. Она нашла пару брюк цвета хаки, которые пришлись ей практически впору, и спортивный свитер с надписью на груди «КАНОБИ ЛЕЙК ПАРК» на фоне «американской горки». На полу стоял большой переносной стереопроеигрыватель, какой когда-то очень хотелось заполучить Клаю и его друзьям, точно так же, как Джонни-мальшу хотелось заполучить тот красный сотовый телефон. Клай и его друзья называли такие стереопроеигрыватели геттобластерами или бумбоксами.

— Он стоял в стенном шкафу, а батарейки, похоже, новые, — сообщила Алиса. — Я хотела включить его и поискать работающую радиостанцию, но потом испугалась.

Клай посмотрел на геттобластер, стоящий на начищенном паркете спальни для гостей, и тоже почувствовал страх. Эта машина могла быть заряженным ружьем. Но его так и подмывало протянуть руку, включить проигрыватель и перевести рычажок с CD на FM. Он без труда представил себе, что у Алисы возникло такое же желание, вот почему она и позвала его. Желание прикоснуться к заряженному ружью.

— Моя сестра подарила мне его на день рождения два года назад, — раздался от двери голос Тома, и они оба подпрыгнули. — В этом июле я поставил новые батарейки и взял его с собой на пляж. Когда я был мальчишкой, мы частенько ходили на пляж и слушали радио, но такого большого проигрывателя у меня никогда не было.

— У меня тоже, — сказал Клай. — Но мне хотелось такой иметь.

— Я взял его на Хэмптон-Бич в Нью-Хэмпшире с кучей дисков Ван Халена^[62] и Мадонны, но впечатление получилось не то. Вообще ничего похожего. Больше я к нему не прикасался. Я полагаю, все станции вырубались.

— А я готова спорить, что некоторые работают, — возразила Алиса. Она кусала нижнюю губу. Клай подумал, что губа скоро начнет кровоточить, если она не оставит это занятие. — Те, которые мои друзья называют станции «Робо-80». У них приятные для слуха названия, скажем, «БОБ» или «ФРЕНК», но все их программы состояются гигантским радиоконпьютером, который находится в Колорадо, и транслируются через спутник. Во всяком случае, так говорят мои друзья. И... — Она облизнула место, которое кусала. Место это блестело и покраснело от крови, которая прилила к поверхности. — И точно так же поступают сигналы на сотовые телефоны, не так ли? Через спутник.

— Я не знаю, — ответил Том. — Если звонок издадека, возможно... трансатлантический,

точно... и я полагаю, какой-нибудь гений мог направить особый сигнал со спутника на все эти микроволновые трансляторы, которые мы видим... которые передают сигналы непосредственно на мобильники...

Клай знал, о каких трансляторах говорит Том, металлических фермах с чашами спутниковых антенн, облепивших их, как серые пиявки. За последние десять лет их понастроили повсюду.

— Если мы сможем поймать местную радиостанцию, то наверняка услышим новости. Какие-нибудь рекомендации насчет того, что делать, куда идти...

— Да, но если это транслирует и радио? — спросила Алиса. — Вот о чем я говорю. Вдруг ты нарвешься на *то*, что слышала моя... — она облизала нижнюю губу, вновь прикусила, — ... моя мать? И мой отец. У него тоже, да, был сотовый телефон новейшей модели, со всеми этими фишками, видео, автоматический набор, выход в Интернет... он так любил эту крошку! — С губ сорвался смешок, одновременно истерический и печальный, сочетание не из приятных.

Вдруг мы настроимся на то, что слышали они? Мои родители и те, кто сейчас на улице? Вы хотите пойти на такой риск?

Поначалу Том молчал. Потом заговорил, осторожно, словно пробуя идею на вкус:

— Одни из нас может рискнуть. Остальные двое — выйти в коридор и подождать, пока...

— Нет, — оборвал его Клай.

— Пожалуйста, нет. — Алиса вновь была на грани слез. — Я хочу вас *обоих*. Вы нужны мне *оба*.

Они постояли вокруг стереопроеигрывателя, не сводя с него глаз. Клай думал о научно-фантастических романах, которые читал подростком (иногда на пляже, слушая не Ван Халена, а «Нирвану»). Достаточно часто в них описывался конец мира. А потом герои отстраивали его заново. Не без борьбы, допуская ошибки, но они использовали имеющиеся под рукой технические средства и отстраивали. Он не мог вспомнить, был ли хоть в одном из этих романов эпизод, когда герои стояли в спальне и смотрели на стереопроеигрыватель со встроенным в него радиоприемником. *Рано или поздно кому-то придется взяться за какое-то техническое средство или включить радио*, подумал он, *потому что для кого-то не будет другого выхода*.

Да. Но не в это утро.

Чувствуя себя предателем чего-то большего, чем он мог осознать, Клай поднял с пола геттобластер, поставил обратно в стенной шкаф и закрыл дверцу.

Через час или чуть позже миграция на восток подошла к завершению. Вахту нес Клай. Алиса сидела на кухне, ела один из сэндвичей, которые они принесли из Бостона (она сказала, что сначала они должны доесть сэндвичи, прежде чем переходить на консервы в примыкающей к кухне кладовой Тома, потому что никто не знал, когда еще им удастся отведать свежего мяса), а Том спал в гостиной на диване. Клай слышал его довольное похрапывание.

Он заметил нескольких людей, которые шли в обратном направлении, навстречу общему потоку, потом почувствовал какие-то изменения в обстановке на Салем-стрит, изменения такие тонкие, что его мозг регистрировал их на интуитивном уровне, а не на основе информации, получаемой от глаз. Поначалу он решил, что имеет дело с отклонением от нормы, вызванным несколькими странниками, мозг которых повредился больше, чем у остальных, вот они и топали на запад, а не на восток. Потом посмотрел па тени. Аккуратная, напоминающая рисунок параллельность теней, которую он наблюдал раньше, начала искажаться. И скоро тени вообще не напоминали рисунка.

Теперь все больше людей направлялось на запад, и некоторые из них ели на ходу то, что сумели добыть в продовольственном магазине, возможно, в супермаркете «Сэйфуэй», о котором упоминал Том. Невестка Скоттони, Джуди, несла большущий контейнер с растаявшим шоколадным мороженым, которое перепачкало как халатик, так и ее саму, от носа до колен. С шоколадной «пенной» на лице она напоминала какую-нибудь миссис Бонс в музыкальном шоу, где исполнители гримируются под негров. Если раньше мистер Потовами, возможно, исповедовал вегетарианские взгляды, то теперь он от них отказался: сложенные ладони наполняли сырое мясо для гамбургеров, которое он и ел. Толстяк в грязном костюме нес, похоже, частично размороженную баранью ногу, а когда Джуди Скоттони попыталась отнять у него добычу, толстяк этой самой ногой с силой ударил женщину по лбу. Она упала молча, как подстреленный олень, беременным животом на раздавленный контейнер с шоколадным мороженым.

Суеты прибавилось, насилия — тоже, но возвращения к битве все против всех, которая происходила вчера днем, не произошло. Во всяком случае, здесь. В центре Молдена сигнализация, которая и сразу-то была на последнем издыхании, давно уже смолкла. Издалека периодически доносились выстрелы, но поблизости, после того как в центре пальнули из ружья, не стреляли. Клай внимательно следил за безумцами, чтобы понять, заходят ли те в дома. Иногда они забредали на лужайки, но не пытались перейти от самовольного появления в частном владении к взлому. Лишь кружили по Салем-стрит, иногда пытались отнять еду, случалось, что дрались и кусались. Трое или четверо, в том числе Джуди Скоттони, лежали на улице, мертвые или потерявшие сознание. По предположению Клая, большинство тех, кто прошел мимо дома Тома, находились сейчас на городской площади — то ли устроили танцы под открытым небом, то ли проводили Первый ежегодный молденский фестиваль любителей сырого мяса, — и слава Богу. Но казалось странным, что это стадное чувство, общий разум, который связывал воедино мобплопсихов, вдруг ослабил хватку, и стадо рассыпалось.

После полудня, когда Клая начало сильно клонить в сон, он пошел на кухню и обнаружил там Алису, которая спала за столом, положив голову на руки. Маленькая кроссовка, которую она называла «беби наше», практически выпала из пальцев одной руки. Когда он разбудил Алису, она мутным взглядом посмотрела на него, схватила кроссовку и прижала к груди, словно боялась, что он ее отнимет.

Он спросил, сможет ли она подежурить в холле, не заснув и не поправшись на глаза

безумцам. Она ответила, что сможет. Клай ей поверил и понес стул в холл. На мгновение она остановилась у двери в гостиную.

— Посмотри.

Он заглянул через ее плечо и увидел кота, Рафа, спящего на животе Тома. Добродушно хмыкнул.

Она села на стул, поставленный достаточно далеко от двери, что тот, кто посмотрел бы на дом, ее бы не заметил. Ей хватило одного взгляда, чтобы понять, что ситуация изменилась.

— Они уже не стая. Что случилось?

— Не знаю.

— Который час?

Он посмотрел на часы.

— Двадцать минут первого.

— Когда мы заметили, что они ведут себя как стая?

— Не знаю, Алиса. — Он пытался поддерживать разговор, но чувствовал, что глаза закрываются. — В половине седьмого? В семь? Не знаю. Какое это имеет значение?

— Если мы сможем установить закономерности в их поведении, то большое. Или ты так не думаешь?

Он сказал, что сейчас способен думать только об одном: как бы поскорее лечь спать.

— Посиди пару часов, а потом разбуди меня или Тома. Раньше, если что-то случится.

— После того, что уже произошло, ничего случиться не может, — мягко ответила она. — Иди наверх. Ты совершенно вымотался.

Он поднялся в спальню для гостей, скинул туфли, лег. Подумал о только что сказанном ею: «Если мы сможем установить закономерности в их поведении». Возможно, в этом что-то было. Скорее всего нет, но...

Это была уютная комната, очень уютная, залитая солнечным светом. Лежа в такой комнате, легко забывалось, что в стенном шкафу стояло радио, которое он не решился включить. Не так легко забывалось другое: жена, с которой ты жил врозь, но все равно любил, могла умереть, а сын, которого ты не просто любил, а обожал, — сойти с ума. Однако тело брало свое, не так ли? И если и существовала комната, предназначенная для того, чтобы человек мог прилечь и поспать днем, то именно в такую комнату он и попал. Крыса-паника дернулась, но не укусила, и Клай заснул, как только закрылись глаза.

На этот раз Алиса разбудила его, тряся за плечо. Маленькая пурпурная кроссовка при этом болталась из стороны в сторону. Она привязала ее к левому запястью, превратив в талисман, от которого по коже бежали мурашки. Освещение в комнате изменилось. Свет убавил в яркости и падал под другим углом. Клай лежал на боку, ему хотелось справить малую нужду, из чего следовало, что спал он достаточно долго. Он торопливо сел и удивился, чуть ли не пришел в ужас, увидев, что уже без четверти шесть. Он проспал больше пяти часов. Но, разумеется, прошлая ночь не была первой, когда ему не удалось выспаться. Он плохо спал и в предыдущую. Нервничал перед представлением своего графического романа в издательстве комиксов «Черная лошадь».

— Все в порядке? — спросил он, взяв ее за запястье. — Почему ты позволила мне так долго спать?

— Потому что ты в этом нуждался, — ответила она. — Том спал до двух, потом я — до четырех. После этого мы вместе наблюдали за улицей. Спускайся вниз и посмотри сам. Это очень забавно.

— Они опять стали стадом?

Она кивнула.

— Только идут в противоположном направлении. И это еще не все. Пойдем, сам увидишь.

Он облегчился в туалете и поспешил вниз. Том и Алиса стояли у двери на крыльцо, обняв друг друга за талии. Увидеть их с улицы не могли. Небо затянули облака, и крыльцо дома оккупировали тени. Да и на Салем-стрит остались лишь несколько человек. Остальные уже ушли на запад, не бегом, но достаточно быстрым шагом. Группа из четверых прошла мимо, шагая по телам и мусору, оставшемуся после обеда на ходу: бараньей ногой, теперь обглоданной до кости, разорванным целлофановым пакетам, картонным коробкам, огрызкам фруктов и овощей. За ними следовали шестеро, крайние шли по тротуару. Они не смотрели друг на друга, но тем не менее идеально держали строй, и когда проходили мимо двери на крыльцо, казалось, что идет один человек. Только тут Клай понял, что даже руки у них движутся синхронно. Потом появился юноша лет четырнадцати. Он хромал, издавал нечленораздельные звуки, похожие на коровье мычание, старался не отстать еще больше.

— Они оставили мертвых и потерявших сознание, — поделился Том своими наблюдениями, — но помогали тем, кто шевелился.

Клай поискал взглядом беременную женщину и не нашел.

— Миссис Скоттони?

— Ей они помогли, — подтвердил Том.

— То есть они снова ведут себя как люди?

— Как бы не так, — покачала головой Алиса. — Один из мужчин, которому они помогли, все равно не мог идти, но после того как он пару раз упал, одному из парней, которые его поднимали, надоело изображать бойскаута, и он...

— Его убил, — закончил предложение Том. — Не руками, как Джордж. Зубами. Разорвал шею.

— Я поняла, что должно произойти, и отвернулась, — сказала Алиса, — но все слышала. Он... взвизгнул.

— Не волнуйся. — Том мягко сжал ей руку. — Не волнуйся.

Теперь улица практически полностью опустела. Появились еще двое. И пусть они держались рядом, оба так сильно хромали, что синхронности в движениях не наблюдалось.

— Куда они идут? — спросил Клай.

— Алиса думает, в какое-нибудь убежище, под крышу. — В голосе Тома слышалось волнение. — Хотят добраться туда до наступления темноты. Возможно, она права.

— Но куда? Куда они идут? Вы не видели, чтобы они заходили в дома этого квартала?

— Нет, — ответили оба.

— Они не все вернулись, — добавила Алиса. — Во второй половине дня по Салем-стрит прошло гораздо меньше народу, чем утром. Так что многие остались в центре Молдена или пошли дальше. Возможно, их тянет к общественным зданиям, скажем, к спортивным залам в школах.

Школьные спортивные залы. Клай это определенно не понравилось.

— Ты видел тот фильм, «Рассвет мертвецов»^[63]?

— Да, — кивнул Клай. — Ты же не собираешься сказать, что тебя пропустили на этот фильм?

Алиса посмотрела на него, как на чокнутого. Или старика.

— У одного из моих друзей этот фильм был на ди-ви-ди. Мы его смотрели еще в восьмом классе. — Если судить по ее тону, в те самые времена, когда на дорогах еще встречался «Пони-экспресс»^[64], а по прериям бродили стада бизонов. — В этом фильме все мертвецы, ну, не все, но очень многие, когда просыпались, шли в торговый центр.

Том Маккорт вытаращился на нее, потом расхохотался. Никак не мог остановиться, смеялся так, что ему пришлось опереться о стену, и Клай подумал, что лучше закрыть дверь между крыльцом и холлом. Никто не мог сказать, как обстояло дело со слухом у этих существ, которые брели по улице, но он помнил, что слух у безумца-рассказчика в рассказе Эдгара По «Сердце-обличитель» был очень даже хорошим.

— Да, шли. — Алиса стояла, уперев руки в бедра. Крошечная кроссовка болталась из стороны в сторону. — Прямоком в торговый центр. — Том уже не мог контролировать себя. Колени подогнулись, он начал медленно сползать по стене, хохоча в голос, размахивая руками.

— Они умерли... — он жадно ловил ртом воздух, — ...и вернулись... чтобы пойти в торговый центр. Господи Иисусе, знает ли Джерри Ф-фолуэлл^[65]... — Вновь приступ смеха, слезы потоком текли по щекам. Но он сумел взять себя в руки, чтобы закончить: — Знает ли Джерри Фолуэлл, что небеса — это торговый центр Ньюкасла?

Начал смеяться и Клай. Последовала его примеру и Алиса, хотя Клай думал, что она злится, поскольку ее информацию о поведении зомби встретили не с интересом, даже не улыбкой, а гоготом. Однако когда люди смеются, трудно к ним не присоединиться. Даже если ты злишься.

Когда смех практически стих, Клай добавил, возвращаясь к вышесказанному:

— Если небеса совсем не похожи на «Дикси»^[66], я попасть туда не хочу.

Они снова рассмеялись, все трое. А потом Алиса, еще не отсмеявшись, сказала:

— Если они ходят стадом, а на ночь забираются в спортивные залы, церкви и торговые центры, люди смогут косить их из пулеметов сотнями.

Клай перестал смеяться первым. Потом Том. Посмотрел на нее, вытирая влагу с аккуратных усиков.

Алиса кивнула. От смеха на ее щеках затеплился румянец, и она продолжала улыбаться. И в этот момент из просто симпатичной девушки она превратилась в писаную красавицу.

— Может, и тысячами, если они все скопятся в одном месте.

— Господи. — Том снял очки, начал их протирать. — А ты девушка серьезная.

— Это выживание, — буднично ответила Алиса. Посмотрела на кроссовку, привязанную к запястью, на мужчин, снова кивнула. — Мы должны устанавливать закономерности в их

поведении. Сбиваются ли они в стаю и *когда* сбиваются, собираются ли на ночь в одном месте и *где* собираются. Потому что если такие закономерности удастся зафиксировать...

Клай вывел их из Бостона, но теперь, двадцатью четырьмя часами позже, когда все трое покидали дом на Салем-стрит, командование, безусловно, перешло к пятнадцатилетней Алисе Максвелл. И чем больше думал об этом Клай, тем меньше удивлялся.

Тому Маккорту хватало «огонька», но вот лидером он никогда не был. У Клая были определенные лидерские задатки, но в тот вечер к достоинствам Алисы, помимо ума и желания выжить, прибавилось еще одно: она уже оплакала своих близких и уже открыла новую страницу своей жизни. А вот мужчины, уходя из дома на Салем-стрит, понесли новые утраты. У Клая разыгралась сильнейшая депрессия, вызванная, как он поначалу подумал, решением (очевидно, неизбежным) оставить портфель в доме Тома. Но потом, по ходу ночи, он осознал, что истинная причина — страх перед тем, что могло его ждать в Кент-Понд.

С Томом все было проще. Ему ужасно не хотелось бросать Рафа на произвол судьбы.

— Оставь дверь приоткрытой, — сказала Алиса, новая, более сильная Алиса, решительности у которой, похоже, прибавлялось с каждой минутой. — С ним все будет в порядке, Том. Еды ему хватит. Пройдет еще много времени, прежде чем коты начнут голодать или мобилопсихи перейдут на кошатину.

— Он одичает. — Том сидел на диване в гостиной, выглядел стильным и несчастным в дождевике с поясом и трилби^[67]. Рафер лежал у него на коленях, мурлыкал и определенно скучал.

— Да, это точно, — кивнул Клай. — Но ты подумай о домашних собаках, маленьких и огромных. Эти-то просто обречены на смерть.

— Он так давно жил у меня. Я взял его еще котенком. — Он посмотрел на Клая, и тот увидел, что Том на грани слез. — Опять же, он приносил мне удачу. Я считал его своим талисманом. Он спас мне жизнь, помните.

— Теперь мы — твой талисман, — указал Клай. Ему не хотелось подчеркивать, что и он однажды спас Тому жизнь, но ведь так оно и было. — Правда, Алиса?

— Да, — согласилась она. Том нашел для нее пончо, на спине висел рюкзак, пусть пока в нем лежали только батарейки для фонариков и... Клай в этом не сомневался, крошечная кроссовка, от одного вида которой по коже бежали мурашки, раз уж она не болталась на запястье Алисы. В рюкзаке Клая тоже были лишь батарейки да лампа Коулмана.

Ничего больше, по предложению Алисы, они брать не стали. Она сказала, что нет смысла тащить на себе вещи, которые можно найти по пути. — Мы — три мушкетера, Том... один за всех и все за одного. А теперь пойдём в дом к Ник... как его там... бису и посмотрим, не удастся ли раздобыть мушкеты.

— Никерсону. — Том продолжал гладить кота.

Ей хватило ума (и, возможно, сострадания), чтобы не сказать что-то вроде «*Как ни назови*», но Клай чувствовал, что терпение у нее на исходе, поэтому взял инициативу на себя:

— Том, пора идти.

— Да, пожалуй. — Он уже собрался посадить кота на диван, потом поднял, поцеловал между ушей. Раф отреагировал, лишь чуть сузив глаза. Том опустил его на диван и встал.

— Двойная порция на кухне у плиты, малыш. Плюс большая миска молока, вместе со сливками. Дверь черного хода открыта. Постарайся не забыть, где твой дом, и, возможно... эй, возможно, мы с тобой еще увидимся.

Кот спрыгнул на пол и, подняв хвост трубой, направился из комнаты в кухню. В полном соответствии с репутацией кошек, даже не оглянулся.

Портфель Клая, со сгибом в обе стороны от дыры, пробитой разделочным ножом, стоял у стены гостиной. Клай глянул на него и устоял перед желанием прикоснуться. Подумал о персонажах в портфеле, с которыми он жил так долго и в маленькой студии, и на более широких (ему хотелось на это надеяться) просторах своего воображения: колдуне Флэке, Сонной Джин, Попрыгунчике Джеке Флэше, Порченной Салли и, конечно же, самом Рее Деймоне — Темном скитальце. Двумя днями раньше он предполагал, что они, возможно, станут звездами. Теперь от этих надежд осталась лишь пробившая их дыра, а компанию им мог составить только кот Тома Маккорта.

Он подумал о Сонной Джин, покидающей город на «Робби Робокруизере» со словами: «П-п-пока, м-мальчики! Б-быть м-может, я е-еще в-вернусь эт-тим п-путем!»

— Пока, мальчики, — громко попрощался он, немного смущаясь, но не так, чтобы очень. В конце концов наступил конец света. Слова прощания значили немного, но и обойтись без них он не мог... Как могла бы сказать Сонная Джин: «В-все л-лучше, ч-чем т-ткнуть в г-глаз к-кочергой».

Клай последовал за Алисой и Томом на крыльцо, под мягкий шепот осеннего дождя.

Том прикрылся трилби, пончо Алисы было с капюшоном, а Клаю Том нашел бейсболку «Ред сокс», которая хоть на время могла сохранить ему волосы сухими, при условии, что морозящий дождь не перешел бы в ливень. А если бы перешел... как указала Алиса, обзавестись новой одеждой труда не составит. В том числе и одеждой для непогоды. С крыльца, приподнятого над землей, они видели примерно два квартала Салем-стрит. Дневной свет стремительно угасал, но, судя по всему, улица полностью опустела, если не считать нескольких тел и мусора с объедками, оставленного безумцами.

Каждый из них имел при себе нож, упрятанный в чехол, сшитый Клаем. Если Том не ошибся насчет Никерсонов, в самом скором времени они могли вооружиться более основательно. Клай очень на это рассчитывал. Наверное, он мог вновь пустить в ход разделочный нож, позаимствованный из магазина «Душа кухни», но у него не было уверенности, что он сможет хладнокровно ударить им человека.

Алиса держала фонарь в левой руке. Убедившись, что фонарь есть и у Тома, кивнула.

— Ты ведешь нас к дому Никерсона, так?

— Так.

— И если мы встречаем кого-либо на пути туда, сразу останавливаемся и направляем на них фонари. — Она посмотрела на Тома, на Клай, на лице читалась озабоченность. Они все это уже обговорили. Клай предположил, что она, вероятно, волнуется, как волнуются перед серьезным экзаменом... и, разумеется, экзамен им предстоял серьезный.

— Да, конечно, — ответил Том. — И мы говорим: «Нас зовут Том, Клай и Алиса. Мы — нормальные люди. Как зовут вас?»

— Если они направят свои фонари на нас, — продолжил Клай, — мы можем предположить...

— Мы ничего не можем предполагать, — нетерпеливо, раздражительно оборвала его Алиса. — Мой отец говорит, человек предполагает, а Бог располагает.

— Понял тебя, — кивнул Клай.

Алиса рукой смахнула с глаз то ли слезы, то ли капли дождя, точно Клай сказать не мог. Задался вопросом, и вопрос этот принес с собой боль, а вдруг Джонни сейчас плачет, ждет, когда же придет отец. Клай надеялся, что Джонни плакал. Надеялся, что его сын сохранил такую способность. И память.

— Если они смогут ответить, если смогут назвать свои имена, тогда они тоже нормальные люди, и от них, возможно, не исходит угроза, — вновь заговорила Алиса. — Так?

— Так, — подтвердил Клай.

— Да, — согласился Том, несколько рассеянно. Он оглядывал улицу, на которой не было ни людей, ни прыгающих лучей ручных фонариков, ни вблизи, ни в отдалении.

Где-то далеко загремели выстрелы. Они напоминали взрывы петард. В воздухе стоял запах пожара, как и весь день. Клай решил, что из-за дождя запах этот даже усилился. Задался вопросом, сколько пройдет времени, прежде чем весь Бостон начнет смердеть от запаха разлагающейся плоти. Решил, что все будет зависеть от температуры следующих дней.

— Если мы встретим нормальных людей и они спросят, что мы делаем и куда идем, помните, что нужно ответить? — спросила Алиса.

— Мы ищем выживших, — ответил Том.

— Совершенно верно. Потому что они — наши друзья и соседи. Любые люди, которых мы встретим, будут просто проходить через этот город. Они захотят идти дальше. Позднее и мы,

возможно, присоединимся к другим нормальным людям, потому что численность способствует безопасности, но пока...

— Пока хотелось бы вооружиться, — прервал ее Клай. — При условии, что оружие есть. Пошли, Алиса, давай разберемся с этим.

Она в тревоге вскинула на него глаза.

— Что-то не так? Я что-то упустила? Ты можешь сказать мне, я же знаю, что я еще девчонка.

Терпеливо, насколько допускали его нервы, натянутые как струны, Клай объяснил:

— Ты ничего не упустила, лапочка. Я просто хочу сдвинуться с места. И потом, я сомневаюсь, что мы кого-нибудь встретим. Думаю, что поблизости наверняка никого нет.

— Надеюсь, что ты прав, — ответила она. — На голове у меня черт знает что, и я сломала ноготь.

Несколько секунд они молча смотрели на нее, потом засмеялись. После этого напряжение как-то разом спало, а настроение улучшилось и оставалось таким до самого конца.

— Нет. — В горле Алисы булькнуло. — Нет, не могу, — булькнуло еще громче. — Меня сейчас вырвет. Извините.

И она отскочила из светового круга лампы Коулмана во мрак гостиной Никерсонов, которая широкой аркой соединялась с кухней. Клай услышал глухой стук, должно быть, она опустилась на колени на ковре, снова булькающие звуки, пауза, а потом ее вырвало. Он, можно сказать, испытал облегчение.

— Господи, — прошептан Том. Набрал полную грудь воздуха. Голос у него завибрировал и при этом прибавил в пронзительности. — *Гос-с-споди!*

— Том. — Клай повернулся к коротышке, увидел, что того качает, понял, что он вот-вот лишится чувств. Почему нет? Эти окровавленные останки были его соседями. — *Том!* — Клай заступил между ним и двумя телами на кухонном полу, между ним и лужами крови, которая в ярком белом свете лампы Коулмана выглядела черной, как тушь. Свободной рукой похлопал Тома по щеке. — *Не падай в обморок!* — Когда увидел, что Тома перестало качать, заговорил тише: — Иди в другую комнату и позаботься об Алисе. Я займусь кухней.

— Зачем тебе туда заходить? — спросил Том. — Это Бет Никерсон с ее мозгами... с ее мозгами, разлетевшимися... — Он шумно сглотнул. В горле что-то щелкнуло. — Лица почти не осталось, но я узнал ее по синему свитеру с белыми снежинками. А у стойки по центру кухни лежит Хейди. Их дочь, я узнал ее, даже в... — Он тряхнул головой, чтобы разогнать застилавший разум туман, потом повторил: — Зачем тебе туда заходить?

— Я почти на сто процентов уверен, что видел то самое, зачем мы сюда пришли. — Клая поразило звучащее в собственном голосе спокойствие.

— На кухне?

Том попытался заглянуть мимо него, но Клай блокировал его поле зрения.

— Доверься мне. Иди к Алисе. Если она сможет, оба поищите оружие. Крикните, когда найдете клад. И будь осторожен, возможно, мистер Никерсон тоже где-то здесь. Я хочу сказать, мы можем предположить, что он был на работе, когда все это произошло, но, как говорит отец Алисы...

— Человек предполагает, а Бог располагает, — повторил Том. Сподобился на жалкую улыбку. — Все понял. — Он начал поворачиваться, потом вновь посмотрел на Клая. — Мне без разницы, куда мы пойдём, Клай, но я не хочу задерживаться здесь дольше, чем это необходимо. Я не питал особой любви к Арни и Бет Никерсонам, но они были моими соседями. И относились ко мне гораздо лучше, чем этот идиот Скоттони, который жил на соседнем со мной участке.

— Понимаю.

Том включил фонарь и ушел в гостиную Никерсонов. Клай услышал, как он что-то шепчет Алисе, успокаивает ее.

Собрав волю в кулак, Клай направился на кухню, высоко подняв лампу Коулмана, переступая через лужи крови на деревянном полу. Она уже засохла, но он все равно не хотел шагать по крови.

Девочка, которая лежала у стойки, была высокой, но волосы, забранные в два хвостика, и угловатость тела показывали, что она на два или три года моложе Алисы. Шея изогнулась, мертвые глаза будто выдавило из орбит. Волосы у нее были цвета соломы, но на левой половине головы, той половине, куда пришелся удар, который унес ее жизнь, стали темно-муаровые, как и пятна на полу.

Ее мать привалилась к разделочному столу справа от плиты, где полки из вишневого дерева сходились, образуя угол. Руки ее были мертвенно-белыми от муки. Она лежала, неприлично раскинув окровавленные, искусанные ноги. Однажды, до того, как начал работать над малотиражным комиксом под названием «Адская битва», Клай нашел в Интернете подборку фотографий, на которых запечатлели людей, убитых выстрелом в упор, думая, что они смогут пригодиться в работе. Негодились. Раны после выстрела в упор отличал какой-то особый фатализм, и вот теперь он видел такую рану наяву. Левый глаз Бет Никерсон выплеснулся на лоб и на щеку. Правый закатился под веко, словно она хотела посмотреть, а что у нее в голове. Ее черные волосы и немалая часть серого вещества оказались на дверцах из вишневого дерева той полки, рядом с которой она стояла, когда нажимала на спусковой крючок. Над ней жужжало несколько мух.

Клая начало мутить. Он отвернулся и прикрыл рот рукой. Сказал себе, что должен взять нервы под контроль. В гостиной Алису перестало рвать (он слышал, как она переговаривается с Томом, и без того тихие голоса удалялись: они уходили в глубь дома), и он не хотел, чтобы она пошла на второй заход.

Думай о них как о муляжах, декорациях к фильму, сказал он себе, но знал, что ничего у него не получится.

Повернувшись, сосредоточился не на телах, а на других вещах, лежащих на полу. Это помогло. Оружие он уже видел. Кухня была просторной, и оружие лежало далеко от двери, у противоположной стены, из зазора между холодильником и одним из буфетов выглядывал ствол. Впервые увидев мертвую женщину и мертвую девочку, Клай тут же отвел взгляд, и он случайно упал на ствол.

Но, может, я знал, что на кухне должно быть оружие.

Теперь он видел, где оно находилось раньше: крепилось в специальном зажиме между настенным телевизором и большой электрической машинкой для открывания консервных банок. *«Они помешаны не только на оружии, но и на современных штучках»*, говорил Том. *Да, пистолет на кухне, который только и ждет, чтобы ты его схватил... если это не лучшее, что есть в двух мирах, тогда что?*

— Клай? — Голос Алисы. Далекий.

— Что?

Шум шагов, поднимающихся по ступеням, снова голос Алисы, уже из гостиной.

— Том говорит, ты просил дать знать, если мы найдем клад. Так мы его нашли. Внизу, в рабочем кабинете, оружия полным-полно. И винтовки, и пистолеты. Все опечатано, с наклейками охранной фирмы, поэтому нас теперь, наверное, арестуют... это шутка. Ты идешь?

— Через минуту, маленькая. Сюда не входи.

— Не волнуйся. И ты не задерживайся, а не то тебе станет дурно.

Да только дурно ему стать уже не могло, куда там, собственные ощущения забылись. На залитом кровью деревянном полу кухни Никерсонов лежали еще два предмета. Во-первых, скалка, и понятно почему. На центральной стойке в кухне стояла жестяная форма для пирога, миска, в каких замешивают тесто, и ярко-желтая банка с надписью «МУКА». Помимо скалки, на полу, не так уж и далеко от рук Хейди, лежал сотовый телефон, какой мог нравиться только подростку, синий с переводными картинками — большими оранжевыми маргаритками, разбросанными по корпусу.

Клай уже видел, как все произошло, пусть он этого и не хотел. Бет Никерсон решила испечь пирог. Знала она о том, какой кошмар творится в Бостоне, в Америке, может, во всем мире? Об этом, возможно, говорили по телевизору. Если так, то крезиграмму она получила не по телевизору, Клай в этом не сомневался.

Ее получила дочь. Да, да. И Хейди набросилась на мать. Пыталась Бет Никерсон урезонить дочь, прежде чем сшибла ее на пол ударом скалки или ударила сразу? Не из ярости, а от боли и страха? В любом случае этого удара не хватило. И Бет была без брюк. В длинном свитере, но с голыми ногами.

Клай потянул на себя низ свитера женщины. Очень осторожно, прикрывая простенькие домашние трусики, которые она успела обделать перед смертью.

Хейди, не старше четырнадцати, а скорее только двенадцатилетняя, должно быть, рычала на том варварском, бессмысленном языке, который, похоже, они все выучили, получив полную дозу лишаяющей разума сыворотки, произносила что-то вроде «ар-р, пилах, каззалах-КАН!» Первый удар скалкой сшиб ее с ног, но не лишил чувств, и обезумевшая девочка набросилась на ноги матери. Не покусьвала их, а рвала зубами, иной раз добираясь до кости. Клай видел следы не только от зубов, но и от корректирующих прикус пластинок. И тогда (вероятно, крича, безусловно, испытывая дикую боль, наверняка не соображая, что делает) Бет Никерсон ударила снова, на этот раз гораздо сильнее. Клай буквально услышал приглушенной треск, когда у девочки сломалась шея. Любимая дочь лежала мертвой на полу современной кухни, с корректирующими пластинками на зубах и современным сотовым телефоном, выскользнувшим из вытянутой руки.

Успела ли ее мать осознать, что к чему, прежде чем выхватила оружие из настенного зажима между телевизором и электрической открывалкой для консервов, где оно бог знает сколько времени ждало появления на этой чистенькой, днем залитой солнечным светом кухне грабителя или насильника? Клай подумал, что нет. Клай подумал, что паузы не было, она хотела догнать улетающую душу дочери, пока объяснение совершенного ею еще оставалось на губах.

Клай направился к видневшемуся из-за буфета стволу. Учитывая любовь Арни Никерсона к техническим новинкам, надеялся найти автоматический пистолет, может, даже с лазерным прицелом, но его ждал незамысловатый револьвер, известный с давних времен кольт сорок пятого калибра. И Клай нашел такой выбор разумным. Жена Арни с таким оружием наверняка чувствовала себя спокойно и уверенно. Когда возникла бы необходимость пустить его в ход, не пришлось бы проверять, заряжено оно или нет (или, при втором варианте, искать обойму за баночками со специями), не пришлось бы передергивать затвор, чтобы убедиться, что патрон в патроннике. Нет, с этим старым боевым конем требовалось лишь откинуть барабан, что Клай с легкостью и сделал. Он нарисовал тысячи вариаций этого самого револьвера для своего «Темного скитальца». Как он и ожидал, из шести гнезд пустовало только одно. Потом вытряс из гнезда один из патронов, заранее зная, что он найдет. Свой револьвер сорок пятого калибра Бет Никерсон зарядила патронами с запрещенными законом пулями-убийцами. С полым наконечником. Не приходилось удивляться, что ей снесло верхнюю часть головы. Странно, что осталась нижняя. Он посмотрел на останки лежащей в углу женщины и заплакал.

— Клай? — На этот раз его позвал Том, поднявшийся по лестнице из подвала. — Слушай, у Арни есть все! Готов спорить, этого автоматического оружия хватило бы, чтобы получить приличный срок в Уолполе^[68]... Клай? Ты в порядке?

— Уже иду. — Клай вытер глаза. Поставил револьвер на предохранительный взвод и сунул за пояс. Потом достал нож и положил на разделочный столик Бет Никерсон. Словно они поменялись. — Дай мне еще пять минут.

— Заметано.

Клай услышал, как Том спускается в расположенный в подвале арсенал Арни Никерсона, и улыбнулся, несмотря на слезы, которые еще катились по щекам. Да, об этом стоило помнить: запусти добропорядочного коротышку-гея из Молдена в комнату с оружием и дай поиграть с ним, так он начинает говорить «заметано», как Сильвестр Сталлоне.

Клай принялся выдвигать ящики. В третьем, под кухонными полотенцами, нашел тяжелую красную коробку с надписью: «ЗАЩИТНИК АМЕРИКИ» КАЛИБР .45 «ЗАЩИТНИК АМЕРИКИ» 50 ПАТРОНОВ». Сунул коробку в карман и пошел к Тому и Алисе. Ему хотелось как можно быстрее убраться из этого дома. Оставалось только убедить их не брать с собой весь арсенал Арни Никерсона.

Уже в арке он остановился, оглянулся, высоко подняв лампу Коулмана. Стягивание свитера если и помогло, то чуть-чуть. Они все равно оставались трупами, с ранами такими же обнаженными, как и Ной, когда сын увидел его пьяным. Он мог найти что-нибудь и прикрыть их тела, но, однажды начав прикрывать тела, чем бы закончил? Кем? Телом Шарон? Его сына?

— Не дай Бог, — прошептал он, но сомневался, что Бог делает все, о чем Его ни попроси. Он опустил лампу и последовал вниз, к пляшущим лучам фонарей Алисы и Тома.

Оба перепоясались ремнями с автоматическими пистолетами большого калибра в кобурах. Том также перекинул через плечо нагрудный патронташ. Клай не знал, то ли ему смеяться, то ли вновь начинать плакать. И какая-то его часть хотела, чтобы он и плакал, и смеялся одновременно. Разумеется, если бы он так себя повел, они бы решили, что у него истерика. И, само собой, не ошиблись бы.

Плазменная панель на стене была большой, очень большой сестрой той, что висела на кухне. Еще один телевизор, только чуть меньше, оснастили универсальной приставкой для видеоигр, с которой Клай, будь у него время, с удовольствием познакомился бы поближе. Чего там, исследовал бы досконально. Словно для контраста, в углу, рядом со столом для пинг-понга, стоял старинный музыкальный автомат «Сиберг»^[69], темный, обесточенный, не переливающийся всеми цветами радуги. И разумеется, в кабинете были шкафы с оружием, два, все еще запертые, но с разбитыми передними стеклянными панелями.

— Тут были замочки, — пояснил Том, — но в гараже он держал ящик с инструментами. Алиса взяла монтировку и оторвала их.

— Они сами отлетели, — скромно сказала Алиса. — А вот это я нашла в гараже, за ящиком с инструментами, завернутое в одеяло. Это то, что я думаю? — Она взяла предмет, лежащий на столе для пинг-понга, и, осторожно держа за откидной приклад, принесла Клаю.

— Срань господня, — выдохнул он. — Это же... — всмотрелся в выпуклые буквы над предохранительной скобой спускового крючка. — По-моему, буквы русские.

— Я в этом уверен, — сказал Том. — Ты думаешь, это «Калашников»?

— Скорее всего. А есть подходящие патроны? В коробках с такими же буквами, как на этой штуковине?

— Полдюжины. Тяжелые коробки. Это пулемет, не так ли?

— Полагаю, можно назвать его и так. — Клай передвинул рычажок. — Я уверен, что в одном положении он стреляет одиночными патронами, а в другом — очередями.

— И сколько выстрелов в минуту? — спросила Алиса.

— Не знаю, — ответил Клай, — но думаю, тебе следовало спросить, сколько выстрелов в секунду.

— Правда? — У Алисы округлились глаза. — А ты сможешь разобраться, как из него стрелять?

— Алиса... Алиса, я уверен, из таких автоматов учат стрелять шестнадцатилетних деревенских пареньков. Да, разобраться я смогу. На это, возможно, уйдет коробка патронов, но я разберусь.

Пожалуйста, Господи, не дай ему взорваться у меня в руках, подумал он.

— А в Массачусетсе разрешено такое оружие? — спросила она.

— Теперь да, Алиса, — ответил Том. — Пора идти?

— Да, — кивнула она, а потом, возможно, стесняясь, что решения приходится принимать ей, посмотрела на Клая.

— Да, — подтвердил он. — На север^[70].

— Меня это устраивает, — сказала Алиса.

— Меня тоже, — присоединился к ней Том. — На север. В путь.

Когда занялась дождливая заря следующего дня, Клай, Алиса и Том стали лагерем в амбаре, примыкающем к брошенной ферме, где разводили лошадей, в Норт-Ридинге. Из двери они наблюдали, как начали появляться первые группы безумцев, которые брели на юго-запад по шоссе 62, в направлении Уилмингтона. В мокрой и грязной одежде. Некоторые босиком. К полудню они исчезли из виду. К четырем часам, когда солнце длинными косыми лучами прорвалось сквозь облака, они появились вновь, теперь также группами, двигаясь в противоположном направлении. Многие на ходу что-то жевали. Некоторые помогали тем, кто сам шел с трудом. Если в этот день кого-то и убивали, то Клай, Том и Алиса этого не видели.

Где-то с полдюжины безумцев тащили большие предметы, которые показались Клау знакомыми: Алиса достала такой же из стенного шкафа спальни для гостей в доме Тома. Они втроем еще стояли вокруг него, не решаясь включить.

— Клай? — спросила Алиса. — Почему некоторые из них несут бумбоксы?

— Не знаю, — ответил он.

— Мне это не нравится, — сказал Том. — Не нравится их стадное поведение, не нравится, что они помогают друг другу, а больше всего не нравится то, что они тащат с собой портативные стереопроекторы.

— Тащат-то лишь некоторые, — начал Клай.

— А ты вот посмотри на нее, — перебил его Том, указывая на женщину средних лет, которая тащила радио/си-ди-плеер размером с диванную подушку. Прижимала к груди, словно спящего ребенка. Провод выпал из предназначенной для его хранения ниши в корпусе и тащился по асфальту. — Ты же не видишь, чтобы они несли настольные лампы или тостеры, так? А если они запрограммированы на то, чтобы брать радиоприемники на батарейках, включать их, а потом транслировать ту мелодию, Импульс, подсознательное послание, как ни назови? Что, если они хотят добраться до тех, кого упустили в первый раз?

Они. Вечно популярное паранойальное «они». Алиса откуда-то выудила маленькую кроссовку и уже сжимала в руке, но, когда заговорила, голос звучал спокойно:

— Я не думаю, что такое возможно.

— Почему нет? — спросил Том.

Она покачала головой.

— Сказать не могу. Просто чувствую, что-то не так.

— Женская интуиция. — Он улыбался, но насмешки в голосе не чувствовалось.

— Возможно, — ответила она, — но, думаю, одно очевидно.

— Что именно, Алиса? — спросил Клай. Он представлял себе, что она может сказать, но хотел убедиться в собственной правоте.

— Они становятся умнее. Не сами по себе, а потому, что думают вместе. Возможно, это звучит как бред, но, думаю, это более вероятно, чем предполагать, что они хотят собрать вместе целую гору этих работающих на батарейках эф-эм-чемоданов, чтобы, включив их одновременно и на полную мощность, отправить нас всех в Крезилэнд.

— Телепатическое групповое мышление, — изрек Том и задумался. Алиса наблюдала за ним. Клай, который уже пришел к выводу, что она права, смотрел из двери амбара на уходящий день. Думал о том, что им нужно попасть в такое место, где можно найти атлас дорог.

Том кивнул.

— Действительно, почему нет? В конце концов на этом, вероятно, и основывается поведение стаи — на телепатическом групповом мышлении.

— Ты действительно так думаешь или говоришь для того, чтобы выставить меня...

— Я действительно так думаю. — Он потянулся и коснулся руки Алисы, которая сжимала и разжимала кулачок с маленькой кроссовкой. — Я действительно так думаю. И перестань терзать эту малышку, а?

Ее лицо осветила мимолетная, рассеянная улыбка. Клай увидел ее и вновь подумал, какая же Алиса красавица, настоящая красавица. И как близка к нервному срыву.

— Сено выглядит таким мягким, а я устала. Пожалуй, я лягу и посплю до самого вечера.

— Отоспись как следует, — пожелал ей Клай.

Клаю снилось, что он, Шарон и Джонни-мальш устроили пикник за их маленьким домом в Кент-Понде. Шарон расстелила на траве большое тканое одеяло. Они ели сэндвичи и пили ледяной чай. Внезапно день потемнел. Шарон указала куда-то за плечо Клая: «Смотри! Телепаты!» Но, повернувшись, он увидел только стаю ворон, такую огромную, что она затмила солнце. Потом послышалось звяканье колокольчиков. Вроде бы такое же слышалось и рядом с «Мистером Софти», динамики которого транслировали мелодию программы «Улица Сезам», но он знал, что это рингтон, и тут же пришел в ужас. Повернулся, а Джонни-мальш исчез. Когда спросил Шарон, где он, уже испугавшись, уже зная ответ, она ответила, что Джонни залез под одеяло, чтобы ответить па телефонный звонок. У одеяла действительно появился горб. Клай нырнул под одеяло, во всепоглощающий запах свежего сена, крича Джонни не принимать звонок, не отвечать, потянулся к нему, но вместо сына нашел холодный изгиб стеклянного шара: пресс-папье, которое купил в магазине «Маленькие сокровища», то самое, с пушистым одуванчиком по центру, напоминающим крошечный клочок тумана.

А Том уже тряс его за плечо, говоря, что девять вечера, луна взошла, и если они хотят трогаться в путь, то уже пора. Никогда раньше Клай так не радовался тому, что проснулся. Он предпочитал сны о павильоне «Бинго».

Алиса как-то странно смотрела на него.

— Что? — спросил Том, одновременно проверяя, что все их автоматическое оружие поставлено на предохранитель. У него это уже вошло в привычку.

— Ты говорил во сне. Повторял: «Не отвечай, не отвечай».

— Никто не должен был отвечать на эти звонки. И не звонить. Нам всем было бы гораздо лучше.

— Да кто может устоять перед звонящим телефоном? — спросил Том. — А потом пошло-поехало.

— Так говорил гребаный Заратустра! — провозгласил Клай, и Алиса смеялась, пока не заплакала.

Под луной, выпрыгивающей из-за облаков и прячущейся за ними (Как на иллюстрациях к детскому роману о пиратах и закопанных сокровищах, подумал Клай), они оставили за спиной ферму, где разводили лошадей, и продолжили путь на север. В ту ночь они начали встречать таких же, как они.

Потому что наступило наше время, думал Клай, перекидывая автомат из одной руки в другую. С полным боезарядом он был очень тяжелым. Мобилопсихам принадлежат дни. Со звездами появляемся мы. В этом нас не отличить от вампиров. Мы загнаны в ночь. Вблизи узнаем друг друга, потому что сохранили дар речи. На небольшом расстоянии тоже узнаем, по рюкзакам и походным мешкам, которые тащим на себе, и по оружию, которым обзаводимся во все большем количестве. А на большом расстоянии верный признак, что ты имеешь дело со своими — мельтешащий луч фонарика. Тремя днями раньше мы не только правили планетой, но нас отличало чувство вины выжившего перед теми видами флоры и фауны, которые мы стерли с лица земли, карабкаясь к нирване круглосуточных кабельных новостей и приготовленного попкорна в микроволновке. Теперь мы — Люди фонарного луча.

Он посмотрел на Тома.

— Куда они уходят? Куда уходят эти безумцы после заката солнца?

Том повернулся к нему.

— На Северный полюс. Все эльфы померли от оленьего бешенства, и эти ребята помогают Санта-Клаусу, пока не подъедут новые эльфы.

— Господи, — вырвалось у Клая, — сегодня кто-то встал не с той стороны стога сена?

Но Том не улыбнулся.

— Я думаю о своем коте. Задаюсь вопросом, все ли с ним в порядке. Ты, несомненно, скажешь, что это глупо.

— Нет, — ответил Клай, хотя, поскольку ему приходилось тревожиться о жене и сыне, пожалуй, именно так и думал.

Атлас дорог они нашли в магазине «Книги и открытки» в маленьком городке Баллардвейл. Они шли на север и радовались тому, что решили остаться в более или менее сельском треугольнике между автострадами 93 и 95. Другие путешественники, которых они встретили (в основном направляющихся на запад, подальше от А-95), рассказывали об ужасных пробках и жутких авариях. Один из редких путников, идущих на восток, рассказал о бензовозе, который потерпел аварию на А-93 у съезда к Уэйквилду. Пожар вызвал череду взрывов, в результате которых на северной полосе на отрезке в милю сгорели все автомобили. Воняло, по его словам, как «от рыбы, жарящейся в аду».

Еще больше Людей фонарного луча они встретили на северной окраине Андовера и так часто слышали один слух, что он практически приобрел достоверность проверенного факта: граница с Нью-Хэмпширом закрыта. Полиция Нью-Хэмпшира и ее добровольные помощники сначала стреляли, а потом задавали вопросы. Для них не имело значения, безумен ты или в здравом уме.

— Это всего лишь новая версия их гребаного девиза, который они с начала веков пишут на своих гребаных номерных знаках, — говорил пожилой мужчина с мрачным лицом, который некоторое время шел вместе с ними. Поверх дорогого пальто он нес небольшой рюкзак, а в руке держал фонарь с длинной ручкой. Из кармана пальто торчала рукоятка револьвера. — Если вы в Нью-Хэмпшире, можете жить свободно. Если хотите войти в Нью-Хэмпшир, можете свободно умереть.

— Такого... в это трудно поверить, — высказала общее мнение Алиса.

— Верьте во что хотите, мисси, — ответил их временный попутчик. — Мне повстречались несколько человек, которые поначалу шли на север, как и вы, но потом они торопливо повернули назад, потому что увидели, как хладнокровно расстреливали людей, пытавшихся войти в Нью-Хэмпшир с севера у Данстэбла.

— Когда? — спросил Клай.

— Прошлой ночью.

В голове Клая вертелось еще несколько вопросов, но он придержал язык. В Андовере мужчина с мрачным лицом и большинство тех, кто шел с ними по забитой автомобилями, но проходимой дороге, повернули на шоссе 133, к Лоуэллу и на запад. Клай, Том и Алиса остались на главной улице Андовера, пустынной, если не считать нескольких фонарных лучей (их владельцам что-то требовалось в магазинах), чтобы принять решение.

— Ты в это веришь? — спросил Клай Алису.

— Нет, — ответила она и посмотрела на Тома.

Том покачал головой.

— Я тоже. Думаю, в истории этого парня есть привкус страшилок о крокодилах к канализации^[71].

Алиса согласно кивнула.

— Теперь новости не могут распространяться так быстро. Во всяком случае, без телефона.

— Да, — поддержал ее Том. — Определенно это следующее поколение городских сказок. И все же мы говорим о штате, который один мой друг любил называть Нью-Хомякшир. Поэтому я предлагаю пересечь границу в наиболее тихом месте.

— Цель определена, задача поставлена, — кивнула Алиса, и с этим они двинулись дальше, по тротуару, пока находились в городе и пока был тротуар.

На окраине Андовера мужчина с двумя фонарями, чем-то закрепленными на висках, вышел из разбитой витрины супермаркета «ИГА». Он дружелюбно помахал рукой и направился к ним, лавируя между тележками, на ходу бросая консервные банки в, как им показалось, сумку почтальона. Остановился рядом с лежащим на боку пикапом, представился, как мистер Роскоу Хендт из Метуэна, и спросил, куда они идут. Когда Клай упомянул Мэн, Хендт покачал головой.

— Граница с Нью-Хэмпширом закрыта. Полчаса назад я встретил двух человек, которые повернули назад. Они сказали, что нью-хэмпширцы пытаются различать мобилопсихов и людей вроде нас, но не особо стараются.

— Эти двое видели все своими глазами? — спросил Том.

Роскоу Хендт посмотрел на него, как на чокнутого.

— Вы должны доверять слову других. Вы понимаете, теперь не позвонишь кому-либо и не попросишь подтверждения, так? — Он помолчал. — В Сейлеме и Нэшуа жгут тела, вот что сказали мне эти двое. И запах такой, словно жарят свинину. Это они мне тоже сказали. Я веду пятерых на запад, и мы хотим пройти несколько миль до рассвета. Путь на запад открыт.

— Это вы тоже слышали, не так ли? — спросил Клай.

Во взгляде Хендта читалось легкое презрение.

— Да, слышал, все правильно. Умному хватит и слова, так, бывало, говорила моя мать. Если вы действительно хотите идти на север, постарайтесь переходить границу глубокой ночью. Безумцы не появляются после наступления темноты.

— Мы знаем, — ответил Том.

Мужчина с фонарями у висков проигнорировал Тома и продолжал говорить с Клаем. Видел в нем лидера трио.

— И они не пользуются фонарями. Размахивайте вашими из стороны в сторону. Говорите. Кричите. Ничего этого они тоже не могут. Я сомневаюсь, что люди на границе вас пропустят, но, если вам повезет, они вас и не убьют.

— Они становятся умнее, — подала голос Алиса, — Вы это знаете, не так ли?

Хендт фыркнул.

— Они ходят толпой и больше не убивают друг друга. Не знаю, означает ли это, что они становятся умнее или нет. Но они продолжают убивать нас, это я знаю.

Хендт, должно быть, увидел сомнение в глазах Клая, потому что улыбнулся. В свете его фонарей в лице появилось что-то отталкивающее.

— Этим утром я видел, как они поймали женщину. Собственными глазами, слышите?

Клай кивнул.

— Слышу.

— Думаю, я знаю, почему она оказалась на улице. Это случилось в Топсфилде, в десяти милях к востоку. Я и мои люди, мы находились в мотеле 6. И она шла к мотелю. Только не шла. Спешила. Почти бежала. И постоянно оглядывалась. Я увидел ее, потому что не мог заснуть. — Он покачал головой. — Трудно привыкнуть спать днем.

Клай уже хотел сказать, что привыкать спать днем придется, но передумал. Он увидел, что Алиса вновь держит свой талисман. Не хотел, чтобы она слушала эту историю, но знал, что выслушать ей придется. Во-первых, эта информация могла помочь выживанию (в отличие от слухов о ситуации на границе Нью-Хэмпшира эта часть рассказа мужчины, по мнению Клая, соответствовала действительности), во-вторых, он знал, что в ближайшее время таких историй

будет великое множество. И, выслушав достаточное количество, они смогли бы как-то сортировать их и делать для себя какие-то выводы.

— Вероятно, искала место получше, чтобы провести день, знаете ли. Не более того. Увидела мотель 6 и подумала: «Эй, а вот и комната с кроватью. Вон там, рядом с заправкой „Экксон“. И всего в квартале». Но она не прошла и половины квартала, как из-за угла появилась их группа. Они шли... вы знаете, как они теперь ходят?

Роскоу зашагал к ним, с прямыми ногами и руками, как оловянный солдатик, с болтающейся на боку сумкой почтальона. Мобилопсихи ходили не так, но они знали, что он пытается им показать, и кивнули.

— А она... — Он привалился к перевернутому пикапу, потер лицо руками. — Я хочу, чтобы вы это поняли. Вот почему нельзя им попадаться, нельзя думать, что они становятся нормальными, даже если одному или двоим из них повезло настолько, что они нажали правильные кнопки на бумбоксе, и заиграл си-ди...

— Вы это видели? — спросил Том. — *Слышали?*

— Да, дважды. Второй парень, которого я увидел, шатал по дороге, раскачивая стереопроектор из стороны в сторону с такой силой, что си-ди заикался и пропускал дорожки, но да, он играл. И так, они любят музыку, это точно, и, возможно, какие-то ролики в их голове становятся на место, но именно поэтому вы должны быть более осторожными, понимаете?

— Что случилось с женщиной? — спросила Алиса. — Той, которую они поймали.

— Она попыталась вести себя, как они, — ответил Хендт. — И я, стоя у окна комнаты, в которой находился, подумал: «Да, у тебя получается, девочка, возможно, у тебя есть шанс, если ты еще какое-то время будешь продолжать в том же духе, а потом удерешь, спрячешься где-нибудь под крышей. Потому что они не любят заходить под крышу, вы это заметили?»

Клай, Том и Алиса покачали головами.

Мужчина кивнул.

— Они заходят, я это видел, но им это не нравится.

— Как они поняли, что она нормальная? — спросила Алиса.

— Я не знаю. Может, по запаху или как-то иначе.

— А может, прикоснулись к ее мыслям, — предположил Том.

— Или не смогли прикоснуться к ним, — выдвинула свою версию Алиса,

— Об этом мне ничего не известно, — ответил Хендт, — но я знаю, что они разорвали ее на части прямо на улице. В прямом смысле слова разорвали.

— И когда это произошло? — спросил Клай. Увидел, что Алису качнуло, и обнял ее за плечи.

— В девять часов, этим утром. В Топсфилде. Поэтому, если увидите их толпу, идущую по желтой кирпичной дороге с бумбоксом, играющим «Почему мы не можем быть друзьями»... — Он мрачно оглядел их в свете фонарей, закрепленных у висков. — Я бы не побежал к ним с радостными криками, вот и все. — Он помолчал. — И я бы не шел на север. Даже если на границе вас не пристрелят, вы потеряете время.

Но после короткого совещания на автомобильной стоянке около супермаркета «ИГА» они все равно пошли на север.

Они задержались около Норт-Андовера, остановившись на пешеходном мостике через шоссе 495. Облаков прибавилось, но луна все-таки сумела прорваться на какие-то мгновения и показать им шесть полос застывших автомобилей. Около моста, на котором они стояли, на той половине шоссе, что вела на юг, лежал перевернувшийся шестнадцатиколесный трейлер, напоминая мертвого слова. Оранжевые конические стойки, установленные вокруг него, показывали, что кто-то должным образом отреагировал на аварию. Увидели они и две патрульные машины, одна из которых лежала на боку. Задняя часть грузовика обгорела. За те короткие мгновения, на которые луна выскользнула из-за облаков, трупов они не заметили. Несколько человек шли по заасфальтированной обочине, на которой тоже хватало машин.

— Добавляют реальности, не так ли? — спросил Том.

— Нет. — Эмоций в голосе Алисы не слышалось. — По мне все это выглядит как спецэффект в каком-то разрекламированном летнем фильме. Покупаешь большое ведро попкорна и коку и наблюдаешь за концом света в... как они это называют? Компьютерными графическими образами? КГО? Синими экранами? Еще каким-то дерьмом? — Она подняла за шнурок маленькую кроссовку. — Вот все, что мне нужно, чтобы воспринимать происходящее реальностью. Что-то достаточное маленькое, чтобы держать в руке. Ладно, пошли.

На шоссе 28 хватало брошенных автомобилей, но в сравнении с 495-м оно могло считаться пустым, и к четырем утра они добрались до Метуэпа, родного города мистера Роскоу Хендта, человека со стереофонарями. Они настолько поверили истории Хендта, что захотели укрыться под крышей задолго до рассвета. Выбрали мотель на пересечении 28-го и 110-го шоссе. Дюжина автомобилей стояла перед номерами, но у Клая сложилось ощущение, что все они брошены хозяевами. И почему нет? По обоим шоссе можно было пройти только на своих двоих. Клай и Том остановились на границе автостоянки, помахали над головой фонариками.

— Мы свои! — крикнул Том. — Нормальные люди! Идем к вам!

Они подождали. Но ответа из мотеля «Милая долина», где к услугам гостей был бассейн с подогревом и кабельное телевидение, а группам предоставлялись скидки, так и не услышали.

— Пошли. — Алиса двинулась к мотелю. — У меня болят ноги. И скоро начнет светать, не так ли?

— Посмотрите сюда, — Клай поднял с асфальта съезда на автомобильную стоянку си-ди и направил на него фонарь. «Песни любви» в исполнении Майкла Болтона^[72].

— И ты говоришь, что они становятся умнее, — фыркнул Том.

— Не суди так скоро, — ответил ему Клай, когда они направились к зданию мотеля. — Тот, у кого был этот диск, его выбросил, так?

— Скорее просто выронил, — возразил Том.

Алиса направила на си-ди луч своего фонаря.

— А кто этот парень?

— Лапуля, тебе лучше не знать, — ответил Том. Взял си-ди и бросил через плечо.

Они вскрыли двери трех соседних номеров, как можно аккуратнее, чтобы иметь возможность закрыть их на засов, оказавшись внутри, и проспали чуть ли не целый день, благо, что на этот раз могли спать на кроватях. Алиса сказала, что вроде бы слышала доносящуюся издалека музыку. Но признавала, что музыка эта могла быть частью сна, который ей снился.

В вестибюле мотеля «Милая долина» продавались карты, еще более подробные, чем атлас дорог. Они лежали на стенде со стеклянными дверцами и стенками, которые уже успели разбить, Клай взял по одной карте Массачусетса и Нью-Хэмпшира, доставал их очень осторожно, чтобы не порезаться о торчащие осколки стекла, и в тот самый момент увидел молодого человека, который лежал по другую сторону регистрационной стойки. Глаза молодого человека смотрели в никуда. На мгновение Клай подумал, что кто-то положил на рот мертвеца какой-то странный букетик цветов, но потом увидел зеленоватые острые кончики, торчащие из щек, и понял, что по цвету они совпадают с осколками стекла, поблескивающими на полках стенда. На груди трупа остался бейдж, прямоугольная карточка с надписью: «МЕНЯ ЗОВУТ ХЭНК. СПРОСИТЕ МЕНЯ О СТОИМОСТИ НОМЕРА НА ЭТОЙ НЕДЕЛЕ». Глядя на Хэнка, Клай вдруг подумал о мистере Рикарди.

Том и Алиса ждали его у двери в вестибюль. Часы показывали без четверти девять, и уже полностью стемнело.

— Как успехи? — спросила Алиса.

— Вот это нам поможет. — Он передал карты Алисе, а потом поднял лампу Коулмана, чтобы она и Том могли их изучить, сравнить с атласом дорог и наметить ночной маршрут. Он пытался убедить себя: если с Джонни и Шарон что-то случилось, то изменить ничего нельзя, пытался отогнать все мысли о положении, в котором на текущий момент оказалась его семья, на второй план. Что произошло в Кент-Понде, то произошло. Или его сын и жена в порядке, или нет. Иногда такой самогипноз помогал, иногда — увы.

Когда надвигалась черная депрессия, он говорил себе: ты же счастливчик, раз жив, и это была чистая правда. Но его везение скрадывал тот факт, что в момент Импульса он находился в Бостоне, расположенном к югу от Кент-Понда на расстоянии ста миль, если брать расстояние по прямой (а таким маршрутом они, естественно, попасть в Кент-Понд не могли). И, однако, он встретился с хорошими людьми. Что так, то так. С людьми, о которых он мог думать как о друзьях. Он видел многих других — парня с бочонком пива, толстуху, потрясающую Библией, мистера Роскоу Хендта из Метуэна, которым повезло куда как меньше.

Если он добрался до тебя, Шер, если Джонни добрался до тебя, тебе бы лучше позаботиться о нем. Лучше бы позаботиться.

Но, допустим, телефон был при нем? Допустим, он взял красный мобильник в школу? Может, в последнее время он стал брать его с собой чаще? Потому что очень уж многие дети повсюду носили с собой мобильники?

Господи.

— Клай? Ты в порядке? — спросил Том.

— Конечно. А что?

— Не знаю. Ты выглядишь немного... мрачным.

— Покойник за регистрационной стойкой. Зрелище не из приятных.

— Посмотрите сюда. — Алиса вела пальцем по линии на карте. Линия эта пересекала границу и вливалась в шоссе 38 на территории Нью-Хэмпшира чуть восточнее Пелэма. — Мне эта дорога нравится. Если мы пройдем на запад по шоссе восемь или девять миль, — она указала на 110-е, где под мелким дождем в легком тумане поблескивали как автомобили, так и асфальт, — то как раз на нее и выйдем. Что думаете?

— Я думаю, звучит неплохо, — ответил Том.

Она повернулась к Клаю. Маленькой кроссовки не было, наверняка лежала в рюкзаке, но

Клай видел, что Алисе хочется держать ее в руке, сжимать и разжимать. *Хорошо, что она не курит*, подумал он, *а то высаживала бы четыре пачки в день*.

— Если и есть возможность перейти через охраняемую границу... — начала она.

— Об этом будем волноваться, когда возникнет такая необходимость, — оборвал ее Клай, но он не волновался. Знал, что так или иначе доберется до Мэна. И если для этого придется ползти по кустам, как при незаконном переходе границы с Канадой, в октябре, за яблоками, он будет ползти. Если Том и Алиса решат остаться в Массачусетсе, это, конечно, будет плохо. Он расстанется с ними, с сожалением... но продолжит путь на север. Потому что должен узнать, как там его семья.

Красная волнистая линия, которую Алиса нашла на картах, позаимствованных в «Милой долине», Дости-стрим-роуд, оказалась практически пустынной. От границы штата их отделяли четыре мили, и на этом отрезке пути они увидели то ли пять, то ли шесть автомобилей и только одну аварию. Они также прошли мимо двух домов, в которых горел свет и откуда доносилось гудение генераторов. Подумали о том, чтобы заглянуть на огонек, но быстро отказались от этой мысли.

— Только попадем под пули какого-нибудь парня, защищающего свой дом и очаг, — указал Клай. — Можно не сомневаться, что там кто-то есть. Генераторы, должно быть, запустили, когда отключилась централизованная подача электроэнергии, и они будут работать, пока не закончится горючее.

— Даже если там есть разумные люди и они пустят нас в дом, что едва ли можно считать разумным поступком, что мы будем там делать? — осведомился Том. — Попросим разрешения позвонить по телефону?

Они обсудили и другой вариант: заглянуть куда-нибудь и позаимствовать автомобиль (позаимствовать предложил Том), но отказались и от него. Если граница штата охранялась полицейскими или вооруженными добровольцами, не стоило, наверное, подъезжать к ней на «шеви тахо» привлекая к себе повышенное внимание.

Поэтому эти четыре мили они прошли пешком, а на границе встретили лишь один рекламный щит (маленький, соответствующий двухполосному шоссе, вьющемуся по сельской местности) со словами: «ВЫ ВЪЕЗЖАЕТЕ НА ТЕРРИТОРИЮ НЬЮ-ХЭМПШИРА И BIENVENUE»^[73]. Тишину нарушали только падающие с листьев капли дождя по обе стороны от дороги да шелест крон под редким порывом ветра. Может, шорох каких-то животных в лесу. Они остановились на минутку, чтобы прочитать надпись на рекламном щите, и оставили Массачусетс за спиной.

Ощущение, что они одни, исчезло, как только Дости стрим-роуд оборвалась возле указателя с надписями «НА ШОССЕ 38», «МАНЧЕСТЕР 19 миль». На 38-м им встречались редкие путники, но на 128-м, широком, с большим количеством разбитых автомобилей, уходящем прямо на север, на которое они свернули через полчаса, людской ручеек превратился в устойчивый поток беженцев. Поток этот состоял из отдельных групп, по три-четыре человека в каждой, и Клая поразило практически полное отсутствие интереса путников к тем, кто не входил в их группу.

Они встретили женщину лет сорока и мужчину, возможно, на двадцать лет старше, которые катили тележки из супермаркета, в каждой из которых спал ребенок. Мужчина вез мальчика, слишком большого для тележки, но тем не менее ребенок умудрился как-то свернуться и заснуть. Когда Клай с друзьями проходили мимо этого образцового семейства, у тележки, которую толкал перед собой мужчина, отлетело колесо. Тележка завалилась в сторону, мальчика, судя по всему, лет семи, выбросила из нее. Том успел поймать его за плечо, так что мальчик сильно не ушибся, но все-таки ободрал колено. И, разумеется, испугался. Том поднял его с асфальта, но мальчик его не знал, попытался вырваться и расплакался еще сильнее.

— Все хорошо, спасибо, я с ним разберусь, — сказал мужчина. Взял ребенка, сел вместе с ним на обочину, начал успокаивать, как-то по-особенному, Клай даже подумал, что так, наверное, успокаивали и его, когда ему было семь лет. «Сейчас Грегори ее поцелует, и она перестанет болеть». Он поцеловал царапину, и мальчик положил голову ему на плечо. Снова собрался заснуть. Грегори улыбнулся Тому и Клаю и кивнул. Выглядел он до смерти уставшим. Мужчина, которому неделей раньше никто бы никогда не дал шестидесяти, такой он был подтянутый и энергичный, теперь напоминал семидесятилетнего еврея, который пытался добраться до границы Польши, пока еще было время.

— Все у нас будет хорошо, — сказал мужчина. — Вы можете идти.

Клай уже открыл рот, чтобы спросить: «А почему мы не можем пойти вместе? Почему бы нам не объединиться? Что ты думаешь по этому поводу, Грег?» Именно такой вопрос всегда задавали герои научно-фантастических романов, которые он читал подростком: «Почему бы нам не объединить усилия?»

— Да идите же, чего вы ждете? — спросила женщина, прежде чем Клай успел задать эти вопросы или произнести какие-то другие слова. В ее тележке спала девочка лет пяти. Женщина стояла рядом с тележкой, охраняла ее, словно урвала на распродаже что-то особо ценное, и опасалась, что Клай или его друзья попытаются отнять у нее добычу. — Или вы думаете, что у нас есть что-то, нужное вам?

— Натали, перестань, — попытался остановить ее Грегори.

Но Натали не перестала, а Клай осознал, почему эта маленькая сцена нагнала на него такую тоску. Не потому, что эта женщина смотрела на него, как на врага. Усталость и ужас вели к паранойе. Это он прекрасно понимал и мог простить. Настроение упало прежде всего по другой причине: вокруг люди продолжали идти, размахивая фонариками, шепотом переговариваясь между собой, в своих маленьких группах, иногда перекидывая чемодан из одной руки в другую. Какой-то тип на мотороллере прокладывал путь по мусору, между разбитых автомобилей, и люди расступались перед ним, что-то недовольно бормоча. Клай подумал, что ничего бы не изменилось, если бы мальчик, выпав из тележки, сломал шею, а не отделался царапиной на коленке. Подумал, что ничего бы не изменилось, если бы вон тот полный мужчина, который, тяжело дыша, шел по обочине, таща на себе здоровенную сумку, упал бы, сраженный

инфарктом. Никто бы не попытался ему помочь, и, разумеется, эпоха «911» канула в Лету.

Никто даже не потрудился крикнуть: «Выскажите ему все, леди!» или «Эй, красавчик, чего бы тебе не предложить ей заткнуться?»

— ...потому что у нас нет ничего, кроме этих детей, мы же не ожидали, что на нас ляжет такая ответственность, особенно теперь, когда мы едва можем позаботиться о себе, у него вшит кардиостимулятор, и что мы должны будем делать, когда батарейка отработает свой срок, хотела бы я знать? А еще эти дети! Вам нужен ребенок? — Она обвела всех безумным взглядом. — *Эй! Кому-нибудь нужен ребенок?*

Маленькая девочка шевельнулась.

— Натали, ты потревожишь Портию, — предостерег ее Грегори.

Женщина, которую звали Натали, засмеялась.

— Велика беда! В этом мире и так всех потревожили! — Вокруг люди продолжали идти все той же походкой беженцев. Никто не обращал на них ни, малейшего внимания, и Клай подумал: «Вот, значит, какие мы. Вот что происходит, когда рушится наш мир. Когда нет видеокамер, нет горящих зданий, нет Андерсона Купера, который говорит; „А теперь вернемся в студию Си-эн-эн в Атланту“, Вот что происходит, когда министерство национальной безопасности прекращает свою деятельность по причине помешательства».

— Позвольте мне взять мальчика на руки, — предложил Клай. — Я понесу его, пока мы не найдем, куда его посадить. Тележка-то сломалась. — Он посмотрел на Тома.

Том пожал плечами и кивнул.

— Держитесь от нас подальше, — предупредила Натали, и в ее руке появился пистолет. Маленький, скорее всего двадцать второго калибра, но и такой мог причинить немало вреда, если бы пуля попала в нужное место.

Клай услышал, как оружие выхватили и по обе стороны от него. Том и Алиса направили автоматические пистолеты, взятые в доме Никерсонов, на женщину, которую звали Натали. Похоже, и это становилось приметой времени.

— Уберите оружие, Натали, — сказал он. — Мы уже уходим.

— И правильно делаете, вашу мать. — Свободной рукой она отбросила с глаз прядь волос. Вроде бы и не видела, что молодой мужчина и еще более молодая девушка, которые стояли по обе стороны от Клая, держали ее на мушке. Теперь люди, проходившие мимо, *смотрели* на них, но реагировали одинаково: старались побыстрее миновать то место, где могла пролиться кровь.

— Пошли, Клай. — Алиса взяла его за запястье. — Пока кого-нибудь не застрелят.

И они двинулись дальше. Алиса шла, по-прежнему держа за запястье Клая, словно он был ее бойфрейдом. *Такая вот неспешная ночная прогулка*, подумал Клай. Он не знал, который теперь час, да и не хотел знать. Сердце его гулко билось. Том шагал рядом, но до того, как они миновали очередной поворот, шел спиной вперед, с пистолетом в руке. Клай полагал, что Том готов пристрелить Натали, если бы та решила воспользоваться своим пистолетиком. Потому что нынче, после того как телефонная связь вышла из строя до последующего уведомления, на выстрел стало принято отвечать выстрелом.

За несколько часов до зари, шагая по шоссе 102 восточнее Манчестера, они услышали музыку, доносящуюся из далекого далека.

— Господи. — Том даже остановился. — Это же «Прогулка слоненка».

— Это что? — переспросила Алиса. В голосе слышался смех.

— Большой оркестр из эпохи, когда галлон бензина стоил четвертак. Лес Браун и его оркестр виртуозов^[74], что-то вроде этого. У моей матери была пластинка.

Двое мужчин подошли к ним и тоже остановились, чтобы поболтать. Оба в возрасте, но в хорошей физической форме. *Словно пара недавно вышедших на пенсию почтальонов, путешествующих по Котсуолдс*^[75], подумал Клай. *Кем бы они ни были.* Один нес рюкзак, не какую-то ерунду вроде рюкзака Алисы, а настоящий, на каркасе, до талии. У второго на правом плече висел походный мешок. А на левом — «винчестер 30-30».

Рюкзак рукой вытер пот с морщинистого лба и сказал:

— Ваша мать могла слышать версию Леса Брауна, но скорее всего она слушала Дона Косту^[76] или Генри Манчини^[77]. Их аранжировки были самыми популярными. А это... — он мотнул головой в сторону доносящихся звуков, — ...это Лоренс Уэлк^[78], и это так же верно, как я живу и дышу.

— Лоренс Уэлк, — выдохнул Том почти с благоговейным трепетом.

— Кто? — переспросила Алиса.

— Слушай, как идет слон, — предложил Клай и рассмеялся. Он устал, чувствовал себя неважно. И подумал, что Джонни понравилась бы эта музыка.

Рюкзак бросил на него пренебрежительный взгляд, вновь посмотрел на Тома.

— Это Лоренс Уэлк, все точно. Зрение у меня не такое, как раньше, а вот со слухом все в порядке. Раньше мы с женой смотрели его шоу каждый гребаный субботний вечер.

— Додж тоже неплохо проводил время, — заметил Походный Мешок. Этим ограничилось его участие в разговоре, и Клай понятия не имел, что означает эта фраза.

— Лоренс Уэлк и его «Шампань-Бэнд», — воскликнул Том. — Подумать только!

— Лоренс Уэлк и его «Шампань-мюзик-мейкерс», — уточнил Рюкзак. — *Господи Иисусе.*

— Не забудьте сестер Леннон^[79] и очаровательную Алису Лон^[80], — добавил Том.

Доносившаяся издали музыка изменилась.

— Это «Калькутта». — Рюкзак вздохнул. — Ну ладно, нам пора. Приятно было провести с вами несколько дневных минут.

— Ночных, — поправил его Клай.

— Нет уж, — покачал головой Рюкзак. — Теперь это наши дни. Или вы не заметили? Доброго вам дня, мальчишки. И вам, маленькая мэм.

— Спасибо, — едва слышно ответила маленькая мэм, стоя между Клаем и Томом.

Рюкзак двинулся дальше. Походный Мешок пристроился к нему. Вокруг фонарные лучи уводили людей все глубже и глубже в Нью-Хэмпшир. Потом Рюкзак остановился, повернулся, чтобы сказать несколько слов напоследок:

— Вам не следует оставаться на дороге еще больше часа. Найдите мотель или дом и заходите в него. Насчет обуви вы знаете, не так ли?

— Что мы должны знать насчет обуви? — переспросил Том.

Рюкзак терпеливо посмотрел на него, как посмотрел бы на любого, кто только что прилюдно сморозил глупость. Вдали «Калькутта», если звучала именно эта мелодия, уступила место польке, казавшейся совершенно безумной в эту туманную, сочащуюся моросящим

дождем ночь. А теперь этот старик с большим рюкзаком на спине что-то долдонил об обуви.

— Когда вы заходите в дом, обувь оставляйте на крыльце, — говорил старик. — Безумцы ваши ботинки не тронут, можете быть спокойны, но ваша обувь подскажет другим людям, что место занято и они должны идти дальше, найти другое. Спасает... — он посмотрел на автомат в руках Клай, — ...спасает от инцидентов.

— А уже были инциденты? — спросил Том.

— Да, конечно, — ответил Рюкзак с леденящим кровь безразличием. — Инциденты случаются всегда, такова уж природа людей. Но свободных мест больше чем достаточно, поэтому вы вполне можете обойтись без инцидента. Просто выставьте обувь за дверь.

— Откуда вы это знаете? — спросила Алиса.

Он ей улыбнулся, отчего лицо его стало куда как более симпатичным. Да и трудно было не улыбнуться Алисе, такой молодой и, даже в три часа утра, такой красивой.

— Люди говорят. Я слушаю. Я говорю, *иногда* другие люди слушают. Вы слушали?

— Да, — кивнула Алиса. — Что я лучше всего умею, так это слушать.

— Тогда расскажите об этом и другим. Уже плохо, что нам приходится иметь дело с *ними*.

— Он не стал уточнять. — И совсем плохо, если к этому добавятся инциденты среди нас.

Клай подумал о Натали, наставившей на него пистолет двадцать второго калибра.

— Вы правы. Благодарю вас.

— Это полька «Пивная бочка», не так ли? — спросил Том.

— Совершенно верно, сынок, — подтвердил Рюкзак. — В бумбоксе Майрон Флорен [\[81\]](#).

Господи, упокой его душу. У вас, возможно, возникнет желание остановиться в Гейтене. Это маленький уютный городок в двух милях или чуть дальше по этой дороге.

— Вы тоже собираетесь там остановиться? — спросила Алиса.

— Нет, мы с Рольфом пройдем чуть подальше.

— Почему?

— Потому что мы можем, маленькая мэм, вот и все. Доброго вам дня.

На этот раз они не стали возражать, и, хотя возраст обоих мужчин приближался к семидесяти, скоро они скрылись из виду, следуя за единственным лучом фонаря, который держал в руке Рольф... Походный Мешок.

— «Прогулка слоненка», — сказал Клай и засмеялся.

— Лоренс Уэлк и его «Шампань-мюзик-мейкерс», — в голосе Тома слышалось восхищение.

— «Прогулка слоненка», — Клай рассмеялся.

— Почему Додж тоже хорошо проводил время? — спросила Алиса.

— Потому что мог, полагаю, — ответил Том и расхохотался, глядя на ее недоумевающее лицо.

Музыка доносилась из Гейтена, маленького уютного городка, в котором Рюкзак порекомендовал им остановиться на ночлег. Не такая гремящая, как на концерте «AC/DC» ^[82] в Бостоне, на котором Клай побывал подростком (тогда в ушах у него звенело не один день), но достаточно громкая, чтобы вспомнить летние концерты оркестров в Саут-Беруике, куда он приезжал с родителями. Собственно, он почему-то решил, что источник музыки они найдут на городской площади. Скажем, какого-нибудь старика, не мобилопсиха, а обездвиженного болезнью человека, который вбил себе в голову поприветствовать уходящих людей легкими танцевальными мелодиями давно минувших дней, транслируя их через динамики работающего от батареек проигрывателя.

В Гейтене была городская площадь, но она пустовала, если не считать нескольких людей, которые то ли слишком поздно ужинали, то ли слишком рано завтракали при свете ручных фонариков и ламп Коулмана. Источник музыки находился севернее. К этому времени Уэлк уступил место кому-то еще, играющему на трубе так сладко, что музыка эта усыпляла.

— Это Уинтон Марсалис, не так ли? — спросил Клай. Он уже понял, что в эту ночь они прошли сколько могли, и подумал, что Алиса от усталости едва держится на ногах.

— Он или Кении Джи ^[83], — ответил Том. — Ты знаешь, что Кении Джи сказал, выходя из лифта, не так ли?

— Нет, — ответил Клай, — но я уверен, что ты меня просветишь.

— Да! «Вот уж где рок так рок!» ^[84]

— Так забавно, что мое чувство юмора только что лопнуло.

— Я этого не понимаю, — честно призналась Алиса.

— Объяснение того не стоит, — сказал Том. — Послушайте, по-моему, пора устраиваться на ночлег. Я сейчас упаду.

— Я тоже, — поддержала его Алиса. — Думала, что я в хорошей форме благодаря соккеру, но действительно выдохлась.

— Да, — согласился Клай. — С тобой уставших у нас будет трое.

Они уже прошли торговый район Гейтена, и, согласно вывескам, Главная улица (она же шоссе 102) стала Академической авеню. Клая это не удивило, потому что рекламные щиты на окраинах объявляли, что в городе находится Гейтенская академия истории, и Клай знал, что о ней ходили самые разные слухи. Он полагал, что это одна из подготовительных школ ^[85] Новой Англии для детей, которые не могут попасть в Экзетер или Милтоп. Он полагал, что они скоро попадут в страну кафе быстрого обслуживания, мастерских по ремонту глушителей и дешевых мотелей, но вдоль этой части нью-хэмпширского шоссе 102 выстроились очень симпатичные дома. Проблема заключалась в том, что у входной двери практически каждого дома стояла обувь, иногда по четыре пары.

Пешеходный поток значительно обмелел, поскольку многие путники уже нашли прибежище на ближайший день, но, пройдя автозаправочную станцию «СИТГО в Академи-Гроув» и приближаясь к сложенным из плитняка колоннам по обе стороны въезда на территорию Академии, увидели идущее впереди трио: немолодых двух мужчин и женщину. Медленно шагая по тротуару, они осматривали дом за домом в поисках порога, где не стояла бы обувь. Женщина сильно хромала, и один из мужчин поддерживал ее за талию.

Гейтенская академия находилась от них по левую руку, и до Клая дошло, что музыка доносится именно оттуда (теперь слышалась умиротворяющая гитарная версия мелодии «Унеси меня на Луну»), В глаза бросились еще две особенности этого места. Во-первых, огромное

количество мусора (порванные упаковочные пакеты, недоеденные овощи и фрукты, обглоданные кости) как на улице, так и на усыпанной гравием дороге, которая уходила вглубь территории Академии. Во-вторых, двое людей, стоявших у ворот. Сутулый старик, опиравшийся на толстую трость, и мальчик (на земле у его ног стояла включенная лампа на батарейках). Выглядел он лет на двенадцать и дремал, привалившись спиной к одной из колонн. Одет был вроде бы в форму Академии: серые брюки, серый свитер, темно-бордовый пиджак с вышитым на нагрудном кармане гербом Академии.

Когда трио, идущее впереди Клал и его друзей, поравнялось с въездом в Академию, старик в твидовом пиджаке, с кожаными накладками на локтях, распрямился и обратился к ним, громким, какой слышен в самых дальних углах аудитории, голосом:

— Привет всем! Привет, я говорю! Почему бы вам не заглянуть сюда? Мы можем предложить вам крышу над головой и, что еще важнее, мы должны...

— Мы больше никому ничего не должны, — ответила женщина. — У меня лопнули четыре пузыря на ногах, по два на каждой, и я едва иду.

— Но у нас достаточно места... — начал старик. Мужчина, поддерживающий женщину, должно быть, так злобно взглянул на него, что старик замолчал. Трио проследовало мимо въезда в Академию, колонн и указателя, подвешенного на старинных железных S-образных крюках: «ГЕЙТЕНСКАЯ АКАДЕМИЯ, осн. в 1846 г. «Разум молодой — светочво тьме».

Старик, вновь согнулся, опершись на трость, потом увидел приближающихся Клая, Тома и Алису и тут же выпрямился. Хотел заговорить с ними, но, должно быть, пришел к выводу, что его лекторский подход не срабатывает. Поэтому не стал раскрывать рта, а ткнул концом трости в ребра юного компаньона. Мальчик оторвался от колонн, выпрямился с диким взглядом, а из-за ворот, где в темноте едва проглядывали очертания зданий на склоне пологого холма, доносилась музыка. Композиция «Унеси меня па Луну» уступила место другой, столь же медленной аранжировке, хотя, возможно, первоначально мелодия называлась «Я от тебя тащусь».

— Джордан! — рявкнул он. — Твоя очередь! Пригласи их зайти!

Мальчик, которого звали Джордан, вздрогнул, заморгал, глядя на старика, потом недоверчиво посмотрел на приближающихся незнакомцев. Клай подумал о Мартовском Зайце и Соне из «Алисы в стране чудес». Может, ошибался, скорее всего ошибался, представляя себе старика и мальчика этой парочкой, но он очень устал.

— Сэр, они такие же, как и остальные. Они не зайдут к нам. Никто не зайдет. Мы попробуем еще раз следующей ночью. Я так хочу спать.

И Клай понял, что, несмотря на усталость, они постараются выяснить, чего хочет от них старик... при условии, что Том и Алиса не откажутся наотрез. Отчасти потому, что компаньон старика напоминал ему Джонни, да, но в основном по другой причине: Клай уже сделал для себя вывод, что в этом не слишком храбром мире ^[86] помощи ни от кого не добьешься. Мальчик и тот, кого он называл сэр, предоставлены самим себе, потому что так уж легла карта. Только, если это была правда, очень скоро в этом мире ничего, достойного спасения, не останется.

— Давай. — Старик поощрил его, вновь ткнув концом трости, но несильно. Не причинив боли. — Скажи, что мы предоставим им крышу над головой, что у нас много места, но сначала опи должны кое-что увидеть. Что-то такое, на что нужно посмотреть. А если они скажут «нет», мы, конечно, на сегодня закончим.

— Хорошо, сэр.

Старик улыбнулся, продемонстрировав полный рот больших, лошадиных зубов.

— Спасибо, Джордан.

Мальчик направился к ним, неохотно, шаркая запыленными ботинками, с выглядывающим из-под свитера подолом рубашки. Лампу он держал в руке. Света она давала немного. Под

глазами мальчика темнели мешки — следствие бессонной ночи, волосы давно следовало помыть.

— Том? — спросил Клай.

— Мы узнаем, что ему нужно, потому что я вижу, ты этого хочешь, но...

— Сэры? Прошу извинить меня, сэры.

— Одну секунду, — бросил Том мальчику, потом повернулся к Клаю. Лицо было серьезным. — Но через час начнет рассветать. Может, раньше. Поэтому будем надеяться, что старик нас не обманывает, говоря, что найдет место, где мы сможем остановиться.

— О нет, сэр. — По голосу Джордана чувствовалось, что он не хочет надеяться на успех своей миссии, но ничего не может с собой поделать. — Остановиться есть где. Сотни комнат в общежитии, не говоря уже о Читэм-Лодж. Тобиас Вульф приезжал к нам в прошлом году и останавливался там. Он прочитал лекцию о своей книге «Старая школа».

— Я ее читала. — В голосе Алисы слышалось удивление.

— Мальчики, у которых не было сотовых телефонов, убежали. Те, у кого были...

— Мы все о них знаем, — заверила его Алиса.

— Я получил стипендию на обучение в этой школе. Жил в Холлоуэе. Сотового телефона у меня не было. Мне приходилось пользоваться телефоном комендантши общежития, когда я хотел позвонить домой, и другие мальчишки смеялись надо мной.

— Похоже, что последним посмеялся все-таки ты, Джордан, — заметил Том.

— Да, сэр, — согласно ответил он, но в тусклом свете лампы Клай видел не смех, а тоску и усталость. — Вас не затруднит подойти и познакомиться с директором?

И хотя Том вымотался до предела, он отреагировал с подчеркнутой вежливостью, словно они стояли на залитой солнечным светом веранде во время Чаепития с родителями, а не на замусоренной Академической авеню в четверть пятого утра:

— С превеликим удовольствием, Джордан.

— Интеркомы дьявола, вот как я раньше их называл, — сказал Чарльз Ардай, который двадцать пять лет возглавлял кафедру английского языка и литературы в Гейтенской академии, а в момент Импульса занимал пост ее директора. И теперь старик на удивление быстро взбирался на холм, опираясь на трость, держась тротуара, избегая заваленной мусором проезжей части дороги, которая вела к корпусам Академии. Джордан держался рядом с ним, остальные трое шли сзади. Джордан опасался, как бы старик не потерял равновесия. Кляя тревожило, что у старика может прихватить сердце, поскольку он пытался одновременно говорить и подниматься по склону, пусть и достаточно пологому. — Я, разумеется, не вкладывал в это никакого смысла, это была шутка, преувеличение, но, по правде говоря, я никогда не любил эти штуковины, особенно на территории Академии. Я бы, конечно, мог попытаться запретить их использование, но такое мое распоряжение обязательно бы отменили. Все равно что пытаться законодательно запретить прилив, понимаете, да? — Он несколько раз шумно вдохнул. — Мой брат подарил мне один, когда мне исполнилось шестьдесят пять. Я пользовался им, пока аккумулятор не разрядился... — Вдох-выдох. — А потом просто не стал его заряжать. И от них идет излучение, знаете? Минимальное, это правда, но все-таки... Источник излучения так близко от головы... от мозга...

— Сэр, вам бы подождать, пока мы дойдем до Тонни. — Джордан поддержал Ардая, когда трость директора соскользнула с какого-то гниющего фрукта, а сам директор пусть на мгновение, но накренился влево.

— Возможно, дельная мысль, — вставил Клай.

— Да, — согласился директор, — Только... я никогда им не доверял, вот что я хочу сказать. К моему компьютеру ничего такого не испытывал. Сразу сроднился с ним, как утка с водой.

На вершине холма главная дорога кампуса разделилась на две, буквой «У». Левая уходила к зданиям, которые могли быть только общежитиями. Правая вела к учебным корпусам, административному блоку и арке, которая смутно белела в темноте. Река мусора и объедков вливалась в арку. Директор Ардай повел их в том направлении, стараясь не наступать на мусор. Джордан поддерживал его под локоть. Музыка, на этот раз Бетт Мидлер ^[87], поющая «Ветер под моими крыльями», доносилась из-за арки, и Клай видел десятки компакт-дисков, валяющихся среди обглоданных костей и разорванных пакетов из-под картофельных чипсов, У него возникло нехорошее предчувствие.

— Э-э... сэр? Директор? Может, нам лучше...

— Ничего с нами не случится, — ответил директор. — Ребенком вы когда-нибудь играли в «музыкальные стулья»? Разумеется, играли. Что ж, пока звучит музыка, волноваться нам не о чем. Мы только быстренько глянем, а потом сразу пойдем в Читэм-Лодж. Это резиденция директора. От Тонни-Филд до нее меньше двухсот ярдов. Я вам обещаю. Клай посмотрел на Тома, который пожал плечами. Алиса кивнула.

Джордан как раз оглянулся (на лице читалась озабоченность) и засек этот молчаливый обмен мнениями.

— Вы должны это увидеть, — сказал он. — Тут директор прав. Пока не увидите, не поймете.

— Увидеть что, Джордан? — спросила Алиса.

Но Джордан только смотрел на нее большими юными глазами, поблескивающими в темноте.

— Подождите.

— Гребаная срань господня, — вырвалось у Клая. В голове эти слога прозвучали громовым воплем удивления и ужаса (может даже и ярости), но с губ сорвались жалким скулежом, отчасти потому, что на этот раз они действительно находилась очень уж близко от источника музыки, и она звучала почти так же громко, как и на том давнишнем концерте «AC/DC» (хотя Дебби Бун^[88] со своим сладеньким голоскам школьницы, которым она выводила «Свет моей жизни», и на пределе громкости не могла дотянуть до «Адских колоколов»), но главным образом от шока. Он думал, что после Импульса и отступления из Бостона готов ко всему, но ошибся.

Он не думал, что подготовительные школы культивируют такие плебейские (и зубодробительные) виды спорта, как футбол, но соккер в Гейтенской академии уважали. Трибуны, возведенные со всех четырех сторон поля, могли вместить как минимум тысячу человек. Их украшали флаги, которые из-за дождливой погоды последних дней больше напоминали грязные тряпки. За дальним концом поля высилось красивое табло с большими буквами поверху. В темноте Клай не мог разглядеть, что написано на табло, но, возможно, не стал бы читать, даже если бы стоял ясный день. Потому что света хватало для того, чтобы увидеть само футбольное поле, а все, что находилось за его пределами, уже не имело ровно никакого значения.

Каждый квадратный дюйм травы занимали мобилопсихи. Они лежали на спине, как сардины в банке, нога к ноге, бедро к бедру, плечо к плечу. Лица смотрели в черное, предрассветное небо.

— Господи Иисусе. — Голос Тома заглушил кулак, который он прижал ко рту.

— Поддержите девушку, — рявкнул директор. — Она сейчас лишится чувств.

— Нет... я в порядке, — ответила Алиса, но, когда Клай обнял ее за плечи, привалилась к нему, часто-часто дыша. Глаза оставались открытыми, но взгляд стал неподвижным, словно у наркомана после дозы.

— Они и под трибунами, — вставил Джордан. Говорил с нарочитым спокойствием, которое не вызывало у Клая доверия. Это был голос мальчишки, уверяющего своих друзей, что его не мутит от вида червяков, копошащихся в глазах мертвого кота... аккуратно перед тем как согнуться пополам и похвалиться харчишками. — Я и директор думаем, что именно туда они кладут больных и раненых, которые уже не пойдут на поправку.

— Директор и я, Джордан.

— Извините, сэр.

Дебби Бун достигла поэтической вершины и замолчала. Пауза, а потом «Шампань-мюзик-мейкерс» Лоренса Уэлка вновь заиграл «Прогулку слоненка». *Додж тоже хорошо проводил время*, подумал Клай.

— Сколько бумбоксов они соединили вместе? — спросил он директора Ардая. — И как они это сделали? Господи, они же безмозглые, зомби! — Ужасная мысль мелькнула в голове, нелогичная, но прозвучавшая очень уж убедительно. — Это сделали вы? Чтобы по ночам они сидели спокойно, или... Я не знаю...

— Он этого не делал, — сказала Алиса, уютно устроившись под рукой Клая.

— Не делал, — подтвердил директор, — и обе ваши версии неправильные.

— Обе? Я не...

— Должно быть, они жить не могут без музыки, — Том, похоже, размышлял вслух, — потому что не любят заходить в помещения, но именно там находятся си-ди, так?

— Не говоря уже о бумбоксах, — добавил Клай.

— Сейчас объяснять времени нет. Небо уже начало светлеть, и... скажи им, Джордан.

Джордан сказал, без запинки, с видом человека, который выучил заданный урок, но не понимает, о чем речь:

— Все хорошие вампиры должны быть в доме до первых петухов, сэр.

— Совершенно верно... до первых петухов. А пока смотрите. Это все, что от вас сейчас требуется. Вы не знали, что есть такие места, не так ли?

— Алиса знала, — ответил Клай.

Они посмотрели. И поскольку ночь уже начала уступать место дню, Клай увидел, что глаза на всех этих лицах открыты. Он практически не сомневался, что глаза ничего не видят, просто... открыты.

Здесь происходит что-то дурное, подумал он. Стадность — это только начало.

Вид лежащих вплотную друг к другу тел и пустых лиц (главным образом белых, это же в конце концов Новая Англия) удовольствия не доставлял, но глаза, открытые глаза, невидяще уставившиеся в небо, наполняли его безотчетным ужасом. Где-то, не так уж и далеко, запела первая утренняя птица. Не петух, но директор все равно подпрыгнул. Потом покачнулся. На этот раз его поддержал Том.

— Пошли, — сказал им директор. — Читэм-Лодж рядом, но задерживаться нам не стоит. От этой сырости у меня ноют суставы. Возьми меня под локоть, Джордан.

Алиса выскользнула из-под руки Клая и подошла к старику с другой стороны. Он ей улыбнулся и покачал головой.

— Джордан обо мне позаботится. Мы теперь заботимся друг о друге... так, Джордан?

— Да, сэр.

— Джордан? — спросил Том. Они приближались к большому (и довольно претенциозному) зданию, построенному в тюдоровском стиле, — как предположил Клай, к Читэм-Лодж.

— Сэр?

— Надпись на табло... я не смог ее разобрать. Что там написано?

— «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА ЕЖЕГОДНУЮ ВСТРЕЧУ ВЫПУСКНИКОВ». — Джордан почти что улыбнулся, потом вспомнил, что в этом году ежегодной встречи не будет (флаги на трибунах уже начали рваться), и помрачнел. Если бы не крайняя усталость, он, наверное, смог бы сдержаться, но час был очень поздний, до рассвета оставалось совсем ничего, и когда они подходили к резиденции директора, последний ученик Гейтенской академии, все еще в школьной униформе, темно-бордовой и серой, разрыдался.

— Это потрясающе, сэр. — Клай быстро и естественно перенял манеру обращения Джордана. Так же, как и Том с Алисой. — Спасибо вам.

— Да, — кивнула Алиса. — Спасибо. Я никогда в жизни не съела два бургера, во всяком случае, таких больших.

Часы показывали три пополудни. Они сидели на заднем крыльце Читэм-Лодж. Чарльз Ардай, директор, как называл его Джордан, поджарил гамбургеры на маленьком газовом гриле. Сказал, что мясом отравиться нельзя, потому что генератор, от которого работал морозильник кафетерия, отключился только вчера днем. И действительно, полуфабрикаты, которые Том и Джордан принесли из кладовой, покрывал иней, а твердостью они не уступали хоккейной шайбе. Он также сказал, что жарить мясо, ничего не опасаясь, они, вероятно, могут до пяти часов, но осторожность требует, что они закончили трапезу раньше.

— Они могут унюхать готовку? — спросил Клай.

— Скажем так, у нас нет желания это выяснять, — ответил директор. — Не так ли, Джордан?

— Да, сэр, — и Джордан откусил кусок своего второго гамбургера. Он, конечно, ел уже не так быстро, но, по мнению Клая, ничего на тарелке оставлять не собирался. — Мы, хотим быть в доме, когда они просыпаются и когда возвращаются из города. Они сейчас там, в городе. Защищают его, как птицы защищают от зерен поле, с которого убрали пшеницу. Так говорит директор.

— Они собирались стадом и у нас, когда мы были в Молдене, — сказала Алиса. — Только тогда мы не знали, как они проводят ночь. — Она смотрела на поднос с порциями пудинга. — Можно мне взять одну?

— Да, конечно. — Директор пододвинул к ней поднос. — И еще один гамбургер, если хочется. Все, что мы не съедим, в самом скором времени испортится.

Алиса застонала и покачала головой. Но порцию пудинга взяла. Как и Том.

— Вроде бы каждое утро они уходят в одно и то же время, но вот стадное поведение здесь стало проявляться позднее, — задумчиво заметил Ардай. — Почему так?

— Может, уменьшилась добыча? — предположила Алиса.

— Возможно... — Он отправил в рот последний кусок своего гамбургера, аккуратно прикрыл оставшиеся бумажной салфеткой. — Стад много, знаете ли. Может, не меньше десятка в радиусе пятидесяти миль. Мы знаем от людей, пришедших с юга, что такие стада есть в Сэнфорде, Фримонте, Сандии. Днем они бродят, возможно, в поисках не только еды, но и музыки, а потом возвращаются в то место, откуда уходили утром.

— Мы знаем это наверняка. — Том закончил одну порцию пудинга и потянулся за второй. Ардай покачал головой.

— Наверняка вы знать не могли, мистер Маккорт. — Его волосы, седую гриву длинных волос (несомненно, волосы профессора английского языка и литературы, подумал Клай), шевелил легкий послеполуденный ветерок. Облака ушли. С заднего крыльца открывался прекрасный вид на кампус, пока еще пустынный. Джордан через равные интервалы времени обходил дом, чтобы посмотреть на спускающийся к Академической авеню склон холма и доложить, что и там все тихо. — Вы же не видели других мест, где они собираются?

— Нет.

— Но мы шли в темноте, — напомнил ему Клай, — а теперь темнота действительно темная.

— Да, — согласился директор. Произнес почти что мечтательно. — Как в *lemoyenage*.
Переведи, Джордан.

— Средние века, сэр.

— Молодец. — Он похлопал мальчика по плечу.

— Даже большие стада легко пропустить, — указал Клай. — Им не нужно прятаться.

— Нет, они не прячутся, — согласился директор Ардай, сложив пальцы домиком. — Пока, во всяком случае, не прячутся. Они собираются стадом... они выходят на поиски добычи... и их групповой разум, похоже, слабеет, пока они добывают то, что им нужно... но, возможно, слабеет все в меньшей степени. Возможно, с каждым днем все меньше.

— Манчестер сгорел дотла, — неожиданно вставил Джордан. — Мы видели пожар отсюда, не так ли, сэр?

— Да, — кивнул директор. — Зрелище было печальным и пугающим.

— Это правда, что людей, которые пытались уйти отсюда в Массачусетс, расстреливали на границе? — спросил Джордан. — Люди говорили, что им придется идти в Вермонт, только тот маршрут безопасен.

— Это выдумка, — заверил его Клай. — Мы слышали то же самое о границе с Нью-Хэмпширом.

Джордан вытаращился на него, потом расхохотался. Смех его, чистый и прекрасный, далеко разносился в окружающей их тишине. А потом, где-то далеко, раздался выстрел. И, уже ближе, кто-то закричал от ярости или ужаса.

Смех Джордана оборвался.

— Расскажите нам о том странном состоянии, в котором они находились прошлой ночью, — попросила Алиса. — И музыке. Другие стада тоже слушают музыку по ночам?

Директор посмотрел на Джордана.

— Да, — ответил мальчик. — Это легкая, танцевальная музыка, не рок, не кантри...

— Как я понимаю, и не классика, — вставил директор. — Во всяком случае, ничего такого, что сложно для восприятия.

— Это их колыбельные, — уточнил Джордан. — Так по крайней мере думаем мы, я и директор, не так ли, сэр?

— Директор и я, Джордан.

— Директор и я, сэр.

— Мы действительно так думаем. — Директор обвел взглядом гостей. — Хотя я подозреваю, что в этом заложено и многое другое. Да, очень многое.

Клая охватило замешательство. Он просто не знал, как продолжать этот разговор. Посмотрел на своих друзей, по выражению их лиц понял, что они разделяют его чувства: не только недоумение, но и боязнь узнать больше.

А директор Ардай наклонился вперед.

— Вы позволите мне говорить откровенно? Я должен говорить откровенно, эта привычка у меня всю жизнь. Я хочу, чтобы вы помогли мне совершить здесь что-то ужасное. И отведенное на это время, боюсь, истекает, а если одна такая акция ни к чему не приведет, то, не совершив ее, этого не узнаешь, не так ли? Никому не известно, каким образом могут поддерживать связь между собой эти... стада. В любом случае я не буду сидеть сложа руки, когда эти... твари... крадут у меня не только школу, но и сам белый день. Я бы уже предпринял такую попытку, но я стар, а Джордан очень молод. Слишком молод. Кем бы они ни стали теперь, недавно они были людьми. Я не могу позволить ему принять в этом участие.

— Я готов внести свою лепту, сэр! — твердо проговорил Джордан, словно, подумал Клай, юноша-мусульманин, затягивающий на себе пояс шахида.

— Я салютую твоему мужеству, Джордан, — заверил его директор, — но не думаю, что тебе нужно принимать в этом участие. — Он тепло посмотрел на мальчика, некогда повернулся к остальным, глаза его заметно посуровели, — У вас есть оружие, хорошее оружие, а у меня всего лишь винтовка двадцать второго калибра, стреляющая одиночными патронами, которая, возможно, и неисправна, хотя ствол чистый... я проверял. По даже, если ее и можно пустить в дело, патроны, которые у меня есть, возможно, давно отсырели. Зато в гараже у нас есть бензозаправка, и бензин может послужить для того, чтобы оборвать их жизни.

Должно быть, он прочитал ужас на их лицах, потому что кивнул. И для Клая он больше не выглядел добрейшим мистером Чипсом^[89], потому что превратился в старейшину пуритан на картине маслом. Такой мог не моргнув глазом приговорить мужчину к повешению. Или отправить женщину на костер по обвинению в колдовстве.

И кивал он прежде всего Клаю. В этом у Клая не было ни малейших сомнений.

— Я знаю, что сейчас сказал. Я знаю, как это звучит. Но это будет не убийство, совсем не убийство. Это будет истребление. Не в моей власти заставить вас что-либо сделать. Но в любом случае, поможете вы мне сжечь их или нет, вы должны передать мое послание.

— Кому? — выдохнула Алиса.

— Всем, кого вы встретите, мисс Максвелл. — Он наклонился над остатками их трапезы, маленькие, с пронизывающим взглядом глаза судьи, не страшась выносить смертные приговоры, жарко горели. — Вы должны рассказывать, что происходит с ними... с теми, кто получил адское послание по интеркому дьявола. Вы должны рассказывать об этом всем. Все, у кого украли дневной свет, должны это услышать, пока не будет слишком поздно. — Он провел рукой по нижней половине лица, и Клай увидел, что его пальцы чуть трясутся. Мог бы списать это на возраст директора, но раньше никаких признаков тремора он не замечал. — Мы боимся, что скоро будет поздно. Не так ли, Джордан?

— Да, сэр. — Мальчик, безусловно, думал, что ему что-то известно, На его лице отражался ужас.

— Что? Что с ними происходит? — спросил Клай. — Это как-то связано с музыкой и подсоединением друг к другу бумбоксов, не так ли?

Директор вдруг сник, на лице отразилась безмерная усталость.

— Они не подсоединены друг к другу. Разве вы не помните, как я сказал вам, что оба ваших предположения неверны?

— Да, но я не понял, что вы имели...

— Там есть один стереопроектор с установленным в нем си-ди, в этом вы, несомненно, правы. Один простой диск со сборником песен, как говорит Джордан, вот почему песни повторяются снова и снова.

— Как же нам везет, — пробормотал Том, но Клай едва услышал его. Он пытался понять, что означают слова Ардая: «Они не подсоединены друг к другу». Как такое могло быть? Просто не могло.

— Эти стереосистемы, бумбоксы, если угодно, установлены вокруг поля, — продолжил директор, — и они все включены. Ночью видно, как светятся маленькие красные лампочки...

— Да, — подтвердила Алиса, — я заметила красные огонечки, но как-то оставила это без внимания.

— ...но в них ничего нет... ни компакт-дисков, ни аудиокассет... и провода их не связывают. Они лишь принимают музыку с мастер-диска и ретранслируют ее.

— Если их рты открыты, музыка идет и из них, — добавил Джордан. — Очень тихая... не громче шепота... но ее можно услышать.

— Нет, — покачал головой Клай. — Это твое воображение, малыш. Такого не может быть.

— Сам я ничего не слышал, — признал Ардай, — но и слух у меня не такой острый, как в те годы, когда я был без ума от Джина Винсента^[90] и «Блу кэпс». «Давным-давно», — как сказали бы Джордан и его друзья.

— Вы же представитель очень старой школы, сэр. — В голосе Джордана слышались нежность и привязанность.

— Да, Джордан, так оно и есть. — Он хлопнул мальчика по плечу и вновь сосредоточил внимание на остальных. — Если Джордан говорит, что слышал музыку... я ему верю.

— Это невозможно, — стоял на своем Клай. — Без транслятора.

— Они и транслируют, — пояснил директор. — Эта способность, похоже, появилась у них после Импульса.

— Подождите. — Том поднял руку, словно регулировщик, опустил, начал говорить, поднял снова. Сидя рядом с директором Ардаем, Джордан пристально наблюдал за ним. Наконец Том озвучил свою мысль: — Мы здесь говорим о телепатии?

— Как я понимаю, это не совсем *lemotjuste*^[91] для определения феномена, с которым мы имеем дело, — ответил директор, — но чего цепляться к терминам? Я готов поставить все замороженные гамбургеры, которые остаются в моем холодильнике, слово «телепатия» уже встречалось в ваших разговорах?

— Вы выиграли, — заверил его Клай.

— Да, конечно, но стадное чувство — это другое, — указал Том.

— Потому что... — Кустистые брови директора вопросительно поднялись.

— Ну, потому что... — Том замолчал, и Клай понимал почему. Стадность — для людей поведение нехарактерное, и они знали это с того самого момента, как увидели Джорджа-механика, идущего за женщиной в грязном костюме через лужайку Тома к тротуару и мостовой Салем-стрит. Он шел так близко от нее, что мог бы укунить в шею... но не укунул. И почему? Потому что для мобилопсихов укуны закончились, началось сбивание в стаи, стада, как ни назови.

По крайней мере они перестали кусать своих. Если только...

— Профессор Ардай, поначалу они убивали всех...

— Да, — согласился директор. — Нам повезло, вот мы и остались живы, не так ли, Джордан?

Джордан содрогнулся, потом кивнул.

— Ученики везде бегали. Даже некоторые учителя. Убивали... кусали... выкрикивали какую-то белиберду... Я спрятался в одной из оранжерей.

— А я на чердаке этого самого дома, — добавил директор. — Наблюдал из маленького окошка за тем, как кампус... кампус, который я люблю, в полном смысле этого слова превратился в ад.

— Большинство из тех, кто не умер, убежали в центр города, — подхватил Джордан. — Теперь многие из них вернулись. Туда. — Он мотнул головой в сторону поля для соккера.

— И к чему все это нас подводит? — спросил Клай.

— Думаю, вы знаете, мистер Ридделл.

— Клай.

— Хорошо, Клай. Я думаю, случившееся здесь — не временная анархия. Я думаю, это начало войны. Она будет короткой, но крайне жестокой.

— Не кажется ли вам, что вы преувеличиваете...

— Нет. Пока я основываюсь на собственных наблюдениях, моих и Джордана. У нас здесь большое стадо, за которым мы имеем возможность понаблюдать. Мы видели, как они уходят и приходят, а также... скажем, отдыхают. Они перестали убивать друг друга, но продолжают

убивать людей, которых мы классифицируем как нормальных. Я называю это войной.

— Вы своими глазами видели, как они убивают нормальных? — спросил Том. Сидевшая рядом с ним Алиса открыла рюкзачок, достала «беби найк», сжала в руке.

Директор печально посмотрел на Тома.

— Видел. К сожалению, должен сказать, что видел и Джордан.

— Мы ничем не могли помочь. — Из глаз Джордана потекли слезы. — Их слишком много. Это были мужчина и женщина, понимаете? Я не знаю, что они делали в кампусе, когда уже начало темнеть, но они, конечно же, не подозревали о существовании Тонни-Филд. Она была ранена. Он помогал ей. Они нарвались на два десятка *этих*, возвращавшихся из города. Мужчина пытался ее нести, — у Джордана задрожал голос. — Сам он, возможно, смог бы от них уйти, но с ней... он добрался только до Хортон-Холл. Это одно из общежитий. Там упал, и они их настигли. *Они...*

Джордан резко повернул голову и ткнулся лицом в пиджак старика, на этот раз темно-темно-серый. Большая рука директора поглаживала шею и спину Джордана.

— Они, похоже, знают своих врагов. — Директор словно размышлял вслух. — Возможно, эта информация содержалась в первом послании, как по-вашему?

— Возможно, — согласился Клай. Такое предположение, увы, не противоречило здравому смыслу.

— А насчет того, что они делают ночью, когда лежат неподвижно, с открытыми глазами, слушая музыку... — Директор вздохнул, вытащил носовой платок из одного из карманов пиджака, буднично так вытер глаза мальчика. Клай видел, что он очень напуган, но совершенно уверен в выводе, к которому уже пришел. — Я думаю, они перезагружаются.

— Вы заметили красные огоньки? — спросил директор голосом лектора, который будет услышан в самом дальнем уголке аудитории. — Я насчитал как минимум шестьдесят три...

— *Тихо!* — прошипел Том. Едва сдержался, чтобы не закрыть ладонью рот старика.

Директор спокойно посмотрел на него.

— Разве вы забыли, что я говорил прошлой ночью про «музыкальные стулья», Том?

Том, Клай и Ардай стояли у турникетов, арка, ведущая к Тонни-Филд, находилась у них за спинами. Алиса и Джордан, по взаимной договоренности, остались в Читэм-Лодж. Над футбольным полем подготовительной школы звучала джазовая аранжировка песни «Девушка из Ипанемы». Клай подумал, что для мобилопсихов это, должно быть, самая крутая музыка.

— Нет, — ответил Том. — Пока музыка продолжает играть, опасаться нам нечего. Я просто не хочу стать тем парнем, которому перегрызет горло страдающее бессонницей исключение из общего правила.

— Такого не будет.

— С чего такая уверенность, сэр? — спросил Том.

— Потому что, уж простите за маленький литературный каламбур, то, что мы видим, нельзя называть сном. Пошли.

Он двинулся вниз по бетонному пандусу, по которому игроки когда-то выходили на поле, заметил, что Клай и Том не решаются сдвинуться с места, выжидающе посмотрел на них.

— Обрести новые знания без риска невозможно, а в сложившейся ситуации знания, я бы сказал, решающий фактор. Пошли.

Они последовали за постукиванием его трости вниз по пандусу, к футбольному полю. Клай шел чуть впереди Тома. Да, он видел горящие индикаторы питания бумбоксеров, установленных по периметру. И их действительно было порядка шестидесяти — семидесяти. Больших переносных стереопроекторов, разделенных десятью или пятнадцатью футами. И вплотную к каждому лежали тела. От вида этих тел, залитых лунным светом, глаза лезли на лоб. Не наваленных друг на друга — каждое занимало свой клочок травы, но лежали они вплотную, не пропадало ни единого квадратного дюйма. А с учетом переплетенных пук создавалось ощущение, будто все поле покрыто бумажными куклами, уложенными ряд за рядом, а музыка поднималась к темному небу (*Вроде той, что обычно слышишь в супермаркете*, подумал Клай). Поднималось и кое-что еще: запах грязи, гниющих овощей и фруктов, немых тел и человеческих испражнений.

Директор обошел футбольные ворота. Их оттащили от поля, перевернули, сетку порвали. Здесь, у границы человеческого моря, лежал мужчина лет тридцати, с ранками от укусов на одной руке, поднимающимися к рукаву футболки с надписью «NASCAR». Ранки воспалились. В пальцах правой руки он держал красную бейсболку, которая заставила Клая вспомнить о крошечной кроссовке Алисы. Мужчина тупо смотрел на звезды, а Бетт Мидлер вновь запела о ветре под ее крыльями.

— Привет! — хрипло и пронзительно воскликнул директор. Приставил трость к животу мужчины, давил, пока мужчина не пернул. — Привет, я говорю!

— Прекратите! — буквально простонал Том.

Директор, поджав губы, удостоил его пренебрежительного взгляда, потом всунул конец трости в бейсболку, которую держал мужчина. Двинул тростью. Бейсболка отлетела на десять футов и приземлилась на лицо женщины средних лет. Клай, словно зачарованный, наблюдал, как бейсболка чуть соскользнула и из-под нее показался один раскрытый немигающий глаз.

Мужчина, словно в замедленной съемке, приподнялся, пальцы, совсем недавно державшие бейсболку, сжались в кулак. Мужчина вновь упал на траву и затих.

— Он думает, что все еще держит ее, — прошептал Клай.

— Возможно, — ответил директор без всякого интереса. Ткнул тростью в одну из воспалившихся ран. Должно быть, боль была страшная, но мужчина не отреагировал, продолжал смотреть в небо, а Бетт Мидлер передала эстафету Дину Мартину^[92]. — Я могу пробить тростью его шею, но он не попытается меня остановить. И лежащие рядом не поднимутся на его защиту, хотя днем, я в этом не сомневаюсь, разорвали бы меня на куски.

Том присел на корточки у одного геттобластера.

— Батарейки в него вставлены. Я сужу по весу.

— Да. Во все. Батарейки им, похоже, нужны. — Директор задумался, потом добавил, хотя Клай полагал, что мог бы и обойтись без этого уточнения: — Во всяком случае, пока.

— Мы можем подчистить их ряды, не так ли? — спросил Клай. — Можем сократить их число так же, как охотники в 1880-х извели под корень странствующих голубей.

Директор кивнул.

— Вышибали их маленькие мозги, как только они садились на землю, да? Удачная аналогия. Но от меня с моей тростью пользы мало. Да и у вас, боюсь, с автоматическим оружием особого результата не будет.

— В любом случае у меня нет столько патронов. Тут... — Клай обвел взглядом распростертые тела. От этого зрелища заболела голова. — Тут их шестьсот или семьсот. Не считая тех, кто под трибунами.

— Сэр? Мистер Ардай? — обратился к директору Том. — Когда вы... как вы впервые...

— Как я впервые определил глубину транса? Вы спрашиваете об этом?

Том кивнул.

— Я в первую же ночь вышел, чтобы посмотреть на них. Стадо было гораздо меньше, и меня тянуло сюда исключительно неумное любопытство. Джордана со мной не было. Боюсь, переход на ночное бодрствование дается ему тяжело.

— Вы рисковали жизнью, знаете ли, — заметил Клай.

— Я ничего не мог с собой поделать, — ответил директор. — Меня словно загипнотизировали. Я быстро понял, что они без сознания, пусть глаза у них и открыты, а несколько простых экспериментов с тростью позволили подтвердить их состояние.

Клай подумал о хромоте директора, подумал о том, чтобы спросить, а понимал ли он, что с ним произойдет, если бы его догадка оказалась неверной и они бросились бы на него, но придержал язык. Директор, без сомнения, лишь повторил бы только что сказанное: обрести новые знания без риска невозможно. Джордан был прав, они имели дело с представителем очень старой школы. Клаю определенно не хотелось бы стать четырнадцатилетним учеником этой школы, которого вызвали на ковер к директору.

Ардай тем временем смотрел на него, качал головой.

— Шесть или семь сотен — сильно заниженная оценка, Клай. Это же стандартное поле для соккера. Шесть тысяч квадратных ярдов.

— И сколько же их?

— Учитывая плотность, с которой они лежат? Как минимум тысяча.

— Но в действительности здесь их сейчас нет, правда? Вы в этом уверены.

— Уверен. А возвращаются они... и с каждым днем все в большей степени, не такими, как были. То есть уже не людьми. Джордан говорит то же самое, и глаз у него острый, можете мне поверить.

— Теперь мы можем идти в Лодж? — спросил Том. По голосу чувствовалось, что ему

нехорошо.

— Конечно, — согласился директор.

— Одну секунду. — Клай опустился на колени рядом с молодым мужчиной в футболке с надписью «NASCAR». Ему не хотелось этого делать (он не мог не думать о том, что рука, которая держала красную бейсболку, схватит его), но он пересилил себя. Ближе к земле вонь значительно усилилась. Он-то думал, что привыкает к ней, но ошибся.

— Клай, что ты...

— Помолчи. — Клай наклонился к приоткрытому рту мужчины. Замялся, но заставил себя наклониться еще ниже, пока не увидел тусклый блеск слюны на нижней губе. Поначалу подумал, что ему это прислышалось, но еще два дюйма (теперь он уже мог бы поцеловать эту неспящую тварь) развеяли последние сомнения.

«Очень тихая, — говорил Джордан, — ...не громче шепота... но ее можно услышать».

Клай ее слышал, и непонятно каким образом, но слова, доносящиеся изо рта мужчины, на слог или два опережали бумбоксы: Дин Мартин пел «Все когда-то кого-то любят».

Он распрямылся, чуть не вскрикнув от похожего на пистолетный выстрел треска коленных суставов. Том, подняв фонарь, пристально смотрел на него.

— Что? Что? Ты же не собираешься сказать, что мальчонка...

Клай кивнул.

— Пошли. Пора возвращаться.

Когда половина пандуса осталась позади, он схватил директора за плечо. Ардай повернулся к нему, подобное обращение не вызвало у него возражений.

— Вы правы, сэр. Мы должны избавиться от них. Уничтожить, как можно больше и как можно быстрее. Это, возможно, наш единственный шанс. Или вы думаете, что я не прав?

— Нет, — покачал головой Ардай. — К сожалению, я так не думаю. Как я и говорил, это война, или я верю, что это война, а на войне врагов убивают. Почему бы нам не вернуться в дом и не обговорить наши дальнейшие действия? Можем даже выпить горячего шоколада. Я, пожалуй, капну в свой бурбона, что взять с варвара?

На вершине пандуса Клай еще раз обернулся. Тонни-Филд кутался в темноте, но звездного света хватало, чтобы разглядеть ковер тел, устилающий футбольное поле от кромки до кромки, от края до края. Он подумал, что и не понял бы, на что смотрит, если бы не побывал рядом, но осознав, с чем имеешь дело... осознав, с чем имеешь дело...

Его глаза сыграли с ним забавную шутку, и он словно увидел, что они дышат (все восемьсот или тысяча), как единый организм. Зрелище это так испугало его, что он чуть ли не бегом бросился догонять Тома и директора Ардая.

Директор приготовил на кухне горячий шоколад, и они пили его в гостиной, при свете двух газовых ламп. Клай подумал, что старик предложит чуть позже вновь выйти на Академическую авеню, чтобы привлечь новых добровольцев в армию Ардая, но тот, похоже, решил, что людей ему хватит.

Бензоколонка находилась в гараже, сказал им директор, и бензин она качала из расположенного выше напорного бака объемом четыреста галлонов. Так что им требовалось лишь вынуть затычку. В теплицах были передвижные опрыскиватели на тридцать галлонов каждый. Как минимум дюжина. Они могли загрузить опрыскиватели в пикап, а потом по одному из пандусов подвезти их к футбольному полю...

— Подождите, — остановил его Клай. — Прежде чем мы начнем обговаривать наши практические действия, я бы хотел услышать их теоретическое обоснование, сэр, если оно у вас есть.

— Теории, разумеется, нет, — ответил старик. — Но мы с Джорданом не лишены наблюдательности, не жалуемся на отсутствие интуиции, на пару успели поднакопить кое-какой опыт...

— Я помешан на компьютерах. — Джордан отпил из кружки горячего шоколада. Клай нашел обаятельным это уверенное, без тени улыбки, заявление мальчика. — Абсолютный Макнерд^[93]. Увлекался ими всю жизнь, насколько себя помню. Так вот, у них явно происходит перезагрузка, все так. Не хватает только мигающей надписи на лбу: «ПОЖАЛУЙСТА, ДОЖДИТЕСЬ УСТАНОВКИ ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ».

— Я тебя не понимаю, — признался Том.

— А я понимаю, — подала голос Алиса. — Джордан, ты думаешь, что Импульс был не просто Импульсом, так? Все, кто его услышал... у них стерлись жесткие диски?

— В общем... да, — кивнул Джордан. Из вежливости не решился добавить: «Ну ясен пень!»

Том в недоумении посмотрел на Алису. Только Клай знал, что Том далеко не тупица, и не верил, что Том так тормозит.

— У тебя ведь был компьютер, — сказала Алиса. — Я видела его в твоём маленьком кабинете.

— Да...

— И ты устанавливал программы, так?

— Конечно, но... — Том замолчал, смотрел на Алису. Она — на него. — Их мозги? Ты говоришь про их мозги?

— А что, по-вашему, представляет собой мозг? — спросил Джордан. — Большой жесткий диск, с органическими микросхемами. Никто не знает, на сколько байт. Гига^[94] в степени гуголплекс^[95]. Бесконечное число байт. — Он поднес руки к ушам, маленьким и аккуратно вылепленным. — Между этими руками.

— Я в это не верю, — говорил Том тихо, лицо перекосила гримаса. А Клай подумал, что он *верит*. Вспоминая безумие, охватившее Бостон, не мог не признать, что высказанная версия очень убедительна. И такая жуткая: миллионы, может, миллиарды мозгов вычищены одновременно, точно так же, как сильный магнит мог стереть всю информацию с дискеты.

Он также вспомнил фею Темную, подругу девочки с сотовым телефоном цвета перечной мяты. «Ты кто? Что происходит? — выкрикнула фея Темная. — Ты кто? Кто я?» А потом начала лупить себя рукой по лбу, врезалась лицом в фонарный столб, не один раз, дважды, сведя на нет дорогостоящие плоды труда ортодонта.

Ты кто? Кто я?

И это был не ее сотовый телефон. Она лишь прислушивалась к разговору и не получила полной дозы.

Клай, который мыслил скорее образами, чем словами, теперь визуализировал компьютерный экран, заполненный этими словами: «ТЫ КТО КТО Я ТЫ КТО КТО Я ТЫ КТО КТО Я ТЫ КТО КТО Я...» — и наконец, в самом низу, мрачное и не требующее доказательств, как и судьба феи Темной:

ОТКАЗ СИСТЕМЫ

Фея Темная — частично стертый жесткий диск? Ужасно, но, похоже, правда.

— Я защищал диплом по английской литературе, но в молодости увлекался психологией, — сообщил им директор. — Начал, разумеется, с Фрейда, все начинают с Фрейда... потом Юнг... Адлер... потом стал закапываться все глубже и глубже. И получилось, что за всеми теориями о том, как работает мозг, стоит более великая теория — Дарвина. По терминологии Фрейда, выживание — первичная директива, выраженная Ид. У Юнга выживание — это еще более величественная идея о том, что сознанием обладает кровь. Никто из них, думаю, не стал бы оспаривать следующее утверждение: если сознательные мысли, память и способность логически мыслить разом вытравить из человеческого мозга, то останется что-то чистое и ужасное.

Директор помолчал, ожидая комментариев. Никто не произнес ни слова. Директор кивнул, словно ничего другого и не ожидал, продолжил:

— Хотя ни фрейдисты, ни юнгианцы однозначно этого не сказали, судя по их работам, можно предполагать, что у нас есть некая основа, некая базовая волна или, если говорить на языке, более привычном Джордану, некая единственная строчка в записанной программе, которую стереть невозможно.

— Пи-ди, — кивнул Джордан. — Первичная директива.

— Да, — согласился директор. — Если дойти до самого дна, то наш вид вовсе не Человек разумный. Наша основа — безумие. И Дарвин, друзья мои, из вежливости не сказал следующее: мы стали властителями Земли не потому, что были самыми умными, и даже не потому, что были самыми злобными. Нет, причина в том, что в джунглях мы были самыми безумными, самыми кровожадными сукиными детьми. И эту нашу сущность Импульс обнажил пятью днями раньше.

— Я отказываюсь верить, что мы были безумцами и убийцами, — заявил Том. — Господи, а как же Парфенон? Давид Микеланджело? Табличка на Луне, на которой написано: «Мы пришли с миром от имени всего человечества»?

— На табличке есть также имя Ричарда Никсона, — сухо заметил Ардай. — Квакера, но едва ли мирного человека. Мистер Маккорт... Том... я же не собираюсь предъявлять счет человечеству. Будь у меня такие намерения, я бы указал, что на каждого Микеланджело был маркиз де Сад, на каждого Ганди — Эйхман, на каждого Мартина Лютера Кинга — Усама бен Ладен. Давайте скажем так: человек стал властителем планеты благодаря двум своим особенностям. Первая — это разум. Вторая — неизменная готовность без колебаний уничтожать всех и вся, кто встает на пути.

Он наклонился вперед, оглядывая остальных сверкающими глазами.

— Разуму человечества в конце концов удалось взять верх над присущим человечеству инстинктом убийцы, здравомыслие возобладало над свойственными человечеству приступами безумия. И это тоже ради выживания. Я уверен, что последний раз эти две особенности столкнулись в октябре 1963 года^[96], из-за нескольких ракет на Кубе, но речь сейчас не об этом. Факт в том, что большинство из нас подавляли худшее в себе до того момента, как к нам поступил Импульс и стер все, кроме нашей жуткой основы.

— Кто-то выпустил тасманского дьявола из клетки, — пробормотала Алиса. — Кто?

— И это нас совершенно не должно волновать, — ответил директор. — Подозреваю, они понятия не имели, что творят... или во что это выльется. Отталкиваясь от результатов торопливых экспериментов, которые проводились в течение нескольких лет... а может, и месяцев... они, возможно, думали, что выпускают на свободу разрушительный шторм терроризма. Вместо этого спровоцировали цунами невообразимого насилия, и насилие это мутирует. Пусть нынешние дни и кажутся ужасными, но вполне возможно, потом мы будем воспринимать их затишьем между двумя ураганами. Эти дни могут также быть нашим единственным шансом что-либо изменить.

— Как насилие может мутировать? — спросил Клай.

Директор не ответил. Повернулся к двенадцатилетнему Джордану.

— Прошу вас, молодой человек.

— Да. Хорошо. — Джордан помолчал, собираясь с мыслями. — Наше сознание использует только крошечную часть потенциала нашего мозга. Вы это знаете, так?

— Да. — В голосе Тома слышались нотки снисходительности. — Я об этом читал.

Джордан кивнул.

— Даже если добавить безусловные рефлексy плюс все бессознательное, сны, интуицию, сексуальное влечение и все такое, наш мозг работает практически вхолостую.

— Холмс, вы меня удивляете, — вставил Том.

— Не остри, Том! — одернула его Алиса, и Джордан широко ей улыбнулся.

— Я не остро. Парень-то он толковый.

— Так оно и есть, — сухо заметил директор. — У Джордана, возможно, возникают проблемы с английским языком и литературой, но он получил стипендию на обучение в нашей Академии не за красивые глаза. — Заметив смущение мальчика, с любовью взъерошил волосы костлявыми пальцами. — Продолжай, пожалуйста.

— Ну... — Джордан запнулся, потерял нить, Клай это видел, но быстро ее нашел. — Если представить наш мозг жестким диском, то он практически пуст. — И опять поняла Джордана

только Алиса. — Скажем, так, если вызвать на экран «Свойства» диска, то информационная строка скажет следующее: «2 ПРОЦЕНТА ИСПОЛЬЗУЕТСЯ, 98 ПРОЦЕНТОВ СВОБОДНЫ». Никто не представляет себе, зачем нужны эти девяносто восемь процентов, но потенциал-то огромен. Возьмите, к примеру, людей, перенесших инсульт... иногда им удается вновь получить доступ к ранее спящим зонам мозга, чтобы вновь научиться ходить и говорить. То есть в мозге задействуются новые проводящие пути, в обход поврежденных участков. Свет зажигается в тех же зонах мозга, но с другой стороны.

— Тебя этому учили? — спросил Клай.

— Это естественный результат моего увлечения компьютерами и кибернетикой. — Джордан пожал плечами. — Опять же, я начитался киберпанковской фантастики. Уильям Гибсон, Брюс Стерлинг, Джон Ширли...

— Нил Стивенсон? — спросила Алиса.

Джордан просиял.

— Нил Стивенсон — бог.

— Вернемся к главному, — вмешался директор, строго, но... мягко.

Джордан пожал плечами.

— Если вы стираете жесткий диск, он не может восстановиться спонтанно... разве что в романе Грега Бира. — Он вновь улыбнулся, на этот раз быстро и, как показалось Кляю, нервно. Часть улыбки предназначалась Алисе, которая просто потрясла паренька. — Люди — другие.

— Но есть же гигантская разница между способностью вновь научиться ходить и способностью телепатически подключать бумбоксы, — подал голос Том. — Между первым и вторым бездонная пропасть. — Он определенно смущался, произнося слово «телепатически». Думал, что его поднимут на смех. И напрасно.

— Да, но инсульт, даже тяжелый инсульт, по последствиям далеко не то, что происходит с людьми, которые разговаривали по мобильникам, когда прошел Импульс, — ответил Джордан. — Я и директор... директор и я думаем, что Импульс не только стер из мозгов людей все, кроме нестираемой первичной директивы, но и что-то врубил. Что-то такое, что сидело в нас миллионы лет, пребывало на девяносто восьми процентах жесткого диска, которые оставались свободными.

Рука Клая легла на рукоятку револьвера, который он поднял с пола кухни Бет Никерсон.

— Спусковой крючок, — произнес он.

Джордан вновь просиял.

Точно! Мутационный пусковой механизм. Этого бы никогда не случилось, если бы не тотальное промывание мозгов, вызванное Импульсом. И то, что сейчас проявляется, то, что развивается в этих людях... только они больше не люди, и то, что в них развивается...

— Это единое существо, — прервал его директор. — Таково наше общее мнение.

— Да, но это нечто большее, чем просто стадо, — продолжил Джордан. — То, что они могут делать с си-ди-плеерами, возможно, только начало. Так маленький мальчик учится надевать ботинки. Подумайте о том, что они смогут делать через неделю. Через месяц. Через год.

— Ты можешь ошибаться. — Голос Тома стал сухим и резким, как хруст ломающегося сучка.

— Он может быть прав, — возразила Алиса.

— Я уверен, что он прав. — Директор отпил горячего шоколада, сдобренного бурбоном. — Разумеется, я старик, и мое время в любом случае практически истекло. Я подчинюсь любому решению, принятому вами. — Короткая пауза. Взгляд директора сместился с Клая на Тома, с Тома — на Алису. — Если, естественно, это будет правильное решение.

— Стада попытаются слиться вместе, знаете ли, — добавил Джордан. — Если они пока не слышат друг друга, то скоро обязательно услышат.

— Ерунда. — Голосу Тома недоставало уверенности. — Сказки про призраков.

— Возможно, — не стал спорить Клай, — но тут есть о чем подумать. На данный момент ночи принадлежат нам. А если они решат, что могут спать меньше? Или придут к выводу, что не боятся темноты?

Какое-то время все молчали. За окнами поднялся ветер. Клай маленькими глоточками пил горячий шоколад, который и раньше был чуть теплым, а теперь и вовсе остыл. Когда поднял голову, увидел, что Алиса отставила кружку и вновь ухватилась за свой талисман, «беби найк».

— Я хочу их уничтожить, — сказала она. — Тех, что лежат сейчас на футбольном поле, я хочу их уничтожить. Я не говорю «убьем их», потому что Джордан прав, хотя я уверена, что он прав, и я не хочу сделать это ради человечества. Я хочу это сделать ради моих матери и отца, потому что отец тоже ушел. Знаю, что ушел, я это чувствую. Я хочу сделать это ради моих подруг, Викки и Тесс. Моих близких подруг но у них были мобильники, они не расставались с ними, и я знаю, на кого они сейчас похожи и где спят: возможно, на таком же гребаном футбольном поле. — Покраснев, она посмотрела на директора. — Извините, сэр.

Директор отмахнулся, полагая извинения излишними.

— Можем мы это сделать? — спросила его Алиса. — Мы можем их убить?

Чарльз Ардай, который заканчивал свою карьеру в Гейтенской академии в должности директора, когда рухнул мир, обнажил тронутые временем зубы в ухмылке, которую Клай с превеликим удовольствием перенес бы на бумагу: в ней не было ни грана жалости.

— Мисс Максвелл, мы можем попытаться, — ответил он.

В четыре часа следующего утра Том Маккорт сидел на столе для пикника между двух теплиц Гейтенской академии, которые серьезно пострадали после Импульса. Ноги его, в кроссовках «рибок», которые он надел еще в Молдене, стояли на скамье, голова лежала па руках, отдохавших на коленях. Ветер тащил его волосы сначала в одну сторону, потом в другую. Алиса сидела по другую сторону стола, положив подбородок на руки, и лучи нескольких фонарей окрашивали ее лицо в чересполосицу световых пятен и теней. Яркий свет придавал красоты лицу Алисы, несмотря на ее очевидную усталость. В таком возрасте любой свет может только льстить. Директор, сидевший рядом с ней, в этом свете выглядел вымотанным донельзя. В ближайшей из теплиц две лампы Коулмана «плавали», как не нашедшие покоя души.

Затем лампы появились у ближнего края теплицы. Клай и Джордан воспользовались дверью, несмотря па огромные дыры в обеих стенах теплицы. Несколько мгновений спустя Клай уже сидел рядом с Томом, а Джордан занял привычное место при директоре. От мальчика пахло бензином и удобрением, а еще сильнее — подавленностью. Клай бросил на стол несколько связок ключей. По его разумению, они могли оставаться здесь до того дня, как четырьмя тысячелетиями позже их найдет какой-нибудь археолог.

— Я сожалею, — мягко сказал директор Ардай. — Казалось, что все так просто.

— Да, — согласился Клай. Действительно, казалось, что все *просто*: наполнить тепличные опрыскиватели бензином, загрузить их в кузов пикапа, отвезти к Тонни-Филд, распылить бензин на поле и лежащих на нем людей, бросить горящую спичку. Он подумал, не сказать ли Ардаю, что иракская авантюра Джорджа У. Буша поначалу, вероятно, выглядела такой же простой (наполнить опрыскиватели, бросить спичку), но не сказал. Чего сыпать соль на раны?

— Том? — спросил Клай. — Ты в порядке? — Он уже понял, что выносливость Тома оставляет желать лучшего.

— Да, просто устал. — Том поднял голову, улыбнулся Клаю. — Не привык к ночным вахтам. Что теперь будем делать?

— Полагаю, пойдем спать, — ответил Клай. — До зари сорок минут или чуть больше. — На востоке небо уже начало светлеть.

— Это несправедливо! — воскликнула Алиса, сердито потерла щеки. — Несправедливо, мы так старались!

Они *старались*, ничего не давалось легко. Каждая маленькая (а в итоге бессмысленная) победа давалась в результате изнурительной борьбы с обстоятельствами, которые определенно складывались не в их пользу. Какая-то часть Клал *хотела* винить в этом директора... а также его самого, за то, что он с ходу принял выдвинутое Ардаем предложение использовать опрыскиватели, даже не попытавшись дать ему критической оценки. Другая часть теперь думала, что план престарелого преподавателя английского языка и литературы залить бензином и поджечь футбольное поле чем-то напоминал атаку с ножом на пулеметное гнездо. И, однако... да, идея казалась хорошей.

Пока не обнаружилось, что помещение с топливным баком заперто на замок. Они провели чуть ли не полчаса в кабинете начальника гаража, в свете фонарей перебирая немаркированные ключи на доске, висевшей на стене позади стола начальника. Нужный ключ, от двери хранилища бензина, в конце концов нашел Джордан.

Там они выяснили, что «просто вынуть затычку» — из другой оперы. Это была заглушка, а не затычка. И, как и хранилище, в котором стоял бак, запертая на ключ. Последовало

возвращение в кабинет, еще один лихорадочный поиск, но в результате они вернулись к баку вместе с соответствующим ключом. И тут Алиса указала на очевидное: поскольку патрубок [\[97\]](#) с заглушкой находились под баком, для того чтобы последний опорожнялся самотеком, отсутствие шланга или сифона приведет к потопу. Еще час они искали шланг, который мог бы подойти к патрубку, но безрезультатно. Том нашел маленькую воронку, и от этой находки у них едва не случилась истерика.

Ни на одном ключе не было маркировки (во всяком случае, маркировки, понятной тем, кто не работал в гараже), поэтому поиск нужного набора автомобильных ключей вновь потребовал применения метода проб и ошибок. На этот раз, правда, дело пошло быстрее, потому что автомобильный парк состоял всего из восьми пикапов, припаркованных позади гаража.

Наконец они переместились в теплицы. Где обнаружили, что опрыскивателей не дюжина, а только восемь, и каждый рассчитан на десять галлонов, а не на тридцать. Они могли бы наполнить их из бака с бензином, пусть при этом и вымокли бы до нитки, но в результате получили бы лишь восемьдесят галлонов, которые потом предстояло распылить над футбольным полем. Именно осознание того, что уничтожить тысячу мобилопсихов жалкими восьмьюдесятью галлонами бензина невозможно, и привело Тома, Алису и директора к столу для пикника. Клай и Джордан проявили большее упорство, отправившись на поиски более крупных опрыскивателей, но их ждало разочарование.

— Мы нашли несколько маленьких опрыскивателей, — доложил Клай об их успехах. — Вы знаете, похожих на водяные пистолеты.

— А кроме того, — добавил Джордан, — большие опрыскиватели заполнены растворами гербицидов или жидким удобрением. Сначала их придется опорожнить, а для этого потребуются респираторы, чтобы мы не отравились.

— Реальность кусается, — уныло констатировала Алиса. Посмотрела на крошечную кроссовку, убрала в карман.

Джордан взял ключи, которые они выбрали к одному из пикапов.

— Мы можем ездить в центр города. В магазин «Надежная техника для сада и огорода». У них наверняка есть распылители.

Том покачал головой.

— До центра больше мили и дорога забита брошенными или поврежденными автомобилями. Мы сможем объехать некоторые, но не все. И по лужайкам проехать не удался. Дома стоят слишком близко друг к другу и к улице. Вот почему все идут пешком. — Они встречали людей на велосипедах, но нечасто. Даже с фарой на руле быстрая езда таила в себе опасность.

— А не удастся проехать в центр по боковым улочкам? — спросил директор.

— Полагаю, мы сможем попытаться реализовать этот вариант следующей ночью, — ответил Клай. — Сначала пешком проверить маршрут, потом вернуться за пикапом. — Он помолчал. — Наверное, в этом магазине должны быть и шланги.

— В твоём голосе не слышно энтузиазма, — заметила Алиса.

Клай вздохнул.

— Нужно совсем ничего, чтобы перегородить боковую улочку. Даже при удаче завтра нам придется попотеть куда больше, чем сегодня. Не знаю, может, все представляется таким мрачным, потому что мне нужно отдохнуть.

— Разумеется, поэтому, — согласился директор, но в голосе слышались нотки обреченности. — Нам всем нужно отдохнуть.

— Как насчет автозаправочной станции по другую сторону улицы? — спросил Джордан без особой надежды.

— Какой автозаправочной станции? — встрепенулась Алиса.

— Он говорит о «СИТГО», — ответил директор. — Та же проблема, Джордан. Много бензина в резервуарах под колонками, но нет электричества. И я сомневаюсь, что у них много пустых емкостей, разве что несколько канистр на два и пять галлонов. Я действительно думаю... — Он так и не сказал, о чем действительно думал. — Что такое, Клай?

Клай вспоминал трио, которое прохромало впереди них мимо заправочной станции, один мужчина поддерживал женщину за талию.

— «СИТГО в Академи-Гроув». Так называется заправка?

— Да...

— Но они, думаю, продавали не только бензин. — Он не просто думал — *знал*. Потому что на территории автозаправочной станции стояли два грузовика с цистернами. Он их заметил, но не обратил на них внимания. Тогда не обратил. Не было повода.

— Я не знаю, о чем вы... — начал директор, замолчал. Встретился взглядом с Клаем. Выщербленные зубы вновь обнажились в уже знакомой безжалостной улыбке. — Ох! Ох! Господи! Ну конечно!

Том в недоумении переводил взгляд с одного на другого. Алиса следовала его примеру. Джордан просто ждал.

— Может, объясните нам, о чем вы толкуете? — спросил Том.

Клай собрался объяснить, уже успел составить план, который не мог не сработать, ему не терпелось поделиться своими задумками с остальными, когда музыка на Тонни-Филд смолкла. Не резко отключилась, как обычно бывало, когда мобилопсихи просыпались по утрам, а смолкала постепенно, словно кто-то бросил бумбокс в лифтовую шахту.

— Рановато они сегодня, — прошептал Джордан.

Том сжал руку Клаю.

— Тут что-то не так. И один из этих чертовых геттобластеров продолжает играть. Я его слышу, очень слабо.

Клай знал, что ветер, и довольно сильный, дул со стороны футбольного поля, потому что в воздухе стоял запах гниющей еды, разлагающейся плоти, сотен немых тел. И еще ветер приносил с собой мелодию «Прогулки слоненка» в исполнении Лоренса Уэлка и его «Шампань-мюзик-мейкерс».

Потом, откуда-то с северо-запада (может, с расстояния в десять миль, может — в тридцать, в зависимости от того, на какое расстояние мог перенести его ветер) донесся призрачный, протяжный стон. Наступила тишина... которая длилась, пока не проснувшиеся, неспящие существа на футбольном поле не ответили таким же протяжным стоном. Только более громким. И стон этот, прямо-таки утробный, замогильный вой, вознесся к черному звездному небу.

Алиса зажала рот руками. Крошечная кроссовка торчала между ними вертикально. А по обе ее стороны таращились выпученные глаза. Джордан обеими руками схватил директора за талию, уткнулся лицом в бок старика.

— Посмотри, Клай! — Том поднялся и поспешил к концу прохода между теплицами, рукой указывая на небо. — Ты видишь? Господи, ты видишь?

На северо-западе, откуда пришел этот далекий стон, на горизонте расцвело красно-оранжевое зарево. У них на глазах оно усиливалось, ветер вновь принес этот ужасный стон... и опять на него с Тонни-Филд ответили таким же, только более громким.

Алиса присоединилась к ним, потом директор, который подошел, обнимая Джордана за плечи.

— Где это, по-вашему? — спросил Клай, указывая на зарево, которое уже начало слабеть.

— Похоже, в Гленс-Фоллс, — пояснил директор. — А может, в Литтлтоне.

— Где бы это ни было, это креветка на гриле, — сказал Том. — Они горят. И наше стадо это знает. Они слышали.

— Или *почувствовали*, — уточнила Алиса. Содрогнулась всем телом, потом выпрямилась в полный рост, губы разошлись в злобном оскале. — Я надеюсь, что почувствовали!

Словно в ответ с Тонни-Филд донесся еще один стон: множество голосов слились в крик сочувствия и, возможно, разделенной агонии. Один бумбокс (мастер-бумбокс, предположил Клай, в котором стоял компакт-диск) продолжал играть. А десятью минутами позже к нему присоединились и остальные. Музыка (на этот раз «Рядом с тобой» в исполнении группы «Карпентеры»^[98]) постепенно набрала силу, точно так же, как недавно стихала. К этому времени директор Ардай, опираясь на трость и заметно прихрамывая, вел их к Читэм-Лодж. Вскоре музыка замолчала снова... но на этот раз просто выключилась, как и в предыдущее утро. Издалека, пролетев бог знает сколько миль, донесся слабый звук выстрела. А потом мир вдруг зловеще затих, дожидаясь, пока ночь уступит место дню.

Когда первые красные лучи солнца начали пробиваться сквозь кроны деревьев на восточном горизонте, они увидели, как первые группы мобилопсихов сплоченными рядами покидают футбольное поле, направляясь в центр Гейтена и в прилегающие микрорайоны. Ряды эти чуть потеряли в сплоченности, когда они спускались по пологому холму к Академической авеню, а вели себя мобилопсихи точно так же, как и раньше, словно перед самым рассветом не произошло ничего экстраординарного. Но Клай им не доверял. Он полагал, что они должны как можно быстрее попасть на «СИТГО», этим днем, если они вообще собирались реализовать свой план. Выход из убежища в светлое время суток означал, что, возможно, придется убить кого-то из них, но, поскольку всем стадом они передвигались только утром и вечером, Клая такой риск не смущал.

Они наблюдали за «рассветом мертвых», как называла это зрелище Алиса, из окна гостиной. Потом Том и директор пошли на кухню. Клай нашел их за столом. Они сидели в лучах солнечного света и пили холодный кофе. Прежде чем Клай начал рассказывать о своем плане, Джордан коснулся его руки.

— Некоторые из безумцев еще здесь, — и добавил, понизив голос: — Кое с кем я учился.

— Я думал, они все отовариваются сейчас в «Кмарте», выискивая что-нибудь подешевле на распродаже, — откликнулся Том.

Алиса появилась в дверях.

— Вам лучше бы посмотреть. Не уверена, новая ли это ступень... уж не знаю, как назвать... скажем, в их развитии, но, возможно, так оно и есть. Даже наверняка.

— Да уж, вернее некуда, — мрачно заметил Джордан.

Мобилопсихи, которые остались в Академии (Клай прикинул, что их порядка сотни), вытаскивали трупы из-под трибун. Поначалу просто перетаскивали их на автостоянку к югу от поля и за длинное низкое кирпичное здание. Потом возвращались за новыми.

— Это здание — крытый манеж, — пояснил директор. — Там также хранится спортивный инвентарь. За зданием — крутой обрыв. Я полагаю, они сбрасывают тела вниз.

— Будьте уверены. — Джордану определенно было нехорошо. — Внизу болото. Они сгниют.

— Они все равно гнили, Джордан, — мягко заметил Том.

— Я знаю, — мальчик чуть не плакал, — но на солнце они сгниют быстрее. — Пауза. — Сэр?

— Да, Джордан?

— Я видел Ноя Чатски. Из вашего Драматического клуба.

Директор похлопал его по плечу. Побледнел.

— Не обращай внимания.

— Это трудно, — прошептал Джордан. — Однажды он сфотографировал меня. Своим... вы понимаете чем.

Потом их ждал еще один сюрприз. Два десятка этих рабочих пчелок без всяких дискуссий отделились от остальных и, образовав клин, напомнивший мигрирующих гусей, направились к разбитым теплицам. Среди них был тот, в ком Джордан опознал Ноя Чатски. Остальные с мгновение наблюдали за уходящими, а потом, по трое в ряд, вернулись к прерванному занятию — вновь принялись доставать трупы из-под трибун.

Двадцать минут спустя вернулась команда, направленная к теплицам. Некоторые шли с пустыми руками, но большинство катили тачки или ручные тележки, которые использовались

для перевозки мешков с известью и удобрениями. Скоро мобилопсихи грузили трупы на тачки и тележки, и работа у них пошла веселее.

— Это шаг вперед, все точно, — сказал Том.

— И не один, — уточнил директор. — Уборка дома, использование для этого инструментов.

— Мне это не нравится, — заметил Клай.

Джордан посмотрел на него, бледный, выглядящий куда как старше своих лет.

— Не только вам.

Спали они до часу дня. Потом, убедившись, что сборщики трупов работу закончили и ушли в город, чтобы присоединиться к остальным в поисках еды, спустились к сложенным из плитняка колоннам. Алиса раскритиковала предложенный Клаем вариант: он и Том должны все сделать сами. «Не нужно изображать Бэтмена и Робина», — сказала она.

— А мне всегда так хотелось быть Чудо-мальчиком ^[99], — с легким пришепетыванием воскликнул Том, но когда она сурово глянула на него, а ее рука сжала миниатюрную кроссовку (уже заметно потрепанную), дал задний ход: — Извини.

— На другую сторону улицы, к заправочной станции, вы можете пойти вдвоем, — сказала она. — В этом как раз есть смысл. А мы будем прикрывать вас с нашей стороны улицы.

Директор предложил оставить Джордана в Лодж. Прежде чем мальчик успел отреагировать, а отреагировать он намеревался очень бурно, Алиса спросила:

— Как у тебя со зрением, Джордан?

Он ей улыбнулся, и в глазах вновь читалась восхищение.

— Нормально. Жалоб нет.

— Ты играл в видеоигры? В которых стреляют?

— Ну а то!

Она протянула ему свой пистолет. Клай заметил, как мальчик задрожал, как камертон, когда их пальцы соприкоснулись.

— Если я прикажу тебе прицелиться и выстрелить... или прикажет директор Ардай... ты это сделаешь?

— Конечно.

Алиса повернулась к Ардаю, на лице извинение соседствовало с вызовом.

— Ни одна пара рук не будет лишней.

И теперь они были здесь, а заправочная станция «СИТГО в АКАДЕМИ-ГРОУВ» — там, на другой стороне улицы, чуть ближе к центру города. От колонн они видели и другую вывеску, меньших размеров, но надпись на ней тоже легко читалась: «АКАДЕМИ-ГРОУВ» — ЗАПРАВКА СП ^[100]. У бензоколонок стоял один-единственный автомобиль, с открытой водительской дверцей. Запыленный, вроде бы давным-давно брошенный. В здании заправочной станции вышибли большое окно, выходящее на бензоколонки. Справа от здания, в тени вязов — а в этой северной части Новой Англии они выживали редко, — стояли два грузовика-цистерны с пропаном. По борту каждого тянулись надписи: «Академи-Гроув» — заправка СП» и «Обслуживаем Южный Нью-Хэмпшир с 1982 г.».

На этом отрезке Академической авеню мобилопсихи не просматривались, но в большинстве домов на крыльце перед дверью стояла обувь. В большинстве, но не во всех. Поток беженцев, похоже, иссякал. *Слишком рано об этом говорить*, предупредил Клай себя.

— Сэр? Клай? Что это? — спросил Джордан. Он указывал на середину Академической авеню, которая, естественно, оставалась шоссе 102, пусть в это и с трудом верилось в солнечный тихий день, когда тишину нарушало только пение птиц да шелест ветра в кронах деревьев. Джордан указывал на надпись, нанесенную на асфальт ярко-розовым мелком, но с такого расстояния Клай не мог разобрать слов. Покачал головой.

— Готов? — спросил он Тома.

— Само собой. — Он старался взять небрежный тон, но на небритой шее быстро пульсировала жилка. — Ты — Бэтмен, я — Чудо-мальчик.

Они пересекли улицу с оружием в руках, Том — с пистолетом, Клай — с револьвером.

Русский автомат Клай оставил Алисе, более или менее убежденный, что отдача свалит ее на землю, если она попытается пустить автомат в дело.

На асфальте розовела следующая надпись:

КАШВАК = НЕТ-ТЕЛ

— Тебе это что-нибудь говорит? — спросил Том.

Клай покачал головой. Во-первых, ничего не говорило, а во-вторых, на тот момент совершенно не волновало. Ему лишь хотелось уйти с середины Академической авеню, где он чувствовал себя таким же беззащитным, как муравей в миске с рисом. В голову пришла мысль, внезапно, но не в первый раз, что он продал бы душу, лишь бы знать, что его сын жив и невредим и находится в таком месте, где люди не вкладывают оружие в руки детей, умеющих ловко управляться с видеоиграми. И вот это показалось ему странным. Он-то думал, что уже определился с приоритетами, что вытягивал из личной колоды по одной карте, и вдруг появились такие мысли, каждая свеженькая и болезненная, как незаживающая душевная рана.

Уходи отсюда, Джонни. Здесь тебе делать нечего. Не твое место, не твое время.

Пустующие кабины грузовиков с пропановыми цистернами заперли на замок, но в этот день им сопутствовала удача. Ключи они нашли в офисе, под табличкой: «БУКСИРОВКА С ПОЛУНОЧИ ДО ШЕСТИ УТРА ЗАПРЕЩЕНА. НИКАКИХ ИСКЛЮЧЕНИЙ». С каждого кольца с ключами на цепочке свешивался брелок: миниатюрный баллон с пропаном. На полпути от двери к стене, на которой висели ключи, Том тронул Клая за плечо.

Два мобилопсиха шли по улице, бок о бок, но вразнобой, не синхронизируя движения рук и ног. Один ел из коробки «туинкис»^[101], перемазав лицо в креме, крошках, глазури. Его спутница держала перед собой раскрытую книгу размером с кофейный столик. Клаю женщина напомнила хористку, раскрывшую огромный псалтырь. Обложку украшала фотография колли, прыгающей через качели, сделанные из подвешенной на ремнях автомобильной шины.

Тот факт, что женщина держала книгу вверх ногами, успокоил Клая. А еще больше успокоили пустые, ничего не выражающие лица (они шли вдвоем, а это означало, что в середине дня стадное чувство, стягивающее их всех воедино, по-прежнему ослабевало).

Но наличие книги ему не понравилось.

Нет, наличие книги ему совершенно не понравилось.

Они прошли мимо сложенных из плитняка колонн, и Клай видел Алису, Джордана и директора, выглядывающих из-за колонн с широко раскрытыми глазами. Два безумца прошли по надписи, написанной розовым мелом (КАШВАК=НЕТ-ТЕА), и женщина потянулась к коробке с «туинкис», которую нес ее спутник. Мужчина отвел коробку в сторону, чтобы женщина до нее не добралась. Женщина отбросила книгу в сторону (на асфальт она шлепнулась обложной вверх, и Клай увидел, что книга называется «100 самых любимых собак в мире») и потянулась снова. Мужчина ударил ее по лицу достаточно сильно, чтобы грязные волосы подпрыгнули, а звук пощечины далеко разнесся в тишине дня. Все это время они не сбавляли шага. Женщина издала звук «Ай!». Мужчина ответил (Клай вроде бы услышал: «И-ин»). Женщина вновь потянулась к печеню. Они как раз проходили мимо «СИТГО». На этот раз мужчина двинул ей по шее, небрежно, ладонью, а потом его рука нырнула в коробку за лакомством. Женщина остановилась. Посмотрела на него. И мгновением позже остановился мужчина. Он успел чуть продвинуться вперед, так что стоял практически спиной к ней.

И Клай почувствовал что-то в залитой солнечным светом недвижности офиса заправочной станции. *Нет, подумал он, не в офисе, во мне. Нехватку дыхания, как бывает, если ты очень быстро поднимаешься по лестничному пролету.*

Да только это что-то, похоже, было и в офисе, потому что...

Том поднялся на цыпочки и шепнул ему в ухо: «Ты это чувствуешь?»

Клай кивнул и показал на стол. В офисе ветра не было, ни малейшего дуновения, однако бумаги на столе подрагивали. И в пепельнице пепел закружился, словно вода, уходящая в сливное отверстие. А два, нет, три окурка вдруг двинулись к центру, словно их подталкивали частички пепла.

Мужчина повернулся к женщине. Посмотрел на нее. Она тоже смотрела на него. Теперь они уставились друг на друга. Для Клая их лица по-прежнему ничего не выражали, но он почувствовал, как волоски на руках зашевелились, услышал тихое позвякивание. Шло оно от ключей, которые висели на доске под надписью «БУКСИРОВКА ЗАПРЕЩЕНА...». Они тоже пришли в движение. Вот и постукивали друг о друга.

— *Ай!* — Женщина протянула руку.

— *И-ин!* — ответил мужчина. Одетый в остатки костюма. С черными, запыленными туфлями на ногах. Шестью днями раньше он был менеджером среднего звена, коммивояжером или управляющим жилищного комплекса. Теперь вся недвижимость, которая его заботила, сузилась до коробки «туинкис». Он прижал ее к груди, его липкие губы шевелились, челюсти работали.

— *Ай!* — настаивала женщина. Протянула две руки вместо одной, известным с незапамятных времен жестом, означающим «*Дай!*» — и позвякивание ключей усилилось. Над головой моргнули и зажужжали флюоресцентные лампы, хотя никакой электроэнергии к ним давно не поступало, вновь замолчали. Пистолет заправочного шланга средней из трех колонок на бетонном островке выпал из гнезда и звякнул при падении.

— *Ай,* — сказал мужчина. Ссутулился, напряженность ушла из его тела. Ушла напряженность и из воздуха. Ключи на доске затихли. Частички пепла замедлили круговое движение, застыли. *Ты бы и представить себе не смог, что что-то произошло,* подумал Клай, *если бы не выпавший из гнезда пистолет заправочного шланга и не окурки, которые оказались в центре пепельницы, что стоит на столе.*

— *Ай,* — сказала женщина. Она все еще протягивала руки. Ее спутник подошел, чтобы оказаться в пределах их досягаемости. Она взяла по печенью в каждую и качала есть вместе с оберткой. И вновь Клая такое поведение успокоило, но лишь чуть-чуть. Медленным шагом, шаркая ногами, они двинулись дальше, женщина лишь на мгновение остановилась, чтобы выплюнуть из уголка рта кусочек целлофана с прилипшей к нему начинкой. Книга «100 самых любимых собак мира» ее больше не интересовала.

— Что это было? — спросил Том тихим дрожащим голосом, когда эта парочка практически скрылась из виду.

— Не знаю, и мне это не нравится, — ответил Клай. Он уже взял ключи от грузовиков-цистерн. Одни протянул Тому. — Сможешь управиться с механической коробкой передач?

— Я учился водить автомобиль с механической коробкой. А ты?

Клай улыбнулся.

— У меня нормальная ориентация, Том. Парии с нормальной ориентацией знают, как управляться с механической коробкой передач без всякой учебы. У нас это в крови.

— Очень забавно. — Том, казалось, его и не слушал. Смотрел вслед этой странной ушедшей паре, и жилка на его шее пульсировала еще сильнее. — Конец света, новые возможности для тех, кто не относится к нормальным, так?

— Совершенно верно. И новые возможности для нормальных тоже, если они возьмут все это дерьмо под контроль. Пошли, давай с этим закончим.

Он двинулся к двери, но Том снова задержал его.

— Послушай, другие могли это почувствовать, но могли и не почувствовать. Если не почувствовали, может, пока не стоит им ничего говорить. Как ты думаешь?

Клай подумал о том, как Джордан никогда не выпускал из поля зрения директора, как Алиса всегда держала при себе эту крошечную кроссовку, от вида которой по коже бежали мурашки. Подумал о черных мешках под их глазами, о том, что они задумали сделать этой ночью. Армагеддон, пожалуй, сильно сказано, но что-то в этом роде. Кем бы они ни были теперь, когда-то мобилопсихи были человеческими существами, а ведь они собирались сжечь их живьем, целую тысячу. Такое решение — тяжелая ноша. Даже от мысли об этом его воображение начинала терзать боль.

— Я не возражаю. По склону поднимаемся на низкой передаче, хорошо?

— На самой низкой, которую я сумею найти, — ответил Том. Они уже шагали к большим грузовикам с округлыми кузовами-цистернами. — Как ты думаешь, сколько передач у такого грузовика?

— Одной передней хватит.

— С учетом того, как они стоят, я думаю, начинать нам придется с поиска задней.

— Нет, — покачал головой Клай. — Что хорошего в конце света, если нельзя проехать через чертов дощатый забор?

Так они и сделали.

Длинную пологую сторону холма, спускающуюся от корпусов Академии к шоссе, директор Ардай и его единственный оставшийся ученик называли Академическим склоном. Аккуратно подстриженная трава еще ярко зеленела, и на ней появились лишь первые опавшие листья. Когда день начал уступать место раннему вечеру, а Академический склон по-прежнему пустовал (никаких признаков возвращающихся мобилопсихов), Алиса принялась мерить шагами большой коридор Читэм-Лодж, задерживаясь на каждом круге, чтобы глянуть в панорамное окно в гостиной. Из него открывался прекрасный вид на Склон, два главных лекционных корпуса и Тонни-Филд. Крошечная кроссовка вновь болталась на се запястье.

Остальные сидели на кухне, маленькими глотками пили коку из банок.

— Они не вернутся, — сказала Алиса, прервав очередной круг. — Они узнали о наших замыслах, прочитали наши мысли или как-то иначе и не вернутся.

Описав еще два круга по длинному коридору, каждый с заходом к большому панорамному окну в гостиной, вновь заглянула к ним.

— А может, началась общая миграция, что вы об этом думаете? Может, они потянулись на юг, предчувствуя приближение зимы, как гребаные малиновки?

И ушла, не дождавшись ответа. Продолжила кружить по коридору.

— Она прямо-таки капитан Ахав, ищущий своего Моби, — отметил директор.

— Эмпием, может, и говнюк, но насчет этого парня высказался верно^[102], — вырвалось у Тома.

— Это вы про кого, Том? — спросил директор. Том отмахнулся.

Джордан посмотрел па часы.

— Вчера вечером они вернулись на полчаса позже. Если хотите, я могу ей сказать.

— Не думаю, что это поможет, — ответил ему Клай. — Она должна все это переварить, ничего больше.

— Она прямо-таки на взводе, не так ли, сэр?

— А ты разве нет, Джордан?

— Да, — тихо ответил Джордан. — Я в полном ауте.

В следующий раз Алиса заглянула на кухню, чтобы сказать:

— Может, оно и к лучшему, если они не вернутся. Я не знаю, перезагружают ли они свои мозги по-новому, но я уверена, что продолжается какая-то чертовщина. Я почувствовала это сегодня от тех двоих. Женщины с книгой и мужчины с коробкой «туинкис». — Она покачала головой. — Настоящая чертовщина.

И вновь, прежде чем кто-то успел ответить, она отправилась патрулировать коридор с болтающейся на запястье кроссовкой.

Директор посмотрел на Джордана.

— Ты что-нибудь почувствовал, сынок?

Джордан помялся, прежде чем ответить.

— Я что-то почувствовал. Волосы на затылке попытались встать дыбом.

Тут директор повернулся к мужчинам, которые сидели по другую сторону стола.

— А вы двое? Вы находились гораздо ближе.

От ответа их спасла Алиса. Прибежала на кухню, с покрасневшимися щеками, широко раскрытыми глазами, в скрипе подошв кроссовок по плиткам пола.

— Идут, — доложила она.

Стоя у панорамного окна, они наблюдали, как мобилопсихи сплоченными рядами поднимаются по Академическому склону, их тени образовали громадную спираль на зеленой траве. Когда же они приблизились к Арке Тонни, как называли ее Джордан и директор, ряды еще ближе подтянулись друг к другу, и казалось, спираль эта вращается в золотом свете позднего дня, хотя на самом деле тень стала только более сжатой и плотной.

Алиса больше не могла обходиться без контакта с кроссовкой. Сорвала с запястья, схватила в кулак и теперь то сжимала, то разжимала.

— Они увидят, что мы сделали, и развернутся, — проговорила она тихо и быстро. — На это у них должно хватить ума, если они уже берутся за книги, должно хватить.

— Посмотрим, — ответил Клай. Он-то не сомневался, что мобилопсихи зайдут на Тонни-Филд, даже если увидят нечто такое, что вызовет тревогу у их странного группового разума. До темноты оставалось мало времени, а больше идти им было некуда. В памяти всплыла строчка колыбельной, которую пела ему маты «За день мы устали очень...»

— Я надеюсь, они зайдут на ноле, и надеюсь, что они там останутся. — Алиса еще понизила голос. — Я чувствую, что сейчас взорвусь. — Дикий смешок сорвался с губ. — Только это *им* суждено взорваться, не так ли? *Им*. — Том повернулся к ней, и она торопливо добавила: — Я в порядке. Все у меня хорошо, так что просто закрой рот.

— Я лишь хотел сказать, что именно так и будет.

— Трепотня Нового века. Ты говоришь прямо-таки как мой отец. Король багета. — Слеза покатила по щеке, и она нетерпеливо смахнула ее ладонью.

— Успокойся, Алиса. Стой и наблюдай.

— Я постараюсь, хорошо? Постараюсь.

— И перестань сжимать кроссовку. — В голосе Джордана слышалось раздражение. — Этот скрип сводит меня с ума.

Она посмотрела на кроссовку вроде бы в удивлении, потом сунула руку в петлю из шнурков. Они наблюдали, как мобилопсихи вливаются в Арку Тонни и проходят под ней. Толчеи было куда как меньше, чем перед футбольным матчем в уик-энд встречи выпускников, Клай в этом нисколько не сомневался. Они наблюдали, как мобилопсихи появляются на другой стороне арки, пересекают площадку за ней, спускаются по пандусам. Они ожидали увидеть, что ровное, упорядоченное движение мобилопсихов замедлится, потом прекратится, но не дождались. Последние из них, в большинстве своем раненые и травмированные, помогающие друг другу, но все равно держащиеся группой, оказались на футбольном поле задолго до того, как покрасневшее солнце опустилось за общежития в западной части кампуса Гейтенской академии. Они вновь вернулись. Как почтовые голуби возвращаются на голубятни, а ласточки — в Капистрано. А менее чем через пять минут после того, как первая звезда вспыхнула на темнеющем небе, Дин Мартин запел «Все когда-то кого-то любят».

— Я волновалась напрасно, не так ли? — спросила Алиса. — Иногда веду себя как дура. Так говорит мой отец.

— Нет, — заверил ее директор. — Все дураки оказались с сотовыми телефонами, дорогая. Вот почему они там, а ты здесь, с нами.

— Интересно, как там Раф, все ли с ним в порядке, — подал голос Том.

— Интересно, как там Джонни, — откликнулся Клай. — Джонни и Шарон.

В десять часов той ветреной осенней ночи, под убывающей луной, от которой осталась последняя четвертушка, Клай и Том стояли в нише для оркестра на «хозяйской» половине трибун. От футбольного поля их отделял бетонный барьер высотой по пояс, со стороны поля обитый толстыми резиновыми плитами. На их стороне стояло несколько ржавых пюпитров, а слой мусора доходил до лодыжек: ветер приносил с поля порванные пакеты и клочки бумаги, которые и обретали здесь покой. Выше и позади них, у турникетов, Алиса и Джордан стояли по обе стороны директора, опиравшегося на трость.

Голос Дебби Бун катился над полем, усиленный многочисленными динамиками. Обычно за ней следовала Ли Энн Уомек ^[103] с ее «Я надеюсь, что ты танцуешь», а потом Лоренс Уэлкс его «Шампань-мюзик-мейкер», но сегодня, возможно, такой последовательности могло и не получиться.

Ветер усиливался. В нем чувствовался запах гниющих тел, сброшенных в болото за крытым манежем, и ароматы грязи и нота, идущие от живых, которые лежали на футбольном поле по другую сторону бетонного барьера. *Если их можно назвать живыми*, подумал Клай и позволил себе короткую и горькую внутреннюю улыбку. Логическое обоснование — великое увлечение человечества, может, его величайшее увлечение, но сегодня он не собирался себя обманывать: конечно же, они называли это жизнью. Кем бы они ни были, кем бы ни становились, они называли это жизнью, так же, как и он.

— Чего ты ждешь? — прошептал Том.

— Ничего, — так же шепотом ответил Клай. — Просто... ничего.

Из кобуры, которую Алиса нашла в подвале Никерсонов, Клай достал старый револьвер Бет Никерсон, кольт сорок пятого калибра, вновь полностью заряженный. Алиса предложила ему взять автомат, который они даже не опробовали, но он отказался, сказав, что если этот револьвер не справится, то, вероятно, не справится уже ничто.

— Я не понимаю, почему ты ставишь автомат ниже револьвера, если он может выпустить тридцать или сорок пуль в секунду. Ты же превратишь эти цистерны в решето.

Он согласился с тем, что превратит, но указал Алисе, что в эту ночь им нужно не продырявить цистерны, а поджечь сжиженный газ. Потом объяснил, почему пули в патронах сорок пятого калибра, которыми зарядила свой револьвер Бет Никерсон, запрещены законом. Рассказал, что раньше такие пули назывались дум-дум.

— Ладно, если револьвер не поможет, ты всегда сможешь опробовать сэра Спида, — согласилась она. — Если только эти ребята, ты понимаешь... — Она не произнесла слово «нападут», лишь пальцами свободной руки, которая не держала кроссовку, изобразила шаги. — В этом случае уносите ноги.

Ветер оторвал транспарант с приветствием участникам встречи выпускников от табло и отправил его танцевать на телах лежащих на футбольном поле вплотную друг к другу мобилопсихов. Вокруг поля, словно плавая в темноте, светились красные глаза бумбоксеров, которые, за исключением одного, играли без вставленных в них компакт-дисков. Транспарант зацепился за бампер одного из грузовиков-цистерн с пропаном, потрепыхался на нем несколько секунд, сорвался и улетел в ночь. Грузовики стояли борт к борту в центральном круге футбольного поля, возвышаясь среди лежащих тел металлической столовой горой. Мобилопсихи спали и под ними, и вплотную к ним, некоторых прижимало к колесам. Клай подумал о странствующих голубях, которых охотники девятнадцатого столетия сшибали дубинками на землю. К началу двадцатого века этот вид полностью истребили... но, разумеется,

это были всего лишь птицы, с маленькими птичьими мозгами, неспособные на перезагрузку.

— Клай? — позвал Том. — Ты уверен, что хочешь довести это дело до конца?

— Нет, — ответил Клай. Теперь, когда осталось сделать только один шаг, слишком много вопросов оставалось без ответа. И что они будут делать, если все пойдет не так, был только одним из них. Что они будут делать, если все получится, был вторым. Потому что странствующие голуби не могли отомстить. Однако с другой стороны, эти существа на поле... — Но я это сделаю.

— Тогда делай, — сказал Том. — Потому что, если отбросить все остальное, «Ты оживляешь мою жизнь» может достать даже мертвых крыс в аду.

Клай поднял револьвер сорок пятого калибра, сжал правое запястье левой рукой, поймал в прицел борт цистерны, что стояла слева. Он собирался выпустить две пули в одну цистерну, две следующие — в другую. Тогда в барабане осталось бы еще по пуле на каждую. А если бы эти пули не сработали, он бы взялся за автомат, который Алиса называла исключительно сэр Спиди.

— Пригнись, если сильно рванет.

— Не волнуйся. — Лицо Тома исказила гримаса. Похоже, он предчувствовал, каким будет результат выстрела.

Дебби Бун приближалась к громогласному финалу. И Клай почему-то решил, что опередить ее очень важно. *Если промахнешься с такого расстояния, ты — обезьяна*, подумал он и нажал на спусковой крючок.

Шанса на второй выстрел у него уже не было, да он и не потребовался. Ярко-красный цветок расцвел на борту цистерны, и в его свете Клай увидел глубокую вмятину там, где раньше была гладкая металлическая поверхность. А внутри находился ад, и теперь он вырвался наружу. Цветок превратился в реку, красный цвет сменился оранжево-белым.

— *Ложись!* — крикнул он и толкнул Тома в плечо. Упал на коротышку в тот самый момент, когда ночь стала полуднем в пустыне. На громкий шипучий рев наложилось «БАХ», которое Клай почувствовал каждой косточкой своего тела. Над головой летели осколки. Он подумал, что Том закричал, но полной уверенности не было, потому что на поле вновь заревело. А воздух стал горячим, горячим, горячим.

Он схватил Тома частично за шею, частично за воротник и потащил назад, к бетонному пандусу, который вел к турникетам, его глаза превратились в узенькие щелочки, веки практически закрылись, предохраняя зрачки от ярчайшего костра, полыхающего в центральном круге футбольного поля. Что-то огромное рухнуло на трибуны справа от них. Он подумал, возможно, это двигатель одного из грузовиков. И не сомневался, что обломки металла под ногами не так уж и давно были пюпитрами Гейтенской академии.

Том кричал, его очки съехали набок, но он уже стоял на ногах, судя по всему, целый и невредимый. Вдвоем они бросились по пандусу, как беженцы Гоморры. Клай видел тени, свою и Тома, длинные и тонкие, как паутинки, отдавал себе отчет в том, что падает вокруг: руки, ноги, часть бампера, голова женщины с горящими волосами. За их спинами второй раз раздалось «БАХ!» — а может, в третий, и теперь закричал уже он. Ноги заплелись, он повалился на бетон. Температура окружающего мира стремительно повышалась, все вокруг заливал невероятно яркий свет. Он даже подумал, а не попал ли на личную сцену Бога.

Мы не знали, что делали, думал он, глядя на выплюнутую жевательную резинку, сломанную коробочку из-под мятных пастилок, синюю бейсболку в цветах «пепси-колы». — *Мы не имели об этом ни малейшего понятия и теперь расплачиваемся за это нашими гребаными жизнями.*

— Вставай! — Голос Тома, и он подумал, что Том кричал, но голос этот доносился с расстояния в милю. Он чувствовал, как изящные, с длинными пальцами, руки Тома дергают его

за бицепс. Потом появилась Алиса, ухватила его за другую руку, и девушка сияла в этом ярком свете. Он видел, как безумно прыгает крошечная кроссовка, привязанная к запястью. Алису покрывала кровь, клочки материи, ошметки дымящейся плоти.

Клай приподнялся, потом встал на одно колено, а Алиса с невероятной силой продолжала тянуть его вверх. За их спинами пропан ревел, как дракон. А тут подоспел и Джордан, а за ним уже хромал директор, с порозовевшим лицом, на котором каждую морщинку заполнял пот.

— Нет, Джордан, просто убери его с дороги, — проорал Том, и Джордан оттащил директора в сторону, схватив старика за талию, когда тот покачнулся. Горящий торс с кольцом в пупке приземлился у ног Алисы, и она пинком столкнула его вниз. «Пять лет играю в соккер», — вспомнились Клаю ее слова. Горящий лоскут рубашки упал ей на затылок, но Клай успел смахнуть его до того, как вспыхнули ее волосы.

Когда они добрались до вершины пандуса, пылающее автомобильное колесо с обломком оси упало на последний ряд трибун. Если бы оно перегородило им путь, они бы сгорели, директор точно сгорел бы. А так они смогли проскользнуть мимо, задерживая дыхание, чтобы не задохнуться в маслянистом, черном от сажи дыму. Мгновением позже они уже проходили турникеты, Джордан поддерживал директора с одной стороны, Клай — с другой, они буквально несли старика на себе. Уху Клая дважды досталось от трости директора, но тридцатью секундами позже они уже стояли под Аркой Тонни, смотрели на огромный столб огня, поднимающийся выше как трибун, так и центральной ложи для прессы, а одинаковое изумление, которое читалось на всех лицах, превращало их в близнецов.

Горящий транспарант с приветствием участникам встречи выпускников прилетел на мостовую у главной билетной кассы, где и остался, разбрасывая искры.

— Ты знал, что этим все закончится? — спросил Том. Вокруг глаз белели круги, а лоб и щеки покраснели. Половина усов вроде бы сгорела. Клай слышал его голос, но доносился он издали. Все звуки доносились издали, словно уши набило ватой или их закрывали специальные наушники вроде тех, которые Арни Никерсон, без сомнения, заставлял надевать Бет, когда привозил ее в их любимый тир. Где они стреляли, зацепив за пояс с одной стороны пряжки мобильный телефон, а с другой — пейджер.

— Ты это знал? — Том попытался встряхнуть его, но ухватил только рубашку и оторвал целую полосу, до ремня.

— Твою мать, да нет же, ты рехнулся? — Голос у Клая был не просто хриплым, казалось, его поджарили. — Ты думаешь, я стоял бы там с револьвером, если бы знал, к чему это может привести? Не будь бетонного барьера, нас бы разорвало надвое. Или превратило бы в пар.

Невероятно, но Том заулыбался.

— Я порвал твою рубашку, Бэтмен.

Клаю хотелось расшибить ему голову. А также обнять и поцеловать только за то, что он по-прежнему жив.

— Я хочу вернуться в Лодж. — Страх явственно слышался в голосе Джордана.

— Действительно, давайте отойдем на безопасное расстояние, — согласился директор. Его трясло, он не отрывал глаз от адского пламени, бушующего за аркой и трибунами. — Слава Богу, ветер дует в сторону Академического склона.

— Вы можете идти, сэр? — спросил Том.

— Благодарю вас, да. Если Джордан мне поможет, я уверен, что до Лодж дойти смогу.

— Мы их сделали. — Алиса рассеянно стирала с лица мелкие ошметки плоти и сгустки крови, оставляя пятна последней. А ее глаза... такие глаза Клай видел только на нескольких фотографиях и в комиксах 1950-х и 1960-х годов. Он помнил, как еще очень молодым поехал на конгресс карикатуристов и слушал рассказ Уоллеса Вуда [\[104\]](#) о попытках нарисовать, как он это

называл, «Глаза паники». Теперь Клай видел эти самые глаза на лице пятнадцатилетней школьницы из пригорода Бостона.

— Алиса, пошли, — позвал он ее. — Мы должны вернуться в Лодж и собрать вещи. Нам нужно выметаться отсюда. — Как только эти слова слетели с его губ, ему пришлось повторить их вновь и услышать, есть ли в них толика правды. Во второй раз они прозвучали для него не только правдиво. Он услышал в них и страх.

А вот до ее ушей слова эти, возможно, и не долетели. Она радовалась. Торжествовала. Напитывалась триумфом до тошноты, как ребенок в Хэллоуин набивается полученными сладостями по пути домой. Зрачки полыхали огнем.

— Никому из них не выжить!

Том схватил Клая за руку. Она заболела, как при ожоге.

— Что с тобой?

— Я думаю, мы допустили ошибку, — ответил Клай.

— То же самое, что и на заправочной станции? — спросил Том. За перекошенными очками глаза не улыбались. — Когда мужчина и женщина сцепились из-за чертовых «туин...»

— Нет, просто я думаю, что мы допустили ошибку, — ответил Клай. Хотя мог выразиться и более определенно. Он *знал*, что они допустили ошибку. — Пошли. Мы должны уйти этой ночью.

— Если ты так считаешь, у меня возражений нет, — кивнул Том. — Пошли, Алиса.

Вместе с ними она пошла по дорожке, которая вела к Читэм-Лодж, где они оставили пару горящих газовых фонарей на подоконнике большого панорамного окна, потом обернулась, чтобы еще раз взглянуть на футбольное поле. Ложа для прессы уже горела вместе с трибунами. Звезды над полем исчезли, луна превратилась в призрака, отплясывающего джигу в горячем мареве над огромной газовой горелкой.

— Они мертвы, они ушли, поджарились до хруста, — сказала она. — Сгорели, беби, его...

И тут раздался крик, только теперь донесся он не из Гленс-Фоллс и не Литтлтона, расположенных в десяти милях от Гейтена. Источник его находился на футбольном поле у них за спинами. В крике не слышалось ни злобы, ни гнева, то был крик агонии, крик чего-то (единого существа, и при этом *разумного*, Клай в этом не сомневался), проснувшегося и обнаружившего, что сгорает заживо.

Алиса завизжала, закрыла уши руками, ее выпученные глаза не отрывались от пламени.

— Все нужно вернуть назад. — Джордан схватил директора за руку. — Сэр, мы должны все вернуть.

— Слишком поздно, Джордан, — ответил ему Ардай.

Рюкзаки заметно раздулись, когда часом позже они поставили их у входной двери Читэм-Лодж. В каждом лежали по две чистые рубашки, пакетики со смесью сухофруктов и орехов, коробки с соком, копченые колбаски, забранные в целлофан, а также батарейки и запасные фонари. Клай убедил Тома и Алису как можно быстрее собрать вещи, и теперь сам то и дело забегал в гостиную, чтобы посмотреть в окно.

Газовый факел наконец-то начал терять мощь, по-прежнему полыхали трибуны и ложа для прессы. Занялась Арка Тонни и светилась в ночи, как подкова в горне кузницы. На футбольном поле ничего живого остаться не могло (в этом Алиса была права), но дважды после возвращения в Лодж (директора шатало, как старого забулдыгу, несмотря на все их старания поддержать его) они слышали этот жуткий крик, который доносил ветер от других стад. Клай говорил себе, что не слышал злости в этих криках, это всего лишь его воображение (воображение, испытывающее чувство вины, воображение убийцы, воображение массового убийцы), но полностью поверить в это не мог.

Они допустили ошибку, но разве могли поступить иначе? Он и Том прошлым днем почувствовали, как мобилопсихи набирают силу, увидели проявление этой силы, а ведь их было лишь двое, только двое. Разве они могли бездействовать? Позволить им и дальше набираться сил?

— Что-то делать — плохо, ничего не делать — тоже плохо, — пробормотал он себе под нос и отвернулся от окна. Он даже не знал, сколь долго смотрел на горящий стадион, и подавлял желание взглянуть на часы. Сдаться крысе-панике так легко, он уже практически к этому подошел, но, если бы он сдался, она быстро набросилась бы и на остальных. Прежде всего на Алису. Алисе пока удавалось сохранять контроль над собой, но она балансировала на грани его потери. На грани очень тонкой. «Такой тонкой, что через нее можно читать газету», — могла бы сказать его играющая в «Бинго» мать. Сама еще будучи ребенком, Алиса держалась прежде всего ради другого ребенка, чтобы тот не впал в отчаяние.

Другой ребенок. Джордан.

Клай поспешил в холл, заметил, что у двери по-прежнему нет четвертого рюкзака, и увидел спускающегося по лестнице Тома. Одного.

— Где пацан? — спросил Клай. Уши у него начали прочищаться, но даже собственный голос пока доносился издалека, как голос другого человека. И он подозревал, что с этим ему придется жить какое-то время. — Ты вроде бы собирался помочь ему сложить вещи... Ардай говорил, что он принес из общежития походный мешок...

— Он не пойдет. — Том потер щеку. Выглядел он усталым, грустным, рассеянным. А еще, учитывая, что от усов осталась только половина, и смешным.

— Что?

— Убавь громкость, Клай. Я не создаю новости, только их докладываю.

— Тогда, ради Бога, скажи, о чем ты говоришь?

— Он не пойдет без директора. Он сказал: «Вы меня не заставите». И если ты серьезно думаешь о том, что уйти мы должны сегодня, я полагаю, он прав.

Алиса появилась из кухни. Она умылась, завязала волосы на затылке, надела новую рубашку, почти до колен, кожа у нее горела. Клай полагал, что точно так же блестит кожа и у него. Наверное, им еще повезло, что обошлось без волдырей.

— Алиса, — Клай повернулся к девушке, — мне нужно, чтобы ты пустила в ход свои женские чары и уговорила Джордана. Он упрямится...

Она проскочила мимо него, словно он обращался не к ней. Упала на колени рядом со своим рюкзаком, раскрыла, начала лихорадочно в нем рыться. Он в недоумении наблюдал, как она выбрасывает из рюкзака вещи. Посмотрел на Тома, увидел на его лице понимание и сочувствие.

— Что такое? — спросил он. — Ради Бога, в чем дело? — Он почувствовал то самое раздражение, которое частенько вызывала у него Шарон в тот последний год, когда они еще жили вместе, и ненавидел себя за то, что в такой момент позволил себе пойти на поводу у эмоций. Но, черт побери, только новых осложнений им сейчас и не хватало. Он провел рукой по волосам. — В чем дело?

— Посмотри на ее запястье, — ответил Том.

Клай посмотрел. Увидел только грязный кусок шнурка, но кроссовки не было. Почувствовал, как засосало под ложечкой. Может, все было не так уж и абсурдно. Если кроссовка так много значила для Алисы, предположил он, может, в ней что-то было. Даже если это обычная кроссовка.

Запасные футболка и свитер (с надписью на груди «ГЕЙТЕН БУСТЕРС КЛАБ»), которые она уложила в рюкзак, полетели на пол. Покатились запасные батарейки. Фонарик упал, пластмассовая крышка, закрывавшая стекло, треснула. Этого хватило, чтобы убедить Клая, что он имеет дело не со скандалом, какие устраивала Шарон Ридделл из-за отсутствия в доме орехового кофейного напитка или мороженого «Чанки Манки». Нет, Алису охватил безотчетный ужас.

Он подошел к Алисе, присел рядом, взял за запястья. Чувствовал, как летят секунды, складываются в минуты, которые они могли бы использовать для того, чтобы уйти из города. Но также чувствовал, с какой частотой бьется ее сердечко. И видел ее глаза. Их переполняла не паника, а агония, и Клай осознал, что в этой маленькой кроссовке для нее сложилось все: мать и отец, подруги, Бет Никерсон и ее дочь, ад Тонни-Филд, все.

— Ее тут нет! — взвизгнула Алиса. — Я думала, что запаковала ее, но ошиблась! *Я нигде не могу ее найти!*

— Не можешь, маленькая, я знаю. — Клай все держал ее за руки. Поднял одну, с повязанным на запястье шнурком. — Видишь? — Подождал, пока взгляд сфокусируется на запястье, потом коснулся свободных концов под узлом, где раньше был второй узел.

— Какие они длинные, — сказала она. — Раньше они не были такими длинными.

Он попытался вспомнить, когда в последний раз видел кроссовку. Говорил себе, что вспомнить такое невозможно, учитывая последние события, а потом вдруг понял, что вспомнил. И очень отчетливо. Он видел кроссовку, когда Алиса помогала Тому поднять его на ноги, после взрыва второй цистерны с пропаном. Девушка была вся в крови, обрывках материи, ошметках плоти, но кроссовка болталась у нее на запястье. Он попытался вспомнить, была ли кроссовка при ней, когда она ударом ноги сбросила горящий торс с пандуса. И решил, что нет. Точно сказать не мог, но решил, что в тот момент кроссовки при ней уже не было.

— Она отвязалась, маленькая. Отвязалась и упала.

— Я ее потеряла? — Она не могла в это поверить. На глазах выступили первые слезы. — Ты уверен?

— Более чем.

— Она приносила мне удачу. — Слезы катились по щекам.

— Нет, — подошедший Том обнял ее за плечи. — Твоя удача — мы.

Она посмотрела на него.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что нас ты нашла первыми, — ответил Том. — И мы по-прежнему с тобой.

Она обняла их обоих, они — ее и друг друга, и на какое-то время они застыли тесной

кучкой, среди разбросанных по полу вещей Алисы.

Огонь добрался до лекционного корпуса, который директор назвал Хэкери-Холл. Потом, где-то к четверем часам утра, ветер стих и уже не мог разносить его дальше. Когда рассвело, кампус Гейтенской академии вонял пропаном, сгоревшим деревом и большим количеством сгоревших тел. Яркое небо идеального октябрьского утра Новой Англии пятнал поднимающийся столб серо-черного дыма. И резиденция директора Читэм-Лодж оставалась обитаемой. В конце концов сработал принцип домино: директор не мог путешествовать без автомобиля, путешествие на автомобиле не представлялось возможным, а Джордан не хотел уходить без директора. И Ардай не смог его убедить уйти. Алиса же, смирившаяся с потерей талисмана, отказалась уходить без Джордана. Том не пошел бы без Алисы. И Клай не мог заставить себя уйти без этой парочки, хотя и ужаснулся, обнаружив, что эти двое, только-только появившиеся в его жизни, временно стали для него важнее собственного сына. При этом он по-прежнему верил, что им придется заплатить высокую цену за содеянное на Тонни-Филд, если они останутся в Гейтене, не говоря уж о том, что их найдут на месте преступления.

Он подумал, что с наступлением дня настроение у него поднимется, но этого не произошло.

Все пятеро наблюдали и ждали у панорамного окна гостиной, но, разумеется, никто не вышел из пожарища, и никаких звуков оттуда не доносилось, за исключением потрескивания огня, дожирающего что-то в подтрибунных помещениях, поскольку от трибун уже ничего не осталось. Тысяча или около того мобилопсихов превратилась в головешки, поджарилась до хруста, как сказала Алиса. Этот запах стоял над кампусом, прилипал к горлу. Клая один раз вырвало, и он знал, что не избежали этого и другие, даже директор.

Мы допустили ошибку, вновь подумал он.

— Вам следовало уйти, — сказал Джордан. — С нами все бы обошлось... раньше-то обходилось, не так ли, сэр?

Директор Ардай вопрос проигнорировал. Он пристально смотрел на Клая.

— Что произошло вчера, когда вы с Томом находились на заправочной станции? Я думаю, сейчас вы так выглядите именно из-за того, что произошло там.

— Да? А как я сейчас выгляжу?

— Как зверь, почувствовавший западню. Эти двое на улице видели вас?

— Не совсем так, — ответил Клай. Не нравилось ему, что его называют зверем, но он не мог утверждать, что чем-то от него отличается: кислород и пища — внутрь, углекислый газ и дерьмо — наружу, чем не зверь?

Директор начал нервно потирать левый бок. По мнению Клая, этот его жест, как и многие другие, отдавал излишней театральностью. Не то чтобы он играл на публику, но его должны были увидеть и на галерке аудитории.

— А как?

И поскольку теперь не имело смысла ограждать остальных от излишних волнений, Клай во всех подробностях рассказал директору обо всем, что они увидели и услышали в офисе заправочной станции: о драке за коробку лежалых сладостей, которая переросла во что-то еще. Рассказал о подрагивающих листах бумаги на столе, о частичках пепла, которые кружили по пепельнице, как кружит вода в ванне на входе в сливное отверстие, о позвякивающих ключах, о выпавшем из гнезда пистолете заправочного шланга.

— Я это видел, — подтвердил Джордан, и Алиса кивнула.

Том упомянул о том, что ему стало трудно дышать, и Клай согласился. Оба попытались

объяснить свои ощущения того, что в воздухе копилась какая-то неведомая энергия. Клай сказал, что такое бывает перед грозой. Том, по его словам, почувствовал, что воздух стал более вязким и очень тяжелым.

— Потом он позволил ей взять пару этих гребаных печений, и напряжение рассеялось, — добавил Том. — Частички пепла перестали кружить по пепельнице, ключи перестали звякать, воздух стал прежним. — Он посмотрел на Клая в ожидании подтверждения. Клай кивнул.

— Почему вы не рассказали нам этого раньше? — спросила Алиса.

— Потому что это ничего бы не изменило, — ответил Клай. — Мы в любом случае сожгли бы это гнездо.

— Да, — кивнул Том.

— Вы думаете, что мобилопсихи превращаются в псиоников? — неожиданно спросил Джордан.

— Я не знаю, что означает это слово, Джордан, — признался Том.

— Во-первых, это люди, которые могут передвигать предметы, подумав об этом или случайно, когда эмоции выходят из-под контроля. Только такие способности псиоников, как телекинез и левитация...

— *Левитация?* — чуть ли не рявкнула Алиса.

Джордан не обратил внимания на ее вопрос.

— ...всего лишь ветви. А ствол псионического дерева — телепатия, и этого вы боитесь, не так ли? Телепатии?

Пальцы Тома прошли по тому месту над верхней губой, где от половины усов осталась только покрасневшая кожа.

— Ну, такая мысль приходила мне в голову. — Он помолчал. — Может, в этом что-то есть. Не знаю.

Джордан проигнорировал и эти реплики.

— Допустим, они изменяются. Становятся настоящими телепатами, не просто зомби со стадным инстинктом. И что из этого следует? Стадо Гейтенской академии мертво, и все они умерли, не зная, кто их сжег, потому что умерли они в том состоянии, которое заменяет им сон. А следовательно, если вы тревожитесь из-за того, что они могли телепатически передать ваши имена и описания себе подобным в окрестные штаты Новой Англии, то можете расслабиться.

— Джордан... — начал директор. Он все еще тер бок.

— Сэр? С вами все в порядке?

— Да. Принеси мой зантак [\[105\]](#) из ванной, хорошо? И минеральной воды. Хороший мальчик.

Джордан поспешил к двери.

— Не язва, сэр? — спросил Том.

— Нет, — ответил директор. — Стресс. Давний... нельзя сказать друг... знакомец?

— С сердцем у вас все нормально? — понизив голос, спросила Алиса.

— Полагаю, что да, — ответил директор, продемонстрировав зубы в беззаботной улыбке. — Если зантак не поможет, возможно, придется задуматься и о сердце... но пока зантак всегда помогал, а кому нужны лишние хлопоты, если и без них забот хватает. Спасибо, Джордан.

— Всегда рад помочь, сэр. — Мальчик с всегдашней улыбкой протянул ему стакан воды и таблетку.

— Я думаю, тебе лучше уйти с ними, — сказал Ардай, проглотив лекарство.

— Сэр, при всем уважении к вам, скажу лишь, что они *никак* не могут узнать, что здесь произошло, никоим образом.

Директор вопросительно глянул на Тома и Клая. Том поднял руки. Клай пожал плечами.

Он мог высказать вслух все, что чувствовал, озвучить мысль, которую они и так знали: *Мы допустили ошибку, а оставаясь здесь, усугубляли ее*, — но не видел в этом смысла. На лице Джордана читалось упрямство, под которым прятался смертельный страх. Переубедить его не представлялось возможным. Кроме того, вновь наступил день. А дни принадлежали *им*.

Он взъерошил Джордану волосы.

— Если ты так говоришь, Джордан, я пойду подремлю часок-другой.

На лице Джордана отразилось облегчение.

— Хорошая идея, сэр. Думаю, я последую вашему примеру.

— А я перед сном выпью кружку всемирно известного чуть теплого какао Читэм-Лодж, — сказал Том. — А потом скорее всего сбрую то, что осталось от моих усов. Стенания и вопли, которые вы услышите, будут моими.

— Могу я посмотреть? — спросила Алиса. — Всегда мечтала увидеть, как стенает и вопит взрослый мужчина.

Клай и Том соседствовали в маленькой спальне на третьем этаже. Алисе выделили единственную оставшуюся на втором. Когда Клай снимал кроссовки, в дверь тихонько постучали, и в спальню, не дожидаясь ответа, вошел директор. На скулах горели два пятна румянца, но в остальном лицо было мертвенно-бледным.

— Вы в порядке? — Клай встал. — Все-таки сердце, да?

— Я рад, что вы задали этот вопрос, — ответил директор. — У меня не было уверенности, что посаженное мною зернышко дало всходы, но, похоже, дало. — Он обернулся, посмотрел в коридор, потом прикрыл дверь концом трости. — Слушайте внимательно, мистер Ридделл... Клай... и не задавайте вопросов, если только не сочтете, что без них совершенно невозможно обойтись. Я собираюсь сделать так, чтобы во второй половине этого дня или ранним вечером меня нашли мертвым в постели, и вы скажете, что, разумеется, у меня не выдержало сердце, а причиной стало то, что мы сделали прошлой ночью. Вы понимаете?

Клай кивнул. Он понимал, но сдержал протесты, готовые сорваться с кончика языка. Они были бы уместны в прежнем мире, но не в этом. Он знал, почему директор предлагал то, что предлагал.

— Если Джордан заподозрит, что я покончил с собой, чтобы освободить его от священной обязанности, как он, с присущей мальчишкам восторженностью, себе это представляет, он тоже может наложить на себя руки. Или по меньшей мере впадет, как говорили взрослые в моем детстве, в черную тоску. В любом случае он будет глубоко скорбеть обо мне, но это допустимо. А вот убежденность в том, что я покончил жизнь самоубийством, не позволит ему покинуть Гейтен. Вы это понимаете?

— Да, — кивнул Клай, потом добавил: — Сэр, подождите еще один день. То, о чем вы думаете... может, без этого можно обойтись. Может, нам удастся выпутаться. — Он в это не верил, да и в любом случае Ардай собирался осуществить задуманное, эта решимость читалась в осунувшемся лице директора, плотно сжатых губах, блеске глаз. И попытался еще раз: — Подождите еще день. Может, никто и не придет.

— Вы слышали эти крики, — ответил директор. — Это была ярость. Они придут.

— Возможно, но...

Директор поднял трость, останавливая его.

— А если они придут, если они могут читать не только мысли друг друга, но и наши с вами, что они прочтут в ваших, если еще будет что читать?

Клай не ответил, лишь не сводил глаз с лица директора.

— Даже если они не могут читать мысли, что вы предлагаете? — продолжил директор. — Остаться здесь, день за днем, неделю за неделей? До белых мух? Пока я не умру от старости? Мой отец прожил девяносто семь лет. А у вас жена и ребенок.

— С моей женой и ребенком или все в порядке, или нет. На этот счет я все для себя решил.

Он, конечно, солгал, и, возможно, Ардай понял это по лицу Клая, потому что улыбнулся.

— И вы верите, что ваш сын тоже все для себя решил, не зная, жив ли его отец, умер или сошел с ума? По прошествии одной недели?

— Это удар ниже пояса. — Голос Клая дрогнул.

— Правда? Я не знал, что у нас поединок. В любом случае рефери нет. Нет никого, кроме нас, петушков. — Директор коротко глянул на закрытую дверь, вновь перевел взгляд на Клая. — Уравнение очень простое. Вы не можете остаться, а я не могу уйти. И будет лучше, если Джордан уйдет с вами.

— По превращать вас в лошадь со сломанной ногой...

— Вот уж нет, — прервал его директор. — Лошади не практикуют эвтаназию в отличие от людей. — Дверь открылась, вошел Том, а директор практически без паузы продолжил: — А вы никогда не пробовали заняться иллюстрациями, Клай? Я про книги?

— Мой стиль слишком кричащий для большинства издательств. Впрочем, я сделал несколько обложек для маленьких издательств, которые специализируются на фэнтези, таких как «Грант» и «Юлалия». Иллюстрировал также марсианские романы Эдгара Райса Берроуза.

— Молодец! — воскликнул директор и энергично взмахнул тростью. Тут же потер солнечное сплетение и поморщился. — Чертова изжога! Извините, Том... заглянул на минутку поболтать, прежде чем улечься в постель.

— Пустяки. — Том проводил его взглядом. Когда стук трости об пол показал, что директор отошел достаточно далеко и его не услышит, повернулся к Клаю. — Ему нездоровится? Он такой бледный...

— Я думаю, все с ним в порядке. — Клай указал на лицо Тома. — Вроде бы ты собирался сбрить оставшуюся половину усов.

— Решил не делать этого в присутствии Алисы. Мне она нравится, но иногда бывает просто ужасной.

— Это всего лишь паранойя.

— Спасибо, Клай, за напоминание. Прошла всего неделя, а мне уже недостает моего психоаналитика.

— В сочетании с комплексом вины и манией величия. — Клай улегся на одну из двух узких кроватей, закинул руки за голову, уставился в потолок.

— Ты жалеешь, что мы не ушли отсюда, так? — спросил Том.

— Будь уверен, — отвечал он ровным, бесстрастным голосом.

— Все будет хорошо, Клай. Вот увидишь.

— Ты так говоришь, но у тебя комплекс вины и мания величия.

— Это правильно, — согласился Том, — но примерно каждые шесть недель они сменяются низкой самооценкой и менструацией эго^[106]. Да и в любом случае...

— ...уже слишком поздно, по крайней мере для этого дня, — закончил Клай.

— Совершенно верно.

Эти слова подвели черту. Том, впрочем, сказал что-то еще, но Клай уловил только: «Джордан думает...» — а потом вырубился.

Клай проснулся, крича, или поначалу решил, что кричит. Бросил дикий взгляд на вторую кровать, где Том сладко спал, положив что-то, возможно, кухонное полотенце, на глаза, и понял, что крик звучал только в его голове. Возможно, какая-то часть этого крика и сорвалась с губ, но недостаточно громкая, чтобы разбудить соседа по комнате.

О темноте речи быть не могло, откуда ей взяться во второй половине дня, но Том, перед тем как лечь спать, затянул занавески, поэтому в комнате царил сумрак. Какое-то время Клай не шевелился, лежал на спине с пересохшим, будто туда насыпали опилок, ртом и гулко бьющимся в груди сердцем, удары которого отдавались в ушах, словно приглушенные бегущие шаги. А в остальном дом накрыла тишина. Они, возможно, еще не сумели полностью перейти на ночной образ жизни, но прошлая ночь вымотала всех донельзя, и в этот момент никакого шевеления в Читэм-Лодж Клай не слышал. Снаружи пела какая-то птица, а где-то далеко (не в Гейтене, подумал Клай) продолжала выть какая-то упрямая сирена.

Ему когда-нибудь снился более жуткий кошмар? Может, один раз. Где-то через месяц после рождения Джонни Клаю приснилось, что он достал младенца из кроватки, чтобы перепеленать, и пухленькое маленькое тельце Джонни развалилось у него в руках, словно слепленное из глины. Тот сон он мог понять: боязнь отцовства, боязнь напортачить. И страх этот все еще жил в нем, что не укрылось от глаз директора Ардая. А как толковать этот кошмар?

Что бы он ни означал, Клай не хотел его забыть и знал по предыдущему опыту, чтобы этого не допустить, действовать нужно быстро.

В комнате стоял письменный стол, а в одном из карманов джинсов, которые Клай бросил у изножья кровати, лежала шариковая ручка. Он достал ручку, босиком пересек комнату, выдвинул средний ящик. Нашел то, что надеялся найти: маленькую стопку листов писчей бумаги с шапкой из двух строк на каждом: «ГЕЙТЕНСКАЯ АКАДЕМИЯ» и «Разуммладой — светоч во тьме». Достал один и положил на стол. Тусклого света вполне хватало. Клай выдвинул наконечник стержня шариковой ручки и на мгновение замер, чтобы как можно яснее вспомнить сон.

Он, Том, Алиса и Джордан стояли в ряд на каком-то игровом иоле. Не для соккера, как Тошш-Филд... может, на каких играли в американский футбол? На заднем плане виднелся остов какой-то конструкции с мигающим в ней красным огоньком. Он понятия не имел, что это за конструкция, но знал, что вокруг полным-полно людей, которые смотрят на них. Людей с обезображенными лицами и в разорванной одежде, и кто они, сомнений у него не вызывало. Он и его друзья находились... находились в клетках? Нет, на возвышениях. И они были *клетками*, все так, только без решеток. Клай не понимал, как так могло быть, но было. Подробности сна уже ускользали от него.

Том стоял крайним. Мужчина подошел к нему, необычный мужчина, поднял руку, ладонь оказалась над головой Тома. Клай не мог вспомнить, как мужчине это удалось, потому что Том (как и Алиса, Джордан и он сам) стоял на возвышении, но он это сделал. И сказал: «Ессе homo — insanus»^[107].

И толпа, тысячи людей, проревела в ответ: «НЕ ПРИКАСАЙСЯ!» Мужчина подошел к Клаю и повторил жест и фразу. С рукой над головой Алисы мужчина сказал: «Ессе femina — insana»^[108]. С рукой над головой Джордана — «Ессе puer — insanus»^[109]. И каждый раз толпа реагировала одинаково: «НЕ ПРИКАСАЙСЯ!»

Ни мужчина (ведущий шоу? инспектор манежа?), ни люди во время ритуала ртов не открывали. Обмен репликами шел телепатический.

Потом, доверив правой руке процесс мышления (руке и особому уголку мозга, который ею управлял), Клай начал рисовать. Весь сон был ужасным (и абсурдность обвинений, и наказание за совершенное), но самой жутью был мужчина, который подходил к каждому из них и накрывал голову ладонью, словно аукционист, готовящийся продать скот на окружной ярмарке. Клай, однако, чувствовал, что ему удастся совладать с охватившим его ужасом, если он сможет перенести на бумагу образ мужчины.

Чернокожий мужчина, с благородной головой и аскетическим лицом над худощавым, даже костлявым телом. Симметрия «шапочки» вьющихся мелким бесом черных волос на одной стороне нарушена уродливым треугольным вырывом. Плечи узкие, бедер просто нет. Под шапочкой кудряшек Клай быстро нарисовал широкий и красивый лоб — лоб ученого. Потом на лбу появилась еще одна рваная рана, и Клай заретушировал клочок кожи, который свисал на бровь, закрывая ее. Левая щека мужчины порвана, возможно, при укусе, и нижняя губа, с той же стороны, свисала вниз, словно в усталой усмешке. С глазами возникли проблемы. Клай никак не мог правильно передать их выражение. Во сне они были все понимающими, живыми и при этом мертвыми. После двух попыток Клай сдался и принялся за пуловер, пока не забыл, как он выглядел: с капюшоном, подростки называли такие «кенгуру» («КРАСНЫЙ» — написал он рядом, добавил стрелку), с надписью белыми печатными буквами на груди. Пуловер был слишком велик для худосочного тела мужчины, так что складка материала накрывала верхнюю половину букв. Однако Клай практически не сомневался, что слово это — «ГАРВАРД». И он смотрел на это слово, когда услышал плач, приглушенный, доносящийся снизу.

Плакал Джордан: Клай сразу это понял. Натягивая джинсы, обернулся, чтобы взглянуть на Тома, но тот не шевельнулся. В отрубке, подумал Клай. Открыл дверь, выскользнул в коридор, закрыл за собой.

Алиса в футболке с надписью на груди «Гейтенская академия», которую надела вместо ночной рубашки, сидела на лестничной площадке второго этажа, обняв мальчика. Джордан уткнулся лицом в ее плечо. Она подняла голову на звук шагов босых ног Клая и заговорила, прежде чем тот задал вопрос: «Что-то с директором?» — о чем потом бы пожалел.

— Ему приснился плохой сон, — сообщила она.

Клай озвучил первую же мысль, которая пришла в голову. Потому что на тот момент полагал, что вопрос этот жизненно важный.

— А тебе?

Ее брови сошлись у переносицы. С голыми ногами, волосами, завязанными в конский хвост, обгоревшим лицом, словно день она провела на пляже, выглядела Алиса одиннадцатилетней сестрой Джордана.

— Мне? Нет. Я услышана, как он плачет в коридоре. Наверное, я все равно уже проснулась, и...

— Минуту, — прервал ее Клай. — Оставайтесь на месте.

Он вернулся в спальню на третьем этаже, схватил лежащий на столе рисунок. В этот момент глаза Тома резко раскрылись. Он огляделся, испуганный, не понимая, где находится, потом увидел Клая и разом успокоился.

— Возвращение к реальности. — Он потер глаза, приподнялся на локте. — Слава Тебе, Господи. Который час?

— Том, тебе приснился сон? Кошмар?

Том кивнул.

— Думаю, да. Я слышал плач. Это Джордан?

— Да. А что тебе приснилось? Ты помнишь?

— Кто-то называл нас безумцами, — ответил Том, и Клай почувствовал, как у него скрутило желудок. — Так оно и есть. Остальное забылось. А что? Тебе...

Больше Клай ждать не мог. Вновь сбежал по лестнице. Джордан застенчиво посмотрел на него, когда тот сел рядом. Компьютерный гений куда-то подевался. Если Алиса с обгоревшим лицом и конским хвостом выглядела на одиннадцать лет, то Джордан — максимум на девять.

— Джордан, — обратился к мальчику Клай. — Твой сон... твой кошмар. Ты его помнишь?

— Он от меня уходит, — ответил Джордан. — Они поставили нас на каких-то возвышениях. Смотрели на нас, словно мы были... ну не знаю, дикими зверьми... только они говорили...

— Что мы — безумные.

Глаза Джордана широко раскрылись.

— Да!

Клай услышал за спиной шаги: по лестнице спускался Том. Он даже не оглянулся. Показал Джордану свой рисунок.

— Этот человек всем руководил?

Джордан не ответил. Ответа, впрочем, и не требовалось. Он отпрянул от картинки, потянулся к Алисе, уткнулся лицом ей в грудь.

— Что это? — в недоумении спросила она. Потянулась к рисунку, но Том взял его первым.

— Господи. — Он вернул рисунок. — Сон почти забылся, но порванную щеку я помню.

— И губу. — Слова Джордана практически полностью глушила грудь Алисы. — Я помню, как отвисала его губа. Именно он показывал нас им. *Им*. — По его телу пробежала дрожь. Алиса гладила его по спине, потом сцепила руки между его лопаток, чтобы сильнее прижать к себе.

Клай показал рисунок Алисе.

— О чем-нибудь говорит? Мужчина твоих снов?

Она покачала головой и уже начала отвечать, что нет, когда что-то громко задребезжало по ту сторону входной двери Читэм-Лодж, и тут же послышались новые удары. Алиса закричала. Джордан еще крепче вцепился в нее, словно хотел слиться с ней, тоже вскрикнул. Том схватил Клая за плечо.

— Какого хера...

Вновь громкое дребезжание, за которым последовал крик Алисы.

— К оружию! — рявкнул Клай. — *К оружию!*

На мгновение они застыли, будто парализованные, на залитой солнечным светом лестничной площадке, а потом раздался еще один из этих грохочущих ударов, словно где-то перекатывались громадные кости. Том метнулся на третий этаж, Клай бросился следом, нога в носке соскользнула со ступеньки, и ему пришлось схватиться за перила, чтобы не потерять равновесия. Алиса оттолкнула Джордана и побежала в свою комнату, подол футболки трепыхался около колен. Джордан остался один на лестничной площадке второго этажа, не отрывая ставших огромными, влажных от слез глаз от уходящих вниз ступенек и холла, который упирался во входную дверь.

— Спокойно, — сказал Клай. — Главное — не волноваться, понимаете?

Не прошло и двух минут после первых громыханий за дверь, как они втроем уже стояли у подножия лестницы. Том держал в руках неопробованный русский автомат, который они прозвали мистер Спида, Алиса — по автоматическому пистолету в каждой руке, Клай — револьвер сорок пятого калибра Бет Никерсон, который ему каким-то образом удалось сохранить в прошлую ночь (хотя он не помнил, как засунул револьвер за пояс, где последний и обнаружился). Джордан все не покидал лестничную площадку второго этажа. Оттуда он не мог видеть окна первого этажа, и Клай решил, что это даже и хорошо. Послеполуденному свету в Читэм-Лодж не доставало обычной яркости, и вот в этом ничего хорошего как раз и не было.

Яркости этой не доставало по той простой причине, что в каждом окне, которое Клай только мог видеть, стояли мобилопсихи, прилипли к стеклам и таращились на них: десятки, может, сотни лишенных всякого выражения лиц, в большинстве своем со следами битв, через которые им пришлось пройти, и ранами, полученными за последнюю анархическую неделю. Клай видел недостающие глаза и зубы, оторванные уши, синяки, ожоги, содранную кожу, болтающиеся клоки почерневшей плоти. Все они молчали, но в них ощущался азарт преследователей, изготовившихся к последнему броску, а в воздухе вновь повисло то самое перехватывающее дыхание чувство, свидетельствующее о присутствии какой-то невероятной силы, которая вот-вот могла вырваться из-под контроля. Клай каждую секунду ожидал, что оружие вылетит из их рук и начнет стрелять само по себе.

В нас, подумал он.

— Теперь я знаю, что чувствуют лобстеры, оказавшиеся в аквариуме ресторана «Харбор сифуд» в те дни, когда можно купить два по цене одного, — пробормотал Том.

— Не надо волноваться, — повторил Клай. — Пусть они сделают первый шаг.

Но первого шага не последовало. Опять за дверь загрохотало (Клаю, во всяком случае, показалось, что на переднем крыльце что-то сваливают), а потом существа, заслонявшие свет, подались назад, словно получили сигнал, услышать который могли только они. И проделали это более чем упорядоченно. В это время дня они обычно не собирались всем стадом, но ситуация переменилась. Насчет этого двух мнений быть не могло.

Клай подошел к окну гостиной, по-прежнему с револьвером в руке. Том и Алиса последовали за ним. Он наблюдал, как мобилопсихи (только они более не казались Клаю психами, если брать тот смысл, который он вкладывал в это слово) отходили от дома с удивительной легкостью, сохраняя выверенное и очень маленькое расстояние от соседа (соседки). Они остановились между Читэм-Лодж и дымящимися остатками футбольного стадиона Тонни-Филд, напоминая потрепанный армейский батальон на усыпанном опавшей листвой плацу. И все, уже не совсем пустые глаза смотрели на резиденцию директора.

— Почему у них такие грязные руки и ноги? — спросил чей-то застенчивый голос. Они обернулись. Джордан. Клай даже не заметил золу и сажу на руках этих молчаливых «людей», которые стояли у Читэм-Лодж, но, прежде чем успел произнести хоть слово, Джордан ответил на свой же вопрос: — Они ходили туда, не так ли? Конечно. Они ходили туда, чтобы посмотреть, что мы сделали с их друзьями. И они в ярости. Я чувствую. Вы это чувствуете?

Клаю не хотелось отвечать «да», но, конечно, он чувствовал. Потому что чувство это висело в воздухе, ощущение наэлектризованных облаков, которым осталось сблизиться еще на самую малость, чтобы разразиться громом и молнией. Само собой, это была ярость. Клай подумал о фее Светлой, впивающейся зубами в шею женщины во «властном костюме», и пожилой даме,

выигравшей битву у станции «Т» на Бойлстон-стрит, той, что решительными шагами направилась в Бостон-Коммон, не замечая крови, капающей с ее коротко стриженных, обильно тронутых сединой волос. Вспомнил молодого мужчину, обнаженного, но в кроссовках, который на бегу протыкал воздух автомобильными антеннами. Вся эта ярость... неужели он мог подумать, что она исчезла после того, как они начали сбиваться в стада? Что ж, если и подумал, то напрасно.

— Я чувствую, — первым заговорил Том. — Джордан, если они обладают сверхъестественными способностями, почему не заставят нас покончить с собой или поубивать друг друга?

— Или взорвать наши головы изнутри. — Голос Алисы дрожал. — Я однажды это видела в каком-то старом фильме.

— Я не знаю, — ответил Джордан. Посмотрел на Клая. — А где Порватый?

— Так ты его называешь? — Клай посмотрел на рисунок, который держал во второй руке: порванная плоть, порванный рукав, мешковатые джинсы. Решил, что Порватый — достаточно удачное прозвище для человека в «кенгуру» и с надписью «ГАРВАРД» на груди.

— Я называю его бедой, вот как я его называю, — тонким голосом ответил Джордан. Вновь посмотрел на незваных гостей (как минимум триста, может, и четыреста мобилопсихов, прибывших из бог весть каких окрестных городков), повернулся к Клаю. — Вы его видели?

— Только в кошмаре, — ответил Клай.

Том покачал головой.

— Для меня он — рисунок на листе бумаги, — заявила Алиса. — Он мне не снился, и в «кенгуру» я здесь никого не вижу. Что они делали на футбольном поле? Думаете, пытались опознать своих мертвых? — Она и сама в этом сомневалась. — Разве там до сих пор не горячо? Должно быть.

— Чего они ждут? — спросил Том. — Если они не собираются нападать на нас, почему не заставят воткнуть друг в друга ножи? Чего они ждут?

И Клай внезапно понял, чего они ждут и где сейчас Порватый (мистер Дивейн, его школьный учитель математики, комментировал такой момент одним словом: «Осенило!»). Повернулся и направился в холл у входной двери.

— Куда ты? — спросил Том.

— Посмотреть, что они нам оставили, — ответил Клай.

Они поспешили за ним. Том догнал его первым, когда Клай только взялся за ручку входной двери.

— Не думаю, что это хорошая идея.

— Может, и нет, — согласился Клай, — но именно этого они ждут. И знаешь, что я тебе скажу? Если бы они хотели нас убить, мы бы уже умерли.

— Он скорее всего прав, — едва слышно прошептал Джордан.

Клай открыл дверь. В Читэм-Лодж было длинное крыльцо с удобной плетеной мебелью. С крыльца открывался приятный вид на Академический склон, спускающийся к Академической авеню. Оно словно предназначалось для того, чтобы посидеть на нем во второй половине солнечного осеннего дня. Но в этот момент Клаю было не до окружающих красот. У подножия лестницы клином стояли мобилопсихи. Один — острое клина, потом двое, трое, четверо, пятеро, шестеро. Всего двадцать один. И первым — тот самый Порватый из сна Клая, «спрыгнувший» с рисунка на бумаге в реальную жизнь. Белые буквы на груди его красного потрепанного «кенгуру» действительно образовывали слово «ГАРВАРД». Вырванный кусок левой щеки вернули на место и пришили к крылу носа двумя грубыми стежками, которые проделали дыры в черной коже. Другие дыры оставались от третьего и четвертого стежков,

которые успели разойтись. Клай подумал, что вместо нитки использовалась рыбацкая леска. Отвисшая губа открывала зубы, которые выглядели так, словно ими не так уж и давно занимался хороший ортодонт, правда, тогда мир был куда более мирным местом.

Перед дверью на коврике и по обе стороны он него лежала груда черных бесформенных предметов. Она могла олицетворять представления об искусстве какого-нибудь полубезумного скульптора. Но Клаю потребовалось лишь мгновение, чтобы понять, что он смотрит на расплавленные остатки геттобластеров, которые стояли по периметру футбольного поля.

И тут Алиса закричала. Несколько обгоревших бумбоксов свалилось с кучи, когда Клай открывал дверь, и вместе с ними свалилась еще одна вещица, которая, похоже, лежала на самой вершине. Алиса выступила вперед, прежде чем Клай успел ее остановить, выронила один из автоматических пистолетов и схватила ту самую вещицу. Крошечную кроссовку. Схватила, подняла, устроила между грудей.

Клай смотрел мимо нее, на Тома, Том смотрел на него. Оба не были телепатами, но в тот момент прекрасно обходились без слов. «Что теперь?» — спрашивали глаза Тома.

Клай повернулся к Порвату. Задался вопросом, а можно ли почувствовать, что кто-то читает твои мысли, и читают ли его в эту самую секунду. Он протянул руки к Порвату. Одна по-прежнему сжимала рукоятку револьвера, но ни Порватый, ни кто-либо из стоящих в клине не ощущали угрозы. Клай развернул руки ладонями вверх, как бы спрашивая: «Что вы хотите?»

Порватый улыбнулся. Веселье в его улыбке отсутствовало напрочь. Клай подумал, что видит злость в темно-карих глазах, но решил, что злость эта только на поверхности. Внутри ничего не было. И улыбка являла собой улыбку куклы.

Порватый склонил голову и поднял палец: «Подожди». И тут же снизу, с Академической авеню, словно по сигналу, донеслись вопли. Вопли людей, гибнущих в муках. И вопли эти сопровождали торжествующие крики хищников. Правда, раздавались они реже.

— *Что вы делаете?* — вскричала Алиса. Выступила вперед, пальцы одной руки конвульсивно сжимались и разжимались, обхватив кроссовку. Вены на руках выступили так сильно, что превратились в темные линии, нанесенные на кожу. — *Что вы делаете с людьми, которые там, внизу?*

«Как будто не ясно, — подумал Клай, — что с ними делают».

Алиса подняла вторую руку, с пистолетом. Том схватился за нее и отобрал пистолет, прежде чем она успела нажать на спусковой крючок. Алиса повернулась к нему, цапнула ногтями свободной руки.

— *Отдай его мне, или ты не слышишь этих криков? Ты их не слышишь?*

Клай оттащил ее от Тома. Джордан смотрел на них широко раскрытыми, полными ужаса глазами, а Порватый стоял в острие клина, улыбался, под улыбкой этой скрывалась ярость, а под яростью... насколько мог судить Клай, под яростью не было ничего. Абсолютно ничего.

— Он все равно на предохранителе, — сказал Том, после того как глянул на пистолет. — Возблагодарим Бога за маленькие радости, — повернулся к Алисе. — Ты хочешь, чтобы нас всех убили?

— Ты думаешь, они позволят нам уйти? — Она кричала так громко, что слова удавалось разобрать с трудом. Под обеими ноздрями на тонких «ниточках» повисли шарики соплей. Снизу, с улицы, обсаженной деревьями, которая тянулась мимо Гейтенской академии, продолжали доноситься вопли. Какая-то женщина крикнула: «Нет, пожалуйста, нет», а потом ее слова потонули в вопле боли.

— Не знаю, что они собираются сделать с нами, — голосу Тома недоставало спокойствия, — но не убьют, это точно. Иначе ничего этого не было бы. Посмотри на него, Алиса... происходящее сейчас внизу устроено специально для нас.

До них донеслось несколько выстрелов: люди пытались защититься, но звучали выстрелы редко. В основном они слышали крики изумления и боли, поднимающиеся над жилыми кварталами, которые примыкали к Гейтенской академии, где сожгли стадо. Крики эти слышались не дольше десяти минут, но иногда, думал Клай, время действительно становилось понятием относительным.

Так что минуты эти растянулись на часы.

Когда крики и вопли наконец-то смолкли, Алиса, поникнув головой, тихонько стояла между Томом и Клаем. Оба автоматических пистолета она положила на столик в холле, у входной двери, предназначенный для брифкейсов и шляп. Джордан держал ее за руку, во все глаза глядя на Порватого и ему подобных, застывших у лестницы на крыльцо. Пока мальчик не заметил отсутствия директора. Клай знал, что произойдет это в самом скором времени, а потом их ждала очередная жуткая сцена этого ужасного дня.

Порватый выступил вперед и отвесил небольшой поклон, чуть разведя руки, словно говоря: «К вашим услугам». Потом поднял голову и протянул руку к Академическому склону и улице за ним. При этом смотрел на маленькую группу людей у открытой двери, за скульптурой из расплавившихся и обгоревших бумбоксов. Для Клая его послание не составило тайны. «Дорога ваша. Уходите».

— Может, мы и уйдем, — ответил он. — А пока давай проясним один момент. Я уверен, вы можете нас убить, если возникнет такое желание, народу у вас для этого хватит, но учти, что завтра руководить всем этим будет кто-то другой. Потому что я лично позабочусь о том, чтобы ты остался здесь навсегда.

Порватый поднял руки к щекам, глаза у него округлились: «Кто бы мог подумать!» Лица остальных оставались бесстрастными, как у роботов. Клай еще несколько мгновений смотрел на Порватого, потом мягко закрыл дверь.

— Извините, — выдохнула Алиса. — Просто не могла стоять и слушать, как они кричат.

— Все нормально, — ответил ей Том. — Мы целы и невредимы. И опять же они принесли мисс Кроссовку.

Алиса посмотрела на крохотную вещицу.

— Именно по ней они нас нашли? Шли по запаху, как ищейки?

— Нет. — Джордан уже сидел на стуле рядом с подставкой для зонтов, маленький, осунувшийся, безмерно уставший. — Это их способ показать, что они все про нас знают. По крайней мере я так думаю.

— Да, — кивнул Клай. — Я готов спорить, они знали, что это сделали мы, еще до того, как пришли сюда. Вытащили это из наших мыслей, как мы вытащили его лицо из наших снов.

— Я не... — начала Алиса.

— Потому что ты просыпалась, — пояснил Том. — Полагаю, ты его еще и увидишь, и услышишь. — Он помолчал. — Если ему будет что сказать. Ничего не понимаю, Клай. Мы это сделали. Мы это сделали, и они знали, что мы это сделали, я в этом убежден.

— Да, — кивнул Клай.

— Тогда зачем убивать невинных путников, если им было так же легко... скажем, почти так же легко ворваться сюда и убить нас? Я хочу сказать, что понимаю концепцию ответного удара, но я не вижу смысла...

И вот тут Джордан соскользнул со стула и тревожно огляделся.

— Где директор?

Клай догнал Джордана, но лишь на лестничной площадке второго этажа.

— Постой, Джордан.

— Нет. — Лицо мальчика побледнело еще больше, на нем отражался ужас. Волосы торчали во все стороны, и Клай предположил, что Джордану просто пора стричься, но казалось, что все они встали дыбом. — Со всем этим грохотом он должен был спуститься. Он был бы с нами, но с ним что-то случилось. — Губы его задрожали. — Помните, как вчера он потирал бок? Что, если жжение в желудке не прекратилось?

— Джордан...

Мальчик не слышал, и Клай мог поспорить, что он напрочь забыл и про Порватого, и про мобилопсихов, которые пришли с ним, во всяком случае, на какое-то время. Вырвался из руки Клая и побежал по коридору, крича: «Сэр! Сэр!», — а со стен на него хмурились прежние директора Гейтенской академии, занимавшие эту должность в девятнадцатом и двадцатом веках.

Клай посмотрел вниз. На помощь Алисы рассчитывать не приходилось, она сидела у лестницы, опустив голову, и смотрела на эту гребаную кроссовку, словно на череп Йорика, а вот Том начал медленно подниматься на второй этаж.

— Все будет плохо? — спросил он Клая.

— Ну... Джордан думает, что директор присоединился бы к нам, если бы с ним ничего не случилось, и я склонен думать...

Джордан начал кричать. Эти пронзительные крики вонзались в голову Клая, как стрелы. Так что первым к мальчику побежал Том. Клай застыл на лестничной площадке в конце коридора, простоял не меньше трех, но, возможно, не больше семи секунд, терзаемый мыслью: *Так не кричат, если находят человека, который выглядит, словно умер от инфаркта. Старик, наверное, где-то дал маху. Может, принял не те таблетки.* Он уже миновал половину коридора, когда услышал крик потрясенного Тома: «Господи Джордан не смотри», — слова практически слились в одно.

— Подожди! — позвала Алиса, но Клай ждать не стал. Дверь апартаментов директора была распахнута. Он увидел кабинет, заставленный книгами, теперь уже бесполезную плитку. Из открытой в спальню двери в кабинет проникал дневной свет. Том стоял перед столом, прижимая лицо Джордана к животу. Директор сидел за столом. Под весом директора стул на колесиках чуть откатился, и Чарльз Ардай смотрел в потолок единственным оставшимся глазом. Спутанные седые волосы падали на спинку стула. Клаю он напомнил пианиста, взявшего последний аккорд в сложном произведении.

Он слышал сдавленный крик ужаса Алисы, но не обратил на него внимания. Чувствуя себя пассажиром в собственном теле, Клай подошел к столу и посмотрел на лист бумаги, который лежал перед директором. Несмотря на пятна крови, смог прочитать написанные на нем слова; почерк у директора был очень четким и разборчивым. «Старая школа», — как мог бы сказать Джордан.

alienegeisteskrank

insamo

elnebajosvansinnigfouatamagaokashiigekdolzinuig

hullu

gila

meshugenebun

dement

Клай говорил только на английском, французский изучал в средней школе, но и так мог сказать, что все это значит. Порватый хотел, чтобы они ушли, и каким-то образом знал, что директор Ардай слишком стар и слишком болен, чтобы идти с ними. Вот он и заставил директора сначала сесть за стол и написать слово «безумный» на четырнадцати различных языках, а потом воткнуть перо своей тяжелой авторучки, которой директор написал эти слова, и в правый глаз, и в находящийся за ним мозг.

— Они заставили его покончить с собой, не так ли? — спросила Алиса срывающимся голосом. — Почему он, а не мы? *Почему он, а не мы? Чего они хотят?*

Клай подумал о руке Порватого, протянутой к Академической авеню (Академической авеню, которая была также нью-хэмпширским шоссе 102). Мобилопсихи, которые больше не были психами (или были психами в каком-то совершенно новом, неизвестном доселе смысле), хотели, чтобы они вновь двинулись в путь. Других соображений на сей счет у него не было. Может, и хорошо, что не было. Просто отлично. Может, в этом проявлялось милосердие.

В комод, что стоял в дальнем конце коридора, нашлось с полдюжины скатертей, одна из них стала саваном директора Ардая. Алиса вызвалась сшить края скатерти, потом залилась слезами: ни ее навыки швеи, ни нервы оказались негодными для такой работы. Ее заменил Том, натянул скатерть, сшил быстрыми, почти что профессиональными стежками. Движения его руки напомнили Клаю боксера, тренирующего удар на невидимой груше.

— Не вздумай шутить, — говорил Том, не поднимая головы. — Я ценю то, что ты сделал наверху... сам бы никогда не смог этого сделать, но сейчас не потерплю никаких шуток, даже самой безобидной, как в «Уилле и Грейс»^[110]. Я едва держусь.

— Конечно, — ответил Клай. Шутить-то у него и в мыслях не было. Что же касается сделанного наверху... что ж, авторучку следовало вынуть из глаза. Не могли же они оставить ее там. Вот Клай и вынул. Вытаскивая, смотрел в угол кабинета, стараясь не думать о том, что делает, и не задаваться вопросом, а почему она так крепко сидит. По большей части ему это удалось, но авторучка заскрежетала по глазнице старика, когда уже подалась и пришла в движение, вылезла с чавкающим звуком, а потом еще с пера что-то шмякнулось на стол. Он подумал, что звуки эти будет помнить до конца жизни, но ручку он все-таки вытащил, а на тот момент это было самым важным.

Снаружи около тысячи мобилопсихов стояли на лужайке между дымящимися руинами футбольного стадиона и Читэм-Лодж. Стояли большую часть второй половины дня. Потом, около пяти часов, все стадо молчаливо двинулось в сторону центра Гейтена. Клай и Том вынесли завернутое в саван тело директора по черной лестнице и положили на заднее крыльцо. Четверка выживших собралась на кухне. Они поели (по их новому распорядку дня — позавтракали), когда тени начали быстро удлиняться.

Джордан ел на удивление хорошо. Щеки его горели румянцем, рот не закрывался. Он вспоминал о своей жизни в Гептенской академии, о влиянии, которое директор Ардай оказал на сердце и ум не имеющего друзей, обращенного в себя компьютерного фаната из маленького, американского городка. От яркости воспоминаний Клаю все больше становилось не по себе, а поймав взгляды Алисы и Тома, он понял, что и они испытывают те же чувства. В том, что у Джордана едет крыша, сомнений быть не могло, но что с этим делать, они не знали и едва ли могли направить его к психиатру.

В какой-то момент, когда уже совсем стемнело, Том предложил Джордану прилечь. Мальчик сказал, что приляжет, но лишь после того, как они похоронят директора. Они должны вырыть могилу на огороде за Читэм-Лодж, сказал им Джордан. Добавив, что свои огородные грядки директор называл «сад победы», хотя так и не объяснил Джордану почему.

— Хоронить его нужно там. — Джордан улыбался. Щеки его горели. Глубоко завалившиеся глаза сверкали... вдохновением, весельем, безумием... или всем вместе. — Не только потому, что земля на огороде мягкая, просто то место он любил больше других... я имею в виду, вне этих стен. Что скажете? Они ушли, ночью они не ходят, в этом ничего не изменилось, и мы можем вырыть могилу при свете газовых ламп. Что вы скажете?

Ответил Том после долгой паузы:

— А лопаты есть?

— Будьте уверены, в сарае садовника. Вам даже не придется идти в теплицы, — и Джордан рассмеялся.

— Так давайте это сделаем, — сказала Алиса. — Похороним его и покончим с этим.

— А потом ты отдохнешь. — Клай смотрел на Джордана.

— Конечно, конечно! — нетерпеливо выкрикнул Джордан. Вскочил со стула и закурил по кухне. — Пойдемте! — словно звал их поиграть в салки.

И они вырыли могилу на огороде директора за Читэм-Лодж и похоронили его среди фасоли и помидоров. Том и Клай опустили завернутое в саван тело в черную дыру глубиной три фута. Пока они рыли могилу, им было тепло, но, едва с этим покончив, поняли, что ночь холодная, чуть ли не морозная. Над головой ярко сверкали звезды, но по Академическому склону уже поднимался туман. Академическая авеню практически скрылась в этом белом приливе. Только коньки крыш самых высоких домов еще виднелись над его поверхностью.

— Как жаль, что я не знаю хороших стихов. — Щеки Джордана покраснели еще больше, но глаза уже не сверкали, спрятавшись в черных пещерах, и он дрожал, несмотря на два надетых на него свитера. У губ при выдохе клубился пар. — Директор любил поэзию, он думал, что лучше поэзии ничего нет. Он был... — Голос Джордана, такой веселый весь этот вечер, наконец-то сломался. — Он был абсолютным представителем старой школы.

Алиса прижала его к себе. Джордан попытался вырваться, потом сдался.

— Вот что я тебе скажу. — Том посмотрел на мальчика. — Давай мы его укроем... укроем от холода... а потом я прочитаю ему стихи. Идет?

— Вы действительно знаете стихи на память?

— Действительно знаю.

— Вы такой умный, Том. Спасибо, — и Джордан благодарно и вымученно улыбнулся.

Могилу они закидали быстро, хотя в конце понадобилось взять грунт с других грядок, чтобы поднять холмик над уровнем земли. К тому времени, когда они закончили, Клай снова вспотел, и в нос бил запах собственного пота. О душе же не приходилось и мечтать.

Алиса пыталась удерживать Джордана, но он вырвался и голыми руками бросал землю в могилу. И когда Клай боковой поверхностью лопаты выравнивал края, глаза мальчика уже остекленели от усталости, и его качало, словно пьяного.

Тем не менее он посмотрел на Тома.

— Давайте. Вы обещали. — Клай ожидал, что Джордан добавит: «И пусть это будет хороший стих, сеньор, а не то будет вам пуля», — с характерным выговором бандита-убийцы из какого-нибудь вестерна Сэма Пекинпа^[111].

Том встал у могилы, Клай подумал, что там, где покоилась голова, но от усталости точно вспомнить не мог. Чего там, он не мог вспомнить, как звали директора, Чарльз или Роберт. Щупальца тумана уже охватывали стопы и лодыжки Тома, пробирались между высохших стеблей фасоли. Он снял бейсболку. Обнажила голову и Алиса. Клай поднял руку к голове, прежде чем вспомнил, что она и так непокрытая.

— Это правильно! — воскликнул Джордан. Он улыбался. — Шляпы долой! Шляпы долой в честь директора. — Сам он был без головного убора, но снял воображаемую шляпу и подбросил в воздух, вновь заставив Клая испугаться за его психику. — А теперь стихотворение. Давайте, Том!

— Хорошо, — кивнул Том, — только ты должен стоять тихо. Выкажи уважение.

Джордан приложил палец к губам, показывая, что все понимает, и по рвущему сердце горю в глазах над поднятым пальцем Клай понял, что мальчик еще не лишился разума. Друга — да, но не разума.

Клай ждал, его интересовал выбор Тома. Он ожидал услышать что-нибудь из Фроста, может, даже из Шекспира (директор наверняка одобрил бы Шекспира, даже «Когда мы снова встретимся втроем»), а может, даже что-нибудь свое, небольшой экспромт от Тома Маккорта. Чего он никак не ожидал, так это размеренных строк молитвы, слетевшей с губ Тома.

— Не удерживай, Господи, щедрот Твоих от нас; милость Твоя и истина Твоя да охраняют

нас непрестанно. Ибо окружили нас беды неисчислимы; постигли меня беззакония мои, так что видеть не могу: их более, нежели волос на головах наших; сердца наши оставили нас. Благоволи, Господи, избавить нас; Господи! Поспеши на помощь нам.

Алиса держалась за свою кроссовку и плакала у изножья могилы. Стояла с поникшей головой. Всхлипывала часто и тихо.

Том продолжал, протянув руку над свежей могилой ладонью вниз, со сжатыми пальцами:

— Да постыдятся и посрамятся все, ищущие погибели душам нашим! Да будут обращены назад и преданы посмеянию желающие нам зла. Да смятутся от посрамления своего говорящие нам: «Хорошо! Хорошо!» Вот лежит мертвый, прах земной...

— Я так сожалею, директор! — дрожащим голосом вскричал Джордан. — Я так сожалею, это неправильно, сэр! Я так сожалею, что вы умерли... — Его глаза закатились, и он рухнул на свежую могилу. Туман тут же распластал по нему жадные белые пальцы.

Клай поднял его, пощупал пульс на шее. Сильный и ровный.

— Просто лишился чувств. Что ты такое декламировал, Том?

Том покраснел, смутился.

— Довольно вольную адаптацию сорокового псалма [\[112\]](#). Давайте отнесем мальчика в дом.

— Нет, — возразил Клай. — Если он не очень длинный, дочитай до конца.

— Да, пожалуйста, — присоединилась к Клаю Алиса. — Дочитай. Он прекрасен. Прямотаки бальзам на рану.

Том вновь повернулся лицом к могиле. Возможно, брал себя в руки, а может, вспоминал, откуда нужно продолжить:

— Вот лежит мертвый, прах земной, а здесь стоим мы, живые, бедные и нищие. Господи, подумай о нас. Ты — помощь наша и избавитель наш; Боже мой, не замедли. Аминь.

— Аминь, — хором повторили Клай и Алиса.

— Давайте отнесем мальчика в дом, — повторил Том. — Тут чертовски холодно.

— Тебя этому научили святые Ханны из Первой церкви Христа-Искупителя Новой Англии?

— Да, — кивнул Том. — Я многие псалмы знаю наизусть, за это полагался дополнительный десерт. Еще меня научили просить милостыню на углах и за двадцать минут подсовывать листовки под дворники всех автомобилей на стоянке возле универмага «Сире» с проповедью «Миллион лет в аду» или «Ни одного глотка воды». Давайте уложим мальчика в постель. Готов спорить, завтра он будет спать до четырех пополудни, а проснется в куда лучшем состоянии.

— А что будет, если придет этот мужчина с порванной щекой и увидит, что мы еще здесь, хотя он велел нам уйти? — спросила Алиса.

Клай подумал, что это хороший вопрос, но не тот, над которым нужно долго размышлять. То ли Порватый даст им еще один день, то ли не даст. И когда Клай с Джорданом на руках вернулся в дом, он понял, что слишком устал, чтобы тревожиться из-за завтрашнего решения Порватого.

Где-то в четыре утра Алиса пожелала Клаю и Тому спокойной ночи и поплелась спать. Двое мужчин сидели на кухне, пили ледяной чай, много не разговаривали. Похоже, говорить было не о чем. Потом, где-то перед самым рассветом, до них долетел еще один из этих ужасных стонов, долетел издалека, с северо-востока, выкатившись из тумана. Стон этот завибрировал в воздухе, как крик призрака в старом фильме ужасов, потом начал таять, и тут же ему ответил куда более громкий стон, из Гейтена, куда Порватый увел свое новое, большое стадо.

Клай и Том вышли на парадное крыльцо, раскидывая барьер из оплавленных бумбоксов, чтобы добраться до лестницы. Ничего не смогли увидеть. Весь мир стал белым. Какое-то время постояли, потом вернулись в дом.

Ни стон смерти, ни ответ гейтенских мобилопсихов не разбудили ни Алису, ни Джордана. Том и Клай могли этому только порадоваться. Атлас дорог, мятый, с загнутыми углами, лежал на разделочном столике в кухне. Том пролистал его.

— Возможно, кричали в Хуксеттеили Санкуке. Это большие города на северо-востоке... большие для Нью-Хэмпшира. Интересно, скольких они убили. И как они это сделали.

Клай покачал головой.

— Надеюсь, что много. — Том сухо, невесело улыбнулся. — Надеюсь, не меньше, чем мы, и они медленно поджаривались. Я думаю об одной ресторанной сети, которая рекламировала жареных кур. Мы уходим завтра ночью?

— Если Порватый позволит нам пережить день, полагаю, нам придется уйти. Или ты так не думаешь?

— Не вижу выбора, — ответил Том, — но вот что я тебе скажу, Клай. У меня такое ощущение, что я — бычок, которого ведут вниз по наклонному жестяному желобу на бойню. И запах крови моих му-у-братьев буквально бьет в нос.

Клай ощущал то же самое, но оставался прежний вопрос: «Если этот групповой разум жаждал убийства, почему не сделать этого здесь?» Они могли убить их вчера днем, вместо того чтобы заваливать парадное крыльцо оплавленными бумбоксами и класть сверху любимую кроссовку Алисы.

Том зевнул.

— Хочу спать. Сможешь посидеть еще пару часов?

— Пожалуй, — ответил Клай. По правде говоря, сна не было ни в одном глазу. Тело, конечно, выбилось из сил, но мысли бежали и бежали. А если вдруг замедляли ход, он вспоминал звук, который издавала авторучка, когда он вынимал ее из глаза директора, тихий скрежет металла по кости. — А что?

— Потому что, если они решат убить нас сегодня, я сам о себе позабочусь. Сделаю все по-своему, их способ я уже видел. Ты согласен?

Если коллективный разум, который представлял Порватый, действительно мог заставить директора воткнуть ручку в глаз, подумал Клай, то четверо оставшихся обитателей Читэм-Лодж вскорости могли выяснить, что вариант самоубийства исключается. Но не хотелось отправлять Тома спать с этой мыслью. Поэтому он просто кивнул.

— Я возьму автоматическое оружие наверх. Ты оставишь себе этот большой старый револьвер сорок пятого калибра?

— Точно. Любимчика Бет Никерсон.

— Тогда спокойной ночи. И если увидишь, что они идут... или почувствуешь, что они идут... кричи. — Том помолчал. — Если у тебя будет время. Или если они тебе позволят.

Клай наблюдал, как Том уходит из кухни, думая, что Том постоянно на шаг опережает его. Думая, как сильно он любит Тома. Думая, что ему хотелось бы узнать Тома получше. Думая, что шансы на это невелики. А Джонни и Шарон? Никогда прежде они не были так далеко.

В восемь часов утра Клай сидел на скамье у края «сада победы» директора, говоря себе, что встал бы и как-то отметил могилу старика, если бы не смертельная усталость. Много усилий это бы не потребовало, старик заслуживал такой чести только за то, что взял на себя заботу о своем последнем ученике. Но, так уж получилось, Клай не знал, сможет ли он встать, доплестись до дома и разбудить Тома, чтобы передать ему вахту.

Впереди их ждал еще один прекрасный, холодный, осенний день, идеально подходящий для сбора яблок, приготовления сидра, игры в футбол. Туман еще оставался густым, но сильным лучам утреннего солнца уже удавалось пробивать его, заливая маленький мир, который окружал Клай, ослепительно белым светом. Крошечные капельки воды висели в воздухе, сотни радужных колес вертелись перед его воспаленными глазами.

Что-то красное материализовалась из этой горящей белизны. С мгновение казалось, что красное «кенгуру» Порватого плывет в воздухе само по себе, но чуть позже, когда оно приблизилось к Клаю, над ним появилось коричневое лицо, а под ним — коричневые кисти рук. В это утро Порватый надел капюшон на голову, который теперь и обрамлял улыбающееся обезображенное лицо с безжизненными глазами.

Теперь Клай видел и высокий лоб ученого с рваной раной на нем.

И грязные, не снимавшиеся уже целую неделю бесформенные джинсы, порванные на карманах.

И надпись «ГАРВАРД» на узкой груди.

Кобура с револьвером сорок пятого калибра Бет Никерсон висела на ремне. Клай даже не потянулся к оружию. Порватый остановился в десяти футах от Клая. Он (оно) стоял на могиле директора, и Клай верил, что тот сделал это сознательно.

— Чего ты хочешь? — спросил он Порватого и тут же сам и ответил: — Сказать тебе.

Сидел, уставившись на Порватого, от изумления потеряв дар речи. Порватый усмехнулся, если только он мог усмехаться с разорванной нижней губой, раскинул руки, как бы говоря: «Да ладно, ерунда все это».

— Говори тогда, что должен, — и Клай приготовился к тому, что у него второй раз украдут голос. Хотя уже понял, что подготовиться к такому невозможно. Все равно что превратиться в улыбающуюся деревяшку, балансирующую на колене чревоугодника.

— Уходите. Этим вечером. — Клай сосредоточился и сказал: — Хватит, прекрати!

Порватый ждал, само терпение во плоти.

— Думаю, я сумею отсечь тебя, если очень постараюсь, — продолжил Клай. — Не уверен, но думаю, что смогу.

Порватый по-прежнему терпеливо ждал, на его лице читалось: «Ты закончил?»

— Продолжай, — предложил Клай и тут же продолжил: — Я мог привести. Больше. Я пришел. Один.

Клай предположил, что телепатически Порватый по-прежнему связан со стадом, решил, что так оно и есть.

— Уходите. Сегодня. На север. — Клай ждал, но когда понял, что Порватый выговорился, спросил: — Куда? Почему?

На этот раз обошлось без слов, но перед ним внезапно появилась «картинка». Такая четкая, что Клай так и не понял, то ли она возникла в его сознании, то ли Порватый каким-то образом нанес эту надпись на яркий экран тумана. Такую же, написанную розовым мелом, они видели на Академической авеню:

КАШВАК = НЕТ-ТЕЛ

— Я не понимаю, что это, — сказал Клай.

Но Порватый уже уходил. Какое-то мгновение Клай еще видел его «кенгуру», плывущее в ярком от солнечного света тумане, а потом исчезло и оно. Клаю оставалось утешаться лишь тем, что он все равно собирался идти на север, и им разрешили побыть в Академии еще день. Последнее означало, что вахту больше нести не нужно. Он решил сам пойти спать и не мешать остальным видеть сладкие сны.

Джордан проснулся в здравом уме, из глаз ушел нервный блеск. Он грыз твердый как камень бублик, слушая рассказ Клая о встрече с Порватым этим утром. Когда Клай закончил, взял атлас дорог, раскрыл раздел «Указатель» в конце книги, потом нашел страницу, отведенную западной части штата Мэн, указал на город, повыше Фрайбурга.

— Вот Кашвак, на востоке, и Литтл-Кашвак, западнее, у самой границы с Нью-Хэмпширом. Я сразу понял, что это название мне знакомо. Из-за озера. — Он постучал пальцем по синему пятну на карте. — Почти такое же большое, как Себаго^[113].

Алиса наклонилась, чтобы прочитать название озера.

— Каш... Кашвакамак. Кажется, так.

— Оно входит в муниципальную квазикорпорацию^[114], которая называется TP-90^[115]. — Джордан вновь постучал пальцем по карте. — Как только вы это узнаете, становится ясным, почему Кашвак равняется Нет-Тел. Простой вопрос с очевидным ответом, не так ли?

— Мертвая зона, правильно? — спросил Том. — Никаких ретрансляторов, ни для сотовой связи, ни в микроволновом диапазоне.

Джордан вымученно улыбнулся.

— Полагаю, там хватает людей, в домах которых установлены спутниковые антенны, но в остальном... попадание в десятку.

— Я не понимаю, — подала голос Алиса. — Почему они хотят послать нас туда, где отсутствует сотовая связь, то есть люди там в большинстве своем нормальные.

— С тем же успехом можно спросить, а почему они вообще оставили нас в живых, — сказал Том.

— Может, они хотят превратить нас в живые управляемые снаряды и использовать для того, чтобы все там разбомбить, — предположил Джордан. — Избавиться и от нас, и от них. Одним ударом убить двух зайцев.

Они помолчали, обдумывая слова мальчика.

— Давайте пойдем туда и все выясним на месте, — предложила Алиса, — но лично я никого бомбить не собираюсь.

Джордан печально посмотрел на нее.

— Ты видела, что они сделали с директором. Если до этого дойдет, думаешь, у тебя будет выбор?

На крыльце большинства домов на Академической авеню, расположенных напротив Гейтенской академии, по-прежнему стояла обувь, но они видели, что входные двери или распахнуты, или сорваны с петель. В нескольких трупях, лежащих на лужайках, они опознали мобилопсихов, но в основном это были трупы невинных путников, которые оказались не в том месте и не в то время. Именно они и были босиком, но чаще всего ноги лежали отдельно: многих жертв возмездия просто разорвали на части.

Они миновали территорию Академии, Академическая авеню вновь стала шоссе 102, но свидетельства бойни встречались еще на протяжении полумили, только теперь по обе стороны дороги. Алиса шагала, закрыв глаза, позволив Тому вести ее, как слепую. Клай предложил то же самое Джордану, но тот лишь покачал головой и двинулся дальше по разделительной линии, худенький подросток с походным мешком на спине и слишком длинными волосами. Бросив несколько взглядов на жертв бойни, он смотрел исключительно на свои кроссовки.

— Их сотни, — однажды вырвалось у Тома. Часы показывали восемь вечера, уже стемнело, но они все равно могли видеть больше, чем им хотелось. Свернувшись вокруг стойки указателя на углу Академической авеню и Спофффорд-стрит, лежала девочка в красных брючках и белой матроске. Лет девяти, не больше, босиком. В двадцати ярдах находилась распахнутая дверь дома, из которого ее, молящую о пощаде, вероятно, и выволокли. — *Сотни.*

— Может, не так много, — возразил Клай. — Некоторые из наших были вооружены. И застрелили кое-кого из этих мерзавцев. Кого-то и прирезали. Одного я даже видел с торчащей из глаза стрелой...

— Мы стали тому причиной, — указал Том. — Ты думаешь, мы можем причислять себя к тем, кого ты назвал нашими?

Ответ они получили, когда четыремя часами позже остановились, чтобы перекусить. К этому времени они уже вышли к шоссе 156 и, согласно щиту-указателю, находились на смотровой площадке, откуда открывался вид на исторический Флинт-Хилл, расположенный к западу от шоссе. Клай мог представить себе, что вид открывался замечательный, если завернуть сюда в полдень, а не в полночь, и есть при свете солнца, а не газовых ламп.

Они уже добрались до десерта, лежалых «орео»^[116], когда на шоссе появилась группа из шести человек, все старше их по возрасту. Трое толкали тележки, нагруженные припасами, и все были вооружены. Ранее в эту ночь путники им не встречались.

— Эй! — Том помахал им рукой. — Тут есть еще один столик. Не хотите сделать привал?

Они остановились. Более пожилая из двух женщин, похоже, бабушка с вьющимися седыми волосами, которые поблескивали под звездным светом, уже подняла руку, чтобы помахать в ответ. Но не успела.

— Это они, — сказал один из мужчин, и Клай безошибочно уловил в его голосе как отвращение, так и страх. — Банда из Гейтена.

— Чтоб тебе сдохнуть, приятель, — ответил Тому другой мужчина, и они продолжили путь, даже прибавили в скорости, хотя бабуля хромала, и мужчина, который шел рядом, помог ей обойти «субару», который сцепился бампером с «сатурном».

Алиса подпрыгнула, чуть не сбив одну из ламп. Клай схватил ее за руку.

— Не обращай на них внимания, детка.

Она его проигнорировала.

— *По крайней мере мы что-то сделали!* — прокричала она им вслед. — *А что сделали вы? Что, вашу мать, вы сделали?*

— Скажу тебе, чего мы не сделали, — ответил мужчина. Маленькая группа уже миновала смотровую площадку, и ему пришлось оборачиваться, чтобы говорить с ней. Он мог идти, не глядя под ноги, потому что от ближайшего брошенного автомобиля его отделяли две сотни ярдов. — Наши старания не привели к смерти норми. А их больше, чем нас, если вы этого еще не заметили...

— Чуть собачья, вы не знаете, правда ли это! — прокричал Джордан. И Клай понял, что мальчик впервые заговорил с того момента, как они вышли за пределы Гейтена.

— Может, правда, может, и нет, но им под силу что-то сверхъестественное и могучее. Можете в это поверить. Они говорят, что оставят нас в покое, если мы оставим в покое их... и вас. Мы говорим, как скажете.

— Если вы верите чему-либо, что они говорят... или внушают вам, тогда вы — *идиоты!* — воскликнула Алиса.

Мужчина отвернулся, вскинул руку, потряс ею и прощаясь, и посылая, понятно куда, но больше ничего не сказал.

Все четверо наблюдали за людьми с тележками, пока те не скрылись из виду, потом переглянулись через столик для пикника с множеством вырезанных на нем инициалов.

— Итак, мы знаем, — подвел итог Том. — Мы — изгой.

— Может, и нет, если мобилолюди хотят, чтобы мы шли туда же, куда идут... как он их назвал... остальные норми, — возразил Клай. — Может, мы кто-то еще.

— Кто? — спросила Алиса.

Клай представлял себе кто, но не стал облекать свои мысли в слова. Как-то не хотелось, особенно в полночь.

— Сейчас меня куда больше интересует Кент-Понд. Я хочу... мне необходимо попасть туда, чтобы понять, удастся ли найти жену и сына.

— Вероятность того, что они по-прежнему там, очень мала, не так ли? — тихим, мягким голосом спросил Том. — Я хочу сказать, что бы с ними ни случилось, стали они мобилоидами или остались нормальными, они скорее всего город покинули.

— Если с ними все в порядке, они оставили бы записку, — ответил Клай. — В любом случае мой дом — лучшая отправная точка для поисков.

И, не добравшись до дома, он не собирался задумываться над тем, почему Порватый подобрал им то безопасное место, где собирались люди, которые боялись и ненавидели их.

Или как Кашвак=нет-тел мог считаться безопасным местом, если мобилолюди о нем знали.

Они медленно продвигались на восток к шоссе 19, дороге, по которой собирались пересечь границу между штатами и углубиться в Мэн, но в эту ночь перейти границу они не сумели. Все дороги этой части Нью-Хэмпшира, похоже, проходили через город Рочестер, а Рочестер сторел дотла. И огонь еще полностью не погас, продолжал жить под слоем золы и пепла, так что над городом стояло сияние, неотличимое от радиоактивного. Алиса взяла инициативу на себя, вела их в обход особо жутких руин, полукругом огибая их с запада. Несколько раз они видели надпись КАШВАК=НЕТ-ТЕЛ, нацарапанную на тротуарах, однажды — выведенную аэрозольной краской на почтовом ящике.

— Штраф в сиксильон долларов и жизнь в тюрьме на базе «Гуантанамо», — мрачно усмехнулся Том.

Выбранный маршрут привел их к огромной автостоянке около торгового центра Рочестера. Задолго до того, как они добрались до стоянки, они слышали усиленную динамиками музыку: мелодия в стиле нью-эйдж, по мнению Клая, очень подходила для трансляции в магазинах. Автостоянку покрывал мусор. Несколько оставшихся на ней автомобилей утонуло в нем по ступицы. Ветер доносил смраднй запах вздувшихся и гниющих тел.

— Стадо где-то неподалеку, — прокомментировал Том.

К торговому центру примыкало кладбище. Они обходили его с юга и запада, но, покинув автостоянку, оказались достаточно близко, чтобы увидеть сквозь деревья красные глазки бумбоксов.

— Может, нам их сжечь, — внезапно предложила Алиса, когда они вновь вернулись на Северную главную улицу. — Наверняка где-нибудь неподалеку найдется грузовик с цистерной пропана.

— Да, беби! — Джордан вскинул оба сжатых кулака, впервые оживился с того самого момента, как они покинули Читэм-Лодж. — За директора!

— Я думаю, не стоит, — покачал головой Том.

— Боишься испытать их терпение? — спросил Клай. Удивляясь себе, он поддержал безумную идею Алисы. В том, что сжечь еще одно стадо — идея безумная, он не сомневался, но...

Я готов пойти на такое, потому что это самая отвратительная версия «Мисти», которую я слышал за всю свою жизнь, подумал он. Она меня просто бесит.

— Причина не в этом, — ответил Том. — Видишь ту улицу? — Он указал на авеню, которая тянулась между торговым центром и кладбищем. Забитую автомобилями. Практически все они застыли, выехав с автостоянки. Клай без труда представил себе, как люди в этих автомобилях пытаются добраться до дома после прохождения Импульса. Все хотят знать, что происходит, в порядке ли их близкие. Ни о чем другом не думая, ничего не подозревая, хватаются за телефоны, установленные в автомобилях, за мобильники.

— А что там?

— Давай завернем на нее. Только осторожно.

— Что ты увидел, Том?

— Пока не скажу. Может, и ничего. Держитесь подальше от тротуара, оставайтесь под деревьями. Чертовская пробка. Там наверняка будут трупы.

Гниющих трупов между Туобли-стрит и Вестсайдским кладбищем хватало с лихвой. Когда они добрались до деревьев, «Мисти» уступила место сладенькой версии «Я оставил свое сердце в Сан-Франциско», и они вновь увидели красные огоньки индикаторов. Потом Клай заметил

кое-что еще и остановился.

— Господи, — прошептал он.

Том кивнул.

— Что? — выдохнул Джордан. — Что?

Алиса молчала, но по направлению взгляда и по поникшим плечам Клай понял, что она все увидела, как и он. По периметру кладбища с винтовками в руках стояли люди. Клай взялся за голову Джордана, повернул, и плечи мальчика тут же поникли.

— Пошли, — прошептал он. — От этого запаха меня тошнит.

В Мелроуз-Корнер, примерно в четырех милях к северу от Рочестера (они еще могли видеть красное зарево, пульсирующее на южном горизонте), они вышли к еще одной площадке для отдыха, где, кроме столиков, обнаружили и выложенное камнем место для костра. Клай, Том и Джордан отправились собирать дрова. Алиса, заявившая, что она — скаутгерл, доказала свое мастерство, быстренько соорудив маленький костерок, а потом согрел на нем три банки тушеной фасоли. Пока они ели, две маленькие группы путников прошли мимо. Люди в обеих группах посмотрели на них. Никто не помахал рукой, не произнес ни слова.

Когда волк в желудке немного успокоился, Клай повернулся к Тому.

— Как ты сумел разглядеть этих караульных, Том? С автостоянки у торгового центра? Я думаю, тебе пора менять имя на Орлиный Глаз.

Том покачал головой.

— Просто повезло. Ну, и свечение Рочестера. Ты знаешь, угли.

Клай кивнул. Они все знали.

— Я посмотрел в сторону кладбища в нужный момент и под нужным углом, вот и увидел отсвет на паре винтовочных стволов. Сказал себе, что быть такого не может, что это, вероятно, стальные заборные штыри или что-то еще, но... — Том вздохнул, взглянул на недоеденную фасоль в банке, отставил в сторону. — Вы все видели.

— Может, это были мобилопсихи, — предположил Джордан, не веря самому себе. Клай почувствовал по голосу.

— Мобилопсихи не стоят ночные вахты, — напомнила Алиса.

— Может, теперь им нужно меньше времени для сна, — пожал плечами Джордан. — Может, это часть их новой программы.

Когда он так говорил, словно мобилолюди — некие органические компьютеры на этапе загрузки, у Клая по коже всегда бежали мурашки.

— У них нет и винтовок, Джордан, — указал Том. — Винтовки им не нужны.

— Значит, теперь они перетянули на свою сторону нескольких предателей, которые охраняют их сон. — В голосе Алисы слышалось презрение, под ним — слезы. — Я надеюсь, они сгниют в аду.

Клай ничего не сказал, но подумал о людях, которых они встретили в первой половине ночи, тех, что везли с собой торговые тележки, страх и презрение в голосе мужчины, который назвал их бандой из Гейтена. *С тем же успехом он мог назвать нас бандой Диллинджера*^[117], сказал себе Клай. И тут же мелькнула новая мысль. *Я больше не зову их мобилопсихи. Теперь я воспринимаю их как мобилолюдей. Почему так?* — а в голову уже пришла еще более тревожная мысль. *Когда предатели перестают быть предателями?* Ответ не заставил себя долго ждать: когда предатели становятся явным большинством. И с этого момента те, кто *не был* предателем, превращаются...

Что ж, если ты романтик, то называешь этих людей подпольщиками. Если ты не романтик, называешь изгоями.

А может, просто преступниками.

Они дошли до городка Хейес-Стейшн и остановились на ночь в полуразрушенном мотеле, который назывался «Шепчущиеся сосны». От отеля могли видеть щит-указатель: «ДО ШОССЕ 19 — 7 МИЛЬ СЭНФОРД БЕРУИКС КЕНТ-ПОНД». Обувь за дверь номеров, в которых остановились, выставлять не стали.

Необходимость в этом, похоже, отпала.

Он снова стоял на платформе посреди этого гребаного поля, каким-то образом обездвиженный, и на нем скрещивались все взгляды. На горизонте виднелась та же ферменная конструкция с мигающим красным огнем на вершине. Поле было больше, чем в Фоксборо^[118]. Его друзья были с ним, но не только они. Рядом выстроились аналогичные платформы. Слева от Тома стояла беременная женщина в футболке «Харлей-Дэвидсон» с отрезанными рукавами. Справа от Клая — пожилой господин, еще не ровня директору, но определенно нацелившийся на высшую лигу: с седящими волосами, забранными в конский хвост, и испугом, читающимся на удлинённом, интеллигентном лице. За ним стоял мужчина моложе, в потрепанной бейсболке «Майамских дельфинов».

Среди тысяч зрителей Клай видел людей, которых знал, и его это не удивляло: именно так и бывало во снах. То ты в телефонной будке с учительницей из первого класса, а минутой позже уже на обзорной площадке «Эмпайр-Стейт-Билдинг» со всеми тремя членами группы «Дестинис чайлд».

В этом сне «Дестинис чайлд» не было, зато Клай увидел голого молодого человека, который пронзал воздух автомобильными антеннами (теперь одетого в кожаные штаны и чистую белую футболку), мужчину с большим рюкзаком, который называл Алису маленькой мэм, и хромающую бабульку. Она указала на Клая и его друзей, которые стояли на пятидесятиардовой линии^[119], потом заговорила с женщиной, стоявшей рядом... Клай не удивился, увидев, что это беременная невестка мистера Скоттони. «Это банда из Гейтена», — сказала хромающая бабулька, и пухлая верхняя губа беременной невестки мистера Скоттони приподнялась в злобной усмешке.

«Помогите мне! — крикнула женщина, которая стояла на платформе рядом с Томом. Обращалась она к невестке мистера Скоттони. — Я тоже хочу родить ребенка, как и вы. Помогите мне!»

«Тебе следовало думать об этом, пока было время», — ответила невестка мистера Скоттони, и тут Клай осознал, как и в прошлом сне, что на самом деле никто не говорит и общение телепатическое.

Порватый начал обход платформ, поднимал руку над головой каждого, к кому подходил. Руку ставил, как Том над могилой директора: ладонью вниз, чуть искривив пальцы. Клай видел какой-то идентификационный браслет на запястье Порватого, может, из тех, медицинских, которые осуществляют постоянный мониторинг и в случае чего поднимают тревогу, и вдруг понял, что к стадиону подведено электричество: лампы на осветительных мачтах сияли. Понял он, и каким образом Порватый мог держать руку над каждым, хотя они и стояли на платформах: шел он не по земле, а по воздуху, на четырехфутовой высоте.

«Ессе homo — insanus», — говорил он. — «Ессе femina — insana». И всякий раз толпа редела в ответ: «НЕ ПРИКАСАЙСЯ!» — в унисон, и мобилолюди, и нормы. Потому что теперь разницы не было. Во сне Клая они не отличались друг от друга.

Он проснулся во второй половине дня, ближе к вечеру, свернувшись в клубок, обхватив плоскую мотельную подушку. Выйдя из номера, увидел Алису и Джордана, которые сидели на бордюрном камне между стоянкой и номерами. Алиса обнимала Джордана за плечи. Его голова лежала на плече Алисы, рукой он обнимал девушку за талию. Волосы Джордана на затылке торчали во все стороны. Клай сел рядом с ними. Дорога, ведущая к шоссе 19 и штату Мэн, практически пустовала, если не считать фургона почтовой службы «Федерал экспресс», стоявшего на разделительной полосе с вскрытыми задними дверцами, и врезавшегося в него мотоцикла.

Клай сел рядом с ними.

— Вам...

— *Esse puer, insanus*, — ответил Джордан, не отрывая головы от плеча Алисы. — Это я.

— А я — *femina*, — добавила Алиса. — Клай, есть в Кашваке стадион? Если есть, я и близко не подойду к этому месту.

За их спинами закрылась дверь. Послышались приближающиеся шаги.

— Я тоже. — Том уселся рядом с остальными. — У меня есть много недостатков, я первый готов это признать, но жажды смерти за мной никогда не замечалось.

— Точно сказать не могу, но, по-моему, там есть только начальная школа, — ответил Клай. — А дети постарше на автобусах ездят в Ташмор.

— Это виртуальный стадион, — вставил Джордан.

— Что? — переспросил Том. — Ты хочешь сказать, как в компьютерной игре?

— Именно как в компьютерной игре. — Джордан поднял голову, не отрывая глаз от шоссе, которое уходило к Сэнфорду, Беруиксу, Кент-Понду. — Не важно, мне на это наплевать. Если они не прикоснутся к нам — ни мобилолюди, ни норми, кто прикоснется? — Клай никогда не видел такой взрослой боли в глазах ребенка. — Кто прикоснется к нам?

Ему не ответили.

— Порватый прикоснется к нам? — Джордан чуть возвысил голос. — Порватый прикоснется к нам? Возможно. Потому что он наблюдает, я чувствую, он наблюдает.

— Джордан, ты преувеличиваешь, — сказал Клай, понимая при этом, что версия Джордана не лишена логики. Если им посылают такой сон, сон о платформах, тогда, возможно, Порватый действительно наблюдает за ними. Не зная адреса, письмо не отправляют.

— Я не хочу идти в Кашвак, — заявила Алиса. — Мне все равно, была там сотовая связь или нет. Я скорее пойду в... Айдахо.

— Я все равно пойду в Кент-Понд, прежде чем идти в Кашвак, Айдахо или куда-то еще, — напомнил Клай. — Пути туда — еще две ночи. Я хотел бы, чтобы вы пошли со мной, но если такого желания у вас нет... я пойму.

— Клаю нужно довести дело до конца, так давайте составим ему компанию, — предложил Том. — А потом решим, как жить дальше. Если, конечно, нет других вариантов.

Других вариантов не было.

На шоссе 19 частенько встречались участки, иной раз в четверть мили, на которых вообще не было ни одного автомобиля, и это поощряло спринтеров. Такое прозвище Джордан придумал для кретинов, которые плевать хотели что на чужую жизнь, что на свою, и проносились мимо на огромной скорости, обычно по осевой, с включенным дальним светом.

Клай и остальные замечали приближающиеся огни фар издали, торопливо сбегали с проезжей части и даже с обочины в кусты, если видели впереди брошенный или разбитый автомобиль. Джордан называл их рифами для спринтеров. Спринтер пронесся мимо, люди в кабине что-то вопили (почти наверняка успели как следует набраться). Если на дороге стоял один брошенный автомобиль (маленький риф для спринтеров), водитель обычно объезжал его и ехал дальше. Если дорога была полностью заблокирована, спринтер все равно пытался миновать затор, а если не получалось, он и пассажиры бросали автомобиль и продолжали путь на восток пешком, пока не находили новый, такой же быстрый, позволяющий хоть немного, но поразвлечься. Клай представлял их путь как череду рывков, а самих спринтеров полагал говнюками, от которых можно было ждать только неприятностей. А неприятностей в этом новом мире и так хватало. В отношении Пушкаря его предположения полностью подтвердились.

Он был четвертым спринтером, который встретился им в первую ночь на шоссе 19. Когда свет фар выхватил их из темноты, стоящих на обочине, он прежде всего обратил внимание на Алису. Высунулся из окна, ветер сдувал с лица длинные черные волосы, и прокричал: «Отсоси у меня, ты, маленькая сучка!» — проносясь мимо в черном «кадиллаке-эскаладе». Пассажиры визжали и махали руками. Кто-то крикнул: «Как ты сказал!» Для Клая крик этот прозвучал как абсолютный экстаз, выраженный с выговором Южного Бостона.

— Очаровательно, — прокомментировала Алиса.

— У некоторых людей нет... — начал Том, но прежде чем он успел сказать, чего нет у некоторых людей, из темноты, не так уж и далеко, донесся визг тормозов, удар и звон разбивающихся стекол.

— Твою мать! — выдохнул Клай и побежал. Алиса обогнала его уже на первых двадцати ярдах. — Не спеши, они могут быть опасны, — крикнул он вслед.

Алиса подняла над головой один из автоматических пистолетов, чтобы Клай смог его увидеть, и помчалась дальше, все увеличивая расстояние между ними.

Том догнал Клая, уже тяжело дыша. Джордан бежал рядом с Томом, ничуть не запыхавшись.

— Что... будем... делать... если они... серьезно травмированы? — спросил Том. — Вызовем... «скорую помощь»?

— Не знаю, — ответил Клай, но думал он об Алисе, поднявшей над головой автоматический пистолет. Он знал.

Они догнали Алису за следующим поворотом шоссе. Она стояла рядом с «эскаладой». Автомобиль со сработавшими подушками безопасности лежал на боку. Причину аварии искать не пришлось. «Кадиллак-эскалада» вошел в слепой поворот на скорости порядка шестидесяти миль в час, а впереди его ждал брошенный молоковоз. Водитель, говнюк или нет, сумел-таки вывернуть руль и избежал лобового удара. И теперь, еще не полностью придя в себя, ходил вокруг перевернувшегося внедорожника, откидывая волосы с лица. Кровь текла из носа и из пореза на лбу. Клай подошел к автомобилю, стеклянная крошка хрустела под кроссовками, заглянул в салон. Никого. Посветив фонариком, увидел кровь на рулевом колесе и нигде больше. Пассажирам хватило сил самостоятельно вылезти из салона, и они все, кроме одного, убежали, может, чисто инстинктивно. Остался с водителем низкорослый щуплый парень лет девятнадцати, с лицом, изъеденным шрамами от угрей, кривыми зубами и длинными грязными рыжими волосами. Он не говорил, а тараторил, чем напомнил Клаю маленькую собачку, которая боготворила бульдога Спайка из мультфильмов киностудии «Уорнер бразерс».

— Ты в порядке, Пушках? — спросил он. Клай предположил, что именно так в Южном Бостоне произносят «Пушкарь». — Срань господня, кровь из тебя так и хлещет. Твою мать, я уж думал, что мы — покойники, — потом Клаю: — Чего смотришь?

— Заткнись, — ответил Клай, но с учетом сложившихся обстоятельств беззлобно.

Рыжий указал на Клая, потом повернулся к своему окровавленному другу:

— Он — один из них, Пушках! Это та самая банда!

— Заткнись, Гарольд, — бросил Пушкарь, как раз со злобой. Потом посмотрел на Клая, Тома, Алису и Джордана.

— Давай я перевяжу тебе лоб, — предложила Алиса. Пистолет она уже сунула в кобуру, сняла рюкзак и рылась в нем. — У меня есть и пластырь, и марлевые салфетки, и перекись водорода. Будет, конечно, щипать, но лучше потерпеть, чем занести инфекцию, не так ли?

— С учетом того, как назвал тебя этот молодой человек, проезжая мимо, ты — куда лучшая христианка, чем я был в свои лучшие годы. — Том снял сэра Спида с плеча и держал за ремень, глядя на Пушкаря и Гарольда.

Пушкарю было лет двадцать пять. Его длинные черные волосы рок-вокалиста теперь слиплись от крови. Он посмотрел на молоковоз, на «кадиллак-эскаладу», на Алису, которая уже держала марлевую салфетку в одной руке и пузырек с перекисью водорода в другой.

— Томми, Фрито и тот парень, что постоянно ковырял в носу, они слиняли, — протараторил рыжеволосый слизняк. Как мог, расправил плечи. — А я вот остался, Пушках! Срань господня, дружище, кровь льется, как из свиньи.

Алиса приложила пузырек с перекисью к салфетке и шагнула к Пушкарю. Тот мгновенно отступил на шаг.

— Отвали от меня. Ты — отравка.

— Это они! — прокричал рыжий. — Из снов! Что я тебе говорил!

— Не приближайся ко мне, — выкрикнул Пушкарь. — Гребаная сука. Все вы такие.

Клая вдруг охватило желание пристрелить его, и он этому нисколько не удивился. Пушкарь выглядел, да и вел себя как опасный пес, загнанный в угол, где и стоял, оскалив зубы, готовый укусить, а как поступают с такими псами, когда нет альтернативы? Разве не пристреливают их? Но у них, разумеется, альтернатива была, и если Алиса хотела изображать доброго самаритянина по отношению к подонку, который назвал ее сучкой, Клай полагал, что может воздержаться от экзекуции. Но ему хотелось кое-что выяснить, прежде чем позволить этим

обаятельным молодым людям идти своей дорогой.

— Эти сны, — сказал он. — Вас в них... ну, не знаю... кто-то направлял? Скажем, парень в красном «кенгуру»?

Пушкарь пожал плечами. Оторвал полосу материи от рубашки и вытер кровь с лица. Постепенно он приходил в себя, все в большей степени осознавал, что произошло.

— Гарвард, да. Так, Гарольд?

Рыжий слизняк кивнул.

— Да. Гарвард. Черный парень. Но это не сны. Если ты этого не знаешь, какой смысл говорить тебе? Это гребаная трансляция. Трансляция во сне. Если ты ее не принимаешь, значит, ты — отравка. Не так ли, Пушках?

— Вы, парни, крупно прокололись. — Голос Пушкаря звучал задумчиво, он промокнул лоб. — Не прикасайтесь ко мне.

— У нас будет свое место, — вновь заговорил Гарольд. — Не так ли, Пушках? В Мэне, все так. Кто не получил Импульса, идут туда, и там нас оставят в покое. Охота, рыбалка, будем жить тем, что дает земля. Так говорит этот Гарвард.

— И вы ему верите? — В голосе Алисы слышалось неподдельное изумление.

Пушкарь нацелил на нее палец.

— Заткни пасть, сука.

— Я думаю, тебе лучше заткнуть свою, — ответил Джордан. — Мы вооружены.

— Вы бы лучше дважды подумали, прежде чем стрелять в нас! — пронзительно провозгласил Гарольд. — Подумай, что сделает с вами Гарвард, если вы пристрелите нас, сопляк хренов.

— Ничего, — ответил ему Клай.

— Вы не... — начал Пушкарь, но, прежде чем успел продолжить, Клай шагнул к нему и наотмашь ударил рукой с зажатым в ней револьвером Бет Никерсон. Мушка разорвала кожу на челюсти, но Клай подумал, что это куда лучшее лекарство, чем перекись водорода, от которой отказался Пушкарь. В этом он ошибся.

От удара Пушкарь отлетел на молоковоз и вытаращился на Клая безумными глазами. Гарольд автоматически шагнул вперед. Том навел на него сэра Спиди и мотнул головой. Один раз. Гарольд сжался, отпрянул, принялся грызть грязные ногти. Глаза вдруг стали огромными и влажными.

— Сейчас мы уйдем, — заговорил Клай. — Советую вам задержаться здесь на час, если вы действительно не хотите нас больше видеть. Ваши жизни мы оставляем вам в подарок. Если увидим вас еще раз, заберем их. — Он отступил на шаг, к Тому и остальным, не сводя глаз с окровавленного лица человека, который просто не мог поверить, что такое происходит с ним. А Клай представлял себя Френком Баком, укротителем львов из далекого прошлого, который основным элементом дрессировки полагал силу воли. — И еще. Я не знаю, почему мобилолюди хотят, чтобы все нормы пришли в Кашвак, но мне известно, что загоны обычно устраивают для скота. Вы можете подумать об этом в следующий раз, получая очередную мозговую трансляцию.

— Да пошел ты, — фыркнул Пушкарь, но глаза отвел, уставился на свою обувь.

— Клай, — позвал Том. — Не будем терять времени.

— И не попадайся больше нам на глаза, Пушкарь, — напоследок предупредил Клай.

Но он попался.

Пушкарь и Гарольд каким-то образом их обогнали, может, рискнули и прошли пять или десять миль при свете дня, пока Клай, Том, Алиса и Джордан спали в мотеле «Пограничный», который располагался уже в штате Мэн, но в каких-то двухстах ярдах от Нью-Хэмпшира. Эта парочка, должно быть, затаилась на площадке отдыха Салмон-Фоллс, и Пушкарь у прятал свой новый автомобиль среди полудюжины брошенных там. По большому счету значения это не имело. Главное состояло в том, что Пушкарь и Гарольд обогнали их, дождались, пока они появятся, и ударили из засады.

Клай не обратил особого внимания ни на нарастающий рев двигателя, ни на реплику Джордана: «А вот и очередной спринтер». Они уже находились в его родных краях, и когда проходили очередной знакомый ориентир (рыбный ресторан «Френо лобстер паунд» в двух милях восточнее мотеля «Пограничный», кафе-мороженое «Шейкис тэсти фриз», статую генерала Джошуа Чемберлена на крохотной городской площади Тербулла), у него нарастало ощущение, что все это не явь, а очень яркий сон. Он просто не мог поверить, что они уже в Мэне, пока вновь не увидел большущий пластмассовый рожок с мягким мороженым над крышей «Шейкис». Выглядел этот рожок и прозаично, и экзотично, словно материализовался из кошмара безумца, ввинчиваясь закругляющимся острием мороженого в звездное небо.

— Дорога слишком забита для спринтера, — прокомментировала Алиса.

Они сошли на обочину, когда фары осветили вершину холма, который они уже миновали. Перевернутый пикап лежал на разделительной белой линии. Клай подумал, что догоняющий их автомобиль скорее всего врежется в пикап, но фары ушли влево буквально через мгновение после того, как автомобиль миновал вершину. Спринтер легко разминулся с пикапом и тут же с обочины вернулся на проезжую часть. Позже Клай предположил, что Пушкарь и Гарольд разведали этот участок дороги и отметили все «риффы».

Они стояли наблюдая, Клай — ближе всех к приближающимся фарам, Алиса — слева от него, Том и Джордан — левее Алисы. Том обнимал Джордана за плечи.

— Быстро, однако, едет, — сказал Джордан. Тревоги в его голосе не было, он лишь комментировал то, что видел. Не ощущал тревоги и Клай. Не возникло у него предчувствия дурного. Он напрочь забыл и Пушкаря, и Гарольда.

Футах в пятидесяти западнее того места, где они стояли, застыл какой-то спортивный автомобиль, может, «эм-джи», двумя колесами на обочине, двумя — на проезжей части. Гарольд, который сидел за рулем автомобиля-спринтера, взял в сторону, чтобы разминуться с ним. Взял чуть-чуть, но, возможно, этого хватило, чтобы сбить прицел Пушкарю. Может, и нет. Может, в Клая он и не целил. Может, он с самого начала хотел попасть в Алису.

В эту ночь они выбрали неприметный «шевроле-седан». Пушкарь стоял на коленях на заднем сиденье, по пояс высунувшись из окна. В руках он держал зазубренный кусок шлакоблока. Издал нечленораздельный крик, прямо-таки как со страниц комиксов, которые рисовал Клай: «Йааххх!» — и бросил шлакоблок. В темноте тот проделал короткий, смертоносный путь и ударил Алису в голову. Клай навсегда запомнил звук, которым сопровождался этот удар. Фонарь, который она держала в руке (и который помог Пушкарю прицелиться, хотя они все шли с зажженными фонарями), выскользнул из расслабившихся пальцев, упал на дорогу, и конус света выхватил из темноты асфальт, камешки на обочине и осколок стекла стоп-сигнала, который сверкал, как фальшивый рубин.

Клай упал на колени рядом с девушкой, принялся звать по имени, но не услышал свой голос во внезапном грохоте сэра Спиди, который наконец-то проходил проверку. Дульные

вспышки разгоняли темноту, и в их свете он видел кровь, потоком струящуюся по левой стороне лица Алисы (*Господи, и что стало с этим лицом*).

Потом стрельба прекратилась. Том кричал: «Ствол поднимался вверх, я не мог удержать его внизу, думаю, я выпустил весь рожок в небо!», и Джордан кричал: «Она ранена? Он в нее попал?» — а Клай думал о том, как она предлагала Пушкарю протереть лоб перекисью водорода, потом перевязать рану. «Будет, конечно, щипать, но лучше потерпеть, чем занести инфекцию, не так ли?» А теперь он должен останавливать кровотечение. И останавливать быстро. Он скинул куртку, в которой был. Потом свитер. Решил использовать свитер, повязать им голову, как гребаным тюрбаном.

Прыгающий луч фонаря Тома нашел кусок шлакоблока и замер. На шлакоблоке остались кровь и волосы. Джордан это увидел и начал кричать. Клай, тяжело дыша, безумно потея, несмотря на ночной холод, принялся заворачивать голову Алисы в свитер, который мгновенно пропитался кровью. Клаю казалось, что на руках его влажные теплые перчатки. Луч фонаря Тома переместился на Алису. С головой, завернутой в свитер по нос, она напоминала пленницу исламских экстремистов на какой-нибудь интернетовской фотографии, ее щеку (то, что осталось от щеки) и шею покрывала кровь. Начал кричать и Том.

«Помогите мне, — хотелось сказать Клаю. — Перестаньте орать, вы оба, и помогите мне с ней». Но с губ не сорвалось ни звука, так что ему оставалось лишь прижимать пропитавшийся кровью свитер к ставшей податливой стороне головы, вспоминать, как текла у Алисы кровь, когда они впервые встретились с ней, думать, что в тот раз она оклемалась, в тот раз все пришло в норму.

Руки ее конвульсивно подергивались, пальцы отбрасывали щепотки придорожной грязи. *Хоть бы кто-нибудь дал ей ее кроссовку*, подумал Клай, но кроссовка была в рюкзаке, на котором сейчас лежала Алиса. Лежала с разбитой головой, и голову ей разбил человек, решивший свести с ними пустяковый счет. Ее ноги тоже подергивались, он видел и чувствовал, как из нее выливается кровь, через свитер, ему на руки.

Вот мы и на конце света, подумал он. Посмотрел на небо и увидел вечернюю звезду.

Она полностью не отключилась, но и не приходила в сознание. Том взял себя в руки и помог отнести Алису вверх по склону. Там росли деревья, насколько помнил Клай, яблоневый сад. Он подумал, что он и Шарон как-то приезжали сюда собирать яблоки, когда Джонни был совсем маленький. Тогда в семье царил мир, и не было никаких споров на предмет денег, честолюбия и будущего.

— Вроде бы нельзя переносить людей с тяжелыми ранами головы, — лепетал Джордан, который плелся следом с рюкзаком в руках.

— Тут волноваться не о чем, — ответил Клай. — Она — не жилец на этом свете, Джордан. Во всяком случае, с такой раной. Я не думаю, что ей смогли бы помочь и в больнице. — Он увидел, как изменилось лицо Джордана. Света для этого хватало. — Мне очень жаль, но...

Они положили ее на траву. Том попытался дать ей воды из бутылки с наконечником-дозатором, и она действительно немного попила. Джордан сунул ей в руку кроссовку, «беби панк», и она ее взяла, сжала, оставив на ней кровавые следы. Потом они стали ждать ее смерти. Ждали всю ночь.

«Папа сказал, что я могу съесть остальное, поэтому не ругайте меня». — Эти слова она произнесла около одиннадцати. Ее голова лежала на рюкзаке Томя, в который он засунул одеяло. Они унесли его из мотеля «Милая долина». Располагался мотель на окраине Метуэна, но казалось, что они ночевали там в другой жизни. Лучшей жизни. Рюкзак уже пропитался кровью. Ее единственный оставшийся глаз смотрел па звезды. Левая рука с разжатыми пальцами лежала на траве. Не двигалась уже больше часа. Правая рука яростно сжимала крохотную кроссовку. Сжимала... и расслаблялась. Сжимала... и расслаблялась.

— Алиса, ты хочешь пить? — спросил Клай. — Хочешь еще воды?

Она не ответила.

Позже, по часам Клая, в двенадцать сорок пять, она спросила кого-то, можно ли ей пойти искупаться. Через десять минут сказала: «Мне не нужны эти тампоны, эти тампоны грязные», — и засмеялась. Засмеялась совершенно естественно, напугав Клая и Тома и разбудив Джордана, который задремал. Он увидел, какой она стала, и начал плакать. Отошел в сторону. Когда Том попытался сесть рядом и успокоить, Джордан закричал, требуя, чтобы его оставили одного.

В четверть третьего по дороге под ними прошла большая группа норми. Множество фонарей рассекали темноту. Клай подошел к краю склона, крикнул: «Нет ли среди вас врача?» — без особой надежды.

Фонари остановились. Темные фигуры внизу пошептались, потом ему ответил женский голос, красивый голос: «Оставьте нас в покое. Вы — неприкасаемые».

Том присоединился к Клаю.

— И левит^[120] тоже прошел мимо по другой стороне, — крикнул он вниз. — Для вас, женщина, если вы не знаете Библии, скажу проще: «Пошла на хер!»

За их спинами Алиса внезапно произнесла ясно и четко: «С мужчинами в том автомобиле разберутся. Не для того, чтобы оказать вам услугу, а в назидание остальным. Вы понимаете».

Холодными пальцами Том ухватил Клая за запястье.

— Господи Иисусе, судя по голосу, она пришла в себя.

Клай взял руку Тома в свои, сжал.

— Это не она. Это тот парень в красном «кенгуру», использует ее как... как динамик.

В темноте глаза Тома стали огромными.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю, — ответил Клай.

Под ними, на дороге, фонари пришли в движение. Скоро исчезли, чему Клай только порадовался. Происходящее здесь касалось только их и никого больше.

В половине четвертого, в разгаре ночи, Алиса сказала: «Мамик, как все плохо! Розы увядают, этот сад погиб, — и тут же голос стал веселее: — Снег будет? Мы слепим крепость, мы слепим лист, мы слепим птичку, мы слепим птичку, мы слепим руку, синюю руку... мы...» — Она замолчала, глядя на звезды, которые поворачивали ночь, как пружина — стрелки часов. Ночь выдалась холодной. Они укрыли Алису чем только можно. Воздух выходил из ее рта паром. Кровотечение наконец-то прекратилось. Джордан сидел рядом с ней, поглаживая ее левую руку, которая уже умерла и ждала, когда к ней присоединится все тело.

— Сыграй ту плавную мелодию, которая мне нравится, — попросила она. — «Холла и Оутса»^[121].

Без двадцати пять она сказала: «Это самое прекрасное платье». Они все собрались вокруг нее. Клай сказал, что она, по его мнению, уходит.

— Какого оно цвета, Алиса? — спросил Клай, не ожидая ответа, но она *ответила*:

— Зеленого.

— Куда ты его наденешь?

— Дамы проходят к столу. — Она по-прежнему сжимала кроссовку, но пальцы двигались гораздо медленнее. Кровь на разбитой стороне лица подсохла, блестела в свете фонарей, как эмаль. — Дамы проходят к столу, дамы проходят к столу. Мистер Рикарди остается на своем посту, и дамы проходят к столу.

— Совершенно верно, дорогая, — мягко заметил Том. — Мистер Рикарди остался на своем посту, не так ли?

— Дамы проходят к столу. — Ее оставшийся глаз повернулся к Клаю, и второй раз она заговорила не своим голосом. На этот раз произнесла только четыре слова: «Твой сын у нас».

— Ты лжешь, — прошептал Клай. Его кулаки сжались, он с трудом сдержался, чтобы не ударить умирающую девушку. — Мерзавец, ты лжешь.

— Дамы проходят к столу, и мы все пьем чай, — сказала Алиса.

Небо на востоке просветлело. Том, который сидел рядом с Клаем, осторожно коснулся его руки.

— Если они читают мысли, то могли узнать, что ты страшно тревожишься из-за сына так же легко, как ты узнавал что-то в «Гугле». Этот парень мог использовать Алису, чтобы достать тебя.

— Я знаю, — ответил Клай. Он знал и кое-что еще: сказанное ею голосом Гарварда могло соответствовать действительности. — Знаешь, о чем я постоянно думаю?

Том покачал головой.

— Когда он был маленьким, в три или четыре годика, мы с Шарон тогда еще ладили и звали его Джонни-мальш, он прибежал всякий раз, когда звонил телефон. Кричал: «Это меня! Это меня!» Нас это поражало. А если звонила его бабушка или дедушка, мы говорили: «Это тебя», — и давали ему трубку. Я до сих пор помню, какой огромной эта гребаная штуковина выглядела в его миниатюрных ручонках... когда он прижимал ее к уху...

— Клай, прекрати.

— А теперь... теперь... — продолжить он не смог. Да и нужды не было.

— Идите сюда! — позвал Джордан. Голос его переполняла боль. — Скорее.

Они вернулись к Алисе. Судорога оторвала девушку от земли, изогнула дугой. Оставшийся глаз выпучился, уголки губ опустились. Затем, внезапно, все тело расслабилось.

Она произнесла имя, которое ничего для них не значило: «Генри», — и в последний раз сжала кроссовку. Потом пальцы разжались, и кроссовка выскользнула из них. Алиса выдохнула, и последнее белое облачко, слабенькое, почти прозрачное, просочилось меж ее губ.

Джордан перевел взгляд с Клая на Тома, вновь посмотрел на Клая.

— Она?..

— Да, — кивнул Клай.

Джордан разрыдался. Клай позволил Алисе еще несколько секунд смотреть на гаснущие звезды, потом закрыл глаз ладонью.

Недалеко от сада находился фермерский дом. Они нашли лопаты в одном из сараев и похоронили ее под яблоней, с крошечной кроссовкой в руке. Все согласилось, что она бы хотела, чтобы кроссовка осталась с ней навсегда. Потом, по просьбе Джордана, Том продекламировал сороковой псалом, хотя на этот раз последние слова дались ему с превеликим трудом. Потом каждый из них рассказал о том, какой им запомнилась Алиса. Во время этой импровизированной службы мимо них прошло стадо мобилолюдей, небольшое. Их заметили, но не тронули. Клая это совершенно не удивило. Они же были безумными, неприкасаемыми... и он не сомневался, Пушкарь и Гарольд горько пожалеют о том, что ослушались.

Большую часть дня они проспали в фермерском доме, а потом направились к Кент-Понду. Клай более не рассчитывал застать там сына, но не потерял надежды найти весточку от него, может, и от Шарон. Известие о том, что она жива, могло бы чуть разогнать тоску, которая навалилась на него, давила, прижимала к земле, словно плащ с подкладкой из свинца.

Его старый дом (дом, в котором Джонни и Шарон жили, когда прошел Импульс) находился на Ливери-лейн, в двух кварталах севернее неработающего светофора, который считался географическим центром Кент-Понда. В объявлениях о продаже недвижимости про такие дома обычно писали, что они требуют ремонта (отсюда и низкая цена) или называли «домом для молодоженов», то есть также подчеркивали, что стоит он недорого. Клай и Шарон шутили (до того, как разъехались), что этот «дом для молодоженов» скорее всего станет для них и «домом пенсионеров». А когда Шарон забеременела, они говорили о том, что назовут ребенка Оливия, если родится девочка. «В этом случае, — заявляла Шарон, — только у нас будет Ливви с Ливери-лейн». Как же они тогда смеялись.

Клай, Том и Джордан (бледный Джордан, задумчиво-молчаливый Джордан, который теперь обычно реагировал на вопрос, если он задавался ему второй, а то и третий раз) прибыли на перекресток Главной улицы и Ливери-лейн сразу после полуночи ветреной ночи второй недели октября. Клай диким взглядом уставился на знак «Стоп» у выезда с улицы, на которой последние четыре месяца он бывал только гостем. Знак марала нанесенная аэрозольной краской надпись «АТОМНАЯ ЭНЕРГЕТИКА», как и до его отъезда в Бостон. СТОП... АТОМНАЯ ЭНЕРГЕТИКА. СТОП...

АТОМНАЯ ЭНЕРГЕТИКА. Он не мог понять смысла. Значение понимал, тут вопросов не было, чье-то умное политическое заявление (если бы он обошел город, то, наверное, обнаружил бы такую же надпись на всех знаках «СТОП», даже в соседних городах, скажем, Спрингвейле и Эктоне), но совершенно не понимал, как смысл мог остаться прежним, если мир совершенно переменялся. У Клая возникло ощущение: если он будет долго и пристально смотреть на знак, «СТОП... АТОМНАЯ ЭНЕРГЕТИКА», то в нем откроется портал, тоннель-во-времени, как в научно-фантастических романах, и по этому тоннелю он попадет в прошлое, где все будет, как и раньше. Без Импульса и его последствий.

— Клай? — позвал Том. — Ты в порядке?

— Это моя улица, — ответил Клай, словно его слова все объясняли, а потом, не отдавая себе отчета в том, что делает, побежал.

Ливери-лейн была тупиком, как и все улицы на этой стороне города. Поднималась от Главной, а другим концом упиралась в Кентский холм, который на самом деле был изъеденной ветром и солнцем горой. Дубы кронами смыкались над улицей, поэтому что тротуар, что проезжую часть устилала опавшая листва, которая хрустела под ногами. Хватало на улице и заглохших автомобилей. Два столкнулись лоб в лоб, их радиаторные решетки слились в жарком металлическом поцелуе.

— Куда он побежал? — послышался позади голос Джордана. Клаю стало дурно от страха, который звучал в голосе, но он не мог остановиться.

— Все нормально, — ответил мальчику Том. — Пусть бежит.

Клай лавировал между брошенными автомобилями, луч фонаря мельтешил впереди. После очередного зигзага луч этот уперся в лицо мистера Кретски. Мистер Кретски всегда давал Джонни леденец, когда того приводили к нему стричься. Джонни еще был Джонни-мальшом, который кричал: «Это меня! Это меня!» — если в доме звонил телефон. Мистер Кретски лежал на тротуаре перед своим домом, наполовину заваленный опавшими дубовыми листьями, а нос у него отъели.

Я не найду их мертвыми, эта мысль билась в голове, снова и снова. Тем более после Алисы. Я не найду их мертвыми, а потом пришла другая мысль, жуткая (но в критические моменты его

разум всегда говорил правду). *Если уж суждено найти мертвым кого-то из них... пусть это будет она.*

Их дом был последним по левую руку («последний слева», о чем раньше он всегда напоминал Шарон, обязательно со злобным смешком [\[122\]](#), даже после того как шутка приелась), и подъездная дорожка упиралась в отремонтированный гараж, в котором едва хватало места на один автомобиль. Клай уже выдохся, но не сбавил скорости. Побежал по подъездной дорожке, разбрасывая листву, чувствуя, как закололо в боку, как во рту появился неприятный медный привкус, как воздух режет горло. Поднял фонарик и направил его в гараж.

Пусто. Вопрос в том, хорошо это или плохо?

Повернувшись, увидел, как пляшущие лучи фонарей Тома и Джордана движутся к нему, и направил свой на дверь черного хода. От увиденного сердце запрыгнуло аж в глотку. Он взбежал по трем ступенькам на крыльцо, споткнулся и чуть не пробил рукой лицевую панель, пытаясь сорвать со стекла записку, приклеенную лишь полоской скотча. Если бы они пришли на час позже, может, даже на полчаса, безжалостный ночной ветер сорвал бы ее и унес за леса и поля. Клай мог бы убить жену за то, что она не потрудились как следует закрепить записку, и такое разгильдяйство отличало ее во всем, да только...

Записку оставила не Шарон.

Джордан подошел к крыльцу, остановился у первой ступеньки, направил луч фонаря на Клая. Том тащился следом, тяжело дыша, при каждом шаге громко шуршал листьями. Встал рядом с Джорданом и направил луч фонаря на листок в руке Клая. Потом медленно поднял его к лицу художника, который застыл, словно пораженный громом.

— Я забыл про чертов диабет ее матери, — и он протянул им записку, которую нашел на двери, приклеенную скотчем. Том и Джордан прочитали ее вместе:

«Папочка!

Случилось ужасное как ты наверное знаешь, я надеюсь что ты в порядке и прочитаешь это. Митч Страйнман и Джордж Гендрон сейчас со мной, люди сходят с ума, и мы думаем из-за мобильных. Папа вот самое плохое, мы пришли сюда потому что я боялся. Я собирался разбить свой если бы я ошибся. Но я не ошибся, его не было. Мама взяла его с собой, потому что ты знаешь бабушка больна и ей хотелось чаще с ней перезваниваться. Богом клянусь, я ужасно перепугался, потому что кто-то убил мистера Кретски. Множество людей мертвы или рехнулись, как в каком-то фильме ужасов, но мы слышали, что люди собираются вместе (НОРМАЛЬНЫЕ люди) в здании муниципалитета, и туда мы собираемся пойти. Может мама уже там, но господи она взяла мой МОБИЛЬНИК Папочка если ты доберешься сюда, ПОЖАЛУЙСТА, ПРИДИ ЗАБЕРИ МЕНЯ

Твой сын,

Джон Гейвин Ридделл»

Том дочитал записку, потом заговорил, и мягкая вкрадчивость его голоса напугала Клая сильнее, чем могло напугать лобовое предупреждение.

— Ты знаешь, что люди, которые собрались в муниципалитете, могли разойтись кто куда, не так ли? Минуло десять дней, и за это время мир основательно потрянула.

— Знаю, — ответил Клай. Глаза жгло, и он чувствовал, что в голосе появляется дрожь. — И я знаю, что его мать, возможно... — Он пожал плечами и махнул рукой в темноту, указывая на мир, который находился за пределами засыпанной опавшими листьями подъездной дорожки. — Но, Том, я должен пойти в муниципалитет и посмотреть. Может, они написали, куда пошли. Может, он написал.

— Да, — кивнул Том. — Разумеется, ты должен. А уж там мы решим, что делать дальше. — В его голосе по-прежнему слышалась только доброта, и Клаю даже хотелось, чтобы он рассмеялся и сказал что-то вроде: «Да перестань, наивный ты наш... неужели ты действительно думаешь, что увидишь его вновь? Спустись на гребаную землю».

Джордан прочитал записку второй раз, может, в третий и четвертый. Несмотря на горе и ужас, которые охватили Клая, ему хотелось извиниться перед Джорданом за ошибки, с которыми сын написал письмо, напомнить Джордану, что Джонни находился в стрессовом состоянии, писал на крыльце, согнувшись в три погибели, тогда как его друзья наблюдали за творившимся внизу хаосом.

Джордан опустил письмо.

— Как выглядит ваш сын?

Клай хотел спросить, к чему этот вопрос, потом решил, что не хочет знать ответа. По крайней мере пока не хочет.

— Джонни на голову ниже тебя. Коренастый. С темно-каштановыми волосами.

— Не худой? Не блондин?

— Нет, это его друг, Джордж.

Джордан и Том переглянулись. Взгляды эти были печальны, но, по мнению Клая, в них читалось и облегчение.

— Что? — спросил он. — Что вы видели? Скажите мне.

— На другой стороне улицы, — ответил Том. — Ты не заметил, потому что бежал. В трех домах ниже мертвый мальчик. Светловолосый, худенький, с красным рюкзаком...

— Это Джордж Гендрон, — ответил Клай. Он знал красный школьный рюкзак Джорджа, как и синий ранец Джонни со светоотражающими полосками. — В четвертом классе он и Джонни вместе построили макет деревни пуритан. Получили по пятерке с плюсом. Джордж не мог умереть... увы, конечно же, мог. — Клай сел на крыльцо, которое привычно скрипнуло под его весом, и закрыл лицо руками.

Муниципалитет находился на углу Понд-стрит и Милл-стрит, напротив городского парка и озера, которое дало название городу^[123]. Стоянка практически пустовала, если не считать мест, отведенных для машин сотрудников, потому что брошенные автомобили полностью перекрыли обе улицы, ведущие к большому белому викторианскому зданию. Люди подъезжали насколько возможно близко, а потом шли пешком. Опоздавшим вроде Кларк, Тома и Джордана каждый ярд давался с трудом. Уже в двух кварталах от муниципалитета автомобили забили и лужайки перед домами. Полдюжины домов сгорели. Некоторые пожарища еще дымились.

Клай накрыл одеялом тело мальчика на Ливери-лейн (это действительно был Джордж, друг Джонни), но они ничем не могли помочь десяткам, может, и сотням раздувшихся и разлагающихся тел, которые встретились им, пока они медленно пробирались от Ливери-лейн к муниципалитету Кент-Понда. В темноте Клай никого не узнавал. Возможно, не узнал бы и при дневном свете. Вороны в эти полторы недели трудились без отдыха.

Мысли его продолжали возвращаться к Джорджу Гендрону, который лежал лицом вниз, на окровавленных листьях. В записке Джонни указал, что с ним были Джордж и Митч, еще один его близкий друг из седьмого класса. И то, что случилось с Джорджем, произошло уже после того, как Джонни приклеил записку скотчем к двери черного хода, и они втроем покинули дом Ридделлов. А поскольку на окровавленных листьях остался только Джордж, Клай мог предположить, что Джонни и Митч ушли с Ливери-лейн живыми.

Разумеется, мы ничего не можем предполагать, человек предполагает, а Бог располагает, подумал он. *Евангелие от Алисы Максвелл, пусть она покоится с миром.*

И действительно, убийца Джорджа мог преследовать их и поймать где-то еще. На Главной улице, на Дагуэй-стрит, может, на Лорел-уэй. Насадить па разделочный нож из шведской стали или на пару автомобильных антенн...

Они добрались до края автомобильной стоянки муниципалитета. Слева пикап попытался добраться туда по земле и застрял в болотистой канаве в каких-нибудь пяти ярдах от края цивилизованного (и по большей части пустынного) асфальта. Справа лежала женщина с рваными ранами на шее, и птицы расцвели ее лицо черными дырами и кровавыми полосами. На голове осталась бейсболка «Портлендских тюленей»^[124], на руке — сумочка.

Деньги убийц больше не интересовали.

Том положил руку ему на плечо. Клай даже вздрогнул.

— Перестань думать о том, что могло бы произойти.

— Откуда ты знаешь...

— Для этого не нужно читать мысли. Если ты найдешь тут своего сына, а я склонен думать, что не найдешь, я уверен, он расскажет тебе всю историю. В противном случае... разве это имеет значение?

— Нет. Разумеется, нет. Но, Том... я знал Джорджа Гендрона. Дети иногда называли его Коннектикутом, потому что его семья приехала оттуда. Он ел хот-доги и гамбургеры у нас во дворе. Его отец приходил к нам, и мы вместе смотрели матчи с участием «Патриотов».

— Знаю, — кивнул Том. — Знаю. — А потом добавил, резко, Джордану: — Перестань на нее смотреть, Джордан, она не встанет и не пойдет.

Джордан проигнорировал его слова, продолжал смотреть на женщину с исклеванным воронами лицом.

— Мобилоиды начали заниматься своими покойниками, как только вышли на какой-то базовый программный уровень, — сказал он. — Пусть они только вытаскивали трупы из-под

трибун и скидывали в болота, они что-то пытались сделать. Но на наши трупы им наплевать. Они оставляют их гнить там, где они упали. — Он повернулся к Клаю и Тому. — Что бы они ни говорили, чего бы ни обещали, мы не можем им доверять. — В голосе его звучала ярость. — *Не можем, понимаете?*

— Я полностью с этим согласен, — ответил Том.

— Я тоже, — поддержал его Клай.

Том мотнул головой в сторону муниципалитета. На здании еще светились несколько ламп аварийного освещения, работающих от аккумуляторов с длительным сроком эксплуатации. Они отбрасывали болезненно-желтый свет на машины сотрудников, которые постепенно заметало опавшей листвой.

— Пойдем туда и посмотрим, что они после себя оставили.

— Да, пойдём, — выдохнул Клай. Джонни ушел, в этом сомнений у него не было, но какая-то малая его часть, ребяческая, никогда не теряющая оптимизма, продолжала надеяться, что, войдя в муниципалитет, он услышит крик: «Папочка!» — и его сын бросится ему в объятия, живой, реальный, не то что фантазмагория всего этого кошмара.

Они поняли, что в муниципалитете никого нет, как только увидели надпись на двойных дверях. В слабеющем свете аварийных ламп красная краска, нанесенная широкими, неряшливыми мазками, более всего напоминала засохшую кровь:

КАШВАК = НЕТ-ТЕЛ

— Как далеко отсюда до Кашвака? — спросил Том.

Клай задумался.

— Я бы сказал, восемьдесят миль, практически точно на север. Большую часть пути можно проехать по шоссе 160, но как ехать, попав в ТР, я не знаю.

— А что именно представляет собой эта ТР? — спросил Джордан.

— Практически необжитая территория. Там есть пара городков, несколько каменоломен, захолустная резервация индейцев микмак^[125] на севере, но в основном это леса, медведи и олени. — Клай потянул за ручку и дверь тут же открылась. — Я хочу посмотреть, что внутри. Если у вас нет желания зайти... имеете право.

— Нет, мы зайдем, — покачал головой Том. — Не так ли, Джордан?

— Конечно. — Джордан вздохнул, словно ему предстояло выполнить какое-то сложное задание. Потом улыбнулся. — Смотрите, электрические лампочки. Кто знает, когда нам удастся увидеть их вновь.

Джонни Ридделл не выскочил из темной комнаты, чтобы броситься в объятия отца, но в помещениях стоял запах готовки на газовых плитках и жаровнях с грилем, которыми пользовались люди, собравшиеся здесь после Импульса. В коридоре у зала собраний на длинной доске объявлений, где обычно вывешивалась информация о текущих городских делах и грядущих событиях, теперь висели порядка двух сотен записок. Клай, который от напряжения едва мог дышать, принялся изучать их с рвением ученого, уверенного, что нашел потерянное Евангелие от Марии Магдалины. Боялся того, что может найти, и был в ужасе от мысли, что записки для него не будут вовсе. Том и Джордан тактично удалились в конференц-зал, забросанный мусором, оставшимся после беженцев, которые, похоже, провели в здании муниципалитета несколько дней и ночей, дожидаясь помощи, но она так и не подоспела.

Читая записки, Клай понял, к какому выводу пришли выжившие: они могут надеяться на нечто большее, чем помощь. Они поверили, что в Кашваке их ожидало спасение. Почему именно в этом городе, если на всей территории TP-90 (особенно на севере и западе) сотовая связь — что прием, что передача сигнала — отсутствовала? Записки на доске объявлений этого момента не проясняли. Большинство их авторов предполагали, что читатели все поймут без разъяснений. То есть «все знают, все идут». Но даже те, кто пытался что-то объяснить, разрывались между жутким ужасом и эйфорией и с трудом удерживали эмоции под контролем. Так что речь в записках в основном шла о «желтой кирпичной дороге^[126] в Кашвак и скорейшем спасении».

Оставив позади три четверти доски объявлений, Клай наконец-то нашел листок со знакомым округлым почерком сына (этот листок наполовину скрыла записка Айрис Нолан, женщины, которую он хорошо знал: она на добровольных началах работала в крохотной библиотеке города) и подумал: *Дорогой Боже, спасибо Тебе. Огромное Тебе спасибо.* Осторожно снял записку с доски, стараясь не порвать.

Датирована она была 3 октября. Клай попытался вспомнить, где находился в ночь 3 октября. Получалось не очень. В амбаре в Норт-Ридинге или в мотеле «Суит-вэли инн», около Метуэна? Вроде бы в амбаре, но утверждать этого не мог. Все как-то сжалось во времени, перемешалось, и когда он очень уж пытался сосредоточиться, то мужчина с фонарями, закрепленными у висков, сливался с молодым человеком, протыкающим воздух автомобильными антеннами, мистер Рикарди уходил из жизни не повесившись, а наевшись осколками стекла, и в огороде Тома огурцы и помидоры срывала и жрала Алиса.

— Прекрати, — прошептал он и сосредоточился на записке. Ошибок меньше, текст лучше скомпонован, но охвативший автора ужас чувствовался очень уж явственно.

3 окт.

Дорогой папа!

Я надеюсь, ты жив и получишь эту записку. Я и Митч в порядке, но Хью Дардан схватил Джорджа и, думаю убил его. Я и Митч просто бежали быстрее. Я чувствовал, что это моя вина но Митч, он сказал, как ты мог знать, он Всего лишь мобилоид, как и остальные, а в этом твоей вины нет.

Папочка, это не самое худшее. Мама — одна из них, я видел ее сегодня в одном из «стад». (Так их здесь называют — стадами), выглядит она не так плохо, как некоторые, но я знаю, если выбегу к ней, она меня не узнает и убьет, как только увидит. ЕСЛИ УВИДИШЬ ЕЕ, НЕ ДАЙ СЕБЯ ОБМАНУТЬ, Я СОЖАЛЕЮ НО ЭТО ПРАВДА.

Мы собираемся в Кашвак (это на севере) завтра или на следующий день. Мать Митча

здесь, и я так завидую), что готов его убить. Пазпочка, Я знаю, у тебя нет мобильного, и всем здесь известно о Кашваке, какое это безопасное место. Если ты получишь эту записку **ПОЖАЛУЙСТА**

ПРИДИ И ЗЕБЕРИ МЕНЯ.

Я люблю тебя всем Сердцем,

Твой сын,

Джон Гейвин Гидделл.

Даже узнав про Шарон, Клай держался, пока не прочитал: «Я люблю тебя всем Сердцем». Может, и тут совладал бы с нервами, если бы не заглавное С. Он поцеловал подпись своего двенадцатилетнего сына, посмотрел на доску объявлений (глаза его уже мало что видели, перед ними все двоилось, троилось, перемешивалось) и из груди исторгся крик боли. Том и Джордан прибежали тут же.

— Что, Клай? — спросил Том. — Что? — увидел листок бумаги, разлинованный желтый листок из блокнота, и выхватил из руки Клая. На пару с Джорданом они прочитали записку Джонни.

— Я иду в Кашвак. — Голос у Клая сел.

— Клай, возможно, это не самая лучшая идея, — осторожно заметил Джордан. — С учетом того, что мы сделали в Гейтенской академии.

— Мне без разницы. Я иду в Кашвак. Я должен найти своего сына.

Беженцы, укрывшиеся в муниципалитете Кент-Понда, оставили немало припасов после того, как отправились, вероятно, все вместе, в ТР-90 и Кашвак. Клай, Том и Джордан поели консервированного куриного салата с черствым хлебом, на десерт открыли банки с фруктовым салатом.

Когда они поели, Том наклонился к Джордану и что-то ему шепнул. Мальчик кивнул. Оба встали.

— Не будешь возражать, если мы выйдем на пару минут, Клай? Нам с Джорданом нужно кое-что обсудить.

Клай кивнул. Как только они ушли, он открыл еще одну банку с фруктовым салатом и прочитал записку Джонни в девятый или десятый раз. Собственно, он и так уже помнил ее наизусть. Так же четко он помнил и смерть Алисы, только случилось это как будто в другой жизни, с другим Клайтоном Ридделлом. С более ранним, черновым вариантом, что ли.

Он доел салат и уже убирал письмо в карман, когда из коридора появились Том и Джордан, словно адвокаты, вышедшие посоветоваться во время судебного заседания, как в те дни, когда еще были адвокаты. Том вновь обнял Джордана за узкие плечи. Радости на лицах не читалось, но выглядели они спокойными и сосредоточенными.

— Клай, — начал Том, — мы все обсудили и...

— Вы не хотите идти со мной, я вас очень хорошо понимаю.

— Я знаю, это ваш сын и все такое, — заговорил Джордан, — но...

— И ты знаешь, он — единственное, что у меня осталось. Его мать... — С губ Клая сорвался короткий, лишенный веселья смешок. — Его мать. Шарон. Нет, это просто ирония судьбы. После всех моих волнений о том, что эта чертова маленькая красная гремучая змея укусит его... Будь у меня выбор, я бы выбрал ее. — Вот, он высказался. Словно из горла выскочил кусок мяса, который мог перегородить гортань. — И знаешь, что я теперь чувствую? Будто я предложил дьяволу сделку, и дьявол пошел мне навстречу.

Том его признание проигнорировал. Когда заговорил, тщательно подбирая слова, чтобы Клай не взорвался, как неразведанное минное поле:

— Они нас ненавидят. Они начали с того, что ненавидели всех, а теперь перешли во вторую фазу и ненавидят только нас. Что бы ни происходило в Кашваке, идея принадлежала им, а потому ничего хорошего ждать не приходится.

— Если они переходят на какой-то более высокий уровень перезагрузки, они, возможно, доберутся до уровня «живи-и-давай-жить-другим», — ответил Клай. Уговоры не имели смысла, и они оба не могли этого не понимать. Он должен идти в Кашвак.

— Я в этом сомневаюсь, — покачал головой Джордан. — Помните, что вы говорили о желобе к бойне?

— Клай, мы — нормы, и это первый страйк, — гнул свое Том. — Мы сожгли одно из их стад, и это второй и третий страйки ^[127] вместе взятые. «Живи и давай жить другим» к нам не относится.

— Как это может к нам относиться? — добавил Джордан. — Порватый говорит, что мы — безумцы.

— И неприкасаемые, — напомнил Клай. — Так что со мной все будет в порядке, так?

Собственно, больше говорить было не о чем.

Том и Джордан решили пойти на запад, через Нью-Хэмпшир в Вермонт, оставив КАШВАК = НЕТ-ТЕЛ за спиной (и за горизонтом), как можно быстрее. Клай сказал, что шоссе 11, которое делало изгиб в Кент-Понде, может послужить им всем отправной точкой.

— Меня оно приведет к 160-му, а вы пойдете дальше до Лаконии, это в центре Нью-Хэмпшира. Это, конечно, не прямой маршрут, но что с того? Вы же не опаздываете на самолет, не так ли?

Джордан потер ладонями глаза, откинул со лба волосы. Этот жест, как уже хорошо знал Клай, говорил об усталости и тревоге. Он понимал, что Джордана ему будет не доставать. А Тома еще больше.

— Как же я хочу, чтобы Алиса была с нами, — сказал Джордан. — Она бы вас отговорила.

— Она бы не отговорила, — возразил Клай. И при этом ему всем сердцем хотелось, чтобы Алиса попробовала бы его отговорить. Ему всем сердцем хотелось, чтобы она еще много чего попробовала в своей жизни. Пятнадцать лет — не тот возраст, когда человек должен умереть.

— Твои нынешние планы напоминают мне четвертое действие драмы «Юлий Цезарь». — Том покачал головой. — В пятом все бросаются на мечи.

Они лавировали между автомобилями, забившими Понд-стрит. Лампы аварийного освещения муниципалитета медленно тускнели у них за спинами. Впереди неработающий светофор висел над географическим центром города, чуть раскачиваемый ветром.

— Не будь таким гребаным пессимистом. — Клай пообещал себе, что не будет раздражаться (ему не хотелось прощаться с друзьями в таком состоянии), но его резервы выдержки истощались.

— Извини, я слишком устал, чтобы поднимать наш боевой дух. — Он обошел указатель: «ШОССЕ 11 — 2 МИЛИ». — И если позволишь быть откровенным, у меня щемит сердце от мысли, что нам предстоит расстаться.

— Том, извини.

— Если бы я думал, что есть хотя бы один шанс из пяти на счастливый исход... черт, один из пятидесяти... ну, не важно. — Том направил луч фонаря на Джордана. — Что скажешь? Есть какие-то аргументы против этого безумия? Джордан задумался, потом покачал головой.

— Директор как-то раз сказал мне... Хотите услышать?

Том отсалютовал фонариком. Фонарь осветил щит с рекламой нового фильма Тома Хэнкса и соседнюю аптеку.

— Выкладывай.

— Он сказал, что разум может рассчитывать, но душа жаждет, а сердце есть сердце — оно знает.

— Аминь, — отозвался Клай. Очень мягко.

Они прошагали на восток по Маркет-стрит, которая плавно перетекла в шоссе 19 А, две мили. После первой тротуары исчезли и начались фермы. В конце второй увидели еще один неработающий светофор и указатель пересечения с шоссе 11. На перекрестке сидели три человека. Из спальных торчали только головы. Одного Клай узнал, как только направил на него фонарь: пожилого господина с удлинённым интеллигентным лицом и седеющими волосами, забранными в конский хвост. Бейсболка «Майамских дельфинов» на другом мужчине тоже показалась ему знакомой. Потом Том направил луч фонаря на женщину, что сидела рядом с мистером Конский Хвост, и произнес: «Вы».

Клай не мог сказать, надета ли на ней футболка «Харлей-Дэвидсон» с отрезанными

рукавами, спальный мешок скрывал ее одежду, но он знал, если футболки на ней нет, значит, она в одном из рюкзаков, что лежали на асфальте рядом с указателем «ШОССЕ 11». Также он знал, что она беременна. Эти двое снились ему в мотеле «Шепчущиеся сосны», за две ночи до гибели Алисы. Ему снилось, что они стоят под яркими лучами прожекторов, на платформах.

Мужчина с седеющими волосами встал, позволив Спальному Мешку сползти вниз. У них были винтовки, но он поднял руки, чтобы показать, что они пусты. Женщина сделала то же самое, а когда мешок сполз к ее ногам, не осталось сомнений в ее беременности. Мужчина в бейсболке «Дельфинов» был высок ростом, примерно сорока лет. И он поднял руки. Втроем они простояли так несколько секунд, а потом седовласый мужчина достал из нагрудного кармана очки в черной пластмассовой оправе и надел их. Пар, в который обращал его выдохи холодный ночной воздух, поднимался к указателю «ШОССЕ 11», где стрелки показывали на запад и на север.

— Ну-ну, — покивал он. — Президент Гарварда сказал, что вы, возможно, пойдете этим путем, и так оно и вышло. Умный парень, этот президент Гарварда, хотя слишком молод для такой должности и, по моему разумению, ему не помешала бы пластическая хирургия перед тем, как он встретится с потенциальными богатыми спонсорами.

— Кто вы? — спросил Клай.

— Отведите луч фонаря от моего лица, молодой человек, и я с радостью вам скажу.

Том и Джордан направили лучи в асфальт. Клай последовал их примеру, но оставил руку на рукоятке револьвера Бет Никерсон.

— Я — Дэниэль Хартуик^[128] из Хаверхилла, Массачусетс, — представился седовласый. — Эта молодая леди — Дениз Линк, тоже из Хаверхилла. Джентльмен справа от нее — Рей Уисенга из Гроувленда, соседнего городка.

— Рад познакомиться. — Рей Уисенга чуть поклонился, получилось неуклюже, забавно и трогательно.

Клай убрал руку с рукоятки пистолета.

— Но наши имена не имеют ровно никакого значения, — продолжил Дэниэль Хартуик. — Важно, кто мы, по крайней мере для мобилоидов. — Он смотрел на них, и во взгляде не было и тени улыбки. — Мы — безумные. Как и вы.

Дениз и Рей готовили еду на пропановой горелке («Эти консервированные сосиски не так уж и плохи, если как следует их проварить»), — поделился своими впечатлениями Рей), пока они разговаривали, точнее, говорил в основном Дэн. Он начал с того, что на часах двадцать минут третьего, а в три он намеревался вести свою «маленькую бравую банду» дальше. Сказал, что хочет пройти как можно больше миль до рассвета, когда на дорогах появляются мобилоиды.

— Потому что ночью они никуда не ходят, — пояснил он. — Хотя в этой ситуации работает на нас. Потом, когда их программирование завершится или приблизится к завершению, они, возможно, смогут перемещаться и ночью, но пока...

— Вы согласны с тем, что именно это и происходит? — просил Джордан. Впервые со смерти Алисы он проявил какую-то заинтересованность. Схватил Дэна за руку. — Вы согласны с тем, что у них происходит первичная загрузка программы, как у компьютеров, у которых с жестких дисков...

— ...стерли всю информацию, да, да, — закончил Дэн, словно речь шла об элементарных истинах.

— Так вы... вы были ученым? — спросил Том.

Дэн ему улыбнулся.

— Я представлял кафедру социологии в Хаверхиллском университете техники и искусств. Если президенту Гарварда и может присниться кошмар, так это буду я.

Дэн Хартуик, Дениз Линк и Рей Уисенга уничтожили не одно стадо, а два. Первое, на задней автостоянке Хаверхиллской автомобильной свалки, они туда забрели случайно, когда в их группе было шесть человек и они пытались выбраться из города. Произошло это через два дня после Импульса, когда мобилолюди еще были мобилопсихами, в головах у них царил сумятица и они могли убить друг друга точно так же, как и попадавших им норми. Первое стадо было маленьким, голов на семьдесят пять, и они воспользовались бензином.

— Второй раз, в Нэшуа, мы применили динамит, который позаимствовали на строительной площадке, — добавила Дениз. — К тому времени мы потеряли Чарли, Ральфа и Артура. Ральф и Артур ушли. А Чарли... бедный старый Чарли, скончался от сердечного приступа. Так или иначе, Рей умел обращаться с динамитом, в свое время он строил дороги.

Рей, который помешивал макароны — кастрюлька стояла на плитке рядом с кастрюлькой с сосисками, — поднял свободную руку и потряс сжатыми в кулак пальцами.

— После этого, — продолжил Дэн Хартуик, — нам начали встречаться эти надписи, «Кашвак=нет-тел». Нам они понравились, не так ли, Денни?

— Да, — кивнула Дениз. — Туки-тук-и-дома. Мы и так шли на север, так же, как и вы, а тут прибавили ходу. Я была единственной, которой идея эта абсолютно не нравилась, потому что Импульс лишил меня мужа. Эти говнюки — причина того, что мой ребенок вырастет, не узнав отца. — Она заметила, что Клай поморщился, и добавила: — Извините. Мы знаем, что ваш сын ушел в Кашвак.

У Клая отвисла челюсть.

— Да, — кивнул Дэн, беря тарелку с едой, переданную Реем. — Президент Гарварда знает все, видит все, на всех имеет досье... во всяком случае, хочет, чтобы мы в это верили. — Он подмигнул Джордану, и Джордан... Джордан улыбнулся.

— Дэн меня просветил, — сказала Дениз. — Какая-то террористическая группа или даже парочка идейных психов в гараже запустила этот процесс, но никто понятия не имел, к чему все может привести. Мобилоиды всего лишь играют отведенную им роль. Они не несли

ответственности за свои действия, когда были безумны, не несут ответственности и сейчас, потому что...

— Потому что они во власти какого-то группового императива, — ввернул Том. — Как миграция.

— Это групповой императив, но не миграция. — Рей сел рядом со всеми со своей тарелкой. — Дэн говорит, что это простое выживание. Я думаю, он прав. Чем бы это ни было, мы должны найти убежище, чтобы, как говорится, укрыться от дождя. Вы понимаете?

— Сны начались после того, как мы сожгли первое стадо, — вновь заговорил Дэн. — Яркие сны. Ессе homo, insanus... это так по-гарвардски. Потом, после того как мы разбомбили стадо в Нэшуа, президент Гарварда заявился к нам собственной персоной в сопровождении пятисот своих ближайших друзей, — ел он быстро и аккуратно.

— И оставил кучу расплавленных бумбоксов у вас на крыльце, — предположил Клай.

— Были и расплавленные, — признала Дениз. — Но в основном нам принесли детали. — Она сухо улыбнулась. — Бумбоксы не жалко. От их музыкального вкуса тошнит.

— Вы называете его президентом Гарварда, мы — Порватым. — Том отставил тарелку и раскрыл рюкзак. Порылся в нем и достал рисунок, который Клай сделал в тот день, когда директора заставили покончить с собой. У Дениз округлились глаза. Она передала рисунок Рею Уисенге, который присвистнул.

Наконец рисунок взял Дэн, с уважением посмотрел на Тома.

— Это нарисовали вы?

Том указал на Клая.

— Вы очень талантливы.

— Учился когда-то, — ответил Клай. Повернулся к Тому, в рюкзаке которого лежали карты. — Как далеко Гейтен от Нэшуа?

— Миль тридцать, не больше.

Клай кивнул, посмотрел на Дэна Хартуика.

— Он говорил с вами? Этот парень в красном «кенгуру».

Дэн глянул на Дениз, и та отвернулась. Рей вернулся к газовой плитке, вероятно, для того, чтобы отсоединить баллон и запаковать, и Клай все понял.

— Через кого он говорил?

— Через меня, — ответил Дэн. — Просто ужас. Вы это испытали?

— Да. Если хочешь, этого можно избежать, но тогда не узнаешь, что он хотел сказать. Он это делал для того, чтобы показать свою силу? Как думаете?

— Вероятно, — пожал плечами Дэн, — но дело не только в этом. Я сомневаюсь, что они могут говорить. Они могут издавать звуки и, я уверен, могут думать, правда, не так, как прежде, и будет ошибкой предполагать, что они способны на обычные человеческие мысли, но я сильно сомневаюсь, что они могут произносить слова.

— Пока что, — поправил Джордан.

— Пока что, — согласился Дэн. Посмотрел на часы, тем самым побудив Клая взглянуть на свои. Без четверти три.

— Он велел нам идти на север, — продолжил Рей. — Сказал нам: «Кашвак=нет-тел». Предупредил, что больше мы никого не сожжем и не взорвем, потому что они выставляют охрану...

— Да, мы это видели в Рочестере, — подтвердил Том.

— И вы видели множество надписей «Кашвак=нет-тел».

Они дружно кивнули.

— Исключительно как у социолога, эти надписи вызвали у меня вопрос, — заметил Дэн. —

Не то, что они появились... я уверен, что писать их начали сразу после Импульса, те выжившие, кто решил, что такое вот место, где нет сотовой связи, будет идеальным убежищем. Вопросом я задался другим. Каким образом идея и сами надписи так быстро распространилась в обществе, раздробившемся на мельчайшие фрагменты, где не осталось никаких привычных средств передачи информации за исключением, конечно, от человека к человеку. Ответ, безусловно, лежал на поверхности, для этого понадобилось только признать, что появилась новая форма коммуникации; доступная только одной группе.

— *Телепатия.* — Джордан понизил голос до шепота. — *Они.* Мобилоиды. Они хотят, чтобы мы шли в Кашвак. — Он вскинул испуганные глаза на Клая. — Это действительно желоб на бойне. Клай, вам *нельзя* туда идти. Это все идея Порватого!

Прежде чем Клай ответил, Дэн Хартуик заговорил снова. Исходя из одного из главных принципов преподавания: прерывать лекцию возможно лишь по доброй воле лектора.

— Боюсь, нам придется свернуть дискуссию, извините. Мы должны вам кое-что показать... собственно, президент Гарварда потребовал, чтобы мы вам это показали...

— В ваших снах или лично? — спросил Том.

— В наших снах, — ровным голосом ответила Дениз. — Лично мы видели этого господина лишь однажды, после того как взорвали его стадо в Нэшуа, да и то на расстоянии.

— Он нас проверял, — сказал Рей. — Я, во всяком случае, так думаю.

Дэн с наигранным терпением ждал, когда закончится и этот цикл вопросов и ответов. И сразу оборвал наметившуюся паузу.

— Мы с готовностью согласились, поскольку для этого не пришлось делать крюк.

— Так вы идете на север? — на этот раз его прервал Клай. На лице Дэна прибавилось раздражения, он коротко глянул на часы.

— Если вы посмотрите на указатель, то увидите, что он предлагает выбор. Мы собирались идти на запад, а не на север.

— Чертовски верно, — пробормотал Рей. — Я, возможно, глуп, но не безумен.

— То, что я вам покажу, скорее служит нашим целям, а не их, — продолжил Дэн. — И, между прочим, раз уж речь зашла о президенте Гарварда, или, если угодно, Порватом... думаю, показавшись нам, он допустил ошибку. Может, и серьезную. В действительности он всего лишь псевдоподия^[129], которую групповой разум, некое большое стадо, выставляет перед собой, чтобы вести дела с обычными норми и специфическими безумцами вроде нас. Я готов предположить, что каждое такое большое стадо, по всему миру, сформировало такую вот псевдоподию, может, даже несколько. Поэтому, разговаривая с вашим Порватом, вы допускаете ошибку, если думаете, что разговариваете с конкретным человеком. Вы разговариваете со стадом.

— Почему бы вам не показать нам то, что мы, по его мнению, должны увидеть? — спросил Клай. Он пытался сохранить спокойствие в голосе, но в голове все бурлило. Ясной оставалась лишь одна мысль: если он успеет перехватить Джонни до того, как тот придет в Кашвак, где с ним могло произойти все что угодно, у него будет шанс спасти сына. Здравомыслие твердило, что Джонни уже в Кашваке, но другой голос (и не совсем уж иррациональный) утверждал, что по каким-то причинам Джонни и те, с кем он шел, могли задержаться в пути. Скажем, по каким-то причинам усомниться в правильности своих выводов. Такое не следовало скидывать со счетов. Как и полностью отбрасывать вариант с сегрегацией. Может, мобилолюди действительно создают в TP-90 резервацию для норми. В итоге он пришел к афоризму директора Ардая, процитированному Джорданом: «Разум может рассчитывать, но душа жаждет...»

— Тогда нам сюда. Это недалеко. — Дэн взял фонарь и пошел по обочине той части шоссе

11, что уходила на север, свята себе под ноги.

— Вы уж меня извините, но я не пойду, — сказала Дениз. — Я все видела. Одного раза больше чем достаточно.

— Думаю, зрелище это, в определенном смысле, должно вас порадовать, — продолжил Дэн. — Разумеется, все это должно также подтвердить как для моей маленькой группы, так и для вашей, что власть нынче — мобилоиды, и их нужно слушаться. — Он остановился. — Мы пришли. Посылая нам сонограмму, президент Гарварда проследил, чтобы мы увидели собачку и не прошли мимо нужного дома. — Луч его фонаря нашел придорожный почтовый ящик с нарисованным на нем колли. — Я сожалею, что Джордану придется это увидеть, но, полагаю, лучше знать, с кем имеешь дело. — Он поднял фонарь выше. К первому лучу присоединился и луч фонаря Рея. Они осветили фронтон одноэтажного деревянного домика с крошечной лужайкой перед ним.

Пушкаря распяли между окном гостиной и входной дверью. Из одежды на нем остались только запятнанные кровью трусы. Большущие гвозди, годящиеся и для того, чтобы крепить рельсы к шпалам, торчали из его кистей, стоп, локтей и коленей. *Может, это и есть рельсовые костыли*, подумал Клай. Под Пушкарем, раскинув ноги, сидел Гарольд. Как и у Алисы, когда они ее встретили, грудь Гарольда запачкала кровь. Только натекла она не из носа. Острый осколок стекла, которым Гарольд перерезал себе горло после того, как распял своего дружка, поблескивал в одной руке.

На груди Пушкаря, на веревке, обмотанной вокруг шеи, висел кусок картона с тремя словами, написанными большими черными буквами: «JUSTITIA EST COMMODATUM».

— На случай, если вы не знаете латыни... — начал Дэн Хартуик.

— Чтобы понять эту фразу, мне хватило тех знаний, что остались после средней школы, — ответил Том. — «Справедливость восстановлена». Это за убийство Алисы. За то, что посмели прикоснуться к одной из неприкасаемых.

— Совершенно верно. — Дэн выключил фонарь. Рей последовал его примеру. — Это убийство служит и предостережением остальным. И они не убили их, хотя, безусловно, могли бы.

— Мы знаем, — ответил Клай. — Видели это в Гейтене. После того как сожгли их стадо.

— Они сделали то же самое и в Нэшуа, — мрачно добавил Рей. — Я буду помнить эти крики до последнего дня. Гребаный кошмар. И это буду помнить. — Он махнул рукой в сторону темного силуэта дома. — Они заставили маленького распять большого, а большому не позволили сопротивляться. Потом велели маленькому перерезать себе глотку.

— Точно так же они поступили и с директором. — Джордан взял Клая за руку.

— Такова мощь их разума, — указал Рей, — и Дэн думает, что этот разум заставляет всех идти на север, в Кашвак... может, и нас он заставляет идти на север, пусть мы и говорим себе, что лишь хотели показать вам вот это и убедить присоединиться к нам. Вы понимаете?

— Порватый рассказал вам о моем сыне? — спросил Клай.

— Нет, — ответил Дэн, — а если бы рассказал, мы бы узнали, что он идет туда с другими норми, и в Кашваке вас ждет радостное воссоединение. Знаете, забудьте об этих снах, в которых вы стоите на платформах, а президент Гарварда говорит радостной толпе, что вы — безумец. Этот исход не для вас, не может он быть таким для вас. Я уверен, вы уже успели рассмотреть все возможные сценарии со счастливым концом, главный из которых состоит в том, что Кашвак и все остальные территории, где нет сотовой связи, являются для норми эквивалентом природных заповедников, где людей, которых не шарахнуло Импульсом, оставят в покое. Я думаю, что слова вашего юного друга о желобе, ведущем на бойню, куда в большей степени соответствуют действительности, но даже если предположить, что норми оставят там в покое, неужто мобилоиды могут простить таких, как мы? Стадоубийц?

Ответа у Клая не было.

В темноте Дэн вновь взглянул на часы.

— Четвертый час. Давайте возвращаться. Дениз, должно быть, уже собрала вещи. Пришло время решать: или мы расстаемся, или идем вместе.

Но предлагая идти вместе, вы просите меня расстаться с сыном, подумал Клай. А на это он мог пойти только в одном случае: точно зная, что Джонни-мальш мертв.

Или уже не норми.

— И как вы надеетесь попасть на запад? — спросил Клай, когда они шли к перекрестку. — Ночи еще какое-то время могут быть вашими, но дни принадлежат им, и вы знаете, на что они способны.

— Я практически уверен, что мы сможем не пускать их в наши головы, когда бодрствуем, — ответил Дэн. — Для этого требуется приложение определенных усилий, но такое возможно. Мы будем спать по очереди, во всяком случае, какое-то время. И еще один важный момент: надо держаться подальше от стада.

— Из этого следует, что мы должны как можно быстрее попасть в западный Нью-Хэмпшир, а оттуда в Вермонт, — подхватил Рей. — Подальше от густонаселенных территорий. — Он направил луч фонарика на Дениз, которая сидела, привалившись к спальникам. — Все готово, дорогая?

— Все готово, — кивнула она. — Жаль только, что вы ничего не разрешаете мне нести.

— Ты несешь своего ребенка, — ласково ответил Рей. — Этого достаточно. И мы можем оставить спальники здесь.

— Кое-где разумнее ехать, чем идти, — заметил Дэн. — Рей уверен, что сельские дороги не забиты, как основные автотрассы, и иной раз мы сможем проехать с десятков миль, прежде чем наткнемся на пробку. У нас хорошие карты. — Он опустил па колено, подхватил свой рюкзак, а когда посмотрел на Клая, его губы искривила горькая улыбка. — Я знаю, шансы невелики. Я — не идиот, на случай, если вы сомневаетесь. Но мы уничтожили два их стада, убили сотни мобилоидов, и я не хочу попадать на одну из их платформ.

— И это еще не все, что нас ждет, — подал голос Том. Клай задался вопросом, а понял ли Том, что уже перешел в лагерь Хартуика. Скорее всего. Ума Тому хватало. — Мы нужны им живыми.

— Точно, — кивнул Дэн. — Мы можем от них уйти. Они еще не набрали силы, Клай. Да, они раскинули сеть, но, готов спорить, в ней еще много дыр.

— Черт, они еще ни разу не переоделись, — хмыкнула Дениз. Клая восхищала эта женщина. Она была как минимум на седьмом месяце, но оставалась твердой как камень. Он пожалел, что Алисе не довелось с ней встретиться.

— Мы сумеем от них ускользнуть, — гнул свое Дэн. — Уйдем в Канаду через Вермонт, может, Нью-Йорк. Пятеро лучше троих, но шестеро лучше пятерых. Трое смогут спать, трое бодрствовать днем, не поддаваясь дурной телепатии. У нас будет свое маленькое стадо. Что вы на это скажете?

Клай медленно покачал головой.

— Я пойду за своим сыном.

— Подумай еще раз, Клай, — попросил Том. — Пожалуйста.

— Оставьте его в покое, — ответил за Клая Джордан. — Он уже все решил. — Мальчик обнял Клая, прижался к нему. — Я надеюсь, вы его найдете. Но даже если и найдете, полагаю, нас вам найти уже не удастся.

— Конечно, найду. — Клай поцеловал Джордана в щеку, отступил на шаг. — Я похищу телепата и использую его как компас. Может, самого Порватого. — Он повернулся к Тому и протянул руку.

Руку Том проигнорировал, обнял Клая, поцеловал в одну щеку, потом в другую.

— Ты спас мне жизнь, — прошептал на ухо. Горячее дыхание щекотало. Щетина царапала щеку. — Позволь мне спасти твою. Пойдем с нами.

— Не могу, Том. Я должен найти сына.

Том отступил, посмотрел на него.

— Знаю. Знаю, что должен. — Он вытер глаза. — Черт побери, меня тошнит от прощаний.

Я не смог попрощаться даже со своим гребаным котом.

Клай стоял на перекрестке и наблюдал, как все дальше и дальше уходят лучи их фонарей. Он не сводил глаз с фонаря Джордана, который растворился в темноте последним. Мгновение-другое оставался единственной искоркой на вершине первого к западу холма, словно Джордан остановился, чтобы обернуться. И вроде бы помахал рукой. А потом исчез, и воцарилась тьма. Клай вздохнул, воздух завибрировал в горле, словно предвещая слезы, закинул рюкзак за плечи и пошел на север по обочине шоссе 11. Где-то без четверти четыре пересек территориальную границу Норт-Беруика, оставив Кент-Понд позади.

Он имел все основания вернуться к более привычной жизни и идти днем: Клай точно знал, что мобилолюди его не тронут. Во-первых, он был неприкасаемым, во-вторых, они хотели, чтобы он пришел в Кашвак. Проблема заключалась в том, что он привык к ночному бодрствованию. *Все, что мне нужно, так это гроб и плащ, в который я смогу завернуться, укладываясь в него,* думал он.

Красная и холодная заря первого после расставания с Томом и Джорданом утра застала его на окраине Спрингвейла. Рядом со зданием Спрингвейлского лесного музея Клай заметил небольшой домик, возможно, коттедж хранителя музея, который показался ему очень уютным. Он взломал замок двери черного хода и вошел. Порадовался, обнаружив в доме дровяную печь и водяной насос. Не разочаровала его и кладовая, набитая продуктами длительного хранения и не тронутая мародерами. Свои находки он отпраздновал большой миской овсянки, которую запил приготовленным из порошка молоком, добавив сахара и изюма.

В кладовке нашлись также пакеты из фольги с сублимированной яичницей с беконом. Они стояли на полке, словно книги в обложке. Одну порцию он приготовил и съел сразу же, остальные пакеты сунул в рюкзак. Поев гораздо лучше, чем мог ожидать, Клай прошел в спальню, лег и тут же уснул.

По обеим сторонам дороги стояли длинные павильоны.

Он очутился не на шоссе 11, с его фермами, городками, открытыми полями, магазинами с товарами первой необходимости и бензоколонкой, которые встречались каждые десять — пятнадцать миль, а на автостраде, проложенной по диким местам. Справа и слева густой лес подступал к самым кюветам. С обеих сторон белой разделительной полосы стояли две длинные людские очереди.

«Налево и направо, — звучал усиленный динамиками голос. — Налево и направо, формируйте две очереди».

Голос этот чем-то напоминал голос ведущего в павильоне «Бинго» на ярмарке в Акроне, штат Огайо, но по мере того как Клай подходил все ближе, шагая по центральной полосе, он понял, что этот усиленный динамиками голос звучал в его голове. И принадлежал Порвату. Да только Порватый был... как там называл его Дэн... всего лишь псевдоподией. Так что Клай слышал голос стада.

«Налево и направо, две очереди, все правильно. Именно так».

Где я? Почему никто не смотрит на меня, не говорит: «Эй, приятель, не лезь вперед, дождись своей очереди»?

Впереди две очереди плавно расходились, словно съезды с основной трассы, одна «втекала» в левый павильон, вторая — в правый. В таких павильонах фирмы, обслуживающие торжества на свежем воздухе, обычно устраивали «шведские столы». Теперь Клай видел, что перед каждым павильоном очередь делилась на десять или двенадцать коротеньких очередей. Люди напоминали пришедших на концерт фэнов, ожидающих, пока билетеры оторвут контроль и пропустят их в зал.

По центру дороги, в том месте, где расходились обе очереди, стоял Порватый, по-прежнему в красном заношенном «кенгуру».

Налево и направо, дамы и господа. — Губы не двигались. Слова передавались телепатически, усиленные мощью стада. — Двигайтесь, двигайтесь. Каждый получит шанс позвонить кому-нибудь из своих близких, прежде чем войти на территорию, где нет сотовой связи.

От этих слов Клай содрогнулся. Испытал шок от осознания того, что все это с ним уже было. Так бывает, когда слышишь хорошую шутку через десять, а то и двадцать лет после того, как слышал ее впервые. «Где это? — спросил он Порватого. — Что вы делаете? Что тут творится?»

Порватый не посмотрел на него, и, разумеется, Клай знал почему. Он перенесся в то место, где шоссе 160 входило в Кашвак, и перенесся туда во сне. А насчет того, что там творилось...

Это телефонное бинго, подумал Клай. Это телефонное бинго, и павильоны, в которых играют в эту игру.

Не останавливайтесь, дамы и господа, транслировал Порватый. У нас только два часа до захода солнца, и мы хотим пропустить как можно больше из вас, прежде чем закончится наш рабочий день.

Пропустить.

Это сон?

Клай пошел вдоль очереди, которая, загибаясь, подходила к павильону на левой стороне дороги, заранее зная, что он там увидит. Каждая из маленьких очередей упиралась в одного из мобилолюдей, этих ценителей Лоренса Элка, Дина Мартина, Дебби Бун. Каждому человеку,

оказавшемуся во главе очереди, ожидающий «билетер» (все в грязной одежде, многие изуродованные в этой одиннадцатидневной борьбе за выживание еще сильнее, чем Порватый) протягивал мобильник.

На глазах Клая мужчина, который стоял в ближайшей к нему очереди, взял телефон, трижды нажал на кнопки, нетерпеливо поднес к уху. «Алле? — сказал он. — Алле, мама? Мама? Ты меня...» — и замолчал. Глаза опустели, лицо превратилось в бесстрастную, лишенную человеческих эмоций маску. Мобильник чуть оторвался от уха. «Билетер», помогший человеку лишиться разума, взял телефон, подтолкнул мужчину, дабы тот прошел в павильон, и предложил следующему в очереди шагнуть вперед.

Налево и направо, вещал Порватый. Двигайтесь. Двигайтесь.

Мужчина, который хотел позвонить матери, вошел в павильон. Клай видел, что там толпятся сотни людей. Иногда кто-то попадался на пути другому, и тогда раздавался звук легкого шлепка. Не то, что прежде. Потому что...

Потому что сигнал модифицировали.

Налево и направо, дамы и господа, не останавливайтесь, еще многие должны пройти до темноты.

Клай увидел Джонни. В джинсах, бейсболке «Малой лиги»^[130], любимой футболке «Ред сокс», с именем Тима Уэйкфилда^[131] и его номером на спине. Он как раз подходил к «билетеру» третьей от Клая «очереди».

Клай побежал к сыну, но путь ему преградили. «Прочь с дороги!» — прокричал он, но мужчина, который стоял перед ним, нервно переминаясь с ноги на ногу, словно ему не терпелось справиться малую нужду, не мог его услышать. Происходило это во сне, да и Клай был норми, то есть не владел телепатией.

Он протиснулся между переминаящимся с ноги на ногу мужчиной и стоявшей следом женщиной. Потом сквозь следующую очередь, полностью сосредоточившись на том, чтобы добраться до Джонни, не зная, были ли эти люди призраками или материальными объектами. И добрался до Джонни в тот самый момент, когда женщина (в нарастающем ужасе он увидел, что это невестка мистера Скоттони, по-прежнему беременная, но теперь без глаза) протягивала мальчику сотовый телефон производства компании «Моторола».

Просто набери 911, проговорила она, не открывая рта. Все звонки идут через 911.

Нет, Джонни, нет! — закричал Клай и попытался схватить мобильник, когда Джонни-мальш начал набирать номер, тот самый номер, по которому его учили звонить в случае любых происшествий. *Не делай этого!*

Джонни чуть развернулся налево, словно не хотел, чтобы тусклый глаз беременной «билетерши» видел, как его палец нажимает на кнопки, и Клай промахнулся. Возможно, он бы и не сумел остановить Джонни. Ему, в конце концов, все это снилось.

Джонни закончил набор (чтобы нажать на три кнопки, много времени не нужно), нажал клавишу «SEND» и приложил мобильник к уху. «Алле? Папа? Папа, ты меня слышишь? Ты меня слышишь? Если ты меня слышишь, пожалуйста, приди и за...» Мальчик стоял так, что Клай мог видеть только один его глаз, но и этого ему вполне хватило. Глаз потускнел, плечи обвисли, телефон оторвался от уха. Невестка мистера Скоттони грязной рукой схватила мобильник, а потом зацепила Джонни за шею и толкнула в Кашвак, к тем, которые уже пришли туда, чтобы найти безопасное место. Потом предложила следующему из стоявших в очереди подойти и позвонить.

Налево и направо, формируйте две очереди, гремел в голове Клая голос Порватого, и когда он проснулся в коттедже хранителя музея, выкрикивая имя сына, в окна лился сумеречный свет.

В полночь Клай добрался до маленького городка Норт-Шепли. К тому времени полил препротивный холодный дождь, временами едва не переходящий в снег (Шарон называла такой дождь «кашей»). Он услышал приближающийся шум моторов и сошел с проезжей части шоссе (все еще старого доброго шоссе 11, не автострады из сна) на площадку перед магазином «С семи до одиннадцати»^[132]. Когда показались фары, серебрящие дождь, он увидел двух спринтеров, которые бок о бок мчались сквозь тьму. Безумие. Клай стоял за бензоколонкой, не то чтобы прячась, но и не мозоля глаза. Он наблюдал, как автомобили проскочили мимо, словно видение из давно ушедшего мира, поднимая фонтаны брызг. Ему показалось, что один из автомобилей — раритетный «корветт», хотя тусклого света единственной лампы системы аварийного освещения на углу дома определенно не хватало, чтобы говорить наверняка. Гонцики промчались под всей системой регулирования транспортного потока Норт-Шепли (неработающим светофором), какое-то мгновение их задние огни светились в темноте, а потом исчезли за пеленой дождя. Клай вновь подумал: *Безумие*. А когда вернулся на дорогу, в голове сверкнула еще одна мысль: *Тебе ли рассуждать о безумии?*

Что правда, то правда. Потому что сон о телефонном «Бинго» не был сном или полностью сном. Клай в этом не сомневался. Мобилоиды использовали свои нарастающие телепатические возможности, стараясь не упускать из виду как можно больше тех людей, кто убивал их стада. И правильно делали. У них могли возникнуть проблемы с такими группами, как Дэна Хартуика, которые действительно пытались бороться, но он сомневался, что у них могли возникнуть какие-то проблемы с ним. Как ни странно, телепатия очень уж походила на телефонную связь: информация передавалась в обе стороны. Тем самым он превращался... в кого? Призрака в машине? Что-то вроде этого. И если они могли приглядывать за ним, то и он мог приглядывать за ними. По крайней мере во сне. В своих снах.

Существовали ли настоящие павильоны на границе Кашвака, у которых нормы выстраивались в очередь, чтобы им «вышибли» мозги? Клай подумал, что существовали, как в Кашваке, так и в местах, подобных Кашваку, на территории всей страны и всего мира. Возможно, работы у мобилоидов, которые обслуживали эти павильоны, уже поубавилось, но сами контрольно-пропускные пункты (точки перехода) наверняка остались.

Мобилоиды воспользовались телепатией, их групповой голос убеждал нормы идти в Кашвак. Убеждал во снах. В силу этого следовало полагать мобилоидов умными, расчетливыми? Нет, если, конечно, ты не полагал паука умным, потому что тот плел паутину, или крокодила расчетливым, потому что он умел застывать, как бревно. Шагая на север по шоссе 11 к шоссе 160, дороге, которая привела бы его в Кашвак, Клай думал о том, что телепатический сигнал, который посылали мобилоиды (такой же призывный, как пение сирен), должен содержать как минимум три отдельных послания:

Приходи, и ты будешь в безопасности... ты сможешь прекратить борьбу за выживание.

Приходи, и ты будешь с такими же, как ты, в безопасном для вас месте.

Приходи, и ты сможешь поговорить со своими близкими.

Приходи. Да. Ключевое слово. А оказавшись на достаточно близком расстоянии, ты лишался права выбора. Телепатия и мечта о безопасности вцеплялись в тебя мертвой хваткой. Ты становился в очередь. Слушал, как Порватый говорил тебе, что ты должен идти дальше, что все получают возможность позвонить самому близкому человеку, но мы должны пропустить очень многих, прежде чем зайдет солнце и мы будем слушать, как Бетт Мидлер поет свою песню «Ветер под моими крыльями».

И как они могли продолжать проделывать все это, хотя электричество отключилось, мегаполисы сгорели, а *цивилизация* соскользнула в кровавый колодец? Как могли продолжать замещать миллионы мобилоидов, которые погибли при начальном Импульсе и при уничтожении стад, которые за этим последовали? Они могли продолжать, потому что Импульс по-прежнему транслировался. Где-то — в лаборатории террористов или в гараже чокнутых — какой-то передатчик продолжал работать от аккумуляторов, а какой-то модем все так же выдавал этот безумный сигнал. Направлял на спутники, которые все так же вращались на околоземных орбитах, или на микроволновые ретрансляторы, которые охватывали земной шар стальным поясом. И куда ты мог позвонить, в уверенности, что твой звонок пройдет, пусть даже и ответит тебе работающий от аккумуляторов механический голос автоответчика?

911, это же очевидно.

И такое почти наверняка случилось с Джонни-мальшом.

Он *знал*, что случилось. То есть он уже опоздал.

Тогда почему он по-прежнему шел на север, в темноте, под ледяным дождем? Впереди лежал Ньюфилд, не так уж и далеко, а там ему предстояло свернуть с шоссе 11 на шоссе 160. И он подозревал, что после не столь уж долгой прогулки на шоссе 160 дни, когда он мог прочитать надписи на дорожных указателях (или чем-то еще), подойдут к концу. Так *почему*?

Но он *знал* почему, как *знал*, что долетевший издалека, из залитой дождем темноты, грохот, сопровождаемый коротким автомобильным гудком, означал, что для одного из спринтеров гонка закончилась. Он продолжал идти на север из-за записки, найденной на двери собственного дома, которая только чудом попала к нему в руки, прежде чем ветер не вырвал ее из-под единственной оставшейся полоски скотча; остальные оторвало. Он продолжал идти на север из-за второй записки, которую нашел на доске объявлений в муниципалитете, на три четверти скрытую полной надежд запиской Айрис Нолан своей сестре. В обеих записках его сын написал одно и то же, большими буквами: «ПОЖАЛУЙСТА ПРИДИ И ЗАБЕРИ МЕНЯ».

Если он опоздал с тем, чтобы забрать Джонни, он, возможно, не опоздал с другим: мог увидеть его и сказать, что пытался. Мог продержаться достаточно долго, чтобы это сделать, пусть они бы и заставили его воспользоваться одним из сотовых телефонов.

Что же касалось платформ и тысяч наблюдающих людей...

— В Кашваке нет футбольного стадиона, — сказал он.

Но в голове тут же прошептал голос Джордана: *Это виртуальный стадион.*

Клай оттолкнул этот голос в сторону. Вытолкнул из головы. Он принял решение. Безумие, конечно, но теперь это был безумный мир, то есть он жил в полном соответствии с законами этого мира.

Без четверти три, со стертymi ногами и насквозь промокший, несмотря на куртку с капюшоном, которую он взял в доме зрителя музея в Спрингвейле, Клай вышел к шоссе 160. Перекресток забили столкнувшиеся автомобили, и теперь к ним присоединился «корветт», который промчался мимо него в Норт-Шепли. Водитель, похоже, вышиб головой стекло и теперь висел на дверце, головой вниз, с болтающимися руками. Когда Клай попытался поднять мужчину и заглянуть ему в лицо, чтобы понять, жив ли он, верхняя половина туловища вывалилась па дорогу, таща за собой кишки. Клай добрал до телеграфного столба, уперся в него лбом, который вдруг стал очень горячим, и блевал, пока в желудке ничего не осталось.

На другой стороне перекрестка, там, где шоссе 160 уходило на север, находился небольшой магазинчик «Всякая всячина». Надпись на витрине обещала «ИНДЕЙСКИЕ СЛАДОСТИ В САХАРНОМ СИРОПЕ „НИК-НАК“». Чувствовалось, что магазинчик грабили не раз и не два, однако крыша сохранилась и могла уберечь как от дождя, так и от нежданного ужаса, с которым он только что столкнулся. Клай вошел в магазин и сидел, низко опустив голову, пока не почувствовал, что более или менее пришел в себя и опасность грохнуть в обморок миновала. В магазинчике лежали трупы, в нос бил характерный запах, но кто-то накрыл брезентом все, кроме двух, и эти два по крайней мере не развалились на части. Пивной шкаф-холодильник разбили вдребезги и опустошили, а вот автомат с прохладительными напитками только разбили. Клай взял банку имбирного пива и выпил большими глотками, останавливаясь лишь для того, чтобы рыгнуть. И какое-то время спустя самочувствие его улучшилось.

Ему отчаянно доставало Тома и Джордана. Бедолага, закончивший жизнь на этом перекрестке, и его соперник были единственными спринтерами, которых он видел в ту ночь, и ему не встретилась ни одна группа беженцев. Так что всю ночь он провел в компании с собственными мыслями. Может, погода в эту ночь не способствовала пешим походам, может, теперь нормы путешествовали днем. Почему нет, если мобилоиды перешли от убийств к обращению в себе подобных.

Он вдруг осознал, что в эту ночь не слышал стадной музыки, как называла ее Алиса. Может, все стада находились к югу отсюда, за исключением одного большого (он не сомневался, что оно должно быть большим), стараниями которого нормы становились мобилоидами. Клай не возражал. Возможность не слышать «Я надеюсь, ты танцуешь» и «Тему из „Летнего места“ он воспринимал как маленький подарок.

Он решил, что будет идти еще максимум час, а потом найдет место для ночлега. Холодный дождь добивал его. Он покинул «Всякую всячину», не посмотрев ни на разбитый «корветт», ни на человеческие останки рядом с ним.

Но шагал он чуть ли не до рассвета, отчасти потому что дождь перестал, но в основном по другой причине: найти крышу над головой на шоссе 160 оказалось не таким простым делом. Наконец, в половине пятого, он миновал пробитый пулями щит-указатель, на котором прочитал: «ВЪЕЗД В ГЕРЛИВИЛЛ, ПОСЕЛОК ГОРОДСКОГО ТИПА БЕЗ ПРАВА САМОУПРАВЛЕНИЯ». А десять минут спустя добрался до градообразующего предприятия Герливилла, каменоломни — громадного карьера с несколькими сараями, мокрыми от дождя грузовиками и гаражом. Клай подумал о том, чтобы провести ночь в одном из сараев, потом решил, что найдет себе что-нибудь получше, и продолжил путь. Он по-прежнему не видел путников и не слышал стадной музыки, даже издалека. Возможно, остался последним человеком на всей Земле.

В этом Клай ошибся. Через десять минут после того, как каменоломня осталась позади, он поднялся на холм и увидел внизу маленький городок. Первым на его пути оказалось здание «Добровольной пожарной команды Герливилла» (на доске объявлений он прочитал: «НЕ ЗАБУДЬТЕ ПРО СДАЧУ КРОВИ НА ХАЛОУИН»). Должно быть, к северу от Спрингвейла никто не мог написать это слово правильно). Перед зданием, лицом друг к другу, стояли двое мобилолюдей рядом с передним бампером грустного вида старенькой пожарной машины, которая, возможно, была новой еще во времена Корейской войны.

Они медленно повернулись к Клаю, когда он направил на них луч фонаря, потом вновь уставились друг на друга. Мужчины, один лет двадцати пяти, второй — в два раза старше. В том, что они — мобилоиды, сомнений быть не могло. Грязная одежда, буквально расплывшаяся на них, порезанные и поцарапанные лица. У молодого серьезно обгорела одна рука. У того, что старше, левый глаз блестел из-под раздувшихся и воспаленных век. Но внешний вид мобилоидов значения не имел. А что имело, так это ощущения, которые Клай испытывал в тот момент: те самые трудности с дыханием, которые он уже чувствовал, когда находился с Томом в офисе автозаправочной станции «СИТГО», куда они зашли, чтобы взять ключи от грузовиков-цистерн с пропаном. Ощущения эти говорили о некой нарастающей силе.

И происходило все это *ночью!* С учетом тяжелых дождевых облаков о рассвете еще не приходилось и говорить. Так почему эти парни бодрствовали ночью?

Клай выключил фонарь, выхватил никерсоновский кольт сорок пятого калибра, решив посмотреть, что же из всего этого выйдет. Несколько секунд ничего не происходило, но это странное чувство, перехватывающее дыхание, говорило за то, что без развязки не обойтись. Потом раздался высокий звенящий звук, словно завибрировало полотно пилы. Клай поднял голову и увидел, что электрические провода, протянутые перед зданием, быстро-быстро то поднимаются, то опускаются.

— Ухо-ди! — Молодой мужчина, похоже, с огромным трудом выплевывал из себя слова. Клай подпрыгнул. Если бы палец лежал на спусковом крючке револьвера, обязательно прогремел бы выстрел. Это было не «Ли», не «И-ин», а настоящее слово. Клай подумал, что услышал его и в голове, но слабо, очень слабо. Как умирающее эхо.

— Ты!.. Иди! — ответил мужчина постарше. В мешковатых бермудских шортах с огромным коричневым пятном на задку. То ли от земли, то ли от дерьма. Говорил он с таким же трудом, но на этот раз эха в голове Клай не услышал. Парадоксально, но из этого сделал вывод, что в первый раз эхо все-таки было.

О нем они полностью забыли. В этом он мог не сомневаться.

— Мой! — Молодой мужчина вновь выплюнул слово. И как нелегко ему это давалось. Все

тело напряглось ради того, чтобы слово слетело с губ. За его спиной несколько маленьких окошек на широких воротах гаража вылетели наружу дождем осколков.

Последовала долгая пауза. Клай, зачарованный, наблюдал. После ухода из Кент-Понда впервые забыл про Джонни. Мужчина постарше, похоже, лихорадочно думал, внутри шла неистовая борьба, и Клай предполагал, что борьба эта направлена на одно: суметь выразить свои чувства словами, как он это делал раньше, прежде чем Импульс лишил его дара речи.

На крыше пожарной станции — по существу, обычного гаража — коротко взвыла сирена, словно на мгновение восстановилась подача электроэнергии. И огни древней пожарной машины, фары и красные «маячки», вспыхнули, осветив мужчин и отбросив их тени, и погасли.

— Черта... с два! — Старший тоже выплевывал слова, как кусочки мяса, попавшие в дыхательное горло.

— *Мойбиль!* — выкрикнул молодой мужчина, и в голове Клая тот же голос прошептал: «Мой автомобиль!» Все стало ясно. На этот раз не поделили не коробку с «туинкис», а старый пожарный автомобиль. Только происходило это *ночью*, да, на ее исходе, но в темноте, и они почти что начали говорить. Черт, да они просто говорили!

Однако время разговоров, похоже, вышло. Молодой мужчина наклонил голову, бросился к тому, что постарше, боднул в грудь. Старший растянулся на земле. Молодой споткнулся о его ноги и плюхнулся на колени.

— *Черт!* — выкрикнул он.

— *Фак!* — выкрикнул второй. Двух мнений быть не могло. «Фак» ни с чем не спутаешь.

Они поднялись на ноги, разошлись футов на пятнадцать. Клай чувствовал их ненависть. Она копошилась у него в голове, выдавливала глаза, пытаясь выбраться наружу.

— *Это... мойбиль!* — сказал молодой мужчина, и в голове Клая прозвучал едва слышный шепот молодого мужчины: *Это мой автомобиль.*

Мужчина постарше набрал полную грудь воздуха, вскинул руку, показал молодому мобилоиду средний палец.

— Сядь! На это! — проговорил он ясно и отчетливо.

Теперь уже оба наклонили головы и бросились друг на друга. Головы столкнулись с таким оглушающим треском, что Клая передернуло. На этот раз вышибло все стеклянные панели ворот гаража. Сирена издала долгий боевой вопль, прежде чем смолкнуть. Флюоресцентные лампы под потолком гаража вспыхнули и горели не меньше трех секунд, питаемые чистой энергией безумства. Вдруг запела Бритни Спирс: «Упс!.. Я сделала это снова». Провода с чавканьем лопнули и свалились чуть ли не на Клая, который тут же отступил на шаг. Вероятно, напряжения в них не было, не могло быть, но...

Мужчина постарше упал на колени, кровь хлынула у него из ушей. «Мой автомобиль!» — произнес он ясно и отчетливо, после чего рухнул лицом вниз.

Молодой повернулся к Клаю, чтобы призвать его в свидетели своей победы. Кровь вытекала из-под его грязных спутанных волос, лилась между глаз, носом разделялась на два потока, захватывала уголки рта. Его глаза, отметил Клай, не были пустыми. В них читалось безумие. Клай понял, сразу и окончательно: если весь цикл ведет к этому, спасти сына уже невозможно.

— *Мойбиль!* — прокричал молодой мужчина — *Мойбиль, мойбиль!* — Сирена пожарного автомобиля коротко взвыла, словно соглашаясь. — **МОЙБ...**

Клай пристрелил его. Потом убрал револьвер в кобуру.

«Почему нет, — думал он, — они могут поставить меня на пьедестал только раз». Однако его еще трясло, когда он ломал дверь одного из номеров единственного в этой части города мотеля «Герливилл», и ему потребовалось много времени, чтобы уснуть. Вместо Порватого во сне к нему пришел сын, грязный, с пустыми глазами, который, стоило Клаю позвать его по

имени, отвечал: «Иди черту мойбиль».

Из-за этого сна он открыл глаза задолго до наступления темноты, но понял, что больше спать не сможет, и решил, что пора трогаться в путь. Сказал себе, что, как только выйдет из Герливилла, пусть городок и мало чем отличался от окружающей сельской местности, продолжит путь на колесах. Почему бы и нет? Действительно, после кладбища автомобилей на пересечении с шоссе 11 дорога практически везде была свободной. Ночью он просто этого не заметил из-за темноты и дождя.

Порватый и его друзья очистили дорогу, подумал он. Разумеется, очистили, это же гребаный желоб для скота. Меня, возможно, этот желоб приведет на бойню. Потому что за мной числится должок. Они хотели бы поставить на мне печать «УПЛАЧЕНО» и как можно быстрее сдать дело в архив. Жаль, конечно, Тома, Джордана и тех троих. Интересно, удалось ли им найти сельские дороги, которые привели их в Центральный Нью-Хэмпшир и...

Он поднялся на вершину холма, и мысль разом оборвалась. Внизу, посреди дороги, припарковался небольшой желтый школьный автобус с надписью на борту «ШТАТ МЭН 38 ШКОЛЬНЫЙ ОКРУГ НЬЮФИЛД». Привалившись к автобусу, стояли мужчина и мальчик. Мужчина обнимал мальчика за плечи небрежным дружеским жестом, какой Клай узнал бы где угодно. Пока он стоял, словно пораженный громом, не веря своим глазам, другой мужчина вышел из-за тупого носа автобуса. С длинными, обильно тронутыми сединой волосами, забранными в конский хвост. За ним появилась беременная женщина в футболке. Нежно-синей, а не черной, с надписью «ХАРЛЕЙ-ДЭВИДСОН», но все та же Дениз.

Джордан увидел его и позвал по имени. Выскользнул из-под руки Тома и помчался к вершине холма. Клай побежал ему навстречу. Они встретились в тридцати ярдах от автобуса.

— Клай! — Джордан просто визжал от радости. — Это действительно вы!

— Это я, — согласился Клай. Подхватил Джордана. Поцеловал. Джордан не был Джонни, но на какое-то время вполне мог его заменить. Он прижал мальчика к груди, потом поставил на асфальт, всмотрелся в осунувшееся лицо, заметил темные мешки усталости под глазами. — А вот что, скажи на милость, здесь делаете вы?

Глаза Джордана затуманились.

— Мы не смогли... да, мы только размечтались...

Большими шагами подошел Том. Вновь проигнорировал протянутую руку Клая, обнял его.

— Как поживаешь, Ван Гог? — спросил он.

— Нормально. Чертовски рад увидеть вас вновь, но я не понимаю...

Том ему улыбнулся, ослепительно и устало, сверкнув зубами.

— Этот мальчик-компьютер пытается сказать тебе, что, как выяснилось, выбора у нас не было. Пойдем к нашему маленькому желтому автобусу. Рей говорит, если дорога будет пуста, а я уверен, что так и будет, мы сможем приехать в Кашвак к заходу солнца, даже если будем ехать со скоростью тридцать миль в час. Читал когда-нибудь «Призрак дома на холме»^[133]?

Клай покачал головой, не понимая вопроса.

— Видел фильм.

— Там есть фраза, которая характеризует сложившуюся ситуацию... «Путешествия заканчиваются встречей влюбленных». Похоже, мне все-таки удастся встретиться с твоим сыном.

Они зашагали к школьному автобусу. Дэн Хартуик предложил Клаю жестяную коробочку с ментоловыми пастилками. Рука его дрожала. Как и Том с Джорданом, выглядел он совершенно вымотавшимся. Клай, чувствуя себя как во сне, взял пастилку. Заканчивался мир или нет, от нее

перехватило дыхание.

— Привет, приятель. — Рей сидел за рулем школьного автобуса, повернув бейсболку «Дельфинов» козырьком на затылок. В руке дымилась сигарета. На лице тоже читалась усталость. Смотрел он не на Клая, а в ветровое стекло.

— Эй, Рей, держись бодрей, — откликнулся Клай.

Рей улыбнулся.

— Сдается мне, я несколько раз это уже слышал.

— Конечно, возможно, и несколько сотен раз. Я бы с удовольствием сказал, что очень рад тебя видеть, но, учитывая сложившиеся обстоятельства, не уверен, что ты хочешь такое услышать.

Рей ответил, по-прежнему глядя прямо перед собой, в ветровое стекло:

— Тут есть еще кое-кто, и вот его ты определенно не хочешь видеть.

Клай посмотрел на уходящую вдаль дорогу. Они все посмотрели. В четверти мили или чуть дальше шоссе 160 взбиралось на следующий холм. И на вершине, все в том же красном «кенгуру», которое только стало еще грязнее, с надписью «ГАРВАРД» на груди, стоял и смотрел на них Порватый. Его окружали порядка пятидесяти мобилоидов. Он заметил, что они смотрят на него. Поднял руку и махнул дважды, из стороны в сторону, как человек, протирающий ветровое стекло. Потом повернулся и зашагал прочь. Его свита (его *стадо*, подумал Клай) двинулась следом по обе стороны от него, образовав букву «V». Скоро все они исчезли из виду.

Чуть дальше по дороге они остановились на площадке отдыха. Есть особо никто не хотел, но Клай получил возможность задать вопросы. Рей не ел вовсе, просто сидел на краю каменного мангала для барбекю, курил, слушал. В разговоре не участвовал. Клаю он показался совершенно убитым случившимся с ними.

— Мы думаем, что останавливаемся здесь. — Дэн обвел рукой маленькую площадку для отдыха, окруженную хвойными и лиственными, окрашенными в осенние цвета деревьями. Тут же журчал ручей, а у отходившей от площадки тропы для пеших прогулок стоял щит-указатель с предупреждающей надписью: ЕСЛИ ВЫ РЕШИЛИ ПРОГУЛЯТЬСЯ, ВОЗЬМИТЕ КАРТУ. — Мы, вероятно, останавливаемся здесь, потому что... — Он посмотрел на Джордана. — Ты бы сказал, что мы останавливаемся здесь. Джордан? У тебя, похоже, самое острое восприятие.

— Да, — без запинки ответил Джордан. — Потому что тут все настоящее.

— Точно. — Рей говорил, не поднимая головы. — Мы здесь, все так. — Он хлопнул рукой по каменному борту мангала, при ударе его обручальное колечко звякнуло. — Все реально. Мы снова вместе, как они того и хотели.

— Я не понимаю, — честно признался Клай.

— До конца мы тоже не понимаем, — ответил Дэн.

— Они гораздо могущественнее, чем я даже мог себе представить, — добавил Том. — Вот это я понимаю. — Он снял очки, протер линзы рубашкой. Устало, рассеянно. И выглядел он на десять лет старше Тома, которого Клай встретил в Бостоне. — Они залезли к нам в головы. Начали там хозяйничать. У нас не было ни шанса.

— Вы все выглядите уставшими, — отметил Клай.

Дениз рассмеялась.

— Да. Что ж, мы еще до этого дойдем. И так, мы расстались с тобой и зашагали по шоссе 11 на запад. Шли, пока на востоке не занялась заря. Братъ «тачку» не имело смысла. Дорога была слишком забита. Четверть мили пустой трассы, а потом...

— Дорожные рифы, я знаю, — кивнул Клай.

— Рей сказал, что машин станет меньше, как только мы окажемся западнее автострады Сполдинга, но мы решили провести день в мотеле «Сумерки».

— Я слышал о нем, — вновь кивнул Клай. — На границе лесов Бона. В наших краях об этом мотеле ходила дурная слава.

— Да? Ну ладно. — Она пожала плечами. — Мы добрались туда, и парнишка... Джордан... говорит: «Сейчас я приготовлю вам такой завтрак, какого вы никогда не ели». Мы говорим: мечтать не вредно, малыш. И что забавно, мечта эта осуществилась. В отеле есть электричество, и парень готовит завтрак, огромный завтрак. Какого мы действительно никогда не ели. И мы отдали должное еде. Это был завтрак из завтраков. Правильно я излагаю?

Дэн, Том и Джордан кивнули. Рей закурил очередную сигарету.

Согласно Дениз, они поели в ресторане, что Клая сильно удивило: он практически не сомневался в том, что никакого ресторана в мотеле «Сумерки» нет. Это был обычный мотель, каких хватало на границе Мэна и Нью-Хэмпшира. По слухам, из всех удобств там предлагался душ с холодной водой да кабельное телевидение с каналами «Только для взрослых».

А рассказ становился все более странным. В обеденном зале стоял музыкальный автомат. Никакого Лоренса Уэлка или Дебби Бун, только «горячие штучки» (включая «Горячую штучку» Донны Саммер), и вместо того чтобы идти спать, они танцевали, и с жаром, два или три часа. А потом, перед тем как все-таки лечь, они вновь наелись от пуза, только на этот раз колпак шеф-

повара надела Дениз. Но в конце концов они завалились спать.

— И нам снилось, что мы идем пешком. — Дэн говорил с горечью, которая тревожила. Это был не тот человек, которого Клай встретил двумя ночами раньше, который сказал: «Я практически уверен, что мы сможем не пускать их в наши головы, когда бодрствуем» и «Мы можем от них уйти. Они еще не набрали силы». Теперь он рассмеялся, но веселья в его смехе не слышалось. — Конечно же, нам снилось, что мы идем пешком, поскольку мы и ходили. Весь день ходили.

— Не совсем, — поправил его Том. — Мне снилось, что я вел автомобиль...

— Да, вел, — кивнул Джордан. — Но только час или два. Это произошло, когда нам снилось, что мы спим в этом мотеле. В «Сумерках». Мне тоже снилось, что я вел автомобиль. Это был как сон во сне. Только тот был настоящим.

— Видишь? — Том улыбнулся Клаю. Взъерошил длинные волосы Джордана. — На каком-то уровне Джордан все знал.

— Виртуальная реальность, — сказал Джордан. — Вот что это было. Почти как попасть в видеоигру. Пока это не такая уж убедительная реальность. — Он посмотрел на север, куда ушел Порватый, где находился Кашвак. — Она станет качественнее, когда они станут еще сильнее.

— Эти сукины дети не способны на такое с наступлением темноты, — вставил Рей. — Они должны ложиться спать.

— И в конце дня это сделали мы, — добавил Дэн. — Такой и была их цель. Вымотать нас до предела, чтобы мы не соображали, что к чему, даже с наступлением ночи, когда их контроль ослабевал. Днем президент Гарварда постоянно находился поблизости и вместе со своим немалым стадом накрывал нас ментальным силовым полем, создавая виртуальную реальность Джордана.

— Должно быть, — согласилась Дениз. — Да.

И все это происходило, прикинул Клай, когда он спал в коттедже хранителя музея.

— Они хотели не только вымотать нас, — заметил Том. — И не только заставить повернуть на север. Они также хотели, чтобы мы воссоединились.

Впятером они пришли в себя в полуразвалившемся мотеле на шоссе 47 (на шоссе 47 в штате Мэн), к югу от Грейт-Уокс. Чувство дезориентации было огромным, сказал Том. Доносившая откуда-то неподалеку стадная музыка не способствовала ясности мышления. Они подозревали, что произошло, но именно Джордан облек их смутные мысли в слова, именно Джордан сделал главный вывод: их попытка сбежать провалилась. Да, вероятно, они могли выскользнуть из мотеля и снова пойти на запад, но как далеко им удалось бы уйти на этот раз? Во-первых, они страшно устали. Во-вторых, разочаровались в своих возможностях. Джордан также указал, что мобилоиды могли использовать нескольких норми, чтобы те отслеживали их ночные передвижения.

— Мы поели, — сказала Дениз, — потому что проголодались так же сильно, как и устали. Потом действительно улеглись спать и спали до следующего утра.

— Я встал первым, — подхватил Том. — Порватый лично стоял посреди двора. Поклонился и махнул рукой в сторону дороги. — Клай хорошо помнил этот жест. «Дорога ваша. Можете идти». — Я мог бы его пристрелить, сэр Спиди был при мне, но какая от этого была бы польза?

Клай покачал головой. Никакой.

Они вернулись на дорогу, зашагали по шоссе 47. Потом, по словам Тома, почувствовали, как их мысленно толкают на не обозначенную на карте лесную дорогу, которая вроде бы шла на юго-восток.

— В то утро никаких видений? — спросил Клай. — Никаких грез?

— Абсолютно, — подтвердил Том. — Они знали, что мы усвоили урок. В конце концов,

они же могут читать мысли.

— Они слышали, как мы закричали: «Сдаемся!» — Горечь и признание поражения не уходили из голоса Дэна. — Рей, у тебя не найдется лишней сигареты? Я бросил, но, может, пора вернуться к этой привычке.

Рей молча бросил ему пачку.

— Все равно что тебя направляет рука, толкает в спину, только в мозгу, — объяснил свои ощущения Том. — Никакого удовольствия. Наглый незваный гость. И все это время сохранялось ощущение, что Порватый и его стадо где-то рядом, движется вместе с нами. Иногда сквозь деревья мы видели нескольких из них. Но обычно — нет.

— Значит, теперь они бродят стадом не только утром и вечером, — заметил Клай.

— Да, все меняется, — подтвердил Дэн. — У Джордана есть на этот счет теория, интересная, между прочим, и подкреплённая доказательствами. А кроме того, мы — особый случай. — Он закурил, вдохнул табачный дым, закашлялся. — Черт, я же знал, что отказался от этого не без причины, — и добавил практически без паузы: — Они могут летать, знаете ли. Левитировать. Удобно, между прочим, если дороги забиты. Все равно что иметь ковер-самолет.

Пройдя с милю по вроде бы ведущей в никуда лесной дороге, они нашли деревянный дом, перед которым стоял пикап. С ключом в замке зажигания. Рей сел за руль, Джордан и Том залезли в кузов. Никто не удивился, когда лесная дорога повернула на север. Аккурат перед тем как она сошла на нет, компас у них в головах заставил повернуть на другую, потом на третью, которая мало чем отличалась от тропинки: между колеями росла трава. В конце концов они попали на болотистый участок, где пикап и застрял, но часовой марш-бросок вывел их на шоссе 11, чуть южнее пересечения с шоссе 160.

— Там была пара мертвых мобилоидов, — вставил Том. — Еще теплых. Разбитые окна, оборванные провода. Вороны уже пировали.

Клай уже собрался рассказывать им о том, что произошло на территории пожарной станции Герливилла, но передумал. Решил, что его рассказ никак не отразится на сложившейся ситуации. Потому что хватало мобилоидов, которые не дрались между собой, и других, заставляющих Тома и остальных идти в Кашвак.

Однако не стадо привело их к маленькому желтому автобусу. Рей нашел его, обследуя «Всякую всячину», пока остальные пили прохладительные напитки, позаимствованные из того же холодильного шкафа, где Клай добыл себе банку имбирного пива. Рей увидел автобус через окно в дальней стене.

Потом они останавливались только раз: развели костер на граните Герливиллской каменоломни и приготовили горячую пищу. Они также сменили обувь во «Всякой всячине» (после марш-броска по болоту ноги были по колено в грязи) и немного отдохнули. Должно быть, проехали мимо мотеля в Герливилле, когда Клай просыпался, потому что вскоре их заставили остановиться.

— И вот мы здесь, — изрек Том. — Дело практически закрыто. — Он обвел рукой небо, землю, деревья. — Когда-нибудь, сынок, все это будет твое.

— Эта толкающая рука из моей головы ушла, по крайней мере на время, — заговорила Дениз. — И я им за это признательна. Первый день был самым ужасным, знаете ли. Я хочу сказать, Джордан острее других ощущал, что здесь какой-то подвох, но думаю, мы все это чувствовали, пусть и не в такой степени.

— Да. — Рей потер шею. — Все равно что попали в детскую историю с говорящими птичками и змеями. Они тебе говорят: «Ты в порядке, все хорошо, не обращай внимания на то, что ноги отваливаются от усталости, у тебя все тип-топ». Все тип-топ, так говорили в Линне, где я вырос.

— Линн, Линн, грешный град, в рай собрататься ты и рад, а дорога тебе — в ад, — распевно сказал Том.

— Тебя воспитывали в церкви, все понятно, — кивнул Рей. — В любом случае парнишка знал, тут что-то не так. И я знал. Думаю, мы все знали. Если у тебя сохранялась хотя бы половина мозгов и ты все еще думал, что сможешь вырваться...

— Я верил, пока мог, потому что мне хотелось верить, — перебил его Дэн. — Но если честно, у нас никогда не было и шанса. У других нормы, возможно, был, но не у нас, не у истребителей стад. Они хотели заполучить нас, чего бы им это ни стоило.

— И что, вы думаете, они для нас приготовили? — спросил Клай.

— Смерть, — бесстрастно ответил Том. — Но по крайней мере я смогу нормально выспаться.

В голове Клая наконец-то кое-что сложилось. Раньше, в разговоре, Дэн упомянул, что обычное поведение мобилоидов изменилось, и у Джордана есть на этот счет теория. А только что сказал: «Чего бы им это ни стоило».

— Неподалеку отсюда я видел двух мобилоидов, которые набросились друг на друга, — наконец сообщил им Клай.

— Правда? — без всякого интереса спросил Дэн.

— *Ночью*, — добавил он, и вот тут они все посмотрели на него. — Они подрались из-за пожарного автомобиля. Как дети из-за игрушки. Я уловил от одного телепатический сигнал, но при этом разговаривали оба.

— Разговаривали? — В голосе Дениз слышался скепсис. — Настоящими словами?

— Настоящими словами. Не всегда четко их произносили, но это определенно были слова. Сколько свежих трупов вы видели? Только эти два?

— Наверное, видели с дюжину, — ответил Дэн, — с того момента, как проснулись там, где действительно были, — посмотрел на остальных. Том, Джордан, Дениз кивнули. Рей пожал плечами и закурил очередную сигарету. — Но причину смерти назвать трудно. Они могут возвращаться в прежнее состояние, это укладывается в теорию Джордана, хотя обретение дара речи вроде бы нет. Они могут быть просто трупами, которые не подобрало стадо. Сейчас для них уборка покойников — не самое главное.

— Самое главное для них — это мы, и они скоро заставят нас двинуться дальше, — сказал Том. — Я не думаю, что прием... вы понимаете, прием на стадионе нам устроят сегодня, наверняка это случится завтра, но я уверен, они хотят, чтобы мы прибыли в Кашвак этим вечером, до наступления темноты.

— Джордан, какова твоя теория? — спросил Клай.

— Я думаю, что в исходной программе был червь, — ответил Джордан.

— Не понимаю, — покачал головой Клай, — но это и естественно. Когда дело касается компьютера, я могу пользоваться «Вордом», «Адоби иллюстрейтер», «МакМейлом»^[134].

Во всем остальном я безграмотный. Джонни пришлось учить меня, как раскладывать пасьянс на моем «Маке». — Эти слова причинили боль. Еще больнее стало, когда он вспомнил, как рука Джонни легла на его руку, с мышкой под пальцами.

— Но вы знаете, что такое компьютерный червь, так?

— Нечто такое, что попадает в компьютер и портит программы, так?

Джордан закатил глаза.

— Достаточно близко. Он может заползти в компьютер, испортить все файлы, а заодно и жесткий диск. Если он попадет в те материалы, которые вы отсылаете, даже в прикрепленные файлы, а черви туда попадают, он становится заразным и начинает распространяться. Иногда у червя появляются клоны. Червь сам может мутировать, и, случается, клоны мутируют еще сильнее. Понимаете?

— Понимаю.

— Импульс — компьютерная программа, посланная с помощью модема, это единственный способ, каким ее можно запустить в сеть. И эта программа до сих пор рассылается модемом. Только в ней был червь, и теперь он «подтачивает» программу. С каждым днем она портится все сильнее. Эм-зе-эм-пе^[135]. Вы знаете, что такое эм-зе-эм-пе?

— Я даже не знаю, как доехать до Сан-Хосе, — ответил Клай.

— Сокращение от «мусор зальешь, мусор получишь». Мы думаем, что пункты превращения, где мобилоиды превращают нормы в...

Клай вспомнил свой сон.

— Насчет этого я все знаю.

— Но теперь они получают плохую программу. Понимаете? И это подтверждается фактами, потому что самые новые мобилоиды выпадают из общей массы. Дерутся, ведут себя не как все, просто падают замертво.

— У тебя недостаточно данных, чтобы так говорить, — тут же ответил Клай. Он думал о Джонни.

Сверкавшие глаза Джордана чуть угасли.

— Это правда. — И тут же он вскинул подбородок. — Но это логично. Если посыл правильный, если это червь, нечто такое, что все глубже и глубже вгрызается в исходную программу, тогда все так же логично, как и латынь, которой они пользуются. Новые мобилоиды перезагружаются, но теперь это безумная, нестандартная загрузка. Они получают телепатические способности, но по-прежнему могут говорить. Они...

— Джордан, ты не можешь делать столь общие выводы всего лишь по двум мобилоидам, которых...

Джордан не обратил внимания на его слова. Собственно, он говорил сам с собой.

— Они не становятся членами стада, во всяком случае, становятся не полностью, потому что стадный императив устанавливается с ошибкой. Вместо этого они... бодрствуют допоздна и встают рано. Вновь становятся агрессивными по отношению к таким же, как они. И если с установочной программой дело обстоит все хуже... разве вы не видите? Самые последние, ставшими мобилоидами, будут погибать первыми.

— Прямо-таки как в «Войне миров», — прокомментировал Том.

— Что? — повернулась к нему Дениз. — Я не пошла на этот фильм^[136]. Решила, что он

слишком страшный.

— Пришельцев уничтожили микробы, которые безвредны для наших организмов, — объяснил Том, — Налицо прямо-таки высшая справедливость: мобилопсихи умирают от компьютерного вируса.

— Я бы согласился и на агрессивность, — буркнул Дэн. — Пусть перебьют друг друга в последней великой битве.

Клай по-прежнему думал о Джонни. О Шарон тоже, но больше о Джонни, который написал: «ПОЖАЛУЙСТА ПРИДИ И ЗАБЕРИ МЕНЯ». Написал большими буквами, потом указал оба своих имени и фамилию, словно добавляя весомости своей просьбе.

— Если эта битва не произойдет сегодня вечером, пользы нам от нее не будет. — Рей Уисенга встал и потянулся. — Они просто гонят нас в Кашвак. Вот я и хочу облегчиться, пока еще есть такая возможность. Не уезжайте без меня.

— На автобусе точно не уедем, — ответил Том, а Рей уже двинулся по пешеходной тропе. — Ключи-то у тебя в кармане.

— Надеюсь, все у тебя получится, — проворковала вслед Дениз.

— Никто не любит остряков, дорогая, — ответил Рей, исчезая из виду.

— Что они собираются с нами сделать? — спросил Клай. — Есть идеи?

Джордан пожал плечами.

— Возможно, это будет что-то вроде кабельной сети, только связанной со многими другими регионами страны. Может, и всего мира. Размеры стадиона заставляют меня предположить...

— А латынь, разумеется, — вмешался Дэн. — Это же *lingua franca*^[137].

— Но зачем им язык? — спросил Клай. — Они же телепаты.

— Думают они в основном словами, — напомнил Том. — Во всяком случае, пока. Так или иначе, они хотят нас казнить, Клай... Джордан так думает, и Дэн, да и я тоже.

— И я, — тихонько и мрачно добавила Дениз, поглаживая живот.

— Латынь — больше, чем *lingua franca*. Это язык справедливости, и мы видели, что они им уже пользовались.

Пушкарь и Гарольд. Да. Клай кивнул.

— У Джордана есть еще одна идея. — Том посмотрел на мальчика. — Думаю, тебе нужно ее услышать, Клай. На всякий случай. Джордан?

Мальчик покачал головой.

— Я не могу.

Том и Дэн Хартуик переглянулись.

— Один из вас все-таки должен сказать. — Клай не понимал, в чем дело. — Или я не прав?

Сказал Джордан:

— Они — телепаты, а потому знают, кто для нас самые близкие люди.

Клай почувствовал, что за этим стоит что-то мрачное, но все равно не понимал, о чем пойдет речь.

— И что?

— У меня брат в Провиденсе, — ответил Том. — Если он — один из них, то именно он и станет моим палачом. Разумеется, если Джордан прав.

— Моя сестра, — выдохнул Дэн Хартуик.

— Мой староста по этажу общежития. — Джордан побледнел как полотно. — У него был сотовый телефон «нокиа» последнего поколения, который позволял загружать видео.

— Мой муж. — Дениз разрыдалась. — Если только он не умер. Я молю Бога, чтобы он умер.

Еще с мгновение Клай их не понимал, а потом до него дошло: *Джон? Мой Джонни?* Он видел, как Порватый держал руку над его головой, слышал, как Порватый объявлял приговор: «Ессе homo — insanus». А тут увидел, как его сын направляется к нему, в бейсболке Малой лиги, повернутой козырьком на затылок, в любимом свитере «Ред сокс» и номером и фамилией Тима Уэйкфилда на спине. Джонни, такой маленький, под взглядами миллионов, наблюдающих за действием с помощью необыкновенной, поддерживаемой стадной энергией телепатической сети.

Джонни-мальш, улыбающийся. С пустыми руками.
Вооруженный лишь зубами во рту.

Повисшее над площадкой для отдыха тяжелое молчание нарушил Рей, хотя его и не было рядом.

— Ох, Господи! — донеслось с тропы. — Твою мать! — и после паузы: — Эй, Клай!

— Что случилось? — отозвался Клай.

— Ты прожил здесь всю жизнь, не так ли? — По голосу Рей не напоминал всем довольного туриста. Клай посмотрел на остальных, они ответили недоуменными взглядами. Джордан пожал плечами и раскинул руки, на несколько мгновений превратившись из жертвы Сотовой войны в обыкновенного мальчишку.

— Я жил в центральной части штата, но... да. — Клай поднялся. — А в чем проблема?

— Тогда ты знаешь, как выглядят ядовитый плющ и ядовитый дуб^[138], не так ли?

Дениз уже начала смеяться, но успела закрыть рот обеими руками.

— Да. — Клай не мог не улыбнуться, но он действительно знал, как выглядят эти растения, не один раз показывал на них Джонни и его приятелям, предупреждая, что к ним нельзя прикасаться.

— Подойди, пожалуйста, и взгляни, — попросил Рей. — Только приходи один, — и потом, практически без паузы: — Дениз, я и без всякой телепатии знаю, что ты смеешься. Засунь в рот носок, девочка.

Клай покинул площадку для отдыха, прошел мимо щита-указателя с надписью: «ЕСЛИ ВЫ РЕШИЛИ ПРОГУЛЯТЬСЯ, ВОЗЬМИТЕ КАРТУ», миновал журчащий ручей. Лес, как и положено осенью, выглядел великолепно. Разноцветье красных тонов перемешивалось с темной зеленью хвойных деревьев, и он подумал (и не в первый раз), если уж человеку суждено умереть, то для этого есть сезоны и похуже.

Он ожидал увидеть Рея со спущенными до лодыжек штанами, но Рей стоял на ковре из сосновых иголок, а штаны были на положенном им месте. Ядовитый плющ рядом с ним не просматривался, вообще не росло ничего с листьями. Такое бледное лицо Клай видел только раз, у Алисы, когда она метнулась из кухни в гостиную Никерсонов, где ее и вырвало. Кожа, казалось, не побелела, а помертвела. Жизнь оставалась только в глазах. Они горели.

— Иди сюда, — таким шепотом могли говорить только на тюремном дворе. За журчанием ручейка Клай едва разобрал слова. — Быстро. Времени у нас в обрез.

— Рей, какого черта...

— Просто слушай. Дэн и твой приятель Том, они слишком умные. Джорди тоже. Иногда ум мешает. Дениз в этом смысле подходит больше, но она беременна. Не могу довериться беременной женщине. Так что остаешься только ты, мистер Художник. Мне это не нравится, потому что ты все еще ищешь своего сына, но с ним все кончено. В глубине сердца ты это знаешь. Сына тебе не вернуть.

— Мальчики, у вас все в порядке? — позвала Дениз, и Клай, пусть и потрясенный словами Рея, уловил смех в ее голосе.

— Рей, я не знаю, что ты...

— Не знаешь, и пусть так и остается. Просто *слушай*. Того, что хочет этот хрен моржовый в красном «кенгуру», не произойдет, если ты этого не допустишь. И это все, что тебе нужно знать.

Рей сунул руку в карман кожаных штанов, достал сотовый телефон и полоску бумаги. Мобильник покрывал слой грязи, то есть пользовались им не в чистоте кабинетов, а в полевых условиях.

— Положи в карман. Когда придет время, набери записанный номер. Когда оно придет, ты поймешь. Я надеюсь, что поймешь.

Клай взял мобильник. Он мог или взять, или выронить его. Полоска бумаги проскользнула между пальцами.

— *Возьми ее!* — яростно прошептал Рей.

Клай наклонился и поднял полоску бумаги. Увидел десять записанных на нем цифр. Три первые составляли код штата Мэн.

— *Рей, они же читают мысли!* Если это будет у меня...

Рот Рея искривился в какой-то жуткой усмешке.

— Да! — прошептал он. — Они залезут в твою голову и выяснят, что ты думаешь о гребаном сотовом телефоне! О чем еще все думают после первого октября? Те из нас, кто еще способен думать, а?

Клай смотрел на грязный, выдавший виды мобильник. С двумя наклеенными полосками липкой ленты. На верхней прочитал: «МИСТЕР ФОГЕРТИ». На нижней: «СОБСТВЕННОСТЬ ГЕРЛИВИЛЛСКОЙ КАМЕНОЛОМНИ. НЕ ВЫНОСИТЬ».

— Положи его в свой гребаный карман!

Не приказной тон заставил его повиноваться, а лихорадочный блеск глаз. Клай начал засовывать мобильник и полоску бумаги в карман. Он был в джинсах с куда более узкими карманами, чем на кожаных штанах Рея. И смотрел вниз, думая, что надо бы растянуть карман пошире, когда Рей наклонился к нему, протянул руку, выхватил из кобуры револьвер сорок пятого калибра. Когда Клай поднял глаза, Рей уже сунул ствол под подбородок.

— Ты окажешь своему мальшу услугу, Клай. Поверь мне. Никакая это не жизнь.

— *Рей, нет!*

Рей нажал па спусковой крючок. Пуля с полым наконечником, выпущенная из кольта сорок пятого калибра, снесла ему полголовы. Вороны во множестве поднялись с деревьев. Клай и не подозревал, что их так много. Теперь же они огласили осеннее небо своими криками.

И тут же он заглушил их крики своим.

Они едва начали рыть ему могилу в темной, мягкой земле под соснами, как мобилоиды залезли им в головы. Клай впервые испытал на себе их воздействие. Как и говорил Том, его словно толкала в спину сильная рука. Только рука и спина находились в голове. Никаких слов он не слышал. Его просто толкали.

— Дайте нам закончить! — закричал он, и тут же сам себе и ответил, более высоким голосом, который сразу узнал: — Нет. Идите. Сейчас.

— Пять минут! — настаивал он.

На этот раз голос стада использовал Дениз.

— Идите. Сейчас.

Том столкнул тело Рея (остатки головы завернули в чехол, снятый с одного из сидений) в едва намеченную могилу. Бросил на него несколько пригоршней земли. Прижал руки к вискам, морщась от боли.

— Хорошо, хорошо, — и сразу же получил ответ: — Идите. Сейчас.

По тропе они вернулись на площадку для отдыха, Джордан возглавлял колонну. Очень бледный, но, по мнению Клая, не такой бледный, каким был Рей в последнюю минуту своей жизни. Далеко не такой. «Никакая это не жизнь», — вот что он сказал перед смертью.

На другой стороне шоссе, словно на параде, вытянувшись в шеренгу от горизонта до горизонта, на отрезке дороги не меньше полумили, может, и больше, стояли мобилоиды. Как минимум четыреста, но Порватого среди них Клай не видел. Решил, что Порватый ушел, чтобы подготовить их встречу, ибо в доме его много обитателей^[139].

С телефонной линией в каждом, — подумал Клай.

Когда они направлялись к автобусу, трое мобилоидов вывалились из шеренги. Двое тут же принялись драться и рвать друг на друге одежду, а их рычание вполне могло быть словами (Клай вроде бы слышал «сучье вымя», но мог и ошибиться). Третий просто зашагал прочь, направившись вдоль белой полосы к Ньюфилду.

— И это правильно, выходи из строя, солдат! — истерично завопила Дениз. — Все выходите!

Но они не вышли. И прежде чем дезертир дошел до поворота, за которым шоссе 160 исчезало из виду на юге, пожилой, но крепко сложенный мобилоид просто протянул руки, схватил «пешехода» за голову и резко повернул. «Пешеход» тут же свалился на асфальт.

— Ключи у Рея. — Голос Дэна переполняла усталость. Большая часть конского хвоста вылезла из-под закрутки, волосы рассыпались по плечам. — Кто-то должен вернуться и...

— Я их взял, — ответил Клай. — И я сяду за руль. — Он открыл боковую дверь маленького автобуса, чувствуя, как в голове его толкают в спину. Руки покрывали грязь и кровь. Он чувствовал вес мобильного в кармане, и в голову пришла озорная мысль: может, Адам и Ева сорвали несколько яблок, прежде чем уйти из рая. Чтоб было что пожевать на долгой дороге к семистам каналам телевидения и рюкзакам-бомбам в лондонском метро. — Залезайте!

Том как-то странно глянул на него.

— Не обязательно так весело, Ван Гог.

— Почему нет? — Клай улыбнулся. Задался вопросом, может, его улыбка выглядит такой же, как у Рея, страшной и жуткой. — По крайней мере мне не придется долго слушать вашу болтовню. Все на борт! Следующая остановка — Кашвак=нет-тел.

Но прежде чем они залезли в салон, им пришлось выбросить оружие.

Они не получили ментальной команды, их контроль над телом не перехватывала какая-то

суперсила. Клаю не пришлось наблюдать, как его рука тянется вниз и вынимает из кобуры револьвер сорок пятого калибра. Он думал, что мобилоиды не способны на такое, во всяком случае, на тот момент. Они не могли даже использовать их голоса, не получив на то разрешения. Что он почувствовал, так это зуд в голове, ужасный, на пределе терпимости.

— Дева Мария! — тихо вскрикнула Дениз и, насколько могла, далеко отбросила маленький пистолет двадцать второго калибра, который носила за поясом. Он приземлился на асфальт. Дэн выбросил свой автоматический пистолет, на всякий случай добавил к нему и охотничий нож. Нож, лезвием вперед, долетел чуть ли не до противоположной стороны шоссе 160, но никто из стоящих там мобилоидов и бровью не повел.

Джордан бросил пистолет, который нес, на землю у автобуса. Потом, постанывая и кривясь от боли, залез в рюкзак и вытащил пистолет Алисы, отшвырнул. Том так же поступил с сэром Спида.

К оружию, которое лежало у автобуса, Клай добавил револьвер сорок пятого калибра. После Импульса револьвер этот стал причиной смерти двоих людей, так что Клай расставался с ним без сожаления.

— Вот. — Он говорил, глядя в глаза и грязные, по большей части изувеченные лица мобилоидов, наблюдавших за ними с другой стороны шоссе, но визуализировал Порватого. — Это все. Вы довольны? — И мгновенно получил ответ: — Почему. Он. Это сделал?

Клай сглотнул слюну. Ответ хотели знать не только мобилоиды. Дэн и остальные тоже смотрели на него. Джордан, он это заметил, ухватился за брючный ремень Тома, словно боялся ответа Клая точно так же, как малыш боится шумной улицы, по которой один за другим проносятся грузовики.

— Он сказал, что ваш образ жизни — не жизнь, — ответил Клай. — Взял мой револьвер и вышиб себе мозги, прежде чем я успел его остановить.

Наступившую тишину нарушало только карканье ворон. Потом заговорил Джордан, бесстрастно и безапелляционно: «Наш образ. Единственный».

Потом Дэн. Так же бесстрастно (*Пожалуй, они могут испытывать ярость, а больше — ничего*, подумал Клай): «Залезайте. В автобус».

Они поднялись в салон. Клай сел за руль и завел двигатель. Поехал на север по шоссе 160. Не прошло и минуты, как уловил движение по левую руку. Мобилоиды. Они тоже направлялись на север. Вдоль обочины... *над обочиной...* по прямой линии, словно стояли на невидимой конвейерной ленте, натянутой на высоте восьми дюймов над землей. А дальше, впереди, где дорога взбиралась на холм, они поднимались гораздо выше, где-то на пятнадцать футов, образуя человеческую арку под серым, практически полностью затянутым облаками небом. Мобилоиды, поднимающиеся и исчезающие за холмом, напоминали Клаю людей, огибающих пологий горб на невидимых американских горках.

Потом грациозная симметрия нарушилась. Одна из поднимающихся фигур вывалилась, словно подстреленная утка, и с высоты семи футов упала на обочину. Мужчина в превратившемся в лохмотья спортивном костюме. Завертелся на месте, отталкиваясь одной ногой, волоча другую. Когда автобус проезжал мимо на скорости пятнадцать миль в час, Клай увидел, что лицо его перекошено яростью, и губы шевелятся, выплевывая, Клай в этом не сомневался, предсмертное заявление.

— Итак, теперь мы все знаем, — нарушил тягостное молчание Том. Вместе с Джорданом он сидел на заднем сиденье, за спинкой которого находилось багажное отделение, где лежали их рюкзаки. — Приматы превратились в человека, человек — в мобилоидов, а мобилоиды стали левитирующими телепатами с синдромом Туретта. Эволюция завершилась.

— Что такое синдром Туретта? — спросил Джордан.

— Чтоб мне сдохнуть, если я знаю, сынок, — и невероятно, но все засмеялись. Скоро просто покатывались от смеха, даже Джордан, который не знал, над чем он смеется, а маленький желтый автобус медленно катил на север. Мобилоиды обгоняли его, а потом поднимались, поднимались, и процессии этой не было конца.

Спустя час после отъезда от площадки для отдыха, где Рей покончил с собой, они проехали мимо рекламного щита, на котором прочитали:

ЭКСПО СЕВЕРНЫХ ОКРУГОВ

5 — 15 ОКТЯБРЯ

ПРИХОДИТЕ КАЖДЫЙ, ПРИХОДИТЕ ВСЕ!!!

ПОСЕТИТЕ КАШВАКАМАК-ХОЛЛ

И НЕ ЗАБУДЬТЕ УНИКАЛЬНЫЙ «СЕВЕРНЫЙ КРАЙ»

ИГРОВЫЕ АВТОМАТЫ

ТЕХАССКИЙ ПОКЕР

«ИНДЕЙСКОЕ БИНГО»

ВЫ СКАЖЕТЕ «ВАУ!!!»

— Господи, — выдохнул Клай. — ЭКСПО. Кашвакамак-Холл. Боже ты мой. Если там есть место для стада, это оно.

— Что это за экспо? — спросила Дениз.

— Обычная окружная ярмарка, — ответил Клай, — только крупнее многих других и более шальная, потому что это ТР, где нет такой строгой регламентации, как в городах. Опять же этот «Северный край». Все в Мэне знают насчет «Северного края» на ЭКСПО в Кашваке. По-своему он известен ничуть не меньше, чем мотель «Сумерки».

Том пожелал узнать, чем знаменит «Северный край», но прежде чем Клай успел ответить, Дениз вскрикнула:

— Еще двое. Мария-и-Иисус. Я знаю, что они — мобилоиды, но все равно меня мутит.

Мужчина и женщина лежали в пыли на обочине дороги. Умерли, то ли обнимая друг друга, то ли в жестокой драке, но объятия вроде бы не соответствовали образу жизни мобилоидов. По пути на север они проехали еще с полдюжины тел, несомненно, потери того стада, что приходило за ними, и увидели как минимум в два раза больше мобилоидов, которые шли на юг, иногда по одному, иной раз парами. Одна из пар, определенно не соображая, что делает, попыталась остановить проезжающий автобус, хотела, чтобы их подвезли.

— Было бы здорово, если б они все ушли из стада или умерли до того, как они сделают то, что запланировали для нас на завтра, — размышлял Том.

— На это рассчитывать не стоит, — возразил Дэн. — На каждого убитого и дезертира мы видели двадцать или тридцать тех, в ком программа по-прежнему работает. И одному Боту известно, сколько таких же ждут нас в этом Кашваке.

— На это тоже не рассчитывайте, — ответил ему с заднего сиденья Джордан. Пожалуй, резковато. — Вирус в программе, червь, не такой уж пустяк. Поначалу он, конечно, может показаться мелочью, а потом бум — и ничего не работает. Я играю в эту игру, «Стар-Мег»... ну, вы понимаете, я в нее играл, а потом один парень из Калифорнии страшно разозлился из-за постоянных проигрышей и запустил в систему червя, который за неделю вывел из строя все серверы. Почти полмиллиона игроков вернулись к компьютерному криббиджу из-за этого козла.

— У нас нет недели, Джордан, — напомнила Дениз.

— Я знаю, — кивнул он. — И я знаю, что за одну ночь они не скатятся с катушек... но такое возможно. И я не теряю надежды. Не хочу закончить так же, как Рей. Он перестал... вы знаете, надеяться, — и маленькая слеза скатилась по щеке Джордана.

Том обнял его.

— Ты не закончишь так же, как Рей, — заверил он мальчика. — Ты вырастешь и станешь таким же, как Билл Гейтс.

— Я не хочу вырастать, чтобы стать таким, как Билл Гейтс, — мрачно ответил Джордан. — Готов спорить, у Билла Гейтса был сотовый телефон. Собственно, готов спорить, что у него их была целая дюжина. — Он выпрямился. — Но я бы многое отдал, чтобы узнать, сколько башен-ретрансляторов сотовой связи по-прежнему работает, несмотря на отключение электричества.

— ФЕМА^[140], — вздохнул Дэн.

Том и Джордан повернулись к нему. Губы Тома изогнулись в подобие улыбки. Даже Клай посмотрел на него в зеркало заднего обзора.

— Вы думаете, я шучу, — вновь вздох. — Если бы. Я прочел об этом статью в каком-то журнале. Когда сидел в приемной моего доктора в ожидании малоприятного исследования, при котором на руку надевают перчатку, а потом суют ее...

— Пожалуйста, — прервала его Дениз. — И так тошно. Повод для твоего визита к доктору можно и опустить. Что ты прочитал в статье?

— После 9/11 ФЕМА затребовало и получило немалую сумму от Конгресса, точную цифру я не помню, по речь шла о десятках миллионов долларов, на оснащение национальной системы башен-ретрансляторов сотовой связи аварийными генераторами долговременного использования, чтобы гарантировать, что страна не лишится средств связи в случае скоординированной атаки террористов. — Дэн помолчал. — Как я понимаю, деньги были потрачены не зря.

— ФЕМА, — повторил Том. — Уж не знаю, плакать теперь или смеяться.

— Я бы посоветовала написать твоему конгрессмену, — ввернула Дениз, — но он скорее всего обезумел.

— Он был безумным и до Импульса, — рассеянно ответил Том, думая о другом. Потершею, посмотрел в окно. — ФЕМА. Знаете, а ведь это логично. Гребаное ФЕМА.

— А мне бы очень хотелось узнать, почему они потратили столько усилий, чтобы поймать нас и доставить в Кашвак, — сменил тему Дэн.

— И при этом гарантировать, что никто из нас не последует примеру Рея, — добавила Дениз. — Не забывайте об этом. — Пауза. — Я бы и не последовала. Самоубийство — это грех. Здесь они могут сделать со мной все что захотят, но я отправлюсь на небеса со своим ребенком. Я в это верю.

— Латынь — вот от чего у меня бегут мурашки, — вновь заговорил Дэн. — Джордан. Возможно ли, чтобы мобилоиды могли взять то, что было раньше, и встроить старое в их новую программу? Если это старое не противоречит... м-м-м... ну, не знаю... их долгосрочным целям?

— Наверное, — ответил Джордан. — Точно знать не могу, потому что нам неизвестно, какие именно команды могли входить в Импульс. В любом случае это же не обычное компьютерное программирование. Это саморазвивающаяся программа. Органическая. Обучающая. Да, полагаю, это обучающая программа. «Подпадает под это определение», — как сказал бы директор. Только они все обучаются вместе, потому что...

— Благодаря телепатии, — вставил Том.

— Именно, — согласился Джордан. На его лице отражалась тревога.

— А почему от латыни у вас по коже бегут мурашки? — спросил Клай, глядя на Дэна в зеркало заднего обзора.

— Том сказал, что латынь — язык справедливости, и я полагаю, это правда, но мне представляется, что еще в большей степени это язык мести. — Он наклонился вперед. За линзами очков в глазах читались усталость и тревога. — Потому что с латынью или без оной они не могут думать. Я в этом убежден. Пока что, во всяком случае. Ими движет не

рациональное мышление, а некое сознание роя — порождение чистой ярости.

— Я протестую, Ваша Честь, фрейдистское измышление! — воскликнул Том достаточно весело.

— Может, Фрейд, может, и Лоренц, — ответил Дэн, — но в любом случае попробуйте опровергнуть мое измышление. Разве может кого-либо удивлять, что такая общность, такая пышущая яростью общность, подменит справедливость местью?

— А разве это имеет значение? — спросил Том.

— Для нас, возможно, — ответил Дэн. — Как человек, который однажды читал базовый курс о «судах Линча» в Америке, могу ответственно заявить, что месть обычно приводит к куда более мучительной смерти.

Вскоре после этого разговора они прибыли к знакомой Клаю части дороги. И его это сильно расстроило, потому что наяву никогда прежде он в эту часть штата не заглядывал. Побывал только раз, во сне о массовом превращении нормы в мобилоидов.

Поперек дороги, широкими мазками ярко-зеленой краски написали: «КАШВАК=НЕТ-ТЕЛ». Автобус перекатился через эти слова на скорости тридцать миль в час, а мобилоиды все продолжали их обгонять, пролетали слева, словно ведьмы.

«*Это был не сон, — думал он, глядя на мусор, застрявший в кустах по обе стороны дороги, банки из-под пива и газировки в кюветах. Пакеты, в которых были картофельные чипсы, «Доритос» и «Чиз дудлс» хрустели под колесами автобуса. — Нормы стояли здесь в двойной очереди, ели чипсы, пили пиво и газировку, испытывая необычный зуд в голове, ощущая, будто ментальная рука толкает их в спину, ожидая своей очереди сказать несколько слов самому близкому человеку, который потерялся во время Импульса. Они стояли здесь и слушали, как Порватый говорит: *Налево и направо, две очереди, все правильно. Именно так. Двигайтесь, двигайтесь. Еще многие должны пройти до темноты.**

Впереди деревья отступали от дороги. И участок между лесом и кюветами, где раньше было с трудом возделанное пастбище, на котором овцы и коровы щипали траву, вытоптали так, будто здесь проходил рок-концерт. Один из павильонов унесло ветром, зато другой зацепился за деревья и теперь болтался в спускающихся сумерках, словно длинный коричневый язык.

— Мне снилось это место. — Голос Джордана звенел от напряжения.

— Правда? — спросил Клай. — Мне тоже.

— Нормы шли сюда, следуя указателям «Кашвак равняется нет-тел», и именно здесь их встречали, — добавил Джордан. — Похоже на контрольные посты^[141], не так ли, Клай?

— В каком-то смысле, — согласился Клай. — В каком-то смысле похоже на контрольные посты.

— У них стояли большие картонные коробки, набитые мобильниками, — рассказывал Джордан. Этой подробности из своего сна Клай не помнил, но у него не возникло и тени сомнения в правоте мальчика. — Горы мобильников. И каждый нормы получал возможность позвонить. Вот счастливики-то.

— Когда тебе все эти приснилось, Джорди? — спросила Дениз.

— Прошлой ночью. — Джордан встретился с Клаем взглядом в зеркале заднего вида. — Они знали, что им не удастся поговорить с людьми, с которыми они хотели поговорить. Глубоко в душе знали. Но все равно звонили. Брали в руки мобильник. Набирали номер и слушали. Большинство из них даже не сопротивлялось. Почему, Клай?

— Полагаю, потому что они устали бороться, — ответил Клай. — Устали быть другими. Хотели слушать «Прогулку слоненка» по-новому.

Они проехали площадки вытоптанной земли, на которых стояли павильоны. Впереди от шоссе отходила боковая дорога. Более широкая, с более ровным покрытием, чем само шоссе. Мобилоиды поворачивали на эту дорогу и скрывались в лесной просеке. А над деревьями, в полумиле или чуть дальше, виднелось стальное ферменное сооружение, которое Клай видел во сне. Подумал, что это какой-нибудь ярмарочный аттракцион, может, парашютная вышка. На пересечении шоссе и боковой дороги стоял рекламный щит с изображением счастливого, смеющегося семейства (папа, мама, сынок и маленькая сестричка), шагающего в страну чудес с аттракционами, играми и экспонатами выставки достижений сельского хозяйства.

ЭКСПО СЕВЕРНЫХ ОКРУГОВ

ВЫ СКАЖЕТЕ: «ВАУ!!!»

Под рекламным щитом Клай увидел Порватого. Тот поднял руку и выставил перед собой, как бы говоря: «Стоп!»

О Боже, подумал Клай и остановил маленький автобус рядом с ним. Глаза Порватого, которые Клай так и не смог нарисовать в Гейтене, были одновременно и тусклыми, и полными нездорового интереса. Клай говорил себе, что не могут они выглядеть такими одновременно, но ведь выглядели. Большею частью их застилал туман, но на какие-то мгновения вдруг неприятно оживали.

Не может у него возникнуть желание ехать с нами!

Но именно этого, похоже, и хотел Порватый. Он протянул к двери руки, сложив их ладонями, потом развел их. Сам жест неприязни не вызывал (словно мужчина показывал «эта птичка улетела»), но руки почернели от грязи, а мизинец на левой был сломан в двух местах.

Вот они какие, новые люди, подумал Клай. Телепаты, которые не моются.

— Не пускай его. — Голос Дениз дрожал.

Клай, который увидел, что конвейер мобилоидов слева от автобуса остановился, покачал головой.

— Нет выбора.

«Они залезут в твою голову и выяснят, что ты думаешь о гребаном сотовом телефоне! — сказал Рей, почти что фыркнул. — О чем еще все думают после первого октября?»

Надеюсь, ты прав, Рей, подумал Клай, потому что до наступления темноты еще полтора часа. Как минимум полтора часа.

Он дернул за рычаг и открыл дверь. Порватый, с разорванной нижней губой, отвисающей в постоянной усмешке, поднялся в салон. Невероятно худой, грязное красное «кенгуру» висело на нем как на вешалке. Ни один из норми, сидевших в автобусе, не мог похвастаться чистотой, после первого октября правила личной гигиены потеряли приоритетное значение, но от вони, которую источал Порватый, у Клая едва не начали слезиться глаза. Это был запах созревшего сыра, который оставили в теплой комнате, чтобы он выдохся.

Порватый опустил на сиденье у двери, то, что располагалось лицом к водительскому креслу, и посмотрел на Клая. И в его глазах не было ничего, кроме тумана и этого странного любопытства.

Затем заговорил Том, тонким, вибрирующим от ярости голосом, какой Клай слышал только раз, когда Том бросил: «Хватит, игры закончились», — толстухе, потрясающей Библией, когда та начала читать Алисе проповедь о конце света.

— Что вы от нас хотите? Весь мир ваш, каким он стал... что вы хотите от нас?

Изувеченный рот Порватого задвигался, произнося слово, которое слетело с губ Джордана. Только одно слово, произнесенное ровным, лишенным эмоций голосом: «Справедливости».

— Когда речь заходит о справедливости, — указал Дэн, — подозреваю, вы понятия не имеете, что это такое.

Порватый ответил жестом, вытянул руку в сторону боковой дороги, ладонью вверх, выставил указательный палец: «Поезжай».

Когда автобус тронулся с места, пришло в движение и большинство мобилоидов. Несколько вывалились из строя и начали драться, но в зеркале заднего вида Клай видел и других, которые зашагали к шоссе.

— Ты теряешь войска, — заметил Клай.

Порватый не ответил, стадо не сочло целесообразным комментировать последнюю фразу. Его глаза, то пустые, то любопытные, то пустые и любопытные одновременно, не отрывались от Клая, который убедил себя, что чувствует их взгляд, ползающий по коже. Сцепленные пальцы Порватого, серые от грязи, лежали на коленях грязных, когда-то синих джинсов. Потом он улыбнулся. Может, это и был ответ. Дэн, в конце концов, оказался прав. На каждого мобилоида, который вышел из строя (слетел с катушек, по терминологии Джордана), приходилось много других. Но Клай и понятия не имел, сколь много, пока полчаса спустя лес не раздался в обе стороны и они не проехали под деревянной аркой, на которой он прочитал: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА ЭКСПО СЕВЕРНЫХ ОКРУГОВ».

— Святой Боже! — вырвалось у Дэна.

Дениз лучше выразила охватившие Клая чувства: она сдавленно вскрикнула.

Устроившись по другую сторону прохода па первом пассажирском сиденье, Порватый смотрел на Клая наполовину пустыми глазами, злобными глазами ребенка-дебила, который собрался оторвать крылышки несколькими мухам. «Тебе это нравится? — говорила его ухмылка. — Это что-то, не так ли? Вся команда в сборе!» Разумеется, ухмылка могла означать все что угодно. Даже: «Я знаю, что лежит у тебя в кармане».

За аркой начиналась центральная аллея и аттракционы, которые, судя по тому, как все выглядело, собирали во время Импульса. Клай не знал, сколько ярмарочных павильонов успели установить карни^[142], потому что некоторые сдуло, как и павильоны на контрольно-пропускном пункте в шести или восьми милях от территории ярмарки. Полдюжины, однако, стояли, и их боковины, казалось, дышали под вечерним ветром. Карусель «Безумные чашки» построили только наполовину, как и «Дом ужасов» на другой стороне центральной аллеи (по той части фасада, что успели собрать, виднелись слова «МЫ НАПУГАЕМ ЛЮБОГО...», над которыми танцевали скелеты). Только чертово колесо да парашютная вышка в дальнем конце центральной аллеи выглядели готовыми к использованию, но в отсутствие иллюминации казались Клаю очень уж мрачными и больше походили не на аттракционы, а на гигантские орудия пыток. Однако один огонек мигал, он это видел, маленький красный маячок, наверняка работающий от аккумулятора, на самой вершине парашютной вышки.

Далеко за вышкой находилось белое здание с красной отделкой длиной в добрый десяток амбаров. Стены его обложили соломой. В этот слой дешевой изоляции на расстоянии десяти — двенадцати футов друг от друга воткнули древки американских флагов, которые полоскались на вечернем ветру. Стены также украшали матерчатые гирлянды патриотической расцветки и ярко-синяя надпись:

ЭКСПО СЕВЕРНЫХ ОКРУГОВ
КАШВАКАМАК-ХОАЛ

Но все это не привлекло их внимания. Парашютную вышку и Кашвакамак-Холл разделяла поляна площадью в несколько акров. Клай догадался, что именно там собиралась огромная толпа, чтобы посмотреть конкурсы домашних животных, демонстрацию мощи тракторов, вечерние концерты и, разумеется, фейерверки в дни открытия и закрытия ЭКСПО. По периметру поляны высились осветительные мачты и столбы с установленными на них динамиками. Теперь же эту широкую и заросшую травой поляну запрудили мобилоиды. Они стояли плечом к плечу, бедром к бедру, повернувшись лицами к арке, чтобы наблюдать прибытие маленького желтого автобуса.

Если у Клая еще и оставалась надежда увидеть Джонни (или Шарон), то в этот самый момент она испарилась как дым. Поначалу он решил, что на поляне, под осветительными мачтами собралось порядка пяти тысяч мобилоидов. Потом увидел, что они заняли и примыкающие к главной выставочной площадке автомобильные стоянки, и пересмотрел свои расчеты в сторону увеличения. Восемь. Как минимум восемь тысяч.

Порватый оставался на сиденье, которое обычно занимал какой-нибудь ученик третьего класса начальной школы Ньюфилда, и улыбался Клаю, демонстрируя свои зубы над оторванной с одного края нижней губой. «Тебе это нравится?» — вроде бы спрашивала эта улыбка-ухмылка, и опять Клаю пришлось напомнить себе, что в такой ухмылке можно прочитать все что угодно.

— Так кто сегодня выступает? Винс Джилл? Или вам удалось сорвать банк и заполучить Алана Джексона^[143]? — Том старался пошутить, и Клай мог бы ему поаплодировать, да только в голосе Тома явственно слышался страх.

Порватый все смотрел на Клая, и у него на лбу появилась маленькая вертикальная складка, словно что-то ставило его в тупик.

Клай медленно ехал по центральной аллее, к парашютной вышке и собравшейся за ней молчащей толпе. Здесь тоже хватало покойников, они напомнили Клаю дохлых мух, которых иной раз находишь на подоконнике после внезапного резкого похолодания. Он сосредоточился на том, чтобы расслабить руки. Не хотел, чтоб Порватый видел, как белеют костяшки сжимающих руль пальцев.

И старайся ехать не спеша. Спокойно и не спеша. Он только смотрит на тебя. Что же касается мобильников, то о чем еще все думают после первого октября?

Порватый поднял руку и нацелил на Клая искривившийся палец.

— Нет-тел, тебе, — произнес Клай чужим голосом. — Insanus.

— Да, нет-тел мне, они — нет-тел, мы здесь явно не у дел, — ответил Клай. — Но ты нас пристройшь, так?

Порватый улыбнулся, словно говоря, что да, так... но вертикальная складка оставалась на месте. Что-то по-прежнему ставило его в тупик. Может, какие-то мысли в голове Клая Ридделла.

Клай посмотрел в зеркало заднего вида, когда они приближались к концу центральной аллеи.

— Том, ты спрашивал меня, что такое «Северный край».

— Извини, Клай, мой интерес, похоже, иссяк, — ответил Том. — Может, потому, что не ожидал увидеть столько встречающих.

— Но это действительно любопытно, — возбужденно воскликнул Клай.

— И что же это такое? — спросил Джордан. Господи, благослови Джордана. Его любопытство могло умереть только вместе с ним.

— ЭКСПО северных округов не пользовалось особой популярностью в двадцатом веке, — объяснил Клай. — Обычная заштатная сельскохозяйственная ярмарка, где продавались изделия народных промыслов, продукты, домашний скот и птица. Все это выставлялось в Кашвакамак-Холле... где они, судя по всему, и собираются оставить нас на ночь.

Он посмотрел на Порватого, но тот не собирался что-либо подтверждать или отрицать. Порватый только лыбился. Маленькая вертикальная складка исчезла с его лба.

— Клай, посмотри. — Дениз изо всех сил пыталась изгнать дрожь из голоса.

Он повернулся к ветровому стеклу и тут же нажал на педаль тормоза. Пожилая женщина с гноющимися порезами на обеих ногах, покачиваясь, вышла из толпы. Обогнула парашютную вышку, несколько раз споткнулась о строительные конструкции «Дома ужасов», которые приготовили, но не установили на место (помешал Импульс), потом неловко побежала к автобусу. Добежав, забарабанила по ветровому стеклу грязными, скрюченными артритом руками. И на лице женщины Клай увидел не пустоту, которую ассоциировал с мобилоидами, а полнейшую дезориентацию. И с таким выражением лица он уже сталкивался. «Кто ты? — спрашивала его фея Темная. Фея Темная, которая не получила полного Импульса. — Кто я?»

Девять мобилоидов аккуратным квадратом двинулись следом за пожилой женщиной, чье безумное лицо отделяли от лица Клая какие-то пять футов. Ее губы шевелились, и он услышал четыре слова, которые одновременно достигли его ушей и разума: *Возьми меня с собой.*

Едва ли вы захотите поехать, куда едем мы, подумал Клай.

А потом мобилоиды схватили ее и потащили обратно к толпе на поляне. Она пыталась

вырваться, но они были неумолимы. Клай поймал ее взгляд и подумал, что это глаза женщины, которая могла считаться счастливницей, если бы попала в чистилище. Но, похоже, это был ад.

Вновь Порватый вытянул руку, ладонью вверх, указательным пальцем вперед: «Поехали».

Пожилая женщина оставила на ветровом стекле отпечаток руки, призрачный, но все-таки заметный. Клай смотрел сквозь него, нажимая на педаль газа.

— Так или иначе, до 1999 года ЭКСПО особого интереса не вызывала. Если человек жил в этой части штата и хотел поразвлечься, покататься на аттракционах, увидеть что-то интересное, то ехал на Фрайбургскую ярмарку. — Он услышал свой голос, словно звучащий с магнитофонной ленты. Разговор ради разговора. Подумал о водителях туристических «уток» в Бостоне, рассказывающих о различных достопримечательностях города. — А потом, аккурат перед сменой столетий, Бюро штата по делам индейцев провело топографическую привязку. Все знали, что ярмарка примыкает к землям резервации Сокабейзин, но проведенная проверка показала, что северная часть Кашвакамак-Холла фактически находится на территории резервации, то есть на земле микмаков. Организаторы ЭКСПО дураками не были, как и члены совета племени. Они договорились о том, чтобы убрать маленькие магазинчики из северной части здания и поставить там игровые автоматы. И в мгновение ока ЭКСПО северных округов стала самой большой осенней ярмаркой Мэна^[144].

Они подъехали к парашютной вышке. Клай вывернул руль налево, чтобы маленький автобус проехал между вышкой и строительными конструкциями, которые не успели стать частью «Дома ужасов», но Порватый руками, ладонями вниз, похлопал по воздуху. Клай остановил автобус. Порватый встал и повернулся к двери. Клай дернул за открывающий рычаг, Порватый вышел. Потом повернулся к Клаю и приглашающе махнул рукой.

— Что он там делает? — спросила Дениз. Со своего места она Порватого видеть не могла. Никто не мог.

— Приглашает нас на выход. — Клай встал. Чувствовал верхней частью бедра тяжесть мобильного, который дал ему Рей. Если бы посмотрел вниз, увидел бы, как он выпирает сквозь материю джинсов. Потянул подол футболки, которая была на нем, пытаясь скрыть мобильник. *Сотовый телефон, что такого, все о них думают.*

— Мы должны идти? — В голосе Джордана звучал испуг.

— Выбора у нас нет, — ответил Клай. — Пошли, добро пожаловать на ярмарку.

Порватый повел их к молчащей толпе. Она раздалась в обе стороны, открыв им узкий, с игольное ушко, проход, от парашютной вышки до двойной двери Кашвакамак-Холла. Клай и остальные прошли мимо автомобильной стоянки, заставленной грузовиками. Борта каждого украшало название компании, обустроивавшей ярмарку, «РАЗВЛЕКАТЕЛЬНАЯ КОРПОРАЦИЯ НОВОЙ АНГЛИИ», и ее логотип, «русские горки». А потом толпа поглотила их.

Эта пешая прогулка показалась Клаю бесконечной. Вонь была невыносимой, просто валила с ног, несмотря на усилившийся ветер, который уносил верхний ее слой. Он отдавал себе отчет в том, что его ноги двигаются, видел перед собой красное «кенгуру» Порватого, но двойная дверь здания, украшенного гирляндами из красной, синей и белой материи, не приближалась. Воняло грязью и кровью, мочой и калом, обожженной, воспаленной, гноящейся плотью, гниющей одеждой, распадающейся прямо на телах. Он улавливал и что-то новое, ему незнакомое. И наверное, полагать сие запахом безумия было бы слишком просто.

Я думаю, это запах телепатии. И если это так, мы к ней не готовы. Она для нас слишком сильна. Каким-то образом жжет мозг, точно так же, как слишком сильный электрический ток может сжечь проводку в автомобиле или...

— Помогите мне с ней! — крикнул за спиной Джордан. — Помогите, она теряет сознание!

Клай повернулся и увидел, что Дениз стоит на коленях и упирается в землю руками. Джордан тоже упал рядом с ней на колени, одну ее руку положил себе на шею, но сил поднять женщину ему не хватало. Том и Дэн не могли подойти и помочь. Слишком узким был оставленный мобилоидами коридор. Дениз подняла голову и на мгновение встретилась взглядом с Клаем. Сознание она еще не потеряла, но взгляд поплыл, а глазами напоминала подстреленного оленя. Ее вырвало на траву серой слизью, и она вновь опустила голову. Волосы закрыли лицо, словно занавес.

— Помогите мне! — вновь закричал Джордан. Начал плакать.

Клай пошел обратно, принялся расталкивать мобилоидов, чтобы подхватить Дениз с другой стороны.

— Подвиньтесь! — кричал он. — Подвиньтесь, она беременна, идиоты, неужели вы не видите, что она бере...

Сначала он узнал блузу. С высоким воротником-стойкой, белую шелковую блузку, которую всегда называл докторской. Он полагал, что эта блуза — самый сексуальный предмет одежды из гардероба Шарон, возможно, из-за воротника. Шарон нравилась ему обнаженной, но еще большее удовольствие он получал, лаская ее груди через белый шелк этой блузки с высоким воротником-стойкой. Тискал соски, пока они не начинали буравить материю. Теперь докторская блуза Шарон в одних местах стала черной от грязи, а в других — темно-бордовой от крови. Один из рукавов в пройме оторвался. «*Выглядит она не так плохо, как некоторые*», — написал Джонни, но выглядела она не очень. Определенно не была той Шарон Ридделл, которая пошла в школу в докторской блузе и темно-красной юбке, когда муж, с которым она жила врозь, находился в Бостоне, чтобы подписать договор, подводящий черту под их финансовыми трудностями, договор, который заставил бы Шарон признать, что все ее нападки на его «дорогое хобби» вызваны избытком страха и недостатком веры в него (так он, во всяком случае, полагал). Русые волосы висели патлами. На лице хватало порезов, одно ухо наполовину оторвали, в месте надрыва темнела свернувшаяся в болячку кровь. Она съела что-то темное, и остатки съеденного прилепились к уголкам рта, который он целовал едва ли не каждый день на протяжении почти пятнадцати лет. Она смотрела на него, сквозь него, с той идиотской полуулыбкой, которая не

сходила с их лиц.

— *Клай, помогите мне!* — Джордан почти рыдал.

Клай вернулся в настоящее. Шарон здесь не было, вот о чем следовало помнить. Шарон уже две недели как не существовала. С того самого момента, как позвонила по маленькому красному мобильнику Джонни в день Импульса.

— Подвинься, сука, — рывкнул он и оттолкнул женщину, которая была его женой. Прежде чем она успела податься вперед, занял ее место. — Эта женщина беременная, так что подвинься, — потом наклонился, подсунул шею под вторую руку Дениз и поднял ее.

— Иди вперед, — сказал Том Джордану. — У меня получится лучше.

Джордан держал руку Дениз достаточно долго, чтобы Том успел положить ее себе на шею. Они с Клаем пронесли Дениз последние девяносто ярдов к дверям Кашвакамак-Холла, где их дожидался Порватый. К тому времени Дениз уже бормотала, чтобы они ее отпустили, что она в порядке, что может идти сама, но Том ее не отпускал. И Клай тоже. Если бы отпустил, то, возможно, оглянулся бы в поисках Шарон. Этого ему делать не хотелось.

Порватый улыбался Клаю, и на этот раз улыбка определенно была более осмысленной. Словно они оба разделили какую-то шутку. *Шарон?* — задался Клай вопросом. *Эта шутка — Шарон?*

Вероятно, нет, потому что следующий жест Порватого показался бы очень знакомым Клаю в прежнем мире, но вот здесь представлялся совершенно неуместным: правая рука поднялась к правой половине лица, большой палец оказался у уха, мизинец — у рта. Порватый показывал, что говорит по телефону.

— Нет-тел-тебе-тебе, — сказала Дениз, а потом добавила, уже своим голосом: — Не делай этого, мне противно, когда ты это делаешь!

Порватый не обратил на нее ни малейшего внимания. Он продолжал держать руку у правой половины лица, большим пальцем у уха, мизинцем у рта, глядя на Клая. На мгновение Клай уже не сомневался, что Порватый посмотрел и на карман, в котором лежал мобильник. Потом Дениз повторила, в каком-то смысле пародируя Джонни-мальша: «Нет-тел-тебе-тебе». Порватый изобразил смех, с его изуродованным ртом получилось довольно-таки мрачно. А спиной Клай чувствовал взгляд стада, который буквально давил на него.

Потом двойная дверь Кашвакамак-Холла открылась сама по себе, и из здания вырвались запахи, накапливающиеся там десятилетиями, а теперь ставшие отличным противоядием вони стада: запахло пряностями, вареньями, сеном, домашней скотиной. Не царила под крышей и крошечная тьма: лампы аварийного освещения, которые питались от аккумуляторов, потускнели, но не полностью погасли. Клай нашел это удивительным, по прошествии стольких дней, даже подумал, что мобилоиды отключали аварийное освещение, приберегая остатки электроэнергии к их приезду, но эта версия вызвала у него большие сомнения. Порватый ничего не говорил. Только улыбался и движениями рук показывал, что они должны пройти в дверь.

— С превеликим удовольствием, выродок, — ответил ему Том. — Дениз, ты уверена, что сможешь идти сама?

— Да, но сначала мне нужно кое-что сделать. — Она глубоко вдохнула, а потом плюнула в лицо Порватому. — Вот. Возьми это с собой в Харвуд, гребаная харя.

Порватый ничего не сказал. Только улыбался Клаю. По поводу шутки, которую знали только они вдвоем.

Никто не принес им еды, но в Кашвакамак-Холле хватало автоматов, торгующих закусками, а Дэн нашел лом в чулане для инструментов в южном конце громадного здания. Остальные стояли и смотрели, как он вскрывает автомат, торгующий сладостями (*Разумеется, мы безумны, думал Клай. Мы едим «Бейб Рутс» на обед, завтра у нас будут «ПейДейз» на завтрак*), когда зазвучала музыка. И не «Ты осветила мою жизнь» или «Прогулка слоненка». Нет, из мощных динамиков, установленных на столбах вокруг огромной поляны, зазвучало что-то медленное и величественное. Клаю уже приходилось слышать эту мелодию, но очень давно. Она наполнила его грустью, а по рукам побежали мурашки.

— Господи, — выдохнул Дэн. — Я думаю, это Альбиони ^[145].

— Нет, — возразил Том. — Это Пахельбель ^[146]. Канон в ре-мажоре.

— Ну разумеется. — В голосе Дэна слышалось недовольство собой.

— Такое ощущение, что... — начала Дениз, замолчала. Посмотрела на свои кроссовки.

— Что? — спросил Клай. — Продолжайте. Вы среди друзей.

— Это похоже на звук воспоминаний, — ответила Дениз. — Словно больше у них ничего не осталось.

— Да, — кивнул Дэн. — Полагаю...

— Эй! — крикнул Джордан. Он смотрел в одно из маленьких окошек. Располагались они довольно высоко, но он стоял на цыпочках, а потому дотягивался. — Посмотрите, что там делается!

Они подошли к окошкам, которые выходили на широкую поляну. Уже стемнело. Столбы с динамиками и осветительные мачты черными часовыми стояли на фоне темного неба. На вершине парашютной вышки одиноко мигал красный маячок. А впереди, прямо перед ними, тысячи мобилоидов упали на колени, словно мусульмане, собравшиеся помолиться, под музыку Иоганна Пахельбеля, которая, возможно, заменяла им воспоминания. А потом они легли на траву, дружно, все как один, вызвав колебание воздуха, приподнявшее с земли пустые пакеты и расплюснутые стаканчики для газировки.

— Отбой для всей безмозглой армии, — прокомментировал Клай. — Если мы собираемся что-то делать, то в нашем распоряжении только эта ночь.

— Делать? — переспросил Том. — А что мы собираемся делать? Две двери, которые я попытался открыть, заперты. Думаю, остальные тоже.

Дэн поднял лом.

— Едва ли он нам поможет, — покачал головой Клай. — Эта штукавина хороша с торговыми автоматами, но, помните, это место использовалось как казино. — Он указал на северный край помещения, застеленный коврами и уставленный рядами одноруких бандитов, хромированные детали которых поблескивали в тусклом свете аварийных ламп. — Думаю, вы обнаружите, что ломом такие двери не возьмешь.

— Окна? — спросил Дэн, посмотрел на них и сам ответил: — Джордан может вылезти.

— Давайте поедим, — предложил Клай. — Потом сядем и постараемся расслабиться. Раньше такой возможности у нас не было.

— И что мы будем делать, расслабившись? — спросила Дениз.

— Вы можете делать что хотите, — ответил Клай. — Я не рисовал почти две недели, и мне так этого не хватает. Думаю, я порисую.

— У вас же нет бумаги, — указал Джордан.

Клай улыбнулся.

— Когда у меня нет бумаги, я рисую в голове.

Джордан недоверчиво посмотрел на него, стараясь понять, не насмеются ли над ним. Решив, что нет, задал еще вопрос:

— Рисовать в голове не так хорошо, как на бумаге, правда?

— В чем-то даже лучше. Вместо того чтобы что-то стирать, ту или иную часть рисунка я представляю себе заново.

Что-то громко щелкнуло, и дверца автомата, торгующего сладостями, распахнулась.

— Бинго! — воскликнул Дэн и победно вскинул над головой лом. — Кто говорит, что колледжские профессора ни на что не годятся в реальном мире?

— Посмотрите. — В голосе Дениз звучала жадность. На Дэна она и не смотрела. — Целая полка «Джуньор мент»^[147], — и запустила руки в автомат.

— Клай? — спросил Том.

— Что?

— Полагаю, ты не видел своего мальчика, не так ли? Или свою жену? Сандру?

— Шарон, — поправил его Клай. — Я их не видел, — заглянул в автомат мимо широкого бедра Дениз. — А это «Баттерфингеры»?^[148]

Полчаса спустя они наелись сладостями и вскрыли автомат с банками газировки. Потом проверили все двери и выяснили, что они заперты. Дэн попытался пустить в ход лом, но не смог даже просунуть его в зазор между дверью и полом. Хотя двери выглядели деревянными, Том предположил, что сердцевина у них металлическая.

— Скорее всего они и на сигнализации, — добавил Клай. — Если попытаемся их вскрыть, наверняка придет полиция резервации и упечет нас в кутузку.

Убедившись, что с дверьми не справиться, Дениз, Дэн, Том и Джордан уселись кружком на ковре, в компании игровых автоматов. Клай устроился на бетоне, спиной к двойным дверям, через которые Порватый предложил им войти в Кашвакамак-Холл, показав рукой: «Только после вас, увидимся утром».

Мысли Клая хотели вернуться к другому насмешливому жесту: большой палец — у уха, мизинец — у рта, имитация поднесенного к уху мобильного, но он им не позволил, во всяком случае сразу. По собственному, и немалому, опыту знал, что в таких случаях наиболее короткий путь — в обход, через дверь черного хода. Вот он и прислонился к деревянной панели, скрывавшей под собой сталь, закрыл глаза и визуализировал страницу комикса. Не из «Темного странника» (понимал, что с «Темным странником» покончено, и никто не понимал этого лучше, чем он), а из нового комикса. «Назовем его „Мобильник“, пока не придумано название получше, — думал Клай, — волнующей саге о конце мира, когда ордам мобилоидов противостояли несколько последних норми...»

Да только неверный это посыл. Нет, казалось бы, верный, по первому, быстрому взгляду, точно так же, как двери этого здания выглядели деревянными, хотя и не были таковыми. Ряды мобилоидов серьезно потрепаны... иначе просто быть не может. Сколько их погибло во вспышке насилия, имевшей место быть сразу после Импульса? Половина? Клай вспомнил, с какой яростью они бросались как на норми, так и друг на друга, и подумал: *Пожалуй, больше, процентов шестьдесят, а то и семьдесят.* Затем потери, вызванные серьезными ранениями, инфекциями, холодом, новыми драками и просто глупостью. Плюс, разумеется, истребители стад, сколько им удалось уничтожить? И вообще, сколько на самом деле осталось больших стад, таких, как это?

Клай подумал, что они смогут выяснить это завтра, если другие оставшиеся стада подключатся к этому спектаклю — казни безумных. Но едва ли эта информация принесет им какую-то пользу.

Не важно. Опустим этот момент. Если нужно уместить всю предысторию на одной странице, придется опускать многое, потому что описание ситуации должно быть сжато до одной текстовой врезки. Это неписаное правило. Положение мобилоидов можно описать четырьмя словами: *у них серьезные потери*. Кажется, что их много, чего там, чертовски много, но, возможно, так же думали и о странствующих голубях, практически до того момента, как они полностью исчезли. Потому что до самого конца путешествовали голуби стаями, которые затмевали небо. И никто не замечал, что этих гигантских стай становилось все меньше и меньше. Пока они не исчезли. Пока не уничтожили последнюю.

Finita^[149]. Бах-бай.

Плюс, думал Клай, *теперь у них появилась еще одна проблема, дефект программы. Этот червь. И что из этого следует? Похоже, этим ребятам отпущен меньший срок, чем динозаврам, пусть они и овладели телепатией, левитацией и всем прочим.*

Ладно, о предыстории достаточно. Что будет на твоей иллюстрации? Что будет на твоей чертовой картине, той самой, с которой ты хочешь начать? Само собой, Клай Ридделл и Рей Уисенга. Они стоят в лесу. У Рея в руке револьвер сорок пятого калибра Бет Никерсон, ствол он уже сунул под подбородок, а Клай держит в руке...

Мобильник, естественно. Тот самый, который Рей взял в Герливиллской каменоломне.

КЛАЙ (в ужасе): РЕЙ, ОСТАНОВИСЬ! ЭТО ЖЕ БЕССМЫСЛЕННО! РАЗВЕ ТЫ НЕ ПОМНИШЬ? В КАШВАКЕ НЕТ СОТОВОЙ СВЯ...

Напрасно! БА-БАХ! — большими желтыми буквами по брызгам, и это действительно брызги, потому что Арни Никерсон предусмотрительно зарядил револьвер жены патронами, в которые установлены пули с полыми наконечниками (они продаются через Интернет на американских паранойяльных сайтах), и верхняя часть головы Рея — красный гейзер. На заднем плане (одна из точно подмеченных деталей, за которые Клай Ридделл мог бы получить известность в мире, обошедшемся без Импульса) — единственная перепутанная ворона, взлетающая с ветви сосны.

«Чертовски хорошая страница, — подумал Клай. — Кровь, конечно, такая никогда бы не сошла за шедевр в те дни, когда действовал Кодекс комиксов, но сразу захватывает внимание». И хотя в реальности Клай ничего не говорил о том, что мобильники не работают за пунктом превращения нормы в мобилоидов, он бы сказал, если бы тогда успел об этом подумать. Но не успел. И время его истекло. Рей застрелился, чтобы Порватый и его друзья не смогли увидеть этот телефон у него в голове, и вот это было самой горькой иронией. Порватый узнал все о сотовом телефоне, наличие которого Рей хотел скрыть своей смертью. Он знал, что телефон в кармане Клая... и плевать на это хотел.

Стоя у двойной двери Кашвакамак-Холла, Порватый поднес руку к лицу, большой палец возле уха, три согнутых — у порванной и небритой щеки, мизинец у рта, и использовал Дениз, чтобы сказать это снова, чтоб не осталось никаких сомнений; *Нет-тел-тебе-тебе*.

Совершенно верно. Потому что Кашвак=нет-тел.

Рей умер зазря... Тогда почему его это совершенно не расстраивало?

Клай отдавал себе отчет, что дремлет, как случалось с ним часто, когда он рисовал в голове. Уходит от реальности. И его это не смущало. Потому что ощущал себя точно так же, как случалось, когда оставалось совсем чуть-чуть до момента слияния воедино картины и истории, и это были счастливые ощущения, какие обычно испытывает человек, подходя к двери, за которой его ждут. Перед тем как путешествие завершится встречей влюбленных. У него не было абсолютно никаких причин испытывать такие ощущения, но он их испытывал.

Рей Уисенга умер ради бесполезного сотового телефона. Или телефон был не один? Теперь Клай видел другую картинку. Одну из предыдущих, он мог это сказать по зубчатым краям.

Крупный план: руки Рея с грязным мобильником и полоской бумаги с написанным на ней номером телефона. Большой палец Рея скрывает все цифры за исключением телефонного кода штата Мэн.

РЕЙ (в «пузыре»): КОГДА ПРИДЕТ ВРЕМЯ, НАБЕРИ ЗАПИСАННЫЙ НОМЕР. КОГДА ОНО ПРИДЕТ, ТЫ ПОЙМЕШЬ, Я НАДЕЮСЬ, ЧТО ПОЙМЕШЬ.

Никому не могу позвонить из Кашвакамака, Рей, потому что Кашвак=нет-тел. Можешь спросить президента Харвуда.

И словно для того чтобы расставить все точки над «і», еще одна предыдущая картинка с зубчатыми краями. Шоссе 160. На заднем плане маленький желтый автобус с надписью на борту «ШТАТ МЭН ШКОЛЬНЫЙ ОКРУГ 38 НЬЮФИЛД». Ближе, поперек проезжей части, надпись на асфальте «КАШВАК=НЕТ-ТЕЛ». Вновь потрясающая детальная прорисовка фона: пустые банки из-под газировки в кювете, потерянная футболка, зацепившаяся за куст, вдаль унесенный ветром павильон, свисающий с дерева, как длинный коричневый язык. Над автобусом — четыре «пузыря» для слов. В них не те слова, которые они действительно произносили (даже его дремлющий мозг это знал), но это не имело ровно никакого значения. На текущий момент исторической достоверностью можно было пренебречь.

Он подумал, что сможет понять, а что же главное, когда к этому подойдет.

ДЕНИЗ (в «пузыре»): ЭТО ТО МЕСТО, ГДЕ ОНИ...

ТОМ (в «пузыре»): ГДЕ ОНИ ПРОВОДИЛИ ПРЕВРАЩЕНИЕ, СОВЕРШЕННО ВЕРНО. ВСТАНЬ В ОЧЕРЕДЬ НОРМИ, ПОЗВОНИ, А ПОТОМ НАПРАВЛЯЙСЯ В СТАДО НА ЭКСПО, УЖЕ ОДНИМ ИЗ НИХ. ТАКАЯ ВОТ ИСТОРИЯ.

ДЭН (в «пузыре»): ПОЧЕМУ ЗДЕСЬ? ПОЧЕМУ НЕ НА ТЕРРИТОРИИ ЭКСПО?

КЛАЙ (в «пузыре»): РАЗВЕ ВЫ НЕ ПОМНИТЕ? КАШВАК=НЕТ-ТЕЛ. ОНИ ВЫСТРОИЛИ НОРМИ НА ГРАНИЦЕ ЗОНЫ ПРИЕМА. ДАЛЬШЕ СВЯЗИ НЕТ. NADA [\[150\]](#). АУТ. НА ДИСПЛЕЕ ВМЕСТО ЧЕРТОЧЕК УРОВНЯ РАДИОСИГНАЛА СОТОВОЙ СВЯЗИ — ПУСТОТА.

Еще картина. Крупным планом Порватый, во всем его мерзком великолепии. Улыбающийся изуродованным ртом и так многое выражающий в жесте. У Рея возникла какая-то идея, связанная с использованием мобильника. Столь блестящая, что он совершенно забыл об отсутствии здесь сотовой связи. Мне, вероятно, придется добратсья до Квебека, чтобы на дисплее телефона, который он мне дал, возникла хоть одна черточка, свидетельствующая о появлении радиосигнала. Это забавно, но знаете, что еще забавнее? Я взял мобильник! Вот в чем умора!

Так получалось, что Рей умер зазря? Возможно, но перед мысленным взором Клая уже формировалась другая картина. Снаружи Пахельбель уступил место Форе [\[151\]](#), того сменил Вивальди. Музыка изливалась не из бумбоксов, а из динамиков. Темных динамиков на фоне черного неба, с недостроенными аттракционами на заднем плане. А на переднем высился Кашвакамак-Холл с его гирляндами и дешевой теплоизоляцией из соломы. И чего не хватало для завершения картины, так это одной маленькой детали, за точность изображения которых Клая Ридделла уже знали в узких кругах... Он открыл глаза и выпрямился, оторвавшись от двери. Остальные по-прежнему сидели кружком на ковре в северной части здания. Клай не знал, сколько времени он провел у двери, но, вероятно, достаточно много, потому что зад онемел.

«Эй!» — попытался позвать он, но сначала с губ не сорвалось ни звука. Во рту пересохло. Он откашлялся и предпринял вторую попытку: «Эй!» — и они повернулись. Что-то в его голосе заставило Джордана вскочить на ноги. Том последовал примеру мальчика.

Клай шел к ним на плохо гнущихся ногах: они затекли от долгого сидения в одной позе. Па ходу он вытащил из кармана мобильник. Тот самый, из-за которого умер Рей, забыв самую важную особенность Кашвакамака: здесь, на территории ЭКСПО северных округов, эти

штуковины не работали.

— Если он не работает, какой от него прок? — спросил Дэн. Ему передалось возбуждение Клая, но оно быстро угасло, когда он увидел, что у него в руке не карта «ВЫЙДЕШЬ ИЗ ТЮРЬМЫ СВОБОДНЫМ», а еще один гребаный мобильник. Грязная старая «моторола» с треснувшим корпусом. Остальные смотрели на телефон со страхом и любопытством.

— Потерпите немного, — попросил Клай. — Могу я на это рассчитывать?

— У нас вся ночь впереди, — ответил Дэн, снял очки, начат их протирать. — Все равно как-то ее нужно провести.

— Вы зашли во «Всякую всячину», чтобы найти что-нибудь из съестного и питья, и обнаружили рядом школьный автобус, так? — спросил Клай.

— Это ж было зиллион^[152] лет тому назад. — Дениз выпятила нижнюю губу и сдула волосы со лба.

— Рей нашел маленький автобус, — продолжил Клай. — Мест на двенадцать...

— На шестнадцать, — уточнил Дэн. — Так написано на приборном щитке. Должно быть, в здешних школах маловато учеников.

— Шестнадцать мест плюс багажное отделение за последним рядом сидений для школьных ранцев и рюкзаков, а также для вещей на случай экскурсий. Дальше вы поехали на автобусе. А когда добрались до Герливиллской каменоломни, готов спорить, именно Рей предложил там остановиться.

— Ты знаешь, да, — подтвердил Том. — Сказал, что мы могли бы приготовить горячую пищу и отдохнуть. Откуда ты это знаешь, Клай?

— Узнал, потому что нарисовал, — ответил Клай, и его слова в принципе соответствовали действительности: он видел все, как говорил. — Дэн, вы, Дениз и Рей уничтожили два стада. Первое сожгли бензином, второе взорвали динамитом. Рей знал, как пользоваться динамитом, потому что научился, когда строил дороги.

— Твою мать, — выдохнул Том. — Он добыл динамит в каменоломне, не так ли? Пока мы спали. И он мог это сделать... мы спали как убитые.

— Именно Рей нас и разбудил, — добавила Дениз.

— Я не знаю, динамит он нашел или какое еще взрывчатое вещество, — вновь заговорил Клай, — но я почти уверен, пока вы спали, Рей превратил этот маленький желтый автобус в бомбу на колесах.

— Взрывчатка сзади, — догадался Джордан. — В багажном отделении.

Клай кивнул.

Пальцы Джордана сжались в кулаки.

— И сколько, как вы думаете?

— До взрыва узнать невозможно, — ответил Клай.

— Правильно ли я тебя понимаю, — вновь заговорил Том. Снаружи Вивальди сменил Моцарт с «Легкой вечерней музыкой». В своем развитии мобилоиды определенно переросли Дебби Бун. — Он упрятал бомбу в задней части автобуса... а потом каким-то образом приспособил сотовый телефон в качестве детонатора.

Клай кивнул.

— Так мне представляется. Я думаю, он нашел два мобильника в офисе каменоломни. Насколько мне известно, он мог найти и полдюжины, которыми пользовались сотрудники на работе... Видит Бог, они нынче дешевые. Так или иначе, один он подсоединил к взрывчатке в качестве детонатора. Так поступают повстанцы, когда взрывают в Ираке придорожные бомбы.

— Он сделал все это, пока мы спали? — спросила Дениз. — И ничего нам не сказал?

— Он держал все при себе, чтобы эта информация не попала вам в головы, — ответил Клай.

— И покончил с собой, чтобы она не осталась в его голове, — добавил Дэн и горько рассмеялся. — Ладно, он — чертов герой! Да только он забыл, что сотовые телефоны не работают дальше того места, где они установили свои проклятые павильоны, на входе в которые нормы превращались в мобилоидов! Готов спорить, они и там работали на пределе!

— Точно. — Клай улыбался. — Вот почему Порватый позволил мне оставить этот телефон. Не знал, для чего он мне нужен... в любом случае я не уверен, что они вообще могут думать...

— Как мы, точно не могут, — прервал его Джордан. — И никогда не смогут.

— ...но его этот мобильник особо и не волновал, потому что он знал: они здесь не работают. Я даже не мог превратиться в мобилоида, потому что Кашвак равняется нет-тел. Нет-тел-мне-мне.

— Так почему вы улыбаетесь? — спросила Дениз.

— Потому что знаю то, чего не знает Порватый, — ответил Клай. — Чего не знают они. —

Он повернулся к Джордану. — Ты умеешь водить машину?

На лице Джордана отразилось удивление.

— Послушайте, мне, между прочим, двенадцать. Я хочу сказать, откуда?

— Ты никогда не садился за руль карта? Мотовездехода? Снегохода?

— Да, конечно, садился. Картиновая трасса есть неподалеку от Нэшуа, и раз или два...

— Этого хватит. Далеко тебе ехать все равно не придется. При условии, что они оставили автобус у парашютной вышки. И я готов спорить, что оставили. Водить автобус они наверняка не умеют, как не умеют думать.

— Клай, ты рехнулся? — спросил Том.

— Нет, — ответил Клай. — Завтра они могут провести массовую казнь истребителей стад на своем виртуальном стадионе, но мы в этом участвовать не будем. Мы отсюда уходим.

Стекло в маленьких окошках было толстым, но лом Дэна с ним справился. Он, Том и Клай работали по очереди, пока не вышибли все осколки. Потом Дениз сняла свитер, который был на ней, и положила на нижнюю сторону рамы.

— Как ты, Джордан? — спросил Том.

Мальчик кивнул. Он боялся, в губах не осталось ни кровинки, но держал себя в руках. Снаружи колыбельная музыка мобилоидов завершила круг: вновь зазвучал Канон Пахельбеля, который Дениз назвала звуком воспоминаний.

— Я в порядке, — ответил Джордан. — Если не сейчас, то буду. Думаю. Как только приступлю.

— Том, возможно, сумел бы протиснуться... — начал Клай.

Поверх плеча Джордана Том посмотрел на маленькое окошко, не более восемнадцати дюймов шириной, покачал головой.

— Я справлюсь, — сказал Джордан.

— Хорошо. Повтори еще раз, что нужно сделать.

— Обойти здание и заглянуть в багажное отделение автобуса. Убедиться, что там взрывчатка, но ничего не трогать. Найти второй сотовый телефон.

— Правильно. Посмотреть, включен ли он. Если не включен...

— Я знаю, включить. — «Я же не дурак», — говорил взгляд Джордана, брошенный на Клая. — Потом завести двигатель...

— Нет, ты торопишься...

— Пододвинуть водительское кресло, чтобы я мог достать до педалей, *потом* завести двигатель.

— Правильно.

— Проехать между парашютной вышкой и «Домом ужасов». Очень медленно. Я могу наехать на какие-то строительные конструкции от «Дома ужасов», которые не успели поставить на место, ни могут сломаться, но меня это не должно останавливать.

— Точно.

— Я должен подобраться к ним как можно ближе.

— Да, именно так. Потом возвращайся сюда, к этому окну, чтобы здание находилось между тобой и взрывом.

— Тем, что, мы надеемся, может стать взрывом, — вставил Дэн.

Клай предпочел бы, чтобы такие комментарии не озвучивались, но одергивать Дэна не стал. Наклонился и поцеловал Джордана в щеку.

— Я тебя люблю, ты знаешь.

Джордан коротко, но крепко обнял его. Потом Тома. Потом Дениз.

Дэн протянул мальчику руку, потом сказал: «А, какого черта», — и заключил Джордана в медвежьи объятия. Клай, который раньше не так уж жаловал Дэна Хартуика, проникся к профессору куда более теплыми чувствами.

Клай переплел пальцы рук, превратив их в скамейку, на которую Джордан поставил одну ногу, и поднял мальчика.

— Помни, это будет как нырок, только не в воду, а на солому, — предупредил он. — Руки вверх и наружу.

Джордан поднял руки, выставил через разбитое окно в ночь. Лицо под шапкой густых волос побледнело еще сильнее, первые красные прыщи переходного возраста пламенели, как маленькие костры. Он боялся, и Клай не мог его за это винить. Ему предстоял прыжок с десяти футов, и приземление, пусть и на сено, ожидалось жестким. Клай надеялся, что Джордан будет помнить о том, что руки нужно выставить перед собой и сгруппироваться. Он не смог бы принести им никакой пользы, лежа рядом с Кашвакамак-Холлом со сломанной шеей.

— Хочешь, чтобы я сосчитал до трех, Джордан?

— Черт, нет! Поднимите меня до того, как я надую в штаны!

— Тогда держи руки перед собой, *пошел!* — воскликнул Клай и резко поднял сцепленные руки. Джордан вылетел в окно и исчез. Клай не слышал, как он приземлился: слишком уж гремела музыка.

Остальные собрались у окна, которое находилось чуть выше их голов.

— Джордан? — позвал Том. — Джордан, ты здесь?

Какие-то мгновения ответа не последовало, и Клай уже уверовал в то, что Джордан сломал-таки шею. Потом послышался дрожащий голос мальчика:

— Я здесь. Черт, больно. Приложился локтем. Левым. Рука как не своя. Минутку...

Они ждали. Дениз нашла руку Клая, сжала ее.

— Двигается, — наконец сообщил Джордан. — Думаю, все в порядке, но, наверное, мне стоит заглянуть в школьный медпункт.

Они засмеялись слишком уж громко.

Том повесил ключ зажигания на полоску материи, которую оторвал от рубашки, а саму полоску привязал к пряжке ремня. Клай вновь сцепил пальцы и теперь поднял Тома.

— Джордан, я сейчас передам тебе ключ. Готов?

— Да.

Том схватился за раму, посмотрел вниз, потом опустил вниз пояс.

— Хорошо, ты его взял. А теперь послушай меня. Мы просим тебя сделать только то, что ты можешь. Если не сможешь, штрафных минут не будет. Ты меня понял?

— Да.

— Тогда иди. Не теряй времени. — Он подождал, прислушиваясь, потом добавил: — Он пошел. Помоги ему Господь, парень он храбрый. Опустите меня.

Джордан покинул здание с дальней от спящего стада стороны. Клай, Том, Дениз и Дэн направились к торцу, который выходил на центральную аллею. Трое мужчин повалили вскрытый торговый автомат на бок и подтащили к стене. Лица Клая и Дэна, если они вставали на автомат, оказывались на уровне высоких окошек, Тому приходилось подниматься на цыпочки, чтобы выглянуть из них. Клай добавил ящик, чтобы и Дениз могла все видеть, надеясь, что она с него не рухнет и не начнет рожать.

Они увидели, как Джордан добрался до края лежбища, постоял с минуту, словно о чем-то раздумывая, потом двинулся налево. Клай думал, что видит движение в темноте и после того, как стало понятно, что Джордан исчез, огибая край поля, занятого стадом.

— Как думаешь, сколько ему потребуется времени, чтобы вернуться? — спросил Том.

Клай лишь покачал головой. Он не знал. Все зависело от многих факторов... и размер стада был только одним из них.

— А если они уже заглянули в багажное отделение? — спросила Дениз.

— А если Джорди заглянет в багажное отделение, а там ничего не будет? — спросил Дэн, и Клай едва сдержался, чтобы не посоветовать профессору держать негативные мысли при себе.

Время шло, ползло дюйм за дюймом. Маленький красный огонек на вершине парашютной вышки продолжал мигать. Пахельбель вновь сменился Форе, Форе — Вивальди. Клаю вдруг вспомнился спящий мальчик, который вывалился из тележки для покупок, вспомнился мужчина, возможно, не его отец, усевшийся на обочину с ним на руках, приговаривая: «Сейчас Грегори ее поцелует, и она перестанет болеть». Он вспомнил мужчину с походным мешком, который, слушая «Прогулку слоненка», сказал: «Додж тоже неплохо проводил время». Вспомнил, как в павильоне для игры в «Бинго», из его детства, ведущий с микрофоном неизменно восклицал: «Витамин солнечного света!» — когда вытаскивал номер В-12 из барабана, где прыгали шарики для пинг-понга. Пусть даже витамином солнечного света являлся витамин D.

Время теперь отмеряло четвертушки дюйма, и Клай начал терять надежду. Если они надеялись услышать шум автобусного двигателя, то уже должны были его услышать.

— Что-то пошло не так, — озвучил общие мысли Том.

— Может, и нет, — не согласился Клай, пытаясь не допустить в голос ту тяжесть, что легла на сердце.

— Нет, Томми прав. — Дениз едва не плакала. — Я так полюбила его, и он отважнее, чем был Сатана на своем первом балу в аду, но, если бы он смог сдвинуть автобус с места, мы бы его уже увидели.

Дэн, что удивительно, на этот раз примкнул к лагерю оптимистов.

— Мы же не знаем, с чем он мог столкнуться. Просто глубоко вдохните и придержите разыгравшееся воображение.

Клай попытался, но у него ничего не вышло. Из динамиков неслась «Аве, Мария» Шуберта. Клай подумал: «Я бы продал душу за пристойный рок-н-ролл... Чака Берри с его „О Кэрол“ или „Ю-Ту“ с их „Когда любовь приходит в город“.

За окном они видели только темноту, звезды и мигающий красный маяк на вершине парашютной вышки, получающий энергию от аккумуляторов.

— Подсади меня. — Том спрыгнул с торгового автомата. — Я попытаюсь протиснуться в окошко. Может, сумею его найти.

— Том, если я ошибся и взрывчатки в багажном отделении нет... — начал Клай.

— К черту взрывчатку и багажное отделение, — фыркнул Том. — Я хочу найти Джор...

— Эй! — крикнул Дэн. — Эй, все нормально! Наш малыш справился! — и стукнул кулаком по стене рядом с окном.

Клай повернулся и увидел огни фар, разрезающие темноту. От одеяла коматозных тел, накрывших поляну площадью в несколько акров, начал подниматься туман, так что лучи фар словно пробивали дым. Яркость фар увеличилась, уменьшилась, снова увеличилась, и Клай без труда представил себе Джордана, сидящего на водительском сиденье автобуса и методом проб и ошибок выясняющего, что делают те или иные кнопки и рычажки.

А потом лучи медленно двинулись вперед. Джордан ехал при включенном дальнем свете.

— Да, сладенький, — выдохнула Дениз. — Давай, душа моя. — Стоя на ящике, она держалась за руку Дэна с одной стороны и руку Клая — с другой. — Ты просто прелесть, продолжай в том же духе.

Лучи отвернулись от Кашвакамак-Холла, осветили деревья слева от поляны, укрытой одеялом мобилоидов.

— Что он делает? — чуть ли не простонал Том.

— Там как раз не успели собрать стену «Дома ужасов», — ответил Клай. — Все нормально. — Он замялся. — Я думаю, все нормально.

Если его нога не соскользнет с педали. Если он не перепутает педали тормоза и газа, не загонит автобус в стену этого чертова «Дома ужасов» и не застрянет там.

Они ждали, фары вернулись, вновь осветив степы Кашвакамак-Холла у основания. И при включенном дальнем свете Клай понял, почему у Джордана ушло так много времени, чтобы добраться до автобуса и завести его. Не все мобилоиды спали. Десятки, вероятно, те, кто получил испорченную вирусом программу, оставались на ногах и бесцельно бродили. Куда-то шли, спотыкались о лежащих, падали, поднимались, шли снова, их темные-силуэты расходились, как круги на воде, под наполняющие ночь звуки «Аве, Мария» Шуберта. Один из них, молодой человек с длинной кровоточащей царапиной, которая бежала по лбу, словно морщина озабоченности, добрался до Холла и теперь шел вдоль степы, держась за нее рукой, словно слепой.

— Достаточно, Джордан, — пробормотал Клай, когда фары поравнялись со столбом динамика на дальней стороне поляны. — Глуши двигатель и бегом сюда.

И вроде бы Джордан его услышал. Фары остановились. И какие-то мгновения двигались только силуэты проснувшихся мобилоидов и туман, поднимающийся от теплых тел, распластавшихся на поляне. Потом они услышали, как взревел двигатель автобуса, перекрыв громкую музыку, и фары двинулись вперед.

— Нет, Джордан, что ты делаешь?! — вскрикнул Том.

Дениз отпрянула и свалилась бы с ящика, если бы Клай не удержал ее, обняв за талию.

Автобус ехал по спящему стаду. Через спящее стадо. Фары то поднимались, то опускались, освещая лежащие тела, небо, снова тела. Автобус начало сносить влево, потом он вернулся на прежний курс, начал смещаться вправо. На какое-то мгновение яркие фары осветили мобилоида, четкий силуэт, словно вырезанный из черной бумаги. Мобилоид вскинул руки, будто хотел отметить удачный удар бэттера, а потом исчез под радиаторной решеткой.

Джордан выехал на самую середину поляны и остановил автобус. Фары продолжали сиять, с радиаторной решетки капала кровь. Прикрыв глаза рукой, чтобы хоть как-то отсесть яркий свет, Клай смог разглядеть маленькую темную фигурку (она отличалась от остальных энергичностью движений и целенаправленностью), появившуюся у боковой двери автобуса и начавшую продвигаться к Кашвакамак-Холлу. Потом Джордан упал, и Клай подумал, что больше не увидит его. Но Дэн крикнул: «Вон он, вон!» — и Клай нашел мальчика снова, в

десяти ярдах ближе и значительно левее того места, где потерял Джордана. Должно быть, мальчик какое-то время полз по телам, прежде чем вновь подняться.

Когда Джордан вновь вернулся в яркий конус света, созданный фарами автобуса, отбрасывая сорокафутовую тень, они впервые смогли четко его разглядеть. Не лицо, разумеется — источник света находился сзади. Увидели лишь, каким безумно-извилистым маршрутом продвигается он вперед, по телам мобилоидов. Для тех, кто лежал, окружающий мир прекратил свое существование. Те, кто бодрствовал, но находился далеко от Джордана, не обращали на него никакого внимания. А вот оказавшиеся в непосредственной близости пытались схватить мальчика. От двоих Джордан увернулся, а в третий раз какая-то женщина вцепилась ему в волосы.

— *Оставь его в покое!* — проревел Клай. Он не мог видеть женщину, но почему-то сразу решил, что эта женщина когда-то была его женой. — *Дай пройти!*

Она не отпускала, но Джордан схватил ее за запястье, вывернул его, упал на колено и уже на четвереньках проскочил мимо женщины. Она попыталась схватить его еще раз, пальцы чуть разминулись с рубашкой, а потом потащила дальше.

Клай обратил внимание, что многие бодрствующие мобилоиды направлялись к автобусу. Свет фар, похоже, привлекал их к себе.

Клай соскочил с торгового автомата (на этот раз Дэн Хартуик удержал Дениз от падения) и схватил лом. Вернулся на прежнее место и разбил окошко, через которое смотрел на поляну.

— *Джордан!* — крикнул он. — *Беги к другой стороне! Беги к другой стороне!*

Джордан поднял голову, повернул на крик Клая и упал, обо что-то споткнувшись, ногу, руку, может, шею. Когда начал подниматься, рука, выстрелившая из дышащей темноты, схватила его за шею.

— *Пожалуйста, Господи, нет,* — прошептал Том.

Джордан прыгнул вперед, словно защитник футбольной команды, пытающийся накрыть мяч, оттолкнувшись обеими ногами, и вырвался. Шатаясь, двинулся дальше. Клай видел сверкающие глаза мальчика, его вздымающуюся грудь. И когда тот приблизился к зданию, услышал, как Джордан жадно хватается ртом воздух.

Он не сможет, подумал Клай. *Никогда. А ведь он уже так близко, так близко.*

Но Джордан смог. Два мобилоида, которые, пошатываясь, брели вдоль стены, не обратили на него ни малейшего внимания, когда он пробежал мимо них к дальнему углу. Все четверо спустились с торгового автомата и поспешили к противоположной стене, во главе с Дениз и ее животом.

— *Джордан!* — крикнула она, то приподнимаясь на цыпочки, то вновь опускаясь на всю ступню. — *Джордан, Джорди, ты здесь? Ради Бога, мальш, скажи нам, что ты здесь.*

— *Я...* — шумный вдох, — *...здесь,* — еще шумный вдох. Клай слышал доносящийся откуда-то издали смех Тома, чувствовал, как тот молотит его по спине. — *Никогда не думал...* — *вдох, снова вдох,* — *...что так трудно ехать по людям.*

— *Да кто тебя просил это делать?* — закричал Клай. Он не находил себе места из-за того, что не может сначала обнять мальчика, потом как следует потряхнуть и покрыть поцелуями отчаянно-храброе лицо. Его убивало, что он не может даже увидеть Джордана. — *Я же сказал, подогнать автобус поближе к ним, а не заезжать на них!*

— *Я сделал это...* — шумный вдох, — *...за директора,* — и в голосе, кроме одышки, слышался вызов. — *Они убили директора. Они и их Порватый. Они и их глупый президент Гарварда. Я хочу, чтобы они за это заплатили. Я хочу, чтобы он заплатил.*

— *Почему ты так задержался?* — спросила Дениз. — *Мы ждали и ждали!*

— *Они бродят вокруг десятками,* — ответил Джордан. — *Может, сотнями. Что-то там с*

ними неправильно... или правильно... или просто они меняются... но распространяется все это очень быстро. Они бродят, как заблудившиеся, не понимая, куда идут. Мне приходилось все время от них уходить. Так что к автобусу я смог подобраться только со стороны центральной аллеи. А потом... — Он рассмеялся, все еще жадно хватая ртом воздух. — *Он не заводился!* Можете вы в это поверить? Я поворачивал и поворачивал ключ, и всякий раз слышал только короткий щелчок. У меня чуть не началась истерика, но я себе этого не позволил! Знал, что директор был бы разочарован, если б я разрыдался.

— Ах, Джорди... — выдохнул Том.

— И знаете, в чем была причина? Мне следовало пристегнуться этим идиотским *ремнем безопасности*. Эти ремни не нужны для пассажирских сидений, но двигатель автобуса не заводится, пока водитель не пристегнется своим ремнем. Уж извините, что так задержался, но все-таки я здесь.

— И мы можем предположить, что багажное отделение не пустое? — спросил Дэн.

— Будьте уверены, — ответил Джордан. — Оно набито чем-то вроде красных кирпичиков. И этих кирпичиков там множество. — Джордан уже восстановил дыхание. — Их спрятали под одеялом. И положили на них мобильник. Рей примотал его к паре кирпичиков эластичной лентой. Телефон оставили включенным, и у него был порт для подключения, скажем, факса или чтобы перекачать информацию в компьютер. Провод уходил под кирпичики. Детонатора я не видел, но, готов спорить, он где-то посередине. — Мальчик вновь глубоко вдохнул. — И на дисплее были три черточки. Три черточки радиосигнала.

Клай кивнул. Он не ошибся. Вроде Кашвакамак — мертвая зона для мобильных, стоит только свернуть на дорогу, ведущую к ЭКСПО северных округов. Мобилоиды почерпнули эти сведения из голов некоторых норми и использовали их. Рисунки «Кашвак=нет-тел» распространялись как ветряная оспа. Но пытался ли кто-нибудь из мобилоидов позвонить по сотовому телефону с территории ЭКСПО? Разумеется, нет. С какой стати? Когда ты — телепат, телефон абсолютно не нужен. А когда ты — член стада, или частичка целого, телефон вдвойне абсолютно не нужен, если только такое возможно.

Но сотовые телефоны работали на этом клочке TP-90, и почему? Потому что здесь находились карни, вот почему, карни, сотрудники компании, которая нарывалась «Нью-Ингленд эммьюзмент корпорейшн». А в двадцать первом столетии карни, как и команды, обеспечивающие подготовку площадок для рок-концертов, театральных гастролей, натуральных съемок, целиком и полностью полагаются на мобильники, особенно в местах, практически изолированных от цивилизованного мира, где проводных линий связи по минимуму, если они вообще есть. А если там нет башен-ретрансляторов, которые принимают и передают радиосигналы? Что ж, они привозят собственное оборудование и устанавливают его. Нелегально? Разумеется, но, судя по трем черточкам, о которых упомянул Джордан, оно работало, а поскольку энергия к этому оборудованию поступала от аккумуляторов, оно *по-прежнему* работало. И установили его, само собой, на самой высокой точке ЭКСПО.

На вершине парашютной вышки.

Дэн пересек зал, залез на торговый автомат, выглянул в окно.

— Вокруг автобуса толпа, — доложил он. — А самая плотная — перед фарами. Такое ощущение, будто они решили, что в автобусе прячется поп-звезда. Те, кто лежит у самого автобуса и на ком стоят, уже превратились в лепешку. — Он повернулся к Клаю, посмотрел на грязную «моторолу», которую Клай уже держал в руке. — Если вы собираетесь это сделать, не стоит тянуть, а не то кто-нибудь из них решит забраться в кабину и отогнать автобус.

— Мне следовало выключить двигатель, но я думал, что тогда погаснут и фары. А я хотел видеть мобилоидов.

— Все нормально, Джордан, — ответил Клай. — Ничего страшного. Я собираюсь...

Но в кармане, из которого он достал мобильник, больше ничего не было. Полоска бумаги с телефонным номером исчезла.

Клай и Том искали ее на полу (лихорадочно искали на полу), и Дэн, который оставался на автомате, скорбно докладывал, что первый мобилоид уже забрался в автобус, когда Дениз прокричала: «Стоять! ЗАТКНУТЬСЯ!»

Они все оторвались от своих занятий и уставились на нее. Сердце Клая билось уже в горле. Он не мог поверить в собственную безалаберность. «*Рей умер ради этого, безмозглый кусок дерьма!* — продолжала кричать какая-то его часть. — *Он умер ради этого, а ты потерял номер!*»

Дениз закрыла глаза, склонила голову, сложила ладони у груди. Затем очень быстро сказала нараспев:

— Тони, Тони, приходи, что потеряно, найди.

— Это еще что за хрень? — В голосе Дэна слышалось изумление.

— Молитва святому Антонию, — спокойно ответила Дениз. — Меня ее научили в церковной школе. Она всегда помогает.

— Какая еще молитва? — Том просто стонал.

Дениз его проигнорировала, все свое внимание сосредоточила на Клае.

— На полу этой бумажки нет, не так ли?

— Думаю, что нет. Нет.

— Еще двое залезли в салон, — доложил Дэн. — Включают и выключают поворотники.

Должно быть, один сидит на...

— Дэн, будь так любезен, заткнись. — Дениз по-прежнему не сводила глаз с Клая. Очень спокойная. — Если вы потеряли бумажку в автобусе или где-то на улице, она потеряна навсегда, так?

— Да. — Он тяжело вздохнул.

— Значит, мы знаем, что там ее быть не может.

— Откуда мы это знаем?

— Потому что Бог такого бы не допустил.

— Я думаю... у меня сейчас взорвется голова. — Голос Тома звучал на удивление спокойно.

Вновь Дениз его проигнорировала.

— Так какой карман вы не проверили?

— Я проверил все... — начал Клай и замолчал. Не отрывая взгляда от глаз Дениз, полез в маленький карман для часов, вшитый в большой правый карман джинсов. И полоска бумаги лежала там. Он не помнил, когда ее туда положил, но она лежала там. Он вытащил ее. Прочитал нацарапанный рукой мертвеца номер: 207 919-9811.

— Поблагодарите за меня святого Антония, — попросил он.

— Если все сработает, — ответила она, — я попрошу святого Антония поблагодарить Бога.

— Дениз? — позвал Том.

Она повернулась к нему.

— Поблагодари Его и от меня тоже.

Все четверо сели у двойной двери, через которую вошли, рассчитывая, что стальная сердцевина защитит их. Джордан присел на корточки под окном, через которое вылез, у дальней от поляны стороны здания.

— Что будем делать, если взрыв не пробьет дыры в стенах? — спросил Том.

— Мы что-нибудь придумаем, — ответил Клай.

— А если бомба Рея не взорвется? — спросил Дэн.

— А не помолчать ли тебе? — фыркнула Дениз. — Давайте, Клай. Не будем ждать подходящей музыки.

Он откинул крышку мобильного, взглянул на дисплей и тут осознал, что ему следовало проверить наличие черточек, которые свидетельствовали о приеме радиосигнала, еще до того, как отправлять Джордана к автобусу. Он об этом не подумал. Никто из них не подумал. Глупо. Так же глупо, как и забыть, что полоска бумаги с записанным номером лежит в кармашке для часов. Он нажал кнопку включения. Телефон пикнул. На мгновение ничего не изменилось, а потом появились три полоски, ясные и четкие. Телефон находился в зоне устойчивой радиосвязи. Клай набрал номер, а потом коснулся пальцем клавиши со словом «CALL».

— Джордан, ты там готов?

— Да.

— А вы?

— Сделай это до того, как меня хватит удар, — за всех ответил Том.

«Картинка» возникла перед мысленным взором Клай, кошмарная в своей четкости: Джонни-мальш, совсем рядом с тем местом, где остановился автобус. Лежащий на спине, с открытыми глазами, скрестив руки на груди, обтянутой любимой футболкой «Ред сокс», слушающий музыку, тогда как его мозг продолжал перестраиваться, подчиняясь новой программе.

Клай отогнал этот образ.

— Тони, Тони, приходи, — процитировал он, непонятно к чему, а потом нажал на кнопку, позвонив на телефон, который лежал в багажном отделении автобуса.

Он успел сосчитать «Миссисипи один» и «Миссисипи два», а потом, казалось, весь мир вне стен Кашвакамак-Холла взорвался, в голодном реве поглотив «Адажио» Томазо Альбинони. Все маленькие окна, выходящие на сторону поляны со стадом, вылетели. Ярко-алый свет проник через дыры в помещении, южный торец здания снесло, образовался вихрь из досок, осколков стекла, соломы. Двойная дверь, у которой они сидели, прогнулась внутрь. Дениз обняла руками живот, защищая своего еще не родившегося младенца. А снаружи уже неслись жуткие крики боли. На мгновение звук этот буквально резал голову Клая, словно пила. Потом это ощущение ушло. Но крики по-прежнему стояли в ушах. Крики людей, жарящихся в аду.

Что-то упало на крышу. Достаточно тяжелое, чтобы заставить здание содрогнуться. Клай поднял Дениз на ноги. Она дико посмотрела на него, уже не понимая, кто она и где находится. «Пошли! — крикнул он изо всех сил, но едва расслышал свой голос. Он словно добирался до его ушей через толстый слой ваты. — Пошли, нужно убираться отсюда!»

Том встал. Дэн попытался последовать его примеру, оторвался от земли, упал на зад, но вторая попытка оказалась удачной. Он схватил Тома за руку. Том ухватился за руку Дениз. Держась друг за друга, они направились к зияющей дыре в конце Холла. Там и нашли Джордана, который стоял среди островков горящей соломы и во все глаза смотрел на то, что мог сотворить один телефонный звонок.

Гигантская нога, наступившая на крышу Кашвакамак-Холла, на поверку оказалась немалой частью школьного автобуса. Сама крыша загорелась. Прямо перед ними, за кучей горячей соломы, валялась пара автобусных сидений, которые тоже горели. Их стальные каркасы раздробило в спагетти. Предметы одежды летали в небе, как большие снежинки: рубашки, шапки, штаны, шорты, пылающий бюстгальтер. Клай видел, еще чуть-чуть, и изоляционный соломенный слой, проложенный по нижнему периметру стен, превратится в огненный ров: они успели уйти вовремя.

Островки огня испещрили поляну, где проводились концерты, устраивались танцы и различные конкурсы, но части автобуса разлетелись на куда большее расстояние. Клай видел языки пламени в кронах деревьев, расположенных как минимум на расстоянии трехсот ярдов. К югу от них начал гореть недостроенный «Дом ужасов», и он увидел что-то пылающее, возможно, человеческий торс, застрявшее в ферменных конструкциях парашютной вышки на полпути к вершине.

Само стадо превратилось в месиво мертвых и умирающих мобилоидов. Групповая телепатия приказала долго жить (хотя слабые потоки этой психической силы изредка добирались до него, заставляя волосы вставать дыбом, а кожу — покрываться мурашками), но выжившие могли кричать, и их крики наполняли темноту. Клай позвонил бы по мобильнику, даже если бы мог представить себе, к каким ужасным последствиям приведет этот звонок (и в первые несколько секунд не предпринимал никаких усилий для того, чтобы изменить свою точку зрения), но едва ли мог представить себе творящееся вокруг.

Света пожарищ хватало, чтобы показать им гораздо больше того, что они хотели увидеть. От изуродованных тел, конечно же, мутило, не говоря уже о лужах крови и оторванных конечностях, но еще больший ужас вызывали разбросанные одежда и обувь, в которых не было ничего, словно силой взрыва часть стада превратилась, в пар. Мужчина, идущий им навстречу, прижимал руки к шее, пытаясь остановить хлещущую кровь, которая лилась между пальцев и казалась оранжевой в свете разгорающейся крыши Холла, а вывалившиеся из живота внутренности мужчины болтались из стороны в сторону на уровне промежности. Все больше блестящих кишок вылезало из дыры в животе, когда он прошел мимо них, с широко раскрытыми, невидящими глазами.

Джордан что-то говорил. За криками, воплями, треском горящего дерева Клай не смог разобрать ни слова, поэтому наклонился к мальчику.

— Мы должны были это сделать, это все, что мы могли, — повторил Джордан. Он смотрел на обезглавленную женщину, на безногого мужчину, на столь разорванное тело, что оно напоминало корыто, наполненное кровью. А чуть дальше еще два горящих автобусных сиденья лежали на двух горящих женщинах, которые умерли, обнимая друг друга. — Мы должны были это сделать, это все, что мы могли. Мы должны были это сделать, это все, что мы могли.

— Все правильно, малыш, прижмись лицом ко мне, так и иди, — сказал ему Клай, и Джордан тут же ткнулся лицом в его бок. Конечно, идти так было неудобно, но по-другому не получалось.

Они обогнули поляку, где лежало стадо, направляясь к центральной аллее и аттракционам, которые наверняка бы достроили, если бы не Импульс. Кашвакамак-Холл тем временем разгорался все сильнее, отбрасывая больше света на поляну. Темные фигуры (многие обнаженные и полуобнаженные, одежду с них сорвало взрывом) стояли, покачиваясь, или куда-то брели. Подсчитать их не представлялось возможным. Те, кто оказывался поблизости от их

маленькой группы, не проявляли к ним ни малейшего интереса. Продолжали идти или к центральной аллее, или скрывались в лесах, что росли к западу от территории ЭКСПО. Клай не сомневался, что там они и помрут от холода, если вновь не собьются в стадо. Но почему-то сильно сомневался в последнем. Отчасти из-за вируса, но главным образом из-за реализованного решения Джордана выехать на середину поляны и обеспечить тем самым максимальную зону поражения, как это они проделали с цистернами пропана.

Если бы они знали, что их решение убить старика приведет к такому... подумал Клай, но тут же пришла другая мысль. *Да как они могли это знать?*

Они подошли к участку, на котором карни поставили свои грузовики и жилые фургоны. Здесь по земле змеились электрические кабели, а пространство между жилыми фургонами занимали аксессуары семейного быта тех, кто привык жить в дороге: барбекю, газовые грили, шезлонги, гамак, сушка, на которой белье провисело две последние недели.

— Давайте найдем что-нибудь движущееся с ключами и уберемся отсюда ко всем чертям, — предложил Дэн. — Дорога к ЭКСПО пустая, а если мы будем осторожны, то сможем достаточно далеко уехать на север по шоссе 160. — Он вытянул руку в указанном направлении. — Возможно, проедем всю территорию нет-тел.

Клай заметил грузовик-фургон с надписью на борту: «ЛЕМС, МАЛЯРНЫЕ И САНТЕХНИЧЕСКИЕ УСЛУГИ». Обнаружил, что задние дверцы не заперты. Внутри в основном стояли ящики с сантехникой, но он нашел и то, что искал: краску в баллонах под давлением. Взял четыре, убедившись, что они полные или почти полные.

— Зачем они тебе? — спросил Том.

— Объясню позже, — ответил Клай.

— Давайте уедем отсюда, пожалуйста, — жалобно попросила Дениз. — Я не могу этого выносить. У меня штанины пропитались кровью. — Она заплакала.

Они вышли на центральную аллею между каруселью, «Безумные чашки» и недостроенным детским аттракцион, ном, железной дорогой, под названием «Чарли Чу-Чу».

— Посмотрите. — Том вскинул руку.

— О!.. Господи, — выдохнул Дэн.

За шпиль билетной кассы зацепился превратившийся в лохмотья, обгоревший и дымящийся красный свитер с капюшоном, такие иногда называют «кенгуру». Большое пятно крови растекалось вокруг дыры, возможно, пробитой куском школьного автобуса. Прежде чем кровь успела замазать все буквы на груди, Клай успел разглядеть те, что еще белели на «кенгуру», последнем, что осталось от Порватого: «ГАР».

— В этой гребаной одежке никого нет, и, судя по размеру дыры, ему сделали операцию на открытом сердце без анестезии, — сказала Дениз, — а потому, когда вам надоест смотреть...

— В южном конце центральной аллеи есть еще одна стоянка, — заметил Том, — С дорогими красивыми автомобилями. Похоже, начальства. Нам может повезти.

Им повезло, но не с дорогим красивым автомобилем. Небольшой фургон с надписью на борту: «ТАЙКО, ЭКСПЕРТЫ ПО ОЧИСТКЕ ВОДЫ» стоял позади всех красивых автомобилей, эффективно перегородив выезд со стоянки. Правда, шофер «ТАЙКО» предусмотрительно оставил ключ в замке зажигания, возможно, на тот случай, если кому-то из начальства срочно понадобилось бы уехать, и Клай увез их подальше от огня, трупов и криков. Малой скоростью, осторожно, они добрались до пересечения дороги к ЭКСПО с основным шоссе, где возвышался рекламный щит с изображением счастливого семейства, которого больше не существовало (возможно, не существовало вообще). Поравнявшись со щитом, Клай остановил автомобиль, перевел ручку коробки передач в нейтральное положение.

— Один из вас должен сесть за руль, — сказал он.

— Почему, Клай? — спросил Джордан, но по голосу мальчика Клай почувствовал, что тот и так знает ответ.

— Потому что я здесь выйду.

— Нет!

— Да. Я буду искать моего сына.

— Он наверняка умер на том поле. Только не говори, что у меня жестокое сердце, это здравый смысл.

— Я знаю, Том. Но я также знаю, что шанс выжить у него есть, и тебе это тоже известно. Джордан говорил, что многие из них бесцельно бродили, словно полностью и окончательно заблудились.

— Клай... милый... — обратилась к нему Дениз. — Даже если он и жив, он может бродить по лесам со снесенной половиной головы. Мне очень неприятно такое говорить, но ты знаешь, возможно, так оно и есть.

Клай кивнул.

— Я также знаю, что он мог уйти отсюда раньше, пока мы сидели взаперти, и направиться к Герливиллу. Двое других: ушли по шоссе, я их видел. Некоторых мы обогнали по *пути*. Я их видел. Вы тоже.

— Нет смысла спорить с воображением художника? — с грустью спросил Том.

— Нет, — подтвердил Клай, — но мне бы хотелось, чтобы ты и Джордан вышли со мной на минутку.

Том вздохнул.

— Почему нет?

Несколько мобилоидов, потерянных, мало что соображающих, прошли мимо них, пока они стояли у борта маленького фургона с оборудованием для очистки воды. Клай, Том и Джордан не обратили на них ни малейшего внимания, мобилоиды ответили тем же. На северо-западе над горизонтом стояло красно-оранжевое зарево: от Кашвакамак-Холла занялся растущий позади здания лес.

— На этот раз прощаться навсегда не будем. — Клай старался не замечать слез в глазах Джордана. — Я намерен увидеть вас вновь. Возьми, Том. — Он протянул мобильник, с помощью которого устроил взрыв. Том взял. — Поезжайте на север. Постоянно проверяйте, есть ли радиосигнал. Если наткнетесь на дорожные рифы, которые не сможете объехать, идите дальше, пока дорога вновь не освободится. Там садитесь на другой автомобиль. Скорее всего связь будет уже в Рэнджли. Там катаются на яхтах летом, охотятся осенью, катаются на лыжах зимой. За Рэнджли точно окажетесь в зоне устойчивого приема сигнала, да и дни станут безопасными.

— Готов спорить, уже стали. — Джордан вытер глаза.

Клай кивнул.

— Возможно, ты прав. Так или иначе, действуйте по обстановке. Когда проедете сотню миль севернее Рэнджл и, найдите бревенчатый дом, коттедж, что угодно, набейте его припасами и перезимуйте в нем. Вы знаете, что зима сделает с ними, не так ли?

— Если групповой разум развалится и они не уйдут на юг, практически все погибнут, — ответил Том. — Во всяком случае, к северу от линии Мэйсона-Диксона^[153].

— И я так думаю. Баллоны с краской я оставил на центральной консоли. Каждые двадцать миль или около того рисуйте на асфальте Т-Дж-Д, большими буквами. Это понятно?

— Т-Дж-Д, — повторил Джордан. — Том, Джордан, Дэн и Дениз.

— Точно. Постарайтесь, чтобы надпись была большая, со стрелой, когда менять шоссе. Если вдруг свернете на проселочную дорогу, оставьте надпись на деревьях, всегда по правую сторону от дороги. Там я и буду ее искать. Это ясно?

— Всегда справа, — кивнул Том. — Поедем с нами, Клай, пожалуйста.

— Нет. И хватит об этом, мне и так тяжело. Всякий раз, когда вам придется менять автомобиль, оставляйте его точно по центру шоссе, с надписью на борту «Т-Дж-Д». Хорошо?

— Хорошо. Тебе бы лучше найти нас.

— Я обязательно найду. Какое-то время это будет опасный мир, но не такой опасный, как прежде. Джордан, мне нужно тебя кое о чем спросить.

— Хорошо.

— Если я найду Джонни и выяснится, что худшее, случившееся с ним, — это телефонный звонок на пункте превращения у въезда в Кашвак, как мне поступить?

Джордан вытаращился на него.

— Откуда мне знать? Господи, Клай! Я хочу сказать... Господи!

— Ты знал, что они перезагружаются, — напомнил Клай.

— Это была догадка!

Клай понимал, что это была не просто догадка. Нечто гораздо большее, чем догадка. Понимал он и другое: Джордан вымотался донельзя и в ужасе. Он опустился перед мальчиком на одно колено, взял его за руку.

— Не бойся. Хуже, чем теперь, ему уже не станет. Видит Бог, не станет.

— Клай, я... — Джордан посмотрел на Тома. — Люди — не компьютеры. Том! Скажи ему!

— Но компьютеры, как люди, не так ли? — ответил Том. — Потому что мы создаем то, что знаем. Ты знал о перезагрузке, и ты знал о черве. Поэтому скажи ему, что думаешь. Скорее всего сына он все равно не найдет. А если найдет... — Том пожал плечами. — Как он и сказал. Насколько ему может стать хуже?

Джордан задумался, кусая нижнюю губу. Выглядел он ужасно уставшим, рубашку пятнала кровь.

— Вы идете? — позвал из салона Дэн.

— Еще минутку, — ответил Том, а потом добавил, мягче: — Джордан?

Джордан еще несколько мгновений молчал. Наконец посмотрел на Клая:

— Вам потребуется еще один сотовый телефон. И придется отвезти его в то место, где есть сигнал...

Клай стоял посреди шоссе 160, на том месте, куда бы в солнечный день отбрасывал тень рекламный щит, и наблюдал за задними огнями, пока они не скрылись из виду. Он не мог отделаться от мысли, что больше никогда не увидит ни Тома, ни Джордана («Розы увядают», — шепнул ему внутренний голос), но он подавил эту мысль, не позволил ей развиться в предчувствие. В конце концов они встречались дважды, а Бог, как известно, любит троицу.

Проходящий мобилоид наткнулся на него. Мужчина с запекшейся на половине лица кровью, первый раненый беженец, покинувший территорию ЭКСПО северных округов, которого он увидел. И ему предстояло увидеть еще многих, если бы он не сумел обгонять их на шаг, вот почему он и двинулся по шоссе 160 на юг. У него не было оснований думать, что его сын ушел на юг, но он надеялся, что какая-то толика разума Джонни, прежнего разума, подскажет ему, что его дом находится в том направлении. И Клай по крайней мере знал, что он встретит, шагая в этом направлении.

В полумиле к югу от боковой дороги он встретил еще одного мобилоида, на этот раз женщину, которая раз за разом взад-вперед быстро пересекала шоссе, напоминая капитана, вышагивающего на мостике своего корабля. Она столь пристально посмотрела на Клая, что тот поднял руки, готовый отразить внезапную атаку.

Но она не собиралась нападать на него.

— Кто уп-па? — спросила она, а в голове совершенно отчетливо прозвучало: *Кто упал? Папа, кто упал?*

— Я не знаю, — ответил он, проходя мимо. — Я не видел.

— Где се? — спросила она, еще ускорив шаг, а в его голове прозвучало: *Где я сейчас? Они не попытались ответить, но подумал о вопросах феи Темной: Кто ты? Кто я?*

Клай прибавил скорости, но расстояние между ним и вышагивающей поперек шоссе женщиной увеличивалось недостаточно быстро, потому что она успела задать вопрос, от которого у него внутри все похолодело: «Кто Фе-Те?»

Потому что в голове этот вопрос прозвучал предельно четко и ясно: *Кто такая фея Темная?*

В первом доме, в который он вломился, оружия не нашлось, зато он обнаружил фонарь с длинной ручкой и направлял его на каждого встреченного, плетущегося по дороге мобилоида, всегда задавая один вопрос, стараясь одновременно посылать его и мысленно, как проекционный фонарь посылает изображение слайда на экран: «Вы не видели мальчика?» Ответов он не получал и лишь изредка слышал в голове тающие обрывки мысли.

Рядом со вторым домом на подъездной дорожке стоял новенький «додж рэм», но Клай не решился его взять. Если Джонни был на этой дороге, он шел пешком. А если бы Клай ехал, то мог не заметить мальчика, даже если бы ехал медленно. В кладовой он нашел банку консервированной ветчины «Дейзи», прилагаемым ключом открутил крышку и, жуя на ходу, вернулся на шоссе. Уже собрался выбросить банку с остатками ветчины в кусты, когда увидел пожилого мобилоида, стоящего у почтового ящика, наблюдающего за ним грустным и голодным взглядом. Клай протянул банку, и мобилоид ее взял. Потом, четко произнося каждое слово, пытаясь нарисовать в голове портрет Джонни, Клай спросил:

— Вы видели мальчика?

Старик пожевал ветчину. Проглотил. Вроде бы задумался. Сказал:

— Хотел бы.

— Хотел бы, — кивнул Клай. — Ясно. Благодарю, — и пошел дальше.

В третьем доме, расположенном на милю южнее, он нашел в подвале «винчестер 30 — 30» и три коробки патронов. На кухне обнаружил мобильник, подсоединенный к зарядному устройству. Зарядное устройство, естественно, не работало, но когда он нажал кнопку включения мобильного, тот пикнул, а экран тут же засветился. Из черточек мощности радиосигнала на дисплее появилась только одна, и Клая это не удивило. Пункт превращения нормы в мобилоидов располагался на самой границе зоны приема.

Он двинулся к двери с заряженным карабином в одной руке, фонарем в другой, и мобильником, зацепленным за пояс, когда его сокрушила усталость. Клая повело в сторону, словно ударило обернутым чем-то мягким молотком. Он хотел идти дальше, но здравый смысл, который еще оставался в его затуманенном усталостью мозгу, говорил ему, что сейчас он должен поспать, и, пожалуй, эта идея не была лишена здравого смысла. Если Джонни успел уйти с поляны и шел по дороге, в это время он скорее всего тоже спал.

— Переходи на дневную смену, Клайтон, — пробормотал он. — Тебе не найти то, что ты ищешь, ночью, при свете фонарика.

Дом был небольшим, он предположил, что обитала здесь пожилая пара, судя по фотографиям в гостиной и спальне и поручням в ванной. Кровать он нашел аккуратно застеленной. Лег на покрывало, не раздеваясь, снял только обувь. И как только лег, усталость просто придавила его к кровати. Никто и ничто не заставило бы его подняться. В спальне стоял запах сухих духов, как он решил, запах старой женщины. Бабушкин запах. И запах этот казался ему таким же усталым, как и он сам. В тишине этой спальни мясорубка на территории ЭКСПО казалась далекой и нереальной, как идея комикса, который он так и не нарисовал. Слишком утомительное занятие. *Оставайся лучше с «Темным странником»,* могла бы сказать Шарон, его прежняя, нежная Шарон. *Оставайся со своими ковбоями апокалипсиса.*

Его разум, казалось, вышел из тела, поднялся над ним. Вернулся (лениво, не спеша) к тому моменту, когда они втроем стояли у фургончика экспертов по очистке воды, аккуратно перед тем как Джордан и Том расстались с ним. Джордан повторил то, что и говорил в Гейтене: человеческий мозг — всего лишь большие жесткие диски, и Импульс стер с них всю

информацию. Джордан сказал, что Импульс воздействовал на человеческий мозг так же, как электромагнитное излучение воздействует на жесткие диски обычных компьютеров.

Ничего не осталось, кроме основы, сказал Джордан. А основа — убийство, По поскольку мозги — органические жесткие диски, они начали восстанавливать имевшуюся на них информацию. Перезагружаться. Да только в поступившей команде был вирус, У меня нет доказательств, но я уверен, это стадное поведение, телепатия, левитация... все идет от вируса. Вирус был в программе с самого начала, поэтому он стал частью перезагрузки. Вы понимаете, о чем я?

Клай кивнул. Том — тоже. Мальчик смотрел на них, на измазанном кровью лице отражались усталость и стремление поделиться своей версией.

А тем временем Импульс продолжает транслироваться, так? Потому что где-то находится компьютер, работающий от аккумуляторов, и он продолжает передавать эту программу. Программа недоработана, вот вирус в ней и продолжает мутировать. Со временем сигнал может прекратиться или программа деградирует до такой степени, что отключится сама. А вот пока... вы, возможно, сможете ее использовать. Я говорю возможно, понимаете? Все зависит от того, делает ли мозг то же самое, что делают надежно защищенные компьютеры, когда попадают под воздействие ЭМИ.

Том спросил, что они делают. И Джордан ответил усталой улыбкой.

Они проводят резервное копирование. Всей информации. Если такое случается с людьми, если вы можете стереть программу мобилоидов, со временем может перезагрузиться старая программа.

— Он имел в виду человеческую программу, — пробормотал Клай в темной спальне, вдыхая сладкий, слабый аромат сухих духов. — Человеческую программу, упрятанную где-то в глубинах мозга. Всю, до последнего байта. — Он уже засыпал. И если уж предстояло увидеть сон, он надеялся, что это будет не мясорубка на ЭКСПО северных округов.

И перед тем как он заснул, в голову успела прийти еще одна мысль: возможно, со временем мобилоиды стали бы лучше. Да, они родились в насилии и ужасе, но роды всегда обычно трудные, часто насильственные, иногда ужасные. Как только они начали сбиваться в стада и овладевать телепатией, насилия в них поубавилось. Насколько он знал, они больше не воевали с норми, если, конечно, не рассматривать превращение норми в мобилоидов как военную операцию. Зверства, которые следовали за уничтожением их стад, в принципе полностью укладывались в нормы человеческого поведения. Если бы их оставили в покое, возможно, они и превратились бы в куда лучших хранителей Земли, чем так называемые норми. Они бы точно не выстраивались в очередь на покупку пожирающих бензин внедорожников, учитывая их способность к левитации (и не говоря уже о довольно-таки примитивных покупательских запросах). Черт, начал улучшаться даже их музыкальный вкус.

Но какой у нас был выбор? — подумал Клай. Жажда выжить, что любовь. Обе слепы.

Сон принял его в свои объятия, и ему не снилась бойня на ЭКСПО. Он вновь перенесся в павильон, где играли в «Бинго», и когда ведущий объявил В-12 («Это витамин солнечного света»), он почувствовал, как кто-то дергает его за штанину. Посмотрел под стол. Там сидел Джонни, который улыбался ему. И где-то звонил телефон.

Не вся ярость вышла из беженцев-мобилоидов, да и новые таланты не покинули их полностью. Около полудня следующего дня, который выдался сырым и холодным, предвещающая наступление ноября, Клай остановился, наблюдая, как два мобилоида яростно сцепились на обочине дороги. Сначала обменивались ударами кулаков, потом царапались, наконец, вошли в клинч и принялись бодаться, зубами кусая друг друга за шею и лицо. И при этом начали подниматься над дорогой. С отпавшей нижней челюстью Клай смотрел, как они поднялись футов на десять, продолжая кусаться, широко расставив ноги. Словно оба стояли на твердой земле. Потом один вонзил зубы в нос соперника, на котором была заляпанная кровью футболка с надписью «ХЭВИ ФЬЮЭЛ» на груди. Кусака оттолкнул «ХЭВИ ФЬЮЭЛ» от себя. «ХЭВИ ФЬЮЭЛ» покачнулся, а потом рухнул на дорогу, как камень. Пока он падал, кровь била вверх из откушенного носа. Кусака посмотрел вниз, похоже, только тут осознал, что находится на уровне второго этажа, и упал сам. «Как Дамбо^[154], потерявший волшебное перышко», — подумал Клай. Кусака сломал колено и лежал в пыли, скаля окровавленные зубцы когда Клай прошел мимо.

Однако эти двое были исключением из правила. Большинство мобилоидов, увиденных Клаем в тот день (норми не встретились ему ни в тот день, ни в последующую неделю), лишившись поддержки группового разума, выглядели потерянными и не соображающими, кто они, где находятся и как сюда попали. Клай вновь и вновь думал о том, что сказал Джордан перед тем, как вернуться в фургон, и направиться в леса на севере, где отсутствовала сотовая связь. «Если червь будет продолжать мутировать, их последние новопревращенные в конечном итоге не смогут стать ни мобилоидами, ни норми».

Клай подумал, что Джордан говорил о таких, как фея Темная, пусть они оказались между первыми и вторыми по другим причинам. « Кто ты? Кто я?» Он видел эти вопросы в их глазах и подозревал (чего там, знал), что именно эти вопросы они пытались задать, когда бормотали свою галиматью.

Он продолжал спрашивать: «Видели вы мальчика?» — и пытался посылать мысленный портрет Джонни, но уже не надеялся получить внятный ответ. По большей части он вообще не получал ответа. Следующую ночь он провел в трейлере в пяти милях к северу от Герливилла, а наутро, в начале десятого, заметил маленькую фигурку, сидящую на тротуаре перед кафе «Герливилл», посреди крошечного, в один квартал делового района города.

Не может быть, подумал он, но прибавил шагу, а когда подошел ближе, достаточно близко, чтобы практически: наверняка сказать, что перед ним ребенок, а не взрослый небольшого росточка, побежал. Его новый рюкзак колотился по спине, прыгая вверх-вниз. Ноги нашли место, где обочина уступила место короткому участку тротуара, и теперь подошвы застучали по бетону.

Это был мальчик.

Очень исхудавший мальчик с длинными волосами, почти до плеч футболки «Ред сокс».

— Джонни! — закричал Клай. — Джонни-мальш!

Мальчик повернулся на его крик, вздрогнул. Рот раскрылся. В глазах не было и намек на тревогу. Вроде бы он подумал о том, чтобы убежать, но, прежде чем успел двинуть ногой, Клай налетел на него, обнял и уже покрывал поцелуями грязное, лишенное человеческих эмоций лицо и разъявленный рот.

— Джонни, — воскликнул Клай. — Джонни, я пришел за тобой. Я пришел. Я пришел за тобой. Я пришел за тобой.

И в какой-то момент, возможно, только потому, что мужчина, обнимавший его, начал кружить мальчика в воздухе, тот протянул руки и обхватил ими шею Клая. А еще что-то сказал. Клай отказывался верить, что это просто звуки, такие же бессмысленные, как и те, что издает ветер, заглядывая в горлышко бутылки. Мальчик произнес *слово*. Возможно, *аал*, то есть пытаюсь сказать, что он устал.

А может, *аап*, почти что апа, как в шестнадцать месяцев он впервые назвал своего отца.

Клай ухватился за последнее. Чтобы поверить, что этот бледный, грязный, истощенный ребенок, обнимающий его за шею, признал в нем отца.

Маловато для того, чтобы ухватиться, думал он неделю спустя. Один звук, который мог быть словом, одно слово, которое могло быть «папа».

Теперь мальчик спал на кушетке в стенном шкафу спальни. Сам Джонни ничего не имел против, а Клаю надоело вытаскивать сына из-под кровати. Этот маленький, уютный, как чрево, закуток Джонни, похоже, очень даже устраивал. Возможно, таким он стал в результате превращения. Того еще превращения. Мобилоиды в Кашваке превратили его сына в безмозгое, затравленное существо, которое не находило покоя даже в стаде.

Снаружи, с серого вечернего неба, падал снег. Холодный ветер, который дул вдоль неосвященной Главной улицы Спрингвейла, собирал снег, создавал из него извивающихся змей. Казалось бы, для снега еще рановато, но, разумеется, иной раз он выпадал и раньше, особенно так далеко на севере. Если такое случалось до Дня благодарения [\[155\]](#), ты удивлялся, а если до Хэллоуина [\[156\]](#) — удивлялся вдвойне, а потом кто-нибудь напоминал тебе, что ты живешь в штате Мэн, а не на острове Капри.

Он задавался вопросом, где сейчас Том, Джордан, Дэн и Дениз. Он задавался вопросом, что будет делать Дениз, когда ей придет время рожать. Подумал, что все у нее будет в порядке, женщина она крепкая и решительная. Он задавался вопросом, вспоминают ли его Том и Джордан так же часто, как он — их, тоскуют ли о нем так же, как тосковал он о серьезных глазах Джордана, об иронической улыбке Тома. Ему не удалось насмотреться на эту улыбку: среди того, что выпало на их долю, забавного было не так и много.

Он задавался вопросом, чувствовал ли он себя когда-нибудь таким же одиноким, как в эту неделю, проведенную с сыном. По всему выходило, что нет.

Клай посмотрел на сотовый телефон, который держал в руке. Больше всего вопросов вызывал у него этот телефон. Должен ли он сделать еще один звонок? Три черточки на дисплее говорили об устойчивом радиосигнале, но аккумулятор-то разряжался, и Клай это знал. Не мог он рассчитывать и на то, что Импульс будет транслироваться до скончания веков. Аккумуляторы, от которых поступала энергия на компьютер, передающий сигнал на коммуникационные спутники (если все так и было на самом деле), тоже могли разрядиться. Или Импульс мог мутировать, превратившись в простую электромагнитную волну, бубнение идиота или пронзительный треск, какой иной раз можно услышать, если по ошибке попадаешь на чей-то факс.

Снег. Снег двадцать первого октября. Сегодня двадцать первое? Он потерял счет дням. Знал он только одно: снаружи мобилоиды умирали, с каждой ночью во все большем количестве. Джонни стал бы одним из умерших, если бы Клай не искал и не нашел его.

Вопрос состоял в том, а кого он нашел?

Кого спас?

Аап.

Папа?

Возможно.

С тех пор мальчик не произнес ничего такого, что хотя, бы отдаленно напоминало бы слово. Он с готовностью ходил с Клаем... но при этом мог в любой момент развернуться и пойти куда глаза глядят. Когда такое случалось, Клай хватал его, как хватают малыша, который старается убежать на автостоянке супермаркета. И всякий раз Клай вспоминал заводного робота, каким играл в детстве. Тому всегда удавалось зайти в угол и стоять там, маршируя на месте, пока ты не подходил к нему и не разворачивал передом к середине комнаты.

Джонни принялся отчаянно вырваться из рук Клая, когда тот нашел автомобиль с ключом в замке зажигания, но как только Клаю удалось усадить мальчика на пассажирское сиденье, перетянуть ремнем безопасности и тронуть автомобиль с места, Джонни сразу успокоился и сидел как загипнотизированный. Даже нашел кнопку, опускающую стекло, и подставил ветру лицо, закрыв глаза и приподняв голову. Клай наблюдал, как ветер отбрасывает назад длинные грязные волосы сына, и думал: *Господи, помоги мне, я словно еду с собакой.*

Когда шоссе перегородил дорожный риф, который они не смогли объехать, и Клай помог Джонни вылезти из кабины, выяснилось, что он надул в штаны. *Он разучился не только говорить, но и справлять, как положено, естественные надобности, с ужасом подумал Клай. Христос на костылях.* Так оно и было, но последствия оказались не столь плачевными, как опасался Клай. Да, вовремя снимать штаны Джонни разучился, но если Клай останавливал автомобиль и отводил его в поле, то Джонни мочился, если у него было такое желание, А если хотелось справить большую нужду, то приседал на корточки и мечтательно смотрел в небо, опорожняя кишечник. Возможно, следил за летящими в вышине птицами. Может, и не следил.

Не умеющий, как положено, справлять нужду, но прирученный. Вновь Клай не мог не подумать о собаках, которые у него раньше были.

Только собаки не просыпались глубокой ночью и не кричали по четверти часа.

В первую ночь они остановились в доме неподалеку от «Всякой всячины», и когда начались крики, Клай подумал, что Джонни умирает. И хотя мальчик заснул у него в объятиях, он исчез, когда Клай проснулся, как от удара. Нашелся Джонни не на кровати, а под ней. Клай залез туда, в узкое царство катышков пыли, где низ матраса находился в каком-то дюйме над его головой, и схватил худенькое тельце, которое напоминало железный стержень. Такие маленькие легкие не могли быть источником столь громких криков, и Клай понял, что слышит их в голове. Все волосы Клая, даже на лобке, встали дыбом.

Под кроватью Джонни кричал почти пятнадцать минут, а потом замолчал так же внезапно, как и начал кричать. Его тело расслабилось. Клаю пришлось прижать голову к боку Джонни (одна из рук мальчика каким-то образом ухватила его за шею), чтобы убедиться, что тот дышит.

Он вытащил Джонни из-под кровати, вялого, как мешок с почтой, и положил пыльное, грязное тело на кровать. Пролежал рядом почти час, прежде чем провалиться в тяжелый сон. Утром увидел, что на кровати опять никого нет. Джонни снова заполз под кровать. Как побитая собака, ищущая убежище, где до нее никто не сможет добраться. Вроде бы прямая противоположность прежнему поведению мобилоидов... но, разумеется, Джонни не был таким, как они. Джонни был чем-то другим, да поможет ему Бог.

Теперь они находились в уютном коттедже хранителя Лесного музея в Спрингвейле. Еды хватало, на кухне была дровяная печь, ручной насос качал чистую воду. Был даже биотуалет (хотя Джонни им не пользовался, Джонни выводили во двор). Все, как было в 1908 году (не считая биотуалета, конечно).

Неделя эта выдалась спокойной, если не считать ночных приступов крика Джонни. У Клая была возможность подумать, но теперь, стоя у окна гостиной и наблюдая за кружащим по улице снегом, пока его сын спал в стенном шкафу-убежище, он понял, что время раздумий прошло. Само по себе ничего измениться не могло. Что-либо изменить мог только он.

«Вам потребуется еще один сотовый телефон, — сказал Джордан. — И придется отвезти его в то место, где есть сигнал».

Сигнал здесь был. Устойчивый сигнал. Черточки на дисплее мобильного это доказывали.

«Насколько ему может стать хуже?» — спросил Том. И пожал плечами. Но, разумеется, он мог пожимать плечами, не так ли? Джонни не был сыном Тома, у Тома уже появился свой сын.

«Все зависит от того, отреагировал ли мозг точно так же, как реагируют надежно защищенные компьютеры, когда попадают под воздействие ЭМИ, — сказал Джордан. — Они проводят резервное копирование».

Резервное копирование. Властная фраза.

Но ты должен стереть программу мобилоидов для того, чтобы освободить место для второй, очень даже теоретической, перезагрузки, и идея Джордана (вновь ударить Джонни Импульсом, вышибить клин клином) представлялась очень уж сомнительной, очень опасной, с учетом того, что Клай не мог знать, в какую программу превратился мутирующий Импульс... предполагая (человек предполагает, а Бог располагает, да, да, да), что он еще продолжает транслироваться...

— Резервное копирование, — прошептал Клай. За окном стремительно угасали последние остатки дневного света. Клубящийся снег все более напоминал призраков.

Импульс теперь стал другим, в этом Клай был уверен. Он помнил первых бодрствующих ночью мобилоидов, на которых наткнулся, проходя мимо здания «Добровольной пожарной команды Герливилла». Они дрались из-за старого пожарного автомобиля, но этим дело не ограничивалось. Они разговаривали!

Не просто издавали звуки, которые могли быть словами, а разговаривали. Не так чтобы говорили много, на непринужденную беседу на коктейль-пати их разговор не тянул, но это был разговор. «Уходи. Ты иди. Черт ты говоришь». И вечно популярный «Мойбиль». Эти двое отличались от мобилоидов первого разлива (мобилоидов эры Порватого), а Джонни отличался от этих двоих. Почему? Потому что червь продолжал вгрызаться в программу Импульса, которая продолжала мутировать? Возможно.

А напоследок, перед тем как поцеловать его и уехать на север, Джордан сказал следующее: «Если вы столкнете новую версию программы с той, которую получил Джонни и остальные на пункте превращения, они, возможно, съедят друг друга. Потому что так ведут себя черви. Они поедают другие программы».

И тогда, если старая программа сохранилась... если резервное копирование имело место быть...

Снедаемый тревогой, Клай вспомнил Алису... которая потеряла мать, но нашла способ сохранить самообладание, трансформировав свои страхи в детскую кроссовку. Через четыре часа после выхода из Гейтена, на шоссе 156, Том спросил группу нормы, не хотят ли они составить им компанию на площадке для отдыха. «Это они, — сказал тогда один из мужчин. —

Банда из Гейтена». Другой мужчина послал Тома в ад. И тогда Алиса вскочила. Вскочила и сказала...

— Она сказала, по крайней мере мы что-то сделали. — Клай смотрел на быстро сгущающуюся темноту за окном. — А потом спросила их: «Что, вашу мать, сделали вы?»

В этом и был ответ, в словах умершей девочки.

Джонни-мальшу лучше не становилось. Вариантов у Клая оставалось только два: оставить все как есть или попытаться что-то изменить, пока было время. Если оно у него еще было. Освещая путь лампой на батарейках, Клай прошел, в спальню. Через приоткрытую дверь стенного шкафа он мог видеть лицо Джонни. Спящим на боку, подложив руку под щеку, с падающими на лоб волосами, он выглядел практически тем же мальчиком, которого Клай поцеловал на прощание, прежде чем тысячу лет тому назад уехать в Бостон с портфелем, набитым картинами «Темного скитальца». Похудевшим, но таким же. Отличия проявлялись, когда он бодрствовал. Раскрытый рот и пустые глаза. Опущенные плечи и болтающиеся руки.

Клай распахнул дверь шкафа, опустился на колени у кушетки. Джонни шевельнулся, когда свет лампы упал на лицо, потом вновь затих. Клай не ходил в церковь, и события последних недель не сильно укрепили его веру в Бога, но он *нашел* своего сына, так уж вышло, вот мысленно и помолился тому, кто мог его услышать. Коротко и конкретно: *Тони, Тони, приходи, что потеряно, найди.*

Он откинул крышку мобильного, нажал кнопку включения. Мобильник пикнул. Дисплей вспыхнул янтарным светом. На нем появились три черточки радиосигнала. Клай замаялся, но если речь заходила о том, кому звонить, абонент, который ответил бы наверняка, был только один: тот самый, на ком остановили свой выбор Порватый и его друзья.

Когда на дисплее появились три цифры, Клай протянул руку и потряс Джонни за плечо. Мальчик не хотел просыпаться. Застонал, попытался отодвинуться. Попытался перевернуться на другой бок. Клай не позволил ему сделать ни первое, ни второе.

— Джонни! Джонни-мальш! Просыпайся! — Он тряхнул сына сильнее и продолжал трясти, пока мальчик не открыл пустые глаза и не посмотрел на него с опаской, но без свойственного человеку любопытства. То был взгляд собаки, привыкшей к дурному обращению, и у Клая рвалось сердце всякий раз, когда он этот взгляд видел.

Последняя возможность, подумал он. Ты действительно собираешься это сделать? Шансы на успех меньше, чем один из десяти.

Но каковы были шансы на то, что ему удастся найти Джонни? На то, что Джонни покинет Кашвакамак до взрыва? Один из тысячи? Один из десяти тысяч? Он собирался жить с этим запуганным, но лишенным всяческого любопытства взглядом, и когда Джонни исполнится тринадцать лет, потом пятнадцать, потом двадцать один? И чтобы все это время его сын спал в стенном шкафу и справлял нужду во дворе?

«По крайней мере мы что-то сделали!» — сказала Алиса Максвелл.

Клай посмотрел на дисплей над клавиатурой. На нем, как объявленная судьба, чернели цифры: 911.

У Джонни закрывались глаза. Клай резко тряхнул его, чтобы не дать заснуть. Тряхнул левой рукой. А большим пальцем правой нажал на клавишу «CALL». У него оставалось время сосчитать «МИССИСИПИ ОДИН» и «МИССИСИПИ ДВА», прежде чем слово «ВЫЗОВ» на дисплее сменилось словом «СОЕДИНЕНИЕ». А когда это произошло, Клайтон Ридделл не позволил себе и дальше раздумывать.

— Эй, Джонни-мальш. Тел-тел-тебе-тебе, — и прижал мобильник к уху сына.

30 декабря 2004 — 17 октября 2005

Сентр-Лоувелл, штат Мэн

Благодарности

Как Веррилл редактировал эту книгу и поработал на славу. Спасибо, Чак.

Робин Ферт собрала массу материалов по сотовым телефонам и различным теориям насчет того, что является основой человеческой психики. Правильная информация — ее, ошибки в толковании этой информации — мои. Спасибо, Робин.

Моя жена прочитала черновой вариант романа и сказала ободряющие слова. Спасибо, Тэбби.

Бостонцы и жители Новой Англии поймут, что я позволил себе некоторые географические вольности. Что я могу сказать? Не мог не позволить.

Насколько мне известно, ФЕМА не выделялись ассигнования на оборудование ретрансляторов сотовой связи автономными генераторами длительного использования, но должен заметить, что многие ретрансляторы снабжены такими генераторами на случай отключения централизованной подачи электроэнергии.

С.К.

Переводчик выражает искреннюю благодарность русскоязычным фэнам Стивена Кинга (прежде всего Олегу Поспелову из Нью-Йорка и Владиславу Полещикову из Елабуги), принявшим участие в работе над черновыми материалами перевода, и администрации сайтов «Стивен Кинг.ру — Творчество Стивена Кинга» и «Русский сайт Стивена Кинга», стараниями которых эту работу удалось провести.

Стивен Кинг живет в штате Мэн со своей женой Табитой Кинг. Сотового телефона у него нет.

notes

Матесон Ричард (р. 1926) — известный американский писатель, работающий в том числе в жанре «ужастиков». Зомби (живые мертвецы) и тема конца света достаточно часто встречаются в его произведениях. Помимо книг, написал массу сценариев, в том числе к сериалам «Сумеречная зона» и «Стар трек». — Здесь и далее примеч. пер.

Ромеро Джордж (р. 1940) — известный голливудский режиссер, плодотворно разрабатывающий тему зомби, начиная с культового фильма «Ночь живых мертвецов» (1968).

Ид — один из структурных компонентов личности по З. Фрейду.

Лоренц Конрад (1903 — 1989) — знаменитый австрийский зоолог, один из создателей этологии, науки о поведении животных в естественных условиях. Лауреат Нобелевской премии (1973).

«Верисон» — одна из крупнейших коммуникационных корпораций США.

Поясное время Восточного побережья США. На пять часов позже гринвичского поясного времени.

Бостон Коммон — старейшин городской парк Соединенных Штатов. Занимает площадь порядка 50 акров. Любимое место отдыха горожан. Всего в Бостоне 215 парков.

«Ап-под» (iPod) — плейер с процессором разработки компании «Эппл» (Apple).

«Властный костюм» — униформа молодых карьеристов и карьеристок. Характерный силуэт «властного костюма» для женщин — сильно приталенный пиджак с широкими плечами плюс короткая юбка или брюки. Один из писков моды 2006 г. — «властные костюмы» не из строгих, а из ярких тканей, то есть уже не для работы, а для отдыха.

Графический роман — роман в картинках.

Сандей — мягкий пломбир с сиропом.

Аксель Эф — исполнитель «Крейзи фрог».

«Утка» — переделанная под туристический автобус амфибия времен Второй мировой войны (посылалась в СССР по ленд-лизу). Обзорные экскурсии по Бостону включают и водные участки.

Эта победа, первая после 1918 г., была одержана в 2004 году. О том победном сезоне Стивен Кинг в соавторстве с журналистом Стюартом О'Наном написал книгу «Верный» (Faithful). Публикация русскоязычного перевода книги планируется издательством «АСТ» в 2006 г.

Джунипер-Хилл — психиатрическая лечебница, неоднократно упоминавшаяся в произведениях Стивена Kinga.

Логан — международный аэропорт Бостона.

Хэнкок-Билдинг — высотное административное здание, названное в честь Джона Хэнкока (1737 — 1793), бостонского купца, одного из лидеров борьбы за независимость английских колоний в Северной Америке. Как председатель Континентального конгресса, первым поставил свою подпись под Декларацией независимости.

Пру (Пруденшл тауэр) — административно-торгово-жилой комплекс. Хэнкок-Билдинг и Пру — два самых высоких здания Бостона.

ПУБ — полицейское управления Бостона.

«Т» (train) — аналог московского «М» (метро). В Бостоне этот вид общественного транспорта — трамвай из двух (иногда из одного, реже — трех) вагонов, движущийся под землей в центре города и по поверхности на окраинах.

Золотые часы обычно вручаются при выходе на пенсию.

Начало XVIII века, характерные отличия стиля — простота и изящество. Стулья с гнутыми ножками.

Вейритек Джейсон — игрок победного состава «Ред сокс».

Сиротка Энни — персонаж комиксов художника Гарольда Грея (с 1924 г.) и радиопостановок, любимая героиня американских детей 1920-1930-х гг.

Чикагский пожар 8 — 9 октября 1871 г. уничтожил более 17 тысяч зданий, унес не меньше 250 жизней, оставил без крова порядка 100 тыс. горожан (треть населения города). Причины пожара неизвестны, но версий более чем достаточно.

Центр Ванга — культурно-просветительная и учебная некоммерческая организация.

Промежуточная школа — один из этапов обучения по схеме: начальная-промежуточная-средняя школа, рассчитан на детей в возрасте от 9 до 13 лет (4 — 8-е классы).

Кабельный телевизионный канал, по которому в основном демонстрируются фильмы.

Соккер — так в США называют привычный всем футбол.

Мост через реку Мистик — одна из достопримечательностей Бостона.

Коммонуэлс-авеню — центральная улица района Бэк-Бей. Спланирована на манер парижских Больших бульваров. Застроена красивыми старинными домами.

Старый броненосец — «Констительюшн», военный корабль, спущенный на воду в Бостоне в 1797 г. и принявший участие в 42 морских сражениях. Самый старый военный корабль, находящийся в настоящее время на плаву. Один из музеев Бостона.

Ураган Катрина, обрушившийся на Атлантическое побережье США в 2005 г., стал самым разрушительным за всю историю страны. Особенно пострадал г. Новый Орлеан и прилегающие к нему районы.

Применительно к сети кафе быстрого обслуживания «У Денни», «Золотой возраст» — 50 лет.

Мобилопсихи — люди, которых превратил в безумцев импульс (сигнал, команда), полученный по мобильнику.

«Бостонские кельты» — профессиональная баскетбольная команда.

Трилистник — эмблема Ирландии. В Бостоне и его окрестностях велика прослойка людей, предки которых приехали в Америку из Ирландии.

Тарифный план, при котором неиспользованные в этом месяце минуты переходят на следующий.

«Флит-Центр» — основная спортивная арена Бостона, на которой проводят домашние матчи профессиональные баскетбольная и хоккейная команды города, соответственно «Кельты» и «Медведи».

Риверс Гленн «Док» Энтон — известный игрок и тренер, тренирует «Бостонских Кельтов» с апреля 2004 г.

«Беби найк» — линия кроссовок, разработанная и выпускаемая компанией «Найк» для малышей, которые только-только начали ходить.

Deja vu — уже было (фр).

Лампа (фонарь) Коулмана — лампа, в которой источником света является горящий сжиженный газ. Названа по фамилии Уильяма Коффина Коулмана (1870 — 1957), ее изобретателя (первая модель появилась в 1901 г.) и создателя компании, которая эти лампы до сих пор и производит.

За эти полоски на вырезанные из журналов бумажные фигурки цепляется надеваемая на них бумажная же одежда.

«Мейс» — товарный знак слезоточивого газа, применяемого для самообороны, а также полицией против участников уличных беспорядков. Вызывает головокружение, потерю двигательных функций и т.д.

Отец О'Молли — главный герой фильма «Идти своим путем» (1944), наставлявший трудных подростков на путь истинный.

«НСА» — Национальная стрелковая ассоциация, влиятельная общественная Организация, основанная еще в XIX в. Активно борется за право граждан иметь оружие.

Желтая лента символизирует поддержку вооруженных сил США

Свами — обращение к брамину (инд.).

Кленси Том — современный американский писатель, на страницах романов которого читатель частенько находит описания достижений современной науки и техники, используемых в военных целях.

Touche — сдаюсь (фр.).

Мост Закима — мост через главную реку Бостона, Чарльз, построенный в 2002 г. Назван в честь Леонарда П. Закима (1953 — 1999), который более 20 лет «строил мосты» между этническими общинами Бостона.

Девять-одиннадцать — так в Америке принято называть 9 сентября 2001 г., день, когда захваченные арабскими террористами самолеты врезались в башни-близнецы Всемирного торгового центра.

Национальная гвардия — добровольческие вооруженные формирования, создаваемые в Штатах. Входят в состав сухопутных войск и ВВС.

Штат Луизиана в максимальной степени пострадал от урагана Катрина. Ликвидацией последствий занималась и Национальная гвардия.

Шиллинг Курт — игрок бостонской бейсбольной профессиональной команды «Ред сокс».

«Большая команда» — прозвище профессиональной команды «Нью-Йоркские янки», которая чаще других выигрывала чемпионат страны.

«Мирное царство» — картина Эдуарда Хикса (1780 — 1849), американского художника-самоучки, квакера и проповедника. На известный библейский сюжет «Волк будет жить вместе с ягнёнком...» Хикс написал несколько произведений.

«Марш пингвинов» — фильм, вышедший на экраны США в 2005 г.

Отборочный тест — стандартизированный тест, проводимый централизованно Советом по вступительным экзаменам в колледж. Определяет знание английского языка (грамматики и лексики) и математики в объеме средней школы. Соответственно состоят из трех частей: чтение, письмо, математика (максимальное число баллов по каждой — 800).

Ван Хален Эдди (р. 1957) — современный американский певец, родился в Голландии.

«Рассвет мертвецов» — еще один фильм о зомби Джорджа Ромеро, вышедший на экраны в 1978 г. Скорее всего Алиса говорит о нем, а вот Клай, в следующей фразе, о римейке 2004 г.

«Пони-экспресс» — почтовая служба фирмы «Рассел, Мейджорм энд Уодделл», которая использовала перекладных лошадей и индейских пони и действовала между г. Сент-Джозеф, штат Миссури, и г. Сакраменто, штат Калифорния, с апреля 1860 г. по октябрь 1861-го. Рассказы и легенды о смельчаках из «Пони-экспресса» стали неотъемлемой частью истории освоения Дикого Запада.

Фолуэлл Джерри (р. 1933) — проповедник, христианский евангелист, выступавший с программой «Традиционный евангельский час». В 1979 г. основал движение «Моральное большинство», которое поддерживало крайне консервативных политиков.

«Дикси» — собирательное название южных штатов. Песня «Земля Дикси» (Dixie's Land) после образования Конфедерации стала ее гимном.

Трилби — мягкая мужская фетровая шляпа с вмятиной на тулье. Названа по имени одноименного романа Джорджа Дюморье (1834-1896).

Уолпол — тюрьма штата Массачусетс в одноименном городе.

Особой популярностью у коллекционеров пользуется модель 1953 г.

К северу от Бостона находится штат Нью-Хэмпшир, а за ним — штат Мэн, к югу и западу — штат Нью-Йорк, к востоку — Атлантический океан, а к юго-востоку — штат Род-Айленд.

В Нью-Йорке существует миф о том, что в канализационной системе города живут крокодилы.

Болтон Майкл (р. 1953) — американский певец, известный исполнением рок-баллад.

Bienvenue — добро пожаловать (фр.).

Браун Лес (1912 — 2001) — известный американский музыкант и руководитель нескольких оркестров.

Котсуолдс — живописный район Новой Англии, известным «пологими холмами и спящими деревушками, словно перенесенными из Англии». Пользуется популярностью у любителей пешего туризма.

Коста Дон (1925 — 1983) — известный гитарист, руководитель оркестра.

Манчини Генри (1924 — 1994) — знаменитый американский композитор. Автор музыки к 437 фильмам.

Уэлк Лоренс (1903 — 1992) — известный американский музыкант, руководитель оркестра.

Сестры Леннон — певческий квартет (Диана, Пегги, Кэти и Джанет), получил общенациональную известность в 1955 г. после выступления в еженедельном шоу Уэлка Лоренса.

Лон Алиса (р. 1926) — известная американская киноактриса и певица.

Флорен Майрон — известный американский музыкант, много работал с Лоренсом Уэлком.

«AC/DC» — известнейшая австралийская группа, играющая хард-рок. Создана в 1973 г.

Марсалис Уинтон (р. 1961) — потомственный американский музыкант, один из лучших современных исполнителей, играющих на трубе. Горелик Кении (р. 1959) — известный американский саксофонист, блестяще играет и на трубе.

Английское слово rock среди прочего означает «рок-н-ролл» и «тряска». С другой стороны, некоторые критики пренебрежительно называли творчество Кении Джи «музыкой для лифтов». Так что шутка, возможно, ответ этим критикам.

Подготовительная школа — дорогостоящая частная школа по подготовке абитуриентов к поступлению в престижные колледжи. Среди наиболее известных и самых дорогих — школы-интернаты в г. Экзетер и Милтоп.

Фраза оригинала Notverybravenewworld (не очень храбрый мир) — аллюзия на роман Олдоса Хаксли «Very brave new world» («О дивный новый мир»).

Мидлер Бетт — современная американская киноактриса и певица.

Бун Дебби (р. 1956) — современная американская певица.

Мистер Чипс — центральный персонаж романа Джеймса Хилтона «До свидания, мистер Чипс» (1935) и одноименного фильма (1939), учитель латыни, отдающий все силы и любовь ученикам. Синоним учителя, преданного своему делу.

Джин Винсент (Винсент Юджин Крэдок, 1935 — 1971) — известный американский певец, классик раннего рок-н-ролла. «Блу кэпс» — его аккомпанирующая группа, созданная в 1955 г. и распавшаяся в 1958 г.

Lemotjuste — точное слово (фр.).

Дин Мартин (Дино Пол Кросетти, 1917 — 1993) — американский певец и актер.

Макнерд — имя нарицательное (Мак — от «макинтоша», нерд (nerd) — «ботаник»), человек, который, кроме компьютеров, знать ничего не хочет.

Гигабайт равен примерно 1 миллиарду байтов (2 в 30 -й степени. 1 073 741 824 байта).

Гуголплекс — единица с гуголом нулей, гугол — единица со ста нулями.

В нашей реальности Карибский кризис датируется 1962 г.

Речь идет о дополнительной патрубке, через который слипаются остатки бензина, скажем, при профилактических работах. Основная горловина в напорных баках чуть приподнята над дном, чтобы в магистраль не попадали твердые примеси. Никакого шланга в гараже и быть не могло, потому что для слипа остатков топлива хватило бы большого ведра, в крайнем случае бочки.

«Карпентеры» — вокальный дуэт брата Ричарда (р. 1956) и сестры Карен (1950-1983) Карпентер.

Чудо-мальчик — Робин, помічник Бэтмена.

СП — сжиженный пропан.

«Туинкис» — печенье с кремовой начинкой. Выпускается с 1930 г. по рецепту чикагского кондитера Джеймса Дьюара. Считается классической суррогатной пищей (junk food).

Моби — не только кит, но и одна из звезд американской эстрады. Как-то раз Эмпием назвал Моби «маленькой девочкой».

Уомек Ли Энн (р. 1953) — современная американская певица.

Вуд Уоллес (1927 — 1981) — известный американским карикатурист и автор многочисленных комиксов.

Зантак — противоязвенный препарат.

Менструация эго — периодические и болезненные приступы самоуничужения.

Ecce homo—insanus. — Вот мужчина — безумный (лат.).

Ecce femina—insana. — Вот женщина — безумная (лат.).

Esse рису — insanus. — Вот ребенок — безумный (лат.).

«Уилл и Грейс» — комедийный сериал, главные герои которого адвокат-гей Уилл и Грей, дизайнер интерьеров с нормальной ориентацией.

Пекинпа Сэмюэль Дэвид (1925-1984) — американский режиссер и сценарист, работал в жанре вестерна.

Псалом 39:12 — 16. Адаптация Тома главным образом состоит в замене «я» на «мы». «Прах земной» — из другого библейского текста (Бытие, 7:2): «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою».

В штате Мэн порядка 2,5 тысячи озер. Себаго — озеро на юге штата, неподалеку от города Портленд. Популярное место отдыха.

Муниципальная квазикорпорация — административно-территориальная единица, частично обладающая правами юридического лица, но не пользующаяся правом полного самоуправления. Говорить о развитой инфраструктуре на такой территории не приходится.

TR-90 — территория, конечно же, дикая. Недаром там потерялась Триша (см. роман С. Кинга «Девочка, которая любила Тома Гордона»).

«Орео» — печенье черного цвета с белой прослойкой.

Диллинджер Джон (1902 — 1934) — известный преступник, совершивший серию ограблений банков. Убит агентом ФБР.

Фоксборо — город в штате Массачусетс, где базируется профессиональная футбольная команда «Патриоты Новой Англии».

Пятидесятиярдовая линия — часть разметки поля для американского футбола.

Левиты — священнослужители у древних евреев. Здесь Том вспоминает Евангелие от Луки (10:25 — 37), историю Христа о добром Самарянине, в которой описывается, как левит прошел мимо человека, раздетого и израненного разбойниками, не оказав тому помощи.

«Холл и Оутс — дуэт певцов и музыкантов (Дарил Холл, р. 1949, настоящее имя Дарил Франклин Холл, и Оутс, р. 1949), получивший известность исполнением баллад в жанре соул.

Клай намекал жене на фильм «Последний дом слева» (1972) режиссера Уэса Крейвена о жестоком, прямо-таки садистском убийстве двух девочек и о еще более жестокой мести убийцам отцом одной из них.

Kent Pond — дословно, пруд Кент.

«Портлендские тюлени» — профессиональная баскетбольная команда.

Микмак — индейское племя, проживающее главным образом в Канаде. В США индейцы этого племени живут на северо-востоке штата Мэн и в Массачусетсе.

Желтая кирпичная дорога (подробнее в сказке Ф. Баума «Волшебник страны Оз») — для американцев олицетворение пути, в конце которого человека ждет достижение цели или воплощение мечты.

Страйк — в бейсболе пропущенный бэттером удар. После трех страйков бэттер выбывает из игры. Кроме того, в США в 1990-х годах были приняты так называемые законы «трех страйков» — после третьего правонарушения наказание становилось гораздо более суровым.

Наверное, следует отметить, что внешне Дэниэль Хартуик подозрительно похож на Джорджа Ромеро.

Псевдоподии — временные цитоплазматические выросты у одноклеточных организмов и у некоторых клеток. Служат как для передвижения, так и для захвата пищи.

«Малая лига» — объединение детских бейсбольных команд.

Уэйкфилд Тнм — один из игроков победного состава «Ред сокс».

«С семи до одиннадцати» — сеть однотипных продовольственных магазинов. В ассортимент входит также ограниченный набор товаров повседневного спроса и журналы.

«Призрак дома на холме» — научно-фантастический роман Ширли Дженсон, опубликованный в 1959 г. Фильм по роману вышел на экраны в 1999 г.

То есть Клай пользуется текстовым редактором, графическим и электронной почтой.

МЗМП («мусор зальешь — мусор получишь») — компьютерный термин, говорящий о том, что программа выдает бессмысленный результат при бессмысленных входных данных.

Речь идет о последней на момент выхода книги (2005 г.) экранизации романа Герберта Уэллса.

Linguafranca — универсальный язык (лат.).

Ядовитый дуб (poisonoak) — североамериканское растение семейства сумаховых типа плюща, который стелется по земле. Листики похожи на листья дуба, но в отличие от дуба они растут по три. Из того же семейства — ядовитый плющ (poisonivy — листья как у плюща, тоже по три) и сумах (sumac — листья не тройные и больше похожи на папоротник). У всех трех растений листья часто имеют красноватый оттенок. От прикосновения этих растений на теле остаются линии. Потом начинается настоящий ад — царапины ужасно чешутся, яд распространяется по всему телу, и ощущение, что все тело как в огне. В России они не встречаются.

Чуть подправленная библейская цитата: «В доме отца моего обителей много». Евангелие от Иоанна, 14:2.

ФЕМА (FEMA — Federal Emergency Management Agency) — Федеральное агентство по управлению страной в чрезвычайных ситуациях, создано в 1979 г. с целью координации действий федеральных органов власти в чрезвычайных ситуациях, возникающих в результате человеческой деятельности, стихийных бедствий или ядерной войны. Агентство действует в тесном контакте с властями штатов и местными властями.

Контрольный пост — будка кассира-контролера на въезде на платную автостраду.

Карни — сотрудники компания, которая занимается организацией ярмарки, устанавливает павильоны и аттракционы, обеспечивает их техническое обслуживание во время ярмарки, разбирает после ее окончания.

Джилл Вине (р. 1957), Джексон Алан (р. 1959) — известные певцы и музыканты стиля кантри. Алан Джексон котируется выше, претендуя на титул короля кантри.

В США законы, регулирующие игорный бизнес, очень строги. На территории едва ли не всех штатов казино и игровые залы запрещены. А вот индейские резервации имеют определенные льготы.

Альбинони Томазо (1671 — 1750) — итальянский композитор, скрипач.

Пахельбель Иоганн (1653 — 1706) — немецкий композитор, органист.

«Джуньор мент» — шоколадные батончики с ментоловой начинкой.

«Баттенфингер» — шоколадный батончик с начинкой из орехового масла.

Finita— конец (ит.).

Nada— нет (исп.).

Форе Габриель (1815 — 1924) — французский композитор, в музыке которого преобладали лирические мотивы.

Зиллион (англ. zillion) — общее название для очень больших чисел. Этот термин не имеет строгого математического определения.

Линия Мэйсона-Диксона — южная граница штата Пенсильвания. До начала Гражданской войны символизировала границу между свободными и рабовладельческими штатами.

Дамбо — слоненок, герой одноименного мультфильма (1941 г.).

День благодарения — национальный праздник США, четвертый четверг ноября.

Хэллоунн — 31 октября, канун Дня всех святых.